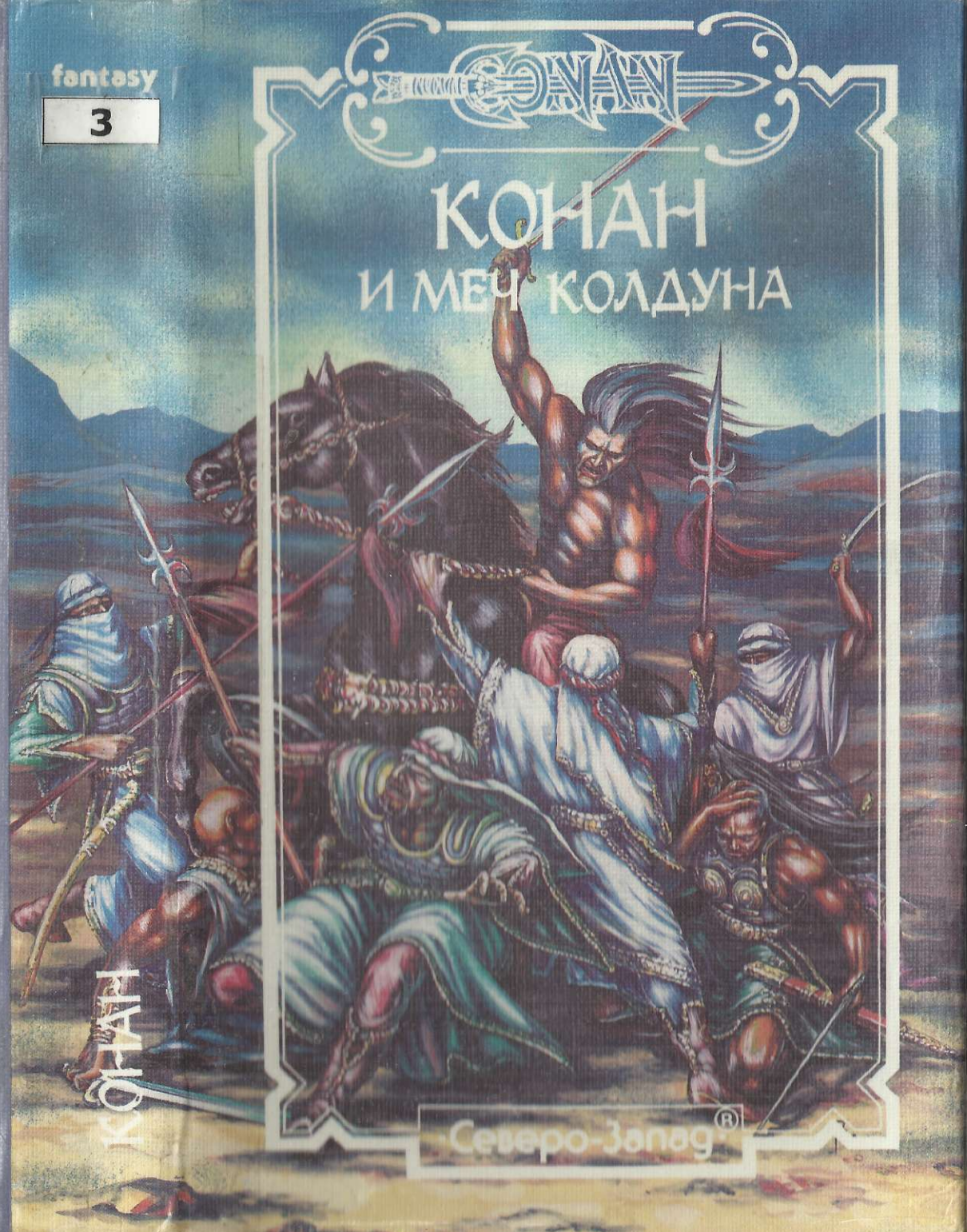
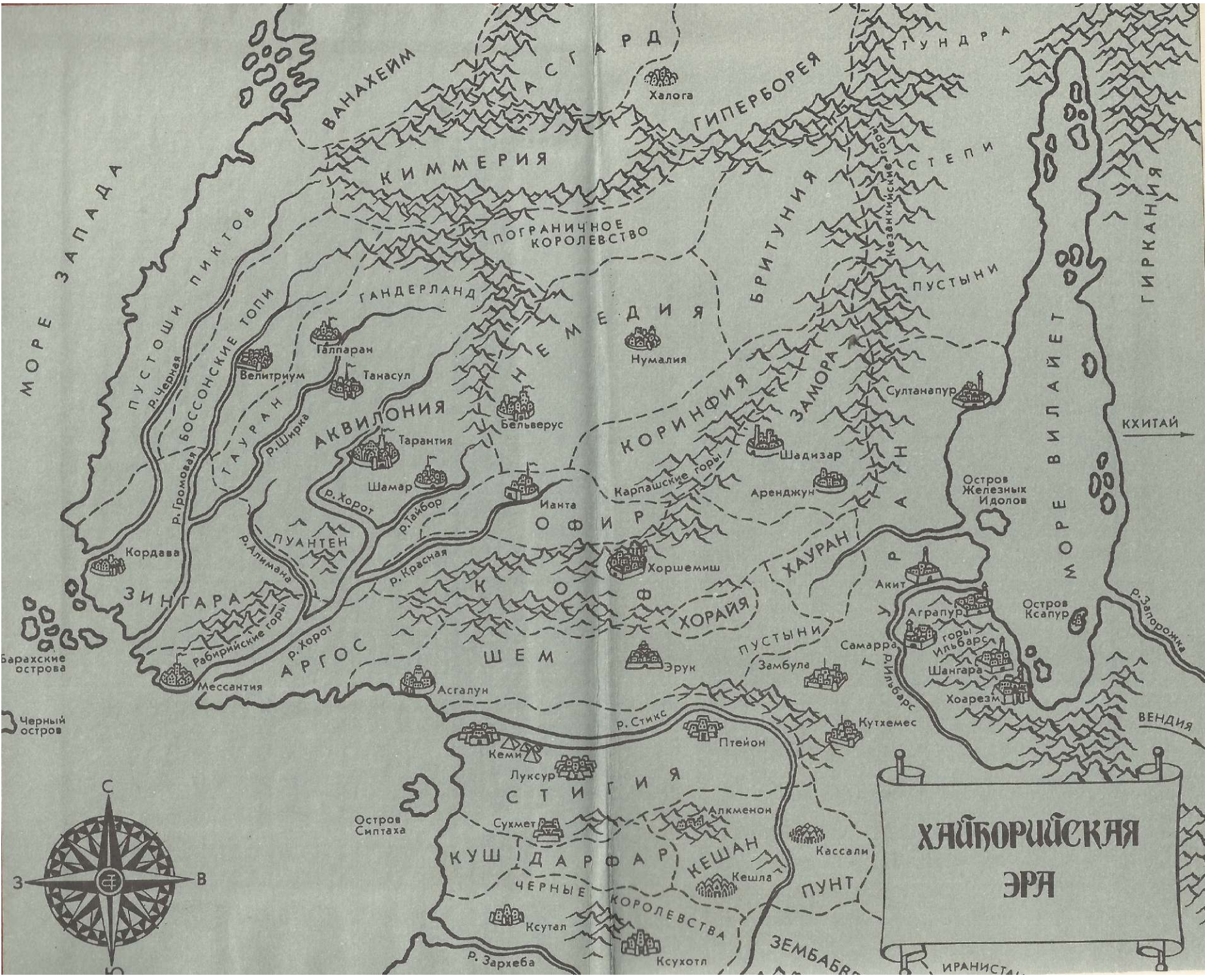

fantasy

3

КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

К64 **Конан и Меч Колдуна: Романы, новеллы/Пер.**
с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993 — 478 с.
ISBN 5-8352-0273-3

Знаменитую сагу о Конане из Киммерии продолжает эта книга — «Конан и Меч Колдуна». В нее вошел роман Роберта Говарда и Эндрю Оффута «Меч Скелоса», где каждая строчка — обжигающий смерч хайборийских пустынь, каждое слово — удар клинка.

Настоящее издание так же открывает читателям новое имя. Это — Дуглас Брайан, американский писатель-авангардист, который, как он сам впоследствии признавался, совершенно неожиданно для себя обратился к легендарному герою-варвару и написал четыре романа и цикл новелл о Конане. Книга «Конан и Меч Колдуна» знакомит читателя с первым романом Дугласа Брайана «Золото гномов» (1969 г.). Удивительные похождения Конана в диких степях Востока, в стране Серых Обезьян написаны прекрасным языком, динамично и с присущим Д. Брайану неподражаемым юмором.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

- © Куцкова И., Хасцкая Е., Чех А., перевод, 1993
- © Издательство «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993
- © СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0273-3

1. РЫЖИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

В ескрайни гирканские степи. На север от города Разадана до самых гор, где живут серые обезьяны, простираются они, и когда путник, миновав внутреннее море Вилайет, оказывался к востоку от побережья, и стены и башни прибрежных городов — Кешана ли, Маккалета или же Разадана — оставались за спиной, он попадал в царство пыли да ковыля, и чудилось, что этой однообразной равнине не будет конца.

Одинокого путника на покладистой гнедой кобылке не слишком волновали подобные размышления. Сказать по правде, куда больше его интересовало другое: где раздобыть немного еды на ужин, поскольку в Разадане он сумел запастись весьма скудным провиантом, который чересчур быстро подошел к концу.

Всадник был молод. Если бы не мрачное выражение лица и беспощадный холод в синих глазах, сверкающих из-под нечесаной копны длинных черных волос, так и подмывало бы назвать его «мальчиком». Однако Конан из Киммерии уже давно не был мальчиком. Он был мужчина и воин, бродяга-варвар из далекой северной страны, успевший за недолгие годы закалиться в дюжине сражений. Сейчас он отправлялся на восток, не имея никаких определенных планов. Вернее, план у него был — Конан намеревался в один прекрасный день завоевать весь мир, иметь много золота, купаться в роскоши, наслаждаться ласками влюбленных женщин и время от времени развлекаться грандиозной кровавой битвой, когда прискутит все остальное. Ибо

битва, по глубочайшему убеждению Конана, — единственное, что никогда не может утомить однообразием. Но поскольку будущий покоритель царств владел в настоящее время лишь старым двуручным мечом, рукоять которого торчала над его бронзовым от загара плечом, да гнедой кобылкой, купленной по случаю на краденые деньги, то и мысли его не заносились слишком высоко. Он был голоден.

Солнце уже клонилось к закату. Ночи наступали здесь мгновенно: тьма проглатывала последний солнечный луч и тут же заливала необъятные степные просторы чернильной чернотой, щедро метнув на небо пригоршню сверкающих звезд. И вместе с тьмой на землю опускался холод.

Подумав, Конан остановил лошадку и спешил. Он проклинал себя за то, что не обзавелся луком со стрелами. Мог бы убить дейрана... Хотя вряд ли, стрелок он был неважный. Предпочитая любому оружию добрый старый двуручный меч, не брезгуя при случае топором или кинжалом, по части стрельбы в цель Конан был слабоват. Как все киммерийцы, он отдавал предпочтение ближнему бою и наслаждался рукопашной схваткой, в которой не знал себе равных.

Он заметил норку мышки-полевки, вынул из ножен свой огромный меч и пошуровал там, надеясь подцепить зверька на острие. Безрезультатно. Осмотрев клинок с таким видом, будто старая сталь была виновата в том, что не сумела поймать для своего хозяина даже мыши, Конан пожал плечами. В конце концов, человек должен уметь переносить голод, холод и пытки, иначе грош ему цена.

С этим похвальным рассуждением он привязал лошадь к кусту чертополоха, завернулся в свой старый плащ и заснул на голой земле под тихое сияние угасающего заката.

Проснулся он на рассвете, мокрый от выпавшей росы, однако разбудил его не холод. Голоса. Не далее, как в миле отсюда, были люди. Голоса были довольно громкие, уверенные, следовательно, говорившие в сте-

пи — у себя дома и ничего не бояться. Вероятнее всего купцы — караван из Аграпура, направляющийся в далекий Кхитай. Тем лучше, хищно усмехнулся Конан. В караване всегда есть чем поживиться.

Недолго раздумывая, он стряхнул с себя росу, заодно и умывшись, отвязал лошадку и сел в седло, забросив ножны с мечом за спину.

Не переча, кроткая кобылка лишь покосилась большим карим глазом на своего хозяина, когда тот плюхнулся в седло всей тяжестью своего изрядного веса — сто восемьдесят фунтов, преимущественно стальной мускулатуры и крепких костей.

Вскоре показались люди. Увидев их, Конан вздохнул. Ему положительно не везло с тех пор, как глинобитные стены Разадана остались позади. Он рассчитывал встретить плохо охраняемый караван и без помех разграбить его, обратив в бегство и поубивав трусливых охранников, а вместо этого увидел пятерых крепко сбитых мужчин, одетых в такую же поношенную одежду, что и он сам. На этом сходство между ними и Конаном не исчерпывалось. Как у всех, кто «ест с клинка», то есть зарабатывает себе на жизнь когда разбоем, а когда и службой в какой-нибудь армии, где дисциплина послабее, а военачальники поговорчивее в тех случаях, когда речь заходит о взыскании контрибуции, оружие у них находилось куда в лучшем состоянии, чем все остальное. Хищные обветренные физиономии, выгоревшие на жарком солнце волосы, поджарые тела, — все это яснее ясного характеризовало незнакомцев как компанию отъявленных головорезов.

Они столпились возле большой ямы и, оживленно галдя, с увлечением тыкали в нее древками своих пик. Из ямы доносилось шипение, невнятное бормотание и глухое рычание, как будто там бесновался пойманный дикий зверь. Разбойники были так поглощены своим развлечением, что не сразу заметили появление Конана. Киммериец подъехал к ним совсем близко. Гнедая кобылка ткнула мордой в спину одного из склонив-

шихся над ямой — в широкую, крепкую спину, облаченную в лопнувшую кожаную куртку с темными потеками пота и белыми пятнами соли под мышками и на лопатках.

Только тогда они спохватились и мгновенно ощерились пиками.

Конан развел руки в стороны, показывая, что не затаил кинжала или другого оружия.

— Ты кто? — повелительно крикнул рослый воин с желтыми прямыми волосами. В ухе у него качалась серебряная серьга в виде полумесяца, правое запястье охватывал широкий серебряный же браслет с небольшими шипами, расположенными попарно — видимо, символ женских грудей. Все это Конан увидел мгновенно. В Разадане что-то толковали о старой полузапрещенной богине, проливающей на эту иссушенную жаром землю благодатную влагу, сцезивая ее из своих сосцов. Храм Матери Дождя находится, как ему теперь вспомнилось, где-то в степях, чуть севернее реки Запорожки. Следовательно, быстро прикинул Конан, эти пятеро вполне могут быть запорожскими казаками — говорят, драчливые воины этого боевого братства чтут Мать Дождя и порой приносят ей довольно кровавые жертвы.

— Я Конан из Киммерии, — ответил юноша громко и тут же спросил: — А ты кто, сын Матери Дождя?

На суровом лице желтоволосого мелькнула улыбка.

— Я Аскольд Из-За Порога, — ответил он. — Если ты из нашего братства, то добро пожаловать, Конан.

Он говорил с жестким акцентом, и имя киммерийца прозвучало гортанным «Хонан».

— Я охотно воспользовался бы вашим гостеприимством, Аскольд Из-За Порога, — ответил Конан. — Однако не стану лгать, я не из вашего братства.

— Откуда же ты знаешь о Матери Дождя? — спросил Аскольд и снова поднял опущенную было пику.

— Слышал в Разадане, когда покупал лошадь.

— Живые рассказы трусов, чьи мозги заплывли жиром, пока они отсиживались за стенами и дышали

смадом подгоревшей пищи и собственных испражнений, — резко сказал другой воин, пониже Аскольда, но пошире его в плечах. — Не будь я Инго Осенняя Мгла, если они не наплели тебе с три короба всякой ерунды.

— Я их не слушал, — ответил Конан. — Так, краем уха. Зачем мне чужие боги, если у меня есть мой собственный. У нас в Киммерии для мужчины есть только один бог — Кром. Когда младенец явится на свет и запищит, старик глянет разок в его сторону и наделит волей, чтобы он мог, когда подрастет, убивать. А после уж отвернется и навек о нем забудет. И правильно. Его дара вполне достаточно, чтобы стать воином, а большего и желать нельзя.

Выслушав эту тираду, светловолосые бродяги одобрительно закивали и опустили пики. Только Аскольд все еще поглядывал на киммерийца настороженно и цепко.

— Где это — Киммерия? — спросил он.

— Далеко на севере.

Аскольд покачал головой, и серьга его блеснула на солнце.

— Никогда не слышал.

Из ямы снова донеслось ворчание. Конан спешил, снял седло и пустил кобылку пастись к лошадям запорожцев. Потом тоже подошел к яме и заглянул туда, ожидая увидеть попавшего в ловушку степного волка. Однако его глазам предстало нечто совершенно неожиданное.

По дну ямы метался, выкрикивая бессвязные угрозы, низкорослый рыжий человечек, коренастый, заросший до самых глаз бородой. На нем была курточка в полоску — красный цвет чередовался с ядовито-желтым, и синие штаны, заправленные в сапоги из мягкой кожи. Когда кто-нибудь из казаков тыкал в него древком, он подскакивал и разражался новым потоком проклятий, мешая слова нескольких языков и потрясая в воздухе короткопалыми, довольно толстыми ру-

ками, густо заросшими рыжим волосом. Это очень забавляло казаков.

— Во здорово! — восхитился Конан, по-детски ухмыляясь, и тоже потыкал в человечка рукоятью меча.

Человечек вскинул голову и засверкал узкими зелеными глазами с золотистым, вытянутым, как у кошки, зрачком.

Из того, что Конан сумел разобрать, половина была непристойностями весьма гнусного свойства, а половина — добрыми пожеланиями, как-то: чтобы конь сбросил мерзавца с седла в минуту решающей битвы, чтобы меч его не разил никого, кроме своего хозяина, чтобы ладыя его пошла ко дну, напоровшись на камни у Смертного Переката на бурной реке Запорожке...

Конан с удовольствием слушал грязную брань. Не так давно ему случилось осесть на довольно долгий срок в шелковой опочивальне одной знатной дамы — Митра свидетель, славная женщина! — и насмотреться там на самую изысканную роскошь. Конан решил, что коли ему предстоит впоследствии купаться в богатстве, нужно хотя бы выяснить, какие удовольствия можно из этого извлечь. В числе прочих диковин он увидел у нее золотые клетки с певчими птицами, которые, по мнению неотесанного варвара, пищали довольно противно и всегда не вовремя. Нет, никаких птичек, решил он про себя. Но вот этого коренастого рыжего человечка он с удовольствием посадил бы в золотую клетку, чтобы иметь возможность в любое время наслаждаться его великолепной бранью. Отличная штука, куда слаще пения.

Внезапно человечек прервал ругань, заметив среди склонившихся над ямой физиономий новую — обрамленную черными лохматыми волосами, синеглазую, юношескую. Жизнерадостная белозубая ухмылка от уха до уха, сверкавшая на загорелом до черноты лице, показалась ему довольно-таки глупой.

— А это что за отродье Нергала? — спросил он и потыкал в сторону Конана своей короткопалой рукой. — Кого еще ты взял в свою банду, Серебряная

Серьга? Неужели ты думаешь, что если я соглашусь показать, где спрятано золото гномов, этот парень позволит тебе и твоим дурням унести его без помех? Ей-ей, простоват ты, Серебряная Серьга, хоть и воображаешь себя вождем. О нет, Длинная Пика, Белая Борода, всем вам не жить, заснете навек с дыркой в ухе на каком-нибудь привале... Ибо сказано: бойся лстивого голоса да черного волоса. Он чужак. Зачем взяли его к себе?

— Какое золото? — спросил Конан у Аскольда, пропустив мимо ушей все обвинения, выдвинутые в его адрес рыжим человечком.

— Золото гномов... — задумчиво проговорил Аскольд. И тут толёко спохватился. — Золото, да не про тебя, — сказал он. — Я почему-то думаю, что тебе с нами не по пути, Конан из Киммерии.

— Почему же? — Конан широко улыбнулся и взял меч поудобнее. — Правда, я не убиваю по ночам, как советует ваш рыжий приятель, но от золота гномов не откажусь.

— Болван! — прошипел Аскольд. — Что ты можешь знать о золоте гномов!

— Только одно: что золото всегда кстати, чье бы оно ни было, гномов, великанов, драконов или самого Эрлика.

— Смотри ты, какой шустрый, — удивился Инго Осенняя Мгла. — Молод ты еще так рассуждать, парень.

Если Конан чего-то и не выносил, так это указаний на свою юность. Сам он свой возраст исчислял не годами, а битвами. Поэтому он сжал губы и смерил коренастого Инго мрачным взором.

— Как и о чем мне рассуждать — не тебе решать, Инго, — сказал он утрюмо.

— Вот что, — решительно проговорил Аскольд. — Послушай, что я скажу тебе, Конан из Киммерии. Много лет мы охотимся за золотом гномов. Мы подстроили эту ловушку, мы выследили гнома и долго гнали его по степи, грозя затоптать конями, пока он

не выбился из сил и не примчался, в поисках спасения, прямо туда, куда мы его гнали. И вот мы поймали его. Это стоило нам немало времени и сил. Почему ты думаешь, что можешь явиться на все готовое и потребовать свою долю? Степь широка. Езжай своей дорогой, мальчик из Киммерии, и пусть твой суровый бог улыбнется тебе еще раз.

— Я тебе не мальчик, — резко возразил Конан и потрянул головой. — Что касается остального... Степь широка, да тропинка узка. И я с нее не сойду.

Вместо ответа Аскольд сделал выпад пикой, целясь в широкую грудь Конана. Атака была столь внезапной, что Конан едва успел отклониться и закрыться мечом.

Теперь все обиды, вся злость и алчность, вспыхнувшие было в его простой душе, исчезли и осталось только холодное ровное пламя битвы. Конан погружался в схватку, полностью забывая себя, как любитель черного лотоса погружается в ароматы ядовитых курений.

Аскольд был опытным воином и умело обращался с тяжелой пикой, хотя драться конным было ему привычнее, чем пешим. Он нанес Конану уже две небольшие раны. Конан только оборонялся, не атакуя. Он выжидал. Холодные синие глаза варвара настороженно следили за каждым движением рослого желтоволосого казака.

Шаг за шагом Аскольд теснил киммерийца к яме. Конан отбил еще один выпад пики и вдруг молниеносным движением направил удар в незащищенный живот своего противника. Клинок пропорол кожаную куртку и вонзился в тело. Мгновение Аскольд стоял прямо, выронив пику и схватившись руками за меч Конана. Кровь выступила на его ладонях, так сильно сжал он обоюдоострый клинок. Затем изо рта у него вытекла струйка крови, и он рухнул на землю. Конан выдернул меч из тела. В ноздри ему ударило зловоние.

Четверо оставшихся казаков ошеломленно уставились на Конана. Глядя, как он отступает под натиском их предводителя, они уже полагали молодого кимме-

рийца убитым и никак не ожидали такого оборота дела. Конан холодно смотрел на них, готовый к новому поединку.

Со дна ямы донесся хриплый хохот.

— Один! — крикнул рыжий. — Ха! Молодцы! Кто следующий? Потешьте старика Алвари! Ах, сколько крови пролито вокруг золота гномов! Вы еще не видели его, а уже убиваете друг друга! Как же я повеселюсь, когда вы доберетесь до страны тумана и увидите в тусклом свете нашего северного солнца его волшебный блеск!

Гном метался по дну ямы, узкие копытные зрачки его зеленых глаз расширились от возбуждения, он размахивал кулаками и подпрыгивал. Сверху до него доносился тяжелый топот ног, обутых в сапоги, звон стали, тяжелое дыхание, вырывавшееся из воспаленных ртов. Вдруг над краем ямы-ловушки показалось смертельно-бледное лицо, рассеченное кровавой полосой. Из разверстого рта хлынула кровь. Алвари едва успел отскочить. Лицо поникло, и бледная рука с посиневшими ногтями бессильно упала рядом, два раза дернулась и обмякла.

— Второй! — проскрежетал гном. — А киммериец молодец. Эй, киммериец! — завопил он во всю глотку и даже приподнялся на цыпочках, вытягивая шею. — Молодец, киммериец! Бей их! Руби! Золото твоё! Завоюй его, убей этих ублюдков, недостойных коснуться сокровища страны туманов! Ха, вот славная потеха! Наконец-то и меня развеселили люди!

Третий труп свалился в яму через несколько минут и всей тяжестью обрушился на гнома, придавив его. Удар был так силен, что маленький человечек потерял сознание.

Он очнулся от того, что его выволакивают из ямы, довольно бесцеремонно ухватив за шиворот и кожаный пояс. Труп, едва не задушивший Алвари в своих липких объятиях, уже исчез из ловушки. Он был аккуратно уложен на траву рядом с остальными — гном насчитал четверых, включая желтоволосого Аскольда.

Сильные руки держали его в висячем положении. Гном начал извиваться, норовя пнуть короткой толстой ногой в сапоге человека между глаз. Он уже увидел черные волосы победителя — стало быть, киммериец выиграл. Что ж, весьма сомнительная удача, подумал гном злорадно, но не стоит кричать об этом раньше времени. Варвар туп, неизвестно, что придет в его деревянную голову в следующий миг. Пока что Алвари осыпал его бранью и делал отчаянные попытки вырваться.

— Ну ладно, — добродушно усмехнулся Конан и бросил Алвари на землю. Гном рухнул на степной ковыль. От удара он закашлялся, потом тяжело вздохнул и перевел дыхание.

Пока гном отплеывался и приходил в себя, варвар уложил в яму-ловушку все четыре трупа, кое-как присыпал их землей, обтер руки о штаны и уселся на землю рядом со своим пленником.

— Где пятый? — осведомился гном таким тоном, точно он был рачительным хозяином и не досчитался в своем стаде одного ягненка.

— А, — отмахнулся Конан. — Сбежал.

— И ты отпустил его? — возмутился гном. — Болван ты, скажу я тебе.

Глаза Конана сузились, в них мелькнул опасный огонек.

— Я не уверен, что тебе стоит знакомить меня с каждой глупостью, которая рождается под твоими рыжими патлами, — негромко произнес варвар. И для большей наглядности он поднес к распухшему носу гнома свой огромный кулак.

— Зато я уверен, — нагло отрезал гном. — Этот пятый через пару дней нападет на твой след. И не один, а с хорошим подкреплением.

Поразмыслив, Конан решил, что гном не так глуп, как кажется с первого взгляда. К тому же, у киммерийца было более неотложное дело, нежели перебранка с несносной нечистью.

Поэтому вместо ответа варвар просто пожал плеча-

ми, снял куртку и принялся осматривать свои раны. Не считая многочисленных царапин, внимания заслуживали всего две: одна на груди, под правой ключицей, и вторая — на ладони левой руки. Конан сжал и разжал пальцы, корча при этом гримасы.

— Что? Наподдали тебе, а? Правильно, так тебе и надо. Другой раз не будешь совать нос не в свое дело, — с удовольствием произнес Алвари.

— Если б я не сунул нос, тебя бы уже волокли на веревке за казацкой лошадью, — огрызнулся Конан.

— А мне все равно, что казаки, что ты, — сказал гном и вздохнул. — Ты, может, еще хуже казаков. Слышал, как ты хваливал своего бога. Ничего себе бог! У вас там, в Киммерии, все такие, как ты?

— Все, — мрачно сказал Конан.

— Ну и страна! Поневоле начнешь возносить хвалы пресветлому Митре, что не угораздило там родиться! Провести всю жизнь среди таких рож, как твоя, — от этого самого бесстрашного гнома может бросить в дрожь!

Конан не ответил. В ядовитом замечании гнома касательно погони было зерно истины. Так просто казаки от золота не откажутся. Скорее всего, в ближайшее время за ним действительно вышлют погоню. Как только станет известно, что какой-то варвар из северной страны перехватил Аскольдова пленника, а самого Аскольда убил, казаки озвереют. Это было очевидно. Конан и сам бы озверел, окажись он на их месте.

Из задумчивости его вывел уже изрядно надоевший хриплый голос гнома:

— Эй ты, дылда! Покажи, где тебя продырявили.

— Что?

— Дай рану осмотрю, говорю.

Гном бесцеремонно толкнул Конана и ухватил своими короткими, поросшими рыжим волосом пальцами края раны на груди. Конан сжал зубы. Грязные пальцы больно тискали и жали рану, пачкаясь в крови. Привстав на цыпочки, гном пробубнил несколько слов,

видимо, заклинания, а потом вдруг громко, раздраженно произнес:

— Да сядь ты толком, верста! Видишь же, что мне не дотянуться. Ростом вышел, а ума не набрался. Мне губами нужно коснуться.

— А чего меня губами касаться? — хмуро спросил Конан. — Я же не девка.

Однако сел, подчинившись маленькому существу, повелительно сверкавшему на него зелеными щелками глаз.

Склонившись над рукой, зажимающей края раны, гном залопотал на странном языке, все сильнее впиваясь пальцами в тело Конана. От боли у варвара зазвенело в ушах. Гном несколько раздохнул и отпустил. Боль сразу прошла. На месте раны остался только розовый шрам. Конан потрогал шрам, покачал головой и вместо благодарности только и сказал своему пленнику:

— Ты голоден?

— Нетрудно догадаться, — фыркнул гном.

Конан сгреб валявшиеся на земле седельные сумки, которые он заботливо перенес в одно место, считая их содержимое честно завоеванным трофеем. Из одной он вынул кусок твердого сыра, черствую лепешку и немного вяленой рыбы. Гном тем временем по-хозяйски пошарил в другой и извлек оттуда кожаную флягу, к которой тут же приложился, жадно и громко глотая. Наконец он обтер рот и впился зубами в вяленую рыбу.

Конан глотал сыр, почти не прожевывая куски, как собака.

— Ну, — деловито произнес гном, как только утолил первый голод. — Что будешь делать теперь, дражайший варвар?

— Попытаться тебя, — ответил Конан, зевая во весь рот. От сытости его потянуло в сон. Он пошарил в кошеле, болтавшемся у него на поясе, достал огниво и вырвал из почвы засохший кустик чертополоха. — Раскаленный кинжал дает неплохие результаты, гово-

рил мне офирский палач, когда мы пили с ним в одном кабаке в славном городе Ианта... Большой душой был человек. Рассказывал — заслушаешься...

— Эй, эй, — произнес гном, вдруг не на шутку встревожившись. — Тебе не кажется, что ты впадаешь в крайности?

— Да? — протянул Конан и посмотрел прямо в зеленые глаза-щели. — Ты так считаешь, distinguished Алвари? Но ведь мне хочется разузнать про золото гномов. Разве есть другой способ это сделать?

— Есть, — твердо сказал гном.

— Ну-ну, послушаем. — Конан сунул огниво обратно в кошель и принялся играть с кинжалом, втыкая его в землю.

— Оставь оружие в покое, — посоветовал гном. — Нечего тупить его без всякой пользы.

— Так как насчет другого способа? — напомнил Конан.

— А, ты об этом... Ну, способ простой. Не пытать меня.

Конан расхохотался.

— Да, из тебя советник хоть куда. Удивляюсь, почему ты до сих пор бродишь по степи, вместо того, чтобы нашептывать на ухо какому-нибудь владыке.

— Правда, Конан. Я приведу тебя к золоту гномов. Ты увидишь его, коснешься руками...

— И заберу? — уточнил Конан.

— Это уж как у тебя получится, — загадочно ответил Алвари.

— Ты со мной шутки не шути, — посоветовал Конан и снова потянулся за кинжалом.

— Я не шучу. Клянусь тебе четырьмя сторонами света, Конан, я приведу тебя в страну туманов и покажу тебе золото гномов. А остальное уж зависит от тебя.

— Я сумею его забрать, — уверенно сказал Конан. — Мне бы только знать, где оно находится.

— Это можно, — сказал Алвари. — А теперь послу-

шай моего совета, Конан: давай не будем расслаиваться. До гор Седых Обезьян еще очень далеко, а казаки скоро начнут наступать нам на пятки.

2. ТАЙНА

Вечером того же дня, проделав долгий путь, Конан и его низкорослый товарищ расположились на ночлег в ложбинке у пересыхающего ручья. Четыре лошади (две под седлом и две запасные, поскольку им предстояло уходить от вполне вероятной погони) паслись, фыркая в надвигающемся сумраке. Костра разводить не стали, закусили остатками черствой лепешки, найденной в седельной сумке одного из убитых противников Конана.

Гном дождал свой кусок, обтер зачем-то рот, заботливо стряхнул все крошки с густой огненно-рыжей бороды, после чего обратился к своему спутнику:

— Эй, верзила. Подсади-ка меня на плечи.

Конан даже подавился и несколько секунд ошеломленно моргал, уставившись в нахальную физиономию гнома.

— Что вылупился? — рассердился гном. — Подсади меня на плечи. Чем дальше у нас будет обзор, тем лучше для дела. Казаки, если и погнались за нами, то сейчас непременно жгут костры. Любят они жареное мясо, я их повадки давно уж изучил. Наверняка сейчас лопают. Барана по такому случаю зарезали, а то и двух...

Конан не стал спорить. Несмотря на свой неприятный характер, гном уже доказал, что в практической сметке ему не откажешь. Поэтому варвар присел на корточки и помог маленькой нелюди взгромоздиться на свои широкие плечи. Алвари оказался на удивление тяжелым. Сжав бока Конана толстыми короткими ногами в кожаных сапогах, гном слегка приподнялся, взгляделся в горизонт, выискивая нет ли где сполоха костров. Но кругом царил непроглядная тьма.

— Вроде не видать... — пробубнил гном. — Стран-

но. Поглядим, что завтра будет. Чует мое сердце, что они не оставили это дело просто так...

— Хватит разглагольствовать, слезай, — оборвал его рассуждения Конан. — Не век же тебе торчать на моей шее.

Гном поерзал, удобнее пристраивая крепкое сидище на шее варвара.

— Шея у тебя, друг мой, хоть куда, — заявил он и тут же очутился на земле. Потирая ушибленную ногу, гном со злостью глянул на варвара, и желтые узкие зрачки вдруг блеснули нехорошим пламенем. Но свирепый взгляд не относился к числу тех вещей, которыми можно было произвести на молодого киммерийца хоть какое-то впечатление.

Конан равнодушно уселся на землю, скрестив ноги в ременных сандалиях, и принялся ковырять в зубе грязным твердым ногтем.

— Скажи-ка, Алвари, — вдруг произнес он, — а что это ты делал в гирканских степях?

— Тебе-то что за печаль... — вздохнул гном.

— На всякий случай, — пояснил Конан. — Твой народец, насколько я могу судить, малочислен и обитает в горах...

— В непроходимых горах, где живут, кроме нас, одни лишь серые обезьяны... — с достоинством уточнил гном. — Все верно. Там мы и живем. Хоть и малочислен народ мой, но наделен могуществом, ибо сокровище в недрах открыто нам.

— Так зачем же тебя, дружище, понесло в степи?

— Дело у меня было в этой проклятой богам Гиркании, иначе я бы из моих гор и носа не высунул.

— Какое дело?

— Для варвара ты слишком последователен и настойчив, Конан из Симмерии...

— Киммерии, — поправил Конан. — Зато терпением я не отличаюсь.

И он невзначай коснулся кинжала, висевшего в ножнах на его поясе. Алвари ни секунды не сомневал-

ся в том, что варвар при необходимости пустит оружие в дело. Поэтому он плюнул и в сердцах сказал:

— Чтоб тебя Эрлик унес, зануда-варвар. Слушай. Я расскажу тебе о золоте гномов. Но сначала скажи мне: ты понимаешь что-нибудь в драгоценностях?

— Изрядно. — Конан усмехнулся. — Через мои руки прошло немало блестящих побрякушек.

Гном с сомнением посмотрел на крепкие, покрытые шрамами руки варвара, потом пожал плечами и выразительно вздохнул.

— Что ж, много людей берут в руки один и тот же камень. И чем дальше, тем грязнее пальцы. Сперва это руки рудознатца, потом ювелира, потом торговца, потом богача, а под конец — вора...

— Каждый живет, как может, — философски произнес Конан. — Зачем мне тратить дни, сгибая спину над гончарным кругом или бороной, если боги наделили меня силой?

— На это можно возразить, однако я не стану этого делать, ибо бесполезно спорить, когда перед тобой женщина, дитя или варвар — и ту, и другого, и третьего отличает незрелость ума, что, в свою очередь, делает бесполезным любой спор...

Он покосился на Конанов кулак и торопливо сменил направление беседы:

— Если ты так искушен в драгоценных камнях, Конан, тогда скажи мне вот что: будут ли равны по цене один крупный бриллиант и два мелких, по весу ему равных?

— Нет, — тут же ответил Конан. — Крупный будет дороже.

— Да, вижу ты действительно кое-что понимаешь. Тем лучше. Легче будет втолковать то, что я собираюсь тебе поведать. Итак, золото гномов само по себе — огромное состояние. И оно неделимо. В этом его смысл. Если изъять отсюда хотя бы одну безделушку, ценность нашего сокровища сильно уменьшится. В нем заключена сила, ибо мы собрали все камни, соответствующие планетам, месяцам и стихиям нашего

мира. Если умело пользоваться ими, можно оказывать определенное воздействие на звезды, а через это влиять и на происходящее на земле...

Конан зевнул. Магия в лучшем случае наводила на него скуку, в худшем приводила в ярость, поскольку он не понимал ее и испытывал перед ней суеверный ужас, которого стыдился.

— Словом, — заключил гном, — исчезновение даже одного камня сводит на нет смысл обладания сокровищем. Много лет назад людям удалось завладеть голубым камнем...

— Кому так повезло? — поинтересовался Конан. Он знал многих знаменитых воров и ожидал услышать знакомое имя.

Но гном отрицательно покачал головой.

— Это был бродяга, дезертир из туранской армии. Он скитался в наших краях и набрел на сокровище случайно. Видимо, он взял только один камень потому, что хотел идти налегке... Не могу сказать, что ему повезло. Его убили, как только он спустился с гор. Камень исчез. Много лет мы тайно разыскивали его. И лишь недавно до нас дошли слухи о том, что он лежит на алтаре в храме Матери Дождя...

— Вот оно что, — протянул Конан. — Теперь понятно. Ты отправился искать его в храм, а гирканцы выследили тебя.

— Именно. Ты делаешь успехи в построении логических цепочек, юный мой друг из Варварландии... — подтвердил гном покровительственно.

Конан растянулся на земле и шумно зевнул, с лязгом захлопнув челюсти. Минувший день был утомительным, а предстоящий не обещал отдыха, и потому нужно было как следует отдохнуть в темные часы.

— Я понял, — сказал он гному уже сонным голосом. — Ложись и спи. Завтра поговорим.

И тут же тихонько засопел, обняв, как девушку, свой длинный меч. Во сне лицо Конана смягчилось, губы приоткрылись, рот стал по-детски пухлым. Пу-

пшестые ресницы легли на загорелую щеку. Лунный свет подчеркивал высокие скулы, тонул в черноте нечесанных волос, разметавшихся по земле.

— Дитя и варвар, — пробормотал гном еле слышно, разглядывая своего спящего спутника. — Ох, не солгала древняя мудрость... Как такому втолкуешь?.. Варвар и дитя. Не хватает только женщины.

Он улегся немного в стороне от варвара, свернулся калачиком, подsunул под щеку кулак и сон сморил его.

Конан не проснулся бы и от топота табуна диких лошадей. Вряд ли разбудила бы его и гроза, разве что дождь пролился бы на него холодным потоком. Но от звука тихих, почти бесшумных шагов он пробудился мгновенно и крепче сжал рукоять меча.

Кто-то подкрадывался к ним из темноты. Вот он замедлил шаг, обходя камень, вот склонился над седельными сумками, осторожно потрогал их... Теперь обходит спящего Алвари и приближается к Конану.

— Стой, — негромко, но внятно произнес варвар. Незнакомец замер.

— Разведи руки в стороны и не двигайся, — приказал Конан, один прыжком вскакивая на ноги и направляя острие меча в сторону незнакомца.

Таинственная ночная тень подчинилась.

Мечом Конан поднял подбородок незнакомца, и лунный свет упал на его лицо. Он увидел светлые, широко расставленные глаза, копну криво обрезанных, видимо, кинжалом, пшеничных волос, приподнятых надо лбом простым кожаным ремешком, темным от пота. Брови и ресницы незнакомца были светлыми и выделялись на загорелом лице.

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? — сердито спросил Конан, убирая меч, однако не теряя бдительности. Не по душе ему было это ночное появление.

Тихий грудной голос ответил:

— Я пришла с миром.

— Пришла? — Конан подскочил. Только теперь он заметил, что перед ним женщина, — так пристально следил варвар лишь за его руками — не потянется ли

за оружием. На молодой женщине была простая и удобная в степи одежда — широкие штаны, заправленные в сапожки, куртка без рукавов и плащ с капюшоном. За спиной у нее в колчане был короткий степной лук со стрелами.

— Как тебя зовут? — спросил Конан, хмурясь.

— Сфандра. Я могу опустить руки?

— Опускай, — разрешил Конан.

Девушка тут же села на землю.

Угадывая, каким будет ее следующий вопрос, варвар молча придвинул к ней остатки своей скудной вечерней трапезы, и она немедленно принялась за еду, отрывая от лепешки зубами большие куски и жадно проглатывая их.

— Живот заболит, ешь помедленнее, — проворчал варвар и ткнул ее в бок своей кожаной флягой, на дне которой булькала вода.

Она взяла фляжку и опорожнила ее одним глотком.

— Спасибо, — сказала она, наконец, и вернула Конану флягу.

— Сыта? — осведомился варвар.

Хотя утолить голод таким малым количеством пресного хлеба было невозможно, Сфандра кивнула.

— Тогда счастливого пути, Сфандра.

Она заморгала своими белыми ресницами. Конан скривился. Он не выносил женских слез. Послушать краснобаев, так женщина дарит любовь и наслаждение, а на деле у Конана вечно получалось совсем иначе: сперва они хныкали, потом требовали любви, а когда он уступал их настойчивым домогательствам (по правде сказать, в подобных ситуациях Конан никогда долго не ломался), начинали кричать, что отдали ему самое дорогое, и требовали денег.

Но эта степная девушка не собиралась плакать. Она просто сказала:

— Позволь мне переночевать в твоём лагере. У меня нет огня, и я боюсь волков.

Алвари зашевелился, тяжело перевернулся на спину,

уоставив рыжую клочковатую бороду в звездное небо, и со стоном произнес:

— Если тебе приспичило молиться своему чудовищному богу, варвар, делай это потише. Тут кое-кто хочет спать.

Конан пропустил эту тираду мимо ушей и обратился к Сфандре:

— Ладно, оставайся. Но учти, девочка, я сплю очень чутко. Если ты замыслила предательство, лучше сразу откажись от этого. Я не стану смотреть, что ты женщина, срублю голову и подвешу к седлу за волосы, чтоб другим неповадно было.

Вместо ответа Сфандра широко улыбнулась, сняла плащ, бережно уложила на него лук и стрелы, после чего улеглась сама.

Конан посидел немного рядом, глядя, как она устраивается. Приподняв голову, Сфандра тихонько позвала:

— Иди ко мне. Вдвоем теплее. Ночи здесь холодные.

— Знаю, — проворчал Конан, укладываясь рядом. — Только чур не требуй от меня ничего. Мне нужно хорошенько выспаться.

Вместо ответа Сфандра фыркнула.

Проснувшись с первым лучом солнца, Алвари не поверил своим глазам: Конан сладко спал, обхватив своими ручищами какую-то растрепанную девицу. Со ломенные волосы таинственной незнакомки щекотали варвару щеку, и он во сне ворочал головой и улыбался. Глядя, как привычно пристроилась девушка на груди варвара, гном едва не застонал: эти двое словно не один год прожили вместе. Потоптавшись над спящей парочкой, Алвари от души пнул Конана сапогом в бок.

— Вставай, ленивый варвар! Буди свою потаскушку и собирайся в дорогу. Мы не можем валяться тут целый день и ждать, пока Аскольдовы дружиннички нагрянут к нам в гости.

Он еще раз пнул Конана и, как выяснилось, сделал

это совершенно напрасно: молниеносным движением руки Конан ухватил его за щиколотку и опрокинул. Алвари сильно ударился затылком и невольно вскрикнул. Тем временем Конан и девушка уже вскочили на ноги. Нависая над барахтающимся на земле гномом, Конан сердито сказал:

— Извинись перед благородной госпожой, корытышка.

— Нашел благородную госпожу... — заверещал Алвари, багровый от злости. — Благородные госпожи не появляются из степного мрака и не забираются под мышку к неотесанным бродягам вроде тебя...

Поскольку Сфандра сдержала слово и всю ночь мирно проспала, согревая Конана теплом своего тела и в свою очередь согреваясь возле него, варвар испытывал к ней доброе чувство. Гнусные намеки гнома вывели его из себя.

— А я говорю, что ты сейчас извинишься, — подчеркнуто спокойным голосом повторил варвар.

Гном сел и запустил обе руки в рыжие патлы.

— Великие боги Асгарда и Ванахейма, — простонал он, — будь проклят час, когда я повстречал людское племя... — Его зеленые глаза устремились на Сфандру, которая едва сдерживала смех. — Благородная госпожа, прошу простить мне сказанное по неведению и в горячности. Ты чиста, как горный хрусталь, и мои недостойные подозрения не могли запятнать его прозрачности...

— Хорошо, — важно произнесла Сфандра. — Я вижу, ты говоришь от души. Будем друзьями.

Гном заскрежетал зубами.

Конан между тем порывлся в сумке, вынул оттуда немного вяленого мяса и разделил кусок на три равных части. Гном неодобрительно покосился на него.

— Зачем ее кормить? — спросил он прямо, тыча в сторону девушки толстым пальцем. — Гнать ее надо.

— Перекусит и пойдет своей дорогой, — отозвался Конан невозмутимо. — Не годится быть негостепри-

имными, Алвари. Девочка не сделала нам ничего плохого.

— «Девочка»! — фыркнул гном. — Она лет на десять старше тебя, Конан. Сколько тебе лет?

— Сколько бы ни было, все мои, — рассердился Конан. — Не болтай, когда ешь.

— Вот-вот. А тебе, благородная госпожа, сколько весен минуло?

— Двадцать семь, — ответила Сфандра.

— Я же говорю, лет на десять старше. А что до того, что она, видишь ли, не сделала нам ничего плохого — так еще успеет, если ее сразу не прогнать.

— Если ты не закроешь свой болтливый рот, я всуну в него кляп, свяжу тебя по рукам и ногам и дальше ты поедешь под брюхом лошади, как куль с поклажей, — предупредил Конан.

— Ладно, замолкаю. Только помяни мое слово: заплачешься ты еще с этой девчонкой.

— Мне пора уходить, — сказала Сфандра и встала. — Спасибо тебе, Конан.

— Я дал бы тебе лошадь, но не могу, — сказал варвар. — Без запасных лошадей нам не уйти от казаков. Так что прости.

— Вы уходите от казаков?

— Да. У меня была с ними стычка. Думаю, они хотят отомстить.

Сфандра с уважением взглянула на него.

— Удачи тебе, в таком случае, — сказала она, забрасывая за плечи колчан с луком и стрелами.

Глядя ей вслед, Конан хмурился. А девушка легко шла по бескрайней степи, и видно было, что ей не впервой оставлять позади мило за милей и что своим длинным ногам она доверяет так же, как степному луку и тонкому кинжалу, висящему в ножнах у нее на груди.

— Она славная, — сказал он, обращаясь, скорее, к себе, чем к своему спутнику.

— Славная, как же, — ядовито передразнил гном. — Устроит эта славная тебе засаду... Кто она

такая? Почему набрела на нас — случайно или не случайно, откуда нам-то знать? И вообще, что делает женщина одна в степи?

— Я слышал, что в Гиркании есть воительницы, которым сам Сэт не страшен, — сказал Конан мечтательно. — Может, она из них.

— Амазонки-то? Запомни, мальчик, — назидательно произнес Алвари, задрав огненно-рыжую бороду и глядя прямо в лицо Конану своими пылающими зелеными глазами. — Каждая амазонка по сути своей такая же женщина, как любая из холеных и капризных офирских аристократок. И ни одной из них нельзя доверять. Женщины коварны, и для тебя же будет лучше узнать это от старика Алвари, прежде чем ты испытаешь их коварство на своей шкуре, малыш.

«Малыш» фыркнул. У него руки чесались надрать гному уши. Но молодой киммериец был справедлив и прекрасно понимал, что Алвари прав: только безумец мог так безоглядно довериться незнакомке. Благое решение спать вполглаза, принятое варваром накануне, так и осталось решением: он настолько устал, что уснул каменным сном возле пригревшейся под боком девушки.

— Ладно, хватит болтать, — сердито сказал он гному. — Если ты поел, то садись в седло.

Гном пожал плечами и махнул рукой.

— Горбатого могила исправит, — пробурчал он в бороду, — а киммерийца, как я теперь догадываюсь, вообще ничто. Во всяком случае, могилы для тебя будут маловато.

Вместо ответа Конан широко улыбнулся и, прищурившись, взглянул на солнце.

— Куда мы теперь? — спросил он у Алвари. — На север?

— Как киммерийца самоцветом не мани, а он все на север смотрит. Сначала нужно отобрать у гирканцев Алзат Харра.

— Это еще что такое? — нахмурился Конан.

— Разве я тебе не говорил? Каждый камень из

нашей сокровищницы носит свое имя. Тот, синий, который я ищу и который, по верным сведениям, находится сейчас в Хорбуле, на алтаре одного храма... Впрочем, увидишь сам, если по дороге тебя не подстрелят. Так вот, он носит имя Алзат Харра.

— А что это означает?

Алвари одобрительно посмотрел на Конана. Это был, кажется, первый его взгляд в сторону киммерийца, не омраченный злобой и раздражением.

— Любознательность в молодежи нужно поощрять — так говаривал мой дедушка, охаживая меня поленом по бокам, когда застучал за чтением любовных писем бабушки, — изрек Алвари. — Харра — изначальное имя камня, некогда тайное. А Алазатом звали того дезертира, который осмелился похитить его... Мы думаем, что судьба этого туранского наемника перешла на камень и потому прибавили его имя к древнему названию. Что-нибудь понял, эй, лентяй, хлебающий из колодцев премудрости лишь наметенный ветрами столетий мусор?

— Чего? — не понял Конан. По физиономии Алвари он догадался, что гном опять ехидничает, однако вникать не стал. — Стало быть, Алазат Харра... И нам нужно еще дальше на восток.

— Ты уловил главное из моих речей, о варвар, — отозвался гном и вскарабкался на свою лошадь. — А большего от тебя и не требуется. Вперед!

3. ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Они ехали до полудня, пока ослепительное солнце в мутном от жара небе не раскалило воздух добела. Невнятно ругаясь, гном приподнялся в стремени и начал озираться по сторонам. Конан подъехал поближе.

— Что-нибудь случилось, Алвари? — спросил он. — Я ничего не вижу. Почему ты остановился?

— «Что-нибудь случилось?» — передразнил гном. — Да нет, ничего. Хорошая погодка. Еще немного, и мы сваримся в этом воздухе заживо.

Он снял с пояса кожаную флягу, открыл крышку и жадно забулькал, вливая воду в свое ненасытное горло. Конан тронул его за руку.

— Не торопись, — сказал он. — Влага уйдет вместе с потом, и ты снова захочешь пить. А если мы до завтра не найдем колодца? Что ты будешь делать?

— Одолжу у тебя, — сказал Алвари.

Конан скорчил кислую рожу. Он не собирался жертвовать собой ради сварливого и алчного гнома.

— Я бы на твоём месте не рассчитывал на мою воду, — проговорил варвар.

— Слыхал я, что киммерийцы скуны, — буркнул гном, закрывая флягу. — Но никак не думал, что они переплюнут в этом даже аграпурских купцов.

— Я не скуп, — рявкнул Конан. — Просто я привык сам отвечать за себя. И тебе советую поступать так же.

— Понял, понял, — отозвался Алвари таким тоном, что у Конана стало кисло во рту. Ну и противная же маленькая тварь, подумал варвар.

Он вынул из седельной сумки пригоршню изюма и сунул в рот. Алвари посмотрел на него выразительно, однако синие глаза киммерийца были устремлены в сторону горизонта.

— Далеко ли еще до Хорбула, Алвари? — спросил Конан, жуя.

— Откуда мне знать? — огрызнулся гном. — Я не гирканец.

— И то правда, — беззлобно согласился варвар. — А то я как-то позабыл об этом. Ты же у нас с Гор Серых Обезьян...

Он так удачно подчеркнул последнее слово, что гнома передернуло. Хоть Конан и созерцал неведомые дали, он заметил судорогу, пробежавшую по физиономии Алвари, что доставило ему немалое удовольствие.

— Видишь, вон впереди что-то белеет? — сказал Алвари, наконец.

Конан прищурился.

— Вижу.

— Сдается мне, дружище, что это косточки белеют, — проговорил Алвари.

Они подъехали поближе и спешились. Белое пятно, замеченное гномом на выгоревшей рыжей траве, было действительно грудой костей. Большие берцовые кости, клетка ребер, два черепа — один несомненно человеческий, другой, вытянутый, — верблюжий. Рядом чернело пятно кострища.

Алвари исподтишка наблюдал за своим спутником. А Конан наклонился, потрогал кости, потом пошевелил ногой ребра скелета побольше и улыбнулся.

— Замечательно, — произнес он, видимо, глубоко удовлетворенный увиденным.

— Что тут замечательного? — осведомился Алвари. — Мертвый труп скончавшегося гирканца рядом с дохлой падалью умершего верблюда. Не вижу ничего отрадного в этой картине. Более того, в ней есть что-то меланхолическое.

Гигантская лапища варвара сгребла гнома за плечи. Алвари уткнулся Конану в бок и заверещал:

— Пусти, дубина!

— Эти покойники рядом с кострищем означают, друг мой Алвари, что мы с тобой идем по караванной тропе. Здесь дорога от Разадана и Секундерама на Хорбул. Понял?

Он выпустил гнома. Алвари пригладил волосы и бороду, торчавшую веником, и с достоинством отошел:

— Чего ж тут не понять?

— А раз караванная тропа, значит, дружище, будут и колодцы!

— В таком случае, ты можешь поделиться со мной водичкой, уважаемый дикарь. Не жадничай, Конан. Если я умру от жажды, не видать тебе ни Алазата, ни золота гномов.

С этими словами он снова потянулся к фляжке своего спутника. Но Конан отстранил его.

— А если от жажды умру я, то тем более мне всего

этого не видать. Убери руки. И слушай меня, Алвари: с тропы мы сейчас уйдем.

От неожиданности Алвари раскрыл рот.

— Почему? Мы что, самоубийцы?

— Нет, напротив. Ты еще не забыл, что за нами, скорее всего, гонятся? Мне не хочется встретить в голой степи десятка два бандитов. Конечно, я не трус, — тут глаза варвара сверкнули, — но осмотрительность, когда она путешествует рука об руку с храбростью, скорее достигает цели.

С этими словами он выплюнул косточки на землю и пошел к своей лошади.

За спиной послышалось шипение. Конан резко обернулся и схватился за рукоять своего меча. Выбравшись из-под земли до пояса, перед ним высился огромный демон. Он был красен. Фигура его дрожала и расплывалась в раскаленном воздухе, словно ее лижало пламя. Провалы глаз и распахнутая пасть зияли черными безднами, в которых чудился вечный мрак преисподней. Конан заметил кривые желтые клыки, торчащие из пасти.

Закряхтев, демон нагнулся и, напрягая мышцы могучих рук, уперся в землю. Он вытащил одну ногу, потом другую. Когда он встал во весь рост, Конан оказался ниже его почти вдвое. Нависая над варваром и совсем крошечным гномом, дух злобно зарокотал.

— Ой, что это? — тонким голоском пискнул Алвари. — Откуда ты взялся, урод?

Дух наклонился ниже, обдав обоих путников зловонным дыханием. Совсем близко Конан увидел его клыки и застрявшие между зубов остатки давлившей трапезы — гнилое мясо.

— Какой милый малыш, — проговорил варвар.

Дух снова пророкотал что-то.

— По-моему, он хочет поделиться с тобой какими-то новостями, — заметил Алвари, прячась за спину Конана и хватаясь за его пояс.

— Я уже понял, — сказав Конан.

Гневно размахивая руками и разбрызгивая вокруг

себя длинные оранжевые искры, дух взревел. Потом, видя что его не понимают, топнул ногой, и из земли брызнул целый фонтан искр.

— Осторожней, приятель! — сердито сказал Конан и вынул меч из ножен. — Ты так буянишь, что степь может загореться. Ты говоришь по-гиркански?

Дух заморгал. Чернота глаз немного затуманилась, там мелькнули огоньки. Потом он помотал головой, и пламя едва не полоснуло Конана по лицу. Варвар отшатнулся.

— Тогда, вероятно, ты понимаешь вот этот язык? — спросил он, показывая меч. — Я не встречал еще никого, ни человека, ни демона, который не разговаривал бы на языке войны!

Меч, ослепительно вспыхнув на солнце, взлетел и свободно прошел сквозь огненное тело демона. Старая сталь не встретила на своем пути никакого сопротивления. Демон затрясся от хохота. Потом снова стал серьезным и начал размахивать кулаками.

— Чего же ты хочешь от нас, огненное чудище? — рассердился Конан. — Убить тебя мечом не удастся, в разговоры с тобой мне вступать некогда... Откуда ты взялся? Может быть, тебе пора домой, к папе и маме?

Алвари высунулся из-за спины Конана и, прикрывая глаза ладонями, взглянул на демона поближе сквозь раздвинутые пальцы.

— Ифрит, — определил он. — Самые тупые и гнусные из всех демонов. Несмотря на склонность к пожиранию падали и полное отсутствие интеллекта, очень ценят комфорт. Вызвать их нетрудно, прогнать удастся не всегда.

Конан покосился на гнома.

— Ну, ну, рассказывай.

— Ифриты, как правило, невидимы. Сидят себе и бездельничают. Переваривают гнилую лошадь, например. — Алвари покосился на кучу костей. — Или мертвого гирканца сдохлым верблюдом, что весьма вероятно. И если какой-нибудь неосмотрительный варвар

плюнет в невидимого ифрита косточками от изюма, то ифрит рассвирепеет.

— Косточками от изюма? — переспросил Конан. — Ты хочешь сказать, что это я его вызвал?

— Не исключено.

— Кром! Но я ведь не знал, что здесь сидит какой-то безмозглый демон...

— Поди объясни ему это... — вздохнул Алвари и покосился на ифрита. Тот топтался поблизости, скалил зубы, порывивал, шевелил когтистыми пальцами и приседал — готовился прыгнуть на нарушителей своего покоя.

Теперь демон достаточно материализовался, чтобы Конан мог разглядеть его как следует. Ифрит был похож на могучего мужчину. Во всяком случае, он обладал горой мышц, бугрящихся и выпирающих из-под огненной кожи, источающей жар. По части мужественности ифрит был бесподобно оснащен. Однако венчала все это героическое великолепие крошечная голова с пустыми глазницами. Она, казалось, состояла из сплошного распахнутого рта с желтыми клыками. Из глотки демона вырывалось приглушенное рычание.

— Почему он не нападает? — спросил Конан.

— Материализуется, — значительным тоном пояснил гном.

Конан не понял, но переспрашивать не стал.

Ифрит взвыл. В ответ варвар зарычал едва ли не громче, чем демон.

— Я буду плевать там, где мне вздумается, ясно тебе? — крикнул он прямо в багровое, раскаленное лицо. — И ты мне не указ, пустынная нечисть!

Ифрит озадаченно моргнул. Воспользовавшись этим, Конан выхватил флягу и, сорвав крышку, плеснул водой прямо в черные глазницы. Послышалось оглушительное шипение, затем вой и скрежет. Демон закружился на месте, приседая и хватаясь руками за голову. Пронзительно визжа отвратительным голосом — как будто кто-то водил ножом по тарелке, только в десять раз громче — он засунул в глазницы свои

горящие пальцы с кривыми длинными когтями. Снова зашипело, точно воду вылили на пылающие угли. Приседая все ниже и вертясь, демон стал стремительно уходить в землю. Вскоре перед Конаном и гномом уже ввинчивалась в старое кострище вихревая воронка, в которой мелькали оранжевые искры. Так продолжалось еще несколько секунд. Затем все стихло и исчезло.

После визга и воплей демона тишина показалась обоим спутникам удивительно благодатной. Мир был наполнен звенящим жаром и покоем.

— Ну вот, — деловито сказал Алвари, отряхивая руки. — Избавились от уroda. Другой раз будь осторожней, когда станешь плевать. Да и вообще, варвар, ступай с оглядкой. Не ломи напролом, как говаривал мой дед...

— А лошади-то сбежали, — сказал Конан, оглянувшись. — Проклятье! Чертов демон испугал их...

— Главное, что мы живы, — с важностью заметил гном.

— Это ненадолго, — успокоил его Конан. — Без лошадей мы с тобой от погони не уйдем, вот уж точно. А сколько еще до колодца — кто его знает? Или от жажды, или от казацких сабель — так или иначе, а помирать придется. Приготовься, Алвари, умудренный мудростью дедов.

Гном все еще разглядывал кострище.

— Да, хорошо, что ты не выпил воду, — сказал он. — Очень кстати она пригодилась.

Конан хотел было ответить ему, но передумал. У них действительно было очень мало времени.

4. В ХОРБУЛЕ

Из железа ты сделан, что ли, варвар? — стонал Алвари, хватая Конана за руку. Конан неумолимо шел вперед.

— Если мы остановимся, мы погибнем, — сказал он гному. — Не будь малодушным, Алвари. Иди.

Ковыль сменился песком. Они шли уже целый день. Ночь принесет им прохладу, но даже холод не заменит воды. Уйти с тропы они не решились, но колодца так и не встретили. Может быть, уже близко город, размышлял Конан. Если это так, то у них еще есть шансы на спасение. А может, просто случайность. Купцам дорога известна, и они могут делать у предыдущего колодца запасы воды побольше.

Алвари выпустил руку варвара и сел на песок, мотая рыжей головой.

— Вставай, — хрипло сказал Конан.

— Жжет... — прошептал Алвари. — Иди, Конан. Может быть, тебе повезет.

Конан подумал немного и схватил гнома за шиворот.

— Я бросил бы тебя подыхать здесь, ты, жадная, малодушная, болтливая тварь, — прошипел он. — Свидетели боги, меня не стала бы мучить совесть.

— Так брось... — шепнул Алвари. — Я больше не могу... видеть тебя.

— Алазат Харра, — коротко объяснил Конан. — Вставай.

Он рывком поставил гнома на ноги и потащил за собой. Загребая ногами песок, Алвари поплелся следом.

Он больше не хныкал. Порой Конану казалось, что он волочет за собой труп. Но труп дергался, и варвар понимал, что спутник его еще жив. Проклятый ифрит, надо же было израсходовать на такую погань свою последнюю воду! А колодца все нет и нет...

И когда перед ним выросли стены — словно внезапно выступили из песка, золотистого, с пятнами перегноя, точно запачканного, с клочками серой травы, — он не поверил и решил, что это мираж.

Он остановился и выпустил Алвари. Гном мешком повалился на землю. Конан ногой перевернул его на спину и увидел мутные зеленые глаза, уставленные в небо. Солнце уже стояло далеко на западе. Через час спустится ночь и станет полегче.

— Алвари!

— Конан... — слышно отозвался Алвари. — Ты живое...

— А, жив и соображаешь, — обрадовался варвар. Он нагнулся и, схватив бессильное тело своего спутника под мышки, рывком поставил его на ноги. — Глянь, — сказал он, взял в горсть рыжие жесткие волосы и повернул голову гнома в сторону ворот. — Что ты видишь?

— Э-э... предсмертный бред, вероятно.

— Я спрашиваю, что ты видишь! — рявкнул Конан и закашлялся.

— Во... рта... — неуверенно ответил гном. — Я вижу ворота Хорбула... Мы что, умерли, варвар?

— Пока еще нет, если это действительно ворота Хорбула.

— Может быть, спросить? — предложил Алвари. — Мне кажется, это верный способ выяснить правду. Если это мираж, то спрашивать будет не у кого.

— Идем, — коротко сказал Конан. — И зашагал в сторону ворот. Алвари, спотыкаясь, бежал за ним.

А перед ними росли узкие высокие башни с синими, в цвет неба, куполами. В тени перед воротами прямо на земле сидели стражники, которые, как показалось Алвари, ничем не отличались от обыкновенных разбойников. Они лениво кидали кости и обтирали о штаны потные ладони.

Конан остановился рядом с ними и постоял немного, глядя на то, как костяшки вертятся в стаканчике. Наконец, один из стражников поднял глаза и с неудовольствием посмотрел на варвара снизу вверх.

— Чего надо? — спросил он.

— Иду в город, — ответил варвар.

— А... — равнодушно отозвался стражник и отвернулся.

Алвари подошел поближе и притиснулся к боку Конана.

— Воды у них попроси, — прошептал он, с трудом ворочая языком.

Конан не обратил на него внимания.

— Жаркий сегодня был день, — заметил он.

Поглощенный игрой, стражник не ответил.

Конан пожал плечами и пошел в ворота, пробираясь между грязных голых пяток. Гном засеменил следом.

— Стой, — лениво сказал стражник. — А платить кто будет?

Конан порылся в кошельке и вынул несколько серебряных монет.

— Какие славные белобрысенькие милашки, — заметил он, подбрасывая их на ладони. — Я так привык к ним за долгое путешествие. Шутка ли сказать — они со мной от самой Ианты. Жаль расставаться, веришь ли?

— Охотно верю, — согласился стражник, протягивая за монетами дочерна загорелую сухую руку. — Привычка порой сильнее человека. А уж к таким симпатичным кругляшкам привыкаешь быстрее всего.

— И даже не в привычке дело, — продолжал Конан. — Они и сами по себе такие симпатичные. Какие у них кругленькие бока...

— Так и хочется потискать, — подхватил стражник... Ха-ха, да мы с тобой говорим на одном языке, приятель. Никого еще я так не понимал, как тебя.

— Но самое печальное — утратить память об ушедшем. Ведь мне подарила их женщина...

— Какая-нибудь старая карга, которую ты ублажал за деньги?

— О, не говори так о ней. Это была чудесная молодая женщина, офирская аристократка еще там, в Ианте... Правда, под конец она оказалась ведьмой, но поначалу это совершенно не мешало нашим отношениям. И когда я уходил, она обратила ко мне свое прекрасное лицо, залитое слезами, и сказала: «Ты не хочешь остаться, мой возлюбленный... Возьми хотя бы эти кругляшки и каждый раз, глядя на них, вспоминай о той, которая так тебя любила...»

— Очень трогательная история, — сказал стражник, шмыгнув носом. — Клянусь, я буду вспоминать о той, которая так тебя любила, варвар. Давай их сюда.

Конан сунул ему деньги и двинулся было вперед. Алвари жался к его боку.

— Эй, а коротышка? — остановил их стражник. — За него кто платить будет?

— Послушай, дружище, твоя забота о нуждах родного города просто не знает границ. Если бы у меня с собой был выучный осел, ты и с него бы потребовал денег?

— С осла вряд ли, а с его хозяина...

— С его хозяина ты уже получил, — отрезал Конан.

— Веселый ты бродяга, — сказал стражник. — Смотри только, не обожгись в Хорбуле. Два часа назад через эти ворота прошел отряд человек в пятнадцать. Бравые ребята и все на конях и при саблях. Говорили, что гонятся за одним бандюгой, который опережает их часов на пять. Варвар, говорили, синеглазый и черноволосый, не перепутаешь. Северянин, говорили, с жестким акцентом не пойми какой Варварландии. Наглый, говорили, не по летам.

Конан нахмурился и пошевелил мечом в ножнах. Стражник продолжал невозмутимым, ленивым тоном:

— Ой, чего они только про него не говорили! Ругали на чем свет стоит. Убил их главаря, говорили, перерезал их товарищей и украл их пленника, очень ценного пленника... Грозили переломать ему все кости, не пропустив ни одной, когда отыщут...

— Ха, да ты тоже весельчак, как я погляжу, — мрачно сказал Конан. — От самой Ианты иду, а такой забавной глупости еще не слышал.

— Ну так теперь услышал, — сказал стражник. — Бывай здоров, любитель красивых женщин с кругленькими серебряными подружками.

Конан взял за шиворот шатающегося Алвари и вместе с ним вошел в город Хорбул.

Улица кишела народом. Сновали полуголые ребяташки в пестрых набедренных повязках. Трое или четверо неумытых мальчишек привязались к чужест-

ранцам, сверкая белозубыми улыбками на смуглых физиономиях и норовя ухватить Алвари за огненную бороду. Гном вяло отбивался, пока Конан не рыкнул на них на своем языке. Испуганные, дети отстали.

Мимо прошла женщина, закутанная с головы до ног в черное покрывало. Понесла ведро из выделанной кожи...

— Госпожа, — хрипло сказал Конан, останавливая ее. — Дайте нам воды.

Женщина в ужасе шарахнулась от него и побежала, низко склонив голову и мелькая босыми ногами из-под черного подола.

Конан выругался, глядя ей вслед. Они снова побрели мимо глухих стен, обмазанных глиной, из которой торчала солома, мимо низких, тяжелых дверей, украшенных резьбой и сплошь усеянных толстыми медными шляпками гвоздей.

Вдруг Конан резко остановился.

— Лавка, — сказал он. — Сейчас попросим чая и остановимся на ночлег.

Навстречу им выскочил высокий горбоносый старик с черным, морщинистым лицом. Конан показал ему несколько серебряных монет, после чего с грозным старцем произошла чудесная метаморфоза: он расплылся в улыбке, показав два зуба, что у него еще оставались, и начал, кланяясь, отступать назад в лавку. Конан воспринял это как приглашение войти и двинулся на старца. Поскольку старик отступал медленно, а варвар в своем нетерпении шел довольно быстро, то вскоре киммериец уже теснил хозяина лавки могучей грудью, как бы вталкивая его в дверной проем.

Наконец, они очутились в полутемном помещении. Подождав, пока привыкнут глаза, Конан осмотрелся. Помещение было маленьким и тесным. В углу тихонько гудит круглая жестяная печка. На стенах, обмазанных глиной, висят связки синих стеклянных бус, маски с соломенными волосами, кинжалы с костяными рукоятками. В углу лежит охалка вытертых, полуистлевших ковров, в которых, несомненно, кишат блохи.

— Слушай, — сказал Конан внушительно. — Я хорошо заплачу тебе, старик, если ты дашь нам чаю, лепешек и позволишь провести здесь ночь. Мы не грабители, в пустыне мы потеряли лошадей и сами не знаем, как добрались до города...

Старик перестал кланяться и внимательно уставился в лицо Конана черными блестящими глазами. Конан не мог определить, понимает ли хозяин лавки, что ему говорят. Наконец, старик кивнул и стукнул кулаком по стене.

Прибежал полуголый мальчик. Быстро заговорив с ним на глухом, гортанном языке, старик несколько раз ткнул пальцем в сторону своих гостей, а затем толкнул ребенка кулаком в грудь. Мальчик кивнул и ушел. Вскоре он появился опять с чайником и тремя очень грязными чашками. Под мышкой он зажал огромную и несомненно чудовищно черствую лепешку.

Старик цыкнул на него. Мальчик поставил свою ношу на пол, поцеловал морщинистую длань хозяина и снова убежал.

Неторопливым движением старик разлил по чашкам чай.

— День нынче был жаркий, — начал он, — как, впрочем, и вчера — боги послали непереносимую жару нынешним летом. Да и позавчера солнце палило немилосердно.

Глотая скверный чай, в котором плавали палки, Алвари медленно оживал. Он даже приподнялся и поковырял коротким пальцем связку раковин, болтавшуюся на стене. Хозяин сверкнул на него глазами, но Алвари этого не заметил.

— Да, — сказал Конан. — Нам тяжело пришлось из-за этой жары. От самого Секундерама шли без воды.

— Как же это вас утраздило? — ахнул старик, забыв разом о солидности. — Ведь купцы покупались, не оставили колодцев до Хорбула. Есть два пастушьих колодца, но надо знать, где они, — пастухи там даже ведер не оставляют, свои носят. Да и в

стороне эти колодцы от дороги, их только местные жители и могут отыскать...

— Мы не знали об этом, — коротко сказал Конан и сам налил себе вторую чашку чая, не дожидаясь приглашения.

— И пешком шли, — сокрушался старик. — Да разве такое можно делать? Дыханье Сэта в нынешнем году особенно жарко. Давно уже не распялся так злой демон пустыни...

— Из-за демона все и вышло, — вмешался Алвари. Старик заметно вздрогнул.

— Да нет же, — успокоил его Конан. — К Сэту мы не имеем никакого отношения, поверь, добрый человек.

Он оторвал кусок лепешки и засунул его Алвари в рот, чтобы тот случайно не вмешался в беседу еще раз и не перепугал старика окончательно.

— Чужестранцы, будет лучше, если вы скажете мне всю правду, — сказал старик. Он был встревожен. — Я торгую амулетами от дурного глаза и злого духа и немного понимаю в Искусстве. Я не пустил бы вас в свою лавку, если бы не видел, что вы оба умираете от жажды, голода и усталости. В тебе, человек с севера, нет коварства.

— Знаю, — пробурчал Конан. — В детстве меня называли Добрая Душа.

Старик улыбнулся краешком рта.

— Или ты изменился с тех пор, как перестал быть ребенком, или ты уклонился с тропинки правды, молодой воин.

Конан покраснел, надеясь, что в полутьме лавки это не будет слишком бросаться в глаза. Однако старик, кажется, заметил его смущение, потому что усмехнулся уже открыто.

— Рассказывайте, что произошло с вами в пустыне. Только учтите, лучше бы вам мне не лгать. К сожалению, я столько лет занимался простенькой магией, что научился видеть людей насквозь. Картина отнюдь не отрадная...

— Ладно, — пробубнил Конан. — Что там долго

рассказывать. Я ел изюм. Плюнул косточкой. Попал в безмозглого ифрита. Я же не знал, что он сидит на земле в невидимом состоянии и отдыхает после сытного обеда!

— Не оправдывайся, — сказал старик. — Что сделано, то сделано. В следующий раз будешь плевать с осторожнее.

— И я то же говорил, — вставил Алвари, но тут же снова был заткнут лепешкой.

— Я, конечно, вынул меч и пронзил его, — сказал Конан. — Но ему это было нипочем. Эх, если бы он был из плоти и крови, мы бы с ним потягались!..

— Не отвлекайся, сын мой. Я знаю, что тебе под силу прикончить дюжину казаков с Запорожки...

— Интересно, почему это весь Хорбул уже в курсе моих дел? — взорвался Конан. — Учти, старик, если ты вздумаешь нас продать и привести сюда эту запорожскую банду, ты будешь первым, кого я разрежу на куски. Или нет, первым будет твой внук...

— Это мой раб, так что можешь делать с ним, что хочешь. Я же прожил долгую жизнь и не очень дорожу ее остатком. Продолжай, варвар. Расскажи мне об ифрите.

— Чума на тебя, старик. Ладно, слушай. Демон начал огрызаться, облизываться и проявлять к нам нездоровый интерес... Он долго прицеливался, чтобы ловчее прыгнуть на нас и разорвать на части. Алвари уверяет, что ифрит состоит из пламени и что он не может сразу напасть на человека. Сначала ему нужно обрасти плотью. Ну вот, пока это чудовище думало и обрастало плотью, я вылил всю свою воду ему в физиономию. Бедняге это очень не понравилось. Он шипел, верещал и чесал глаза. Потом исчез. Так мы избавились от демона.

— Да, и чуть не погибли от жажды, — задумчиво проговорил старик. — Я не знаю, велик ли след, оставленный демоном в ваших душах. И знать этого не хочу. Злые духи могут вселиться в человека и овладеть им, так что он начинает творить зло, не желая того и

зачастую даже о том не ведая. Если вы хотите ночевать под моим кровом, то извольте принять снадобье от черных сил.

— Если оно не ядовитое, — сказал Конан.

— Я уже разбух от воды, — пожаловался гном.

— Ну так что? — повторил старик. — Я сказал, а вы слышали.

— Тащи свое пойло, — сказал Конан. — Надеюсь, ты нас не отравишь.

Старик достал небольшой сверток. Это был кусочек выделанной овечьей кожи, на которой лучшими чернилами тщательно написано заклинание от злого духа. Бережно развернув клочок, старик положил его на колени и снова стукнул кулаком в стену.

Примчался взъерошенный мальчик и устался на хозяина большими сонными глазами. Получив новые распоряжения, он принес большую круглую чашу из тонкого белого фарфора. На ней были нарисованы скалы и сосны с причудливо изломанными ветвями, и две человеческих фигуры в странных одеждах с множеством развевающихся лент, бредущие к вершине. Из глиняного кувшина старик осторожно налил воды, так что чаша наполнилась примерно наполовину.

Мальчик пристроился рядом на дырявом ковре, обхватив руками тощие исцарапанные колени. Старик с торжественным видом погрузил амулет в воду и смыл надпись. Вода слегка почернела, стала того же цвета, что и седой обсидиан.

Негромким голосом старик произнес, протягивая чашу Конану:

— Пей до половины. Это поможет, если дух действительно вселился в тебя, и не повредит, если его в тебе нет.

Конан сделал чудовищный глоток и поморщился. Затем передал чашу Алвари. Старик с интересом следил за обоими.

— Странная вы парочка, — заметил он наконец. — А карлик, должно быть, и есть тот ценный пленник, из-за которого так бесятся казаки?

— Я не карлик, — обиделся Алвари. — Я гном. И, наверное, постарше тебя буду, а уж что касается Искусства, то здесь я и тебя за пояс заткну, и кого угодно из людей. Не знаете вы, люди, настоящего Искусства...

— Ну, не горячись, — примирительно произнес старик, забирая у него чашу. — Что до Искусства, то здесь ты прав. Я ведь только торговец амулетами. Но в храме Алат есть настоящие маги.

Конан насторожился. Храм, маги — видимо, камень нужно искать именно там. Да и гном что-то говорил о каком-то храме...

— Кто это — Алат?

— Великое воплощение войны, судьбы и смерти, — ответил старик, понизив голос и наклоняясь к Конану, словно собираясь клюнуть его в плечо. — Жрецы Алат раскрашивают свои руки охрой, ибо это кровавое божество. Молиться бесполезно. Слышать-то слышит, но поступает только так, как сочтет нужным.

— Вот это правильно, — сказал варвар. — Что толку скулить и хныкать, надоедая божеству своими мелкими просьбами? Для чего дана человеку сила, если он не умеет ею пользоваться? А коли не умеет, так и жить ему незачем.

— Ты рассуждаешь как дитя, — сказал старик. — В тебе говорит твоя молодость, твое здоровье, твоя горячая кровь...

Конан хотел было обидеться, но не успел. Старик снова заговорил:

— Когда я был таким же мальчиком, как ты, юный герой, в Хорбуле не было Алат. Здесь поклонялись совсем другим богам. А потом откуда-то с Востока явились жрецы и принесли с собой свои святыни. Под водительством Алат наши владыки одержали несколько побед, сейчас уже полузабытых, но тогда блистательных и очень важных. После них вознесся наш Хорбул и были возведены прекрасные стены с синими башнями, которые ты видел сегодня перед закатом... Велика наша богиня...

Конан слушал, покусывая губу.

— Но разве женщина может быть божеством войны? — спросил он наконец.

Старик торжественно покачал головой.

— Женщина — нет, не может. Но Алат — не женщина.

— А кто она?

— Алат — ребенок. Девочка.

5. У ВОРОТ ХРАМА

Конан проснулся очень рано, в тот волшебный час, когда ночь переходит в утро. Старик, пустивший их на ночлег, беззвучно спал прямо на земляном полу в задней комнате лавки, завернувшись в полосатый сине-белый плащ. Конану было душно. Он осторожно поднялся с облезлых ковров, поискал глазами Алвари. Гном тихонько посапывал возле жестяной печки. Когда киммериец толкнул его в бок, он медленно раскрыл глаза, и они засветились в полумраке, как у кота.

— Что? — придушенным шепотом спросил Алвари.

— Мы уходим.

— Прямо сейчас?

— Дружище, у нас очень мало времени. Весь Хорбул уже знает, что люди Аскольда разыскивают северянина с низкорослым пленником. Если мы хотим добраться до храма Алат и пошарить там, то самое время приступать.

Алвари поморгал, подергал себя за бороду, сел. Широко разевая рот, зевнул.

Оба не поняли, как и когда рядом с ними появился старик. Но он стоял возле них, улыбаясь одними глазами.

— Если вы решили уйти, то почему бы вам не изменить внешность, хотя бы немного? Я могу помочь.

— Больно ты добрый, — с подозрением сказал Ко-

нан. — Зачем проснулся? Спал бы себе да спал. Чем меньше ты будешь знать, тем лучше для тебя.

— Я сказал тебе уже, что остаток жизни для меня не так уж важен. И если я предлагаю помощь, то делаю это от чистого сердца.

— Но тебе-то что до нас? Зачем ты помогаешь нам?

— Ради денег и из любопытства, — был краткий ответ.

Что-то подсказывало Конану, что старик говорит искренне. Кроме того, у варвара просто не оставалось выбора. Да и времени на препирательства особо не было. Поэтому он просто кивнул.

— Тащи свои тряпки.

Через несколько секунд перед ними уже стоял заспанный мальчик, стариков слуга. Хлопая длинными черными ресницами, он выслушивал наставления, кивая в такт хозяйским словам. Затем принес целый ворох одежды, из-за которой были видны только его босые ноги.

Конан завернулся в белый плащ, что никак не сделало его менее заметным. Он был выше ростом многих местных жителей и гораздо шире их в кости, а такие плечи, как у молодого киммерийца, обращали на себя внимание за несколько кварталов. Гнома удалось обрядить в черные одежды и завязать платком его лицо, оставив только глаза.

— Сойдешь за карлика, — одобрительно сказал Конан.

Зеленые зрачки, сверкавшие в щели черной ткани платка, злобно блеснули. Но Алвари, несмотря на свой склочный нрав, прекрасно понимал, что разгуливать по улицам Хорбула, выставляя напоказ свою огненно-рыжую бороду, было бы равносильно самоубийству. Впрочем, он был уверен, что их и без того нетрудно будет выследить.

— Прощай, отец, — сказал Конан старику. — Дал бы тебе еще денег, но не стану скрывать: осталось мало, а путь впереди нелегкий.

Он растрепал черные лохматые волосы мальчика, подмигнул ему и, пригнувшись, вышел из лавки. Алвари шмыгнул за ним.

Улица была пуста. Над остывшей за ночь пыльной дорогой низко висела звезда. Луна уже скрылась и многие звезды ушли, но эта, казалось, только что появилась, так молодо и ярко она горела.

На противоположной стороне улицы Конан приметил темную тень и насторожился. Кто-то спал, устроившись прямо на земле. Конан тихонько подошел поближе. Он был уверен в том, что ступает совершенно бесшумно, но спящий внезапно пробудился. Из полумрака глянули влажные глаза, блеснули серьги, сделанные в виде дисков. Женщина. Почему она ночует на голой земле? Кто она такая?

Конан незаметно нащупал под одеждой кинжал и присел рядом на корточки. Он слышал, как за его спиной недовольно топчется Алвари. Но незнакомка показалась ему подозрительной женщиной. Женщина вдруг улыбнулась, зазвенела серьгами-дисками и быстро проговорила хриловатым голосом:

— Взошла Аль-Узза, скоро рассвет, киммериец.

— Проклятье! — Конан схватил ее за плечо и сильно встряхнул. Эти встречи с незнакомыми людьми, которые его знали и которых он видел впервые, начали всерьез выводить его из себя. — Кто послал тебя следить за мной, женщина?

Она засмеялась. Покрывало упало с головы, и Конан выпустил ее плечо.

— Сфандра! Ну и шутки у тебя! Я же мог тебя убить. Говори, зачем ты шла за мной?

— Я вовсе не шла за тобой. Я шла по своим делам и очень удивилась, увидев тебя здесь, в этот час.

На ней была все та же одежда молодого степного воина, только серьги и покрывало были женскими. Видно, она облачилась в них перед тем, как войти в город, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

— Ты знаешь, что люди Аскольда уже здесь и ищут меня?

— Да, слышала краем уха.

— Где?

— Они поставили палатки у восточных ворот. Я ходила туда, продавала виноград. — Сфандра толкнула ногой пустую корзину. — Они пили виноградное вино и бранились, как конокрады. Клялись превратить тебя в груды окровавленных костей и скормить грифам, а из гнома сделать евнуха и продать в гарем за бешенные деньги. Кстати, где он?

— Я здесь, — сердито сказал Алвари, выступая вперед. — Совершенно не обязательно пересказывать глупости, которых ты наслушалась, гуляя, где не следует, благородная госпожа.

Последние слова он произнес с особенным сарказмом.

— Хватит, — оборвал его Конан и снова повернулся к девушке. — Сфандра, детка, тебе лучше сказать мне правду. Куда ты шла?

— В храм Алат.

— Зачем? Какие дела у женщины-воина могут быть в храме Алат?

— Ты сам ответил на этот вопрос, Конан. Я — женщина-воин.

— Не лги. — Он взял ее за подбородок и обратился к себе бледное лицо с широко расставленными глазами. — Зачем ты говоришь мне неправду?

— Хорошо, вот тебе правда, если ты так этого хочешь. Воинский союз амазонок, к которому я принадлежу...

— А, что я говорил! — обрадовался гном. — Амазонка. Не женщина, а машина для убийства. Ох, наплачемся мы с ней...

— Молчи, — цыкнул на него Конан.

— Наш союз, — как ни в чем не бывало продолжала Сфандра, — издревле воюет с Хорбулом. На то есть свои причины, о которых я не стану говорить. Несколько наших сестер погибли в застенках храма Алат.

Эта богиня принимает кровавые жертвы. У ее статуи в храме ноги вымазаны кровью... Богиня эта пришла с Востока и, говорят, не так давно. Всего лишь поколение назад. Ее могущество — в синем камне, заключающем в себе силы некоторых планет...

— Еще одна охотница до чужого добра, — сердито сказал Алвари. — Люди ненасытны в своей алчности. Синий камень принадлежит нашему народу и должен быть возвращен в горы.

— Кому принадлежит синий камень Алазат — решать будем потом, когда завладеем им, — предложил Конан. — А сейчас давайте действовать сообща. Насколько я понимаю, сейчас у нас троих — одна общая цель: проникнуть в храм и завладеть этим сокровищем. А там посмотрим, как поделим его.

— Я не позволю делить Алазат, — упрямо сказал гном. — Сокровище гномов неделимо. Оно должно быть цельным, иначе утрачивается всякий смысл обладания им.

Сфандра легким движением поднялась на ноги.

— Идемте к храму, — сказала она. — Я попробую войти в него, а вы двое оставайтесь снаружи. Будете наблюдать. Надеюсь, вернусь с хорошими новостями.

— Что ты собираешься делать? — Ее решение не на шутку встревожило Конана. — Не выдумывай, Сфандра. Нам нужно просто забраться через окно, обшарить храмовые сокровищницы и...

— Для того чтобы туда забраться, нужно хотя бы иметь представление о расположении зданий и размещении охраны, а возможно, и ловушек, — ответила Сфандра. — Нет, я пойду одна и совершенно открыто. Многие женщины приходят туда поклониться кровавой богине.

Она закуталась в свой плащ плотнее, оставив открытыми только глаза и верхний край диска серег. Глаза Сфандры потеплели, и Конан понял, что она улыбается. Рассердившись на самого себя за то, что усталился на нее так, словно несколько лет не видел женщины, варвар дернул Алвари за плечо.

— Не зевай, идем.

Храм появился перед ними внезапно — серое прямоугольное строение, украшенное лишь узорными прорезями окон. Он был похож на оборонительное сооружение, и на его плоской крыше можно было бы при необходимости разместить множество лучников, отметил Конан. Вероятно, часть охраны, если она имеется, помещена именно там.

Перед храмом улица расширилась, превратилась в небольшую площадь, на которой все трое тут же заметили колодец.

Три провалившихся ступеньки вели к закрытой двери храма. Тяжелая дверь из железного дерева была обита медными прутьями, горящими в лучах восходящего солнца, так что казалось, будто на ворота наложили пылающую сеть.

— Да, эту цитадель так просто штурмом не взять, — задумчиво проговорил Конан, окинув толстые серые стены взглядом знатока. — Пожалуй, ты права, женщина-воин из Гиркании: без небольшой разведки нам не обойтись.

— Сядьте у колодца, — сказала Сфандра. — Постарайтесь не слишком бросаться в глаза, но и таиться не стоит, это тоже может вызвать подозрение. Лучше всего будет, если вы как бы спрячетесь и в то же время останетесь на виду. К тому же, не думаю, что казаки направятся искать вас сюда.

— Да, с нашей стороны было чудовищной наглостью явиться к храму Алат, — согласился Конан. — Может быть, это нас и спасет.

— Будем надеяться, — коротко ответила Сфандра.

Никто из троих так и не понял, когда же перед закрытой дверью появился жрец, с головы до ног закутанный в красный шелк. Ткань сверкала и переливалась, хотя жрец стоял совершенно неподвижно, и ветра на площади не было.

Сфандра повернулась к своим спутникам и снова улыбнулась под своим покрывалом.

— Ждите, — сказала она.

Жрец внезапно заговорил, легко преодолевая звучным голосом разделявшее их расстояние:

— Вы пришли поклониться светлой Алат, чужестранцы?

Он говорил по-гиркански куда лучше, чем Конан, почти без акцента. Слегка побледнев, Конан шепнул девушке:

— Не ходи.

Но она уже сделала шаг вперед. Когда ее звали, Сфандра всегда шла, не задумываясь о том, таит ли приглашение в себе опасность. Так учила ее мать Антиопа, Старшая Воительница, воспитавшая несколько поколений сильных и гордых девушек. Антиопа, которая не шла никогда ни на один зов. Старшая.

В развевающемся покрывале, сверкая дисками серег и белизной выгоревших на солнце волос, она стремительно пересекла площадь и взлетела по обвалившимся ступенькам. Хотя Сфандру нельзя было назвать низкорослой девушкой, жрец был выше ее на две головы, и теперь, когда они стояли рядом, разница в росте бросалась в глаза и казалась зловещей. Сфандра выглядела рядом с этим мрачным, стройным служителем кровавой богини, одетым в алый шелк, беззащитной и маленькой — добровольная жертва, вольная степная птица, залетевшая в клетку. Неожиданно легко жрец раскрыл перед ней дверь, и Сфандра, не задумываясь, переступила порог, задев плечом короткий меч, повешенный у притолоки от злого духа.

— Что же нам теперь делать? — спросил Алвари, глядевший, как с грохотом, словно навеки отрезая девушку от мира, захлопывается за ней дверь.

— Ждать, — коротко ответил Конан и сел у колодца, натянув покрывало на голову. — Ждать, Алвари. Больше ничего.

— А если ее там убьют? — Гном был не на шутку встревожен.

— Тогда я отомщу за нее.

— Этого я и боялся. Ты полоумный самоубийца,

Конан-варвар. Если ее убьют, мы унесем отсюда ноги, и чем скорее, тем лучше.

— А Алазат Харра?

— Украдем. Ты, я полагаю, искушен в этом ремесле?

— Искушен, — нехотя сказал Конан. — Я был первым вором в Арэнджуне.

— Я так почему-то и подумал.

Он уселся рядом с Конаном и уткнулся головой в колени.

6. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БОГИНЕ АЛАТ

Темнота и прохлада — от такого блаженства Сфандра на мгновение даже забыла о той цели, что привела ее в обитель богини смерти. Глаза к темноте привыкали медленно. Она не сразу разглядела людей, стоявших возле стен и смотревших на нее без интереса, без злобы и без сострадания. Они казались неживыми, и только блестящие глаза наблюдали за ней, посверкивая белками в полумраке. Люди эти, неподвижные, закутанные в шелк, который в темноте храма казался серым, плоть от плоти скудного, сурового храма, обиталища воинственной богини. Богини-девочки, жестокой и ласковой, своенравной, как балованное дитя, могущественной, как любая стихия. Война — пятая стихия, говорили в степях Гиркании, пятая после воды и земли, воздуха и огня. Права была мать Антиопа, подумала Сфандра. Война — это одна из основ мира; и нельзя не преклониться перед ней.

Постепенно Сфандра разглядела лица жрецов — бледные, с черными глазами и темными ртами; руки, до локтя выкрашенные охрой; волосы, стянутые в пучок на макушке. Она даже не поняла, мужчины это или женщины.

Но вот одна из этих фигур сделала шаг вперед, и еще до того, как она заговорила, по легкости и грации движений Сфандра поняла, что это — женщина.

— Назови свое имя, женщина из степей, — негромко произнесла она.

— Сфандра — так называли меня при рождении, имя матери моей — Эстред. Отца я не знаю.

Лицо жрицы осталось неподвижным. Сфандра не поняла, достаточно ли ей такого ответа. Помолчав, жрица задала второй вопрос:

— Пришла ли ты к Алат с просьбой, Сфандра, дочь Эстред?

— Нет, — тут же ответила Сфандра. — Я пришла лишь склониться перед той, чья воля — закон жизни, чьи капризы — стрелы вселенной, чья милость оборачивается жестокостью, а жестокость — милостью.

— Хорошо, — сказала жрица. — Есть ли еще причина для того, чтобы прийти в этот храм?

Под пристальным взглядом жрицы Сфандра смелась. Ей показалось на мгновение, что эти черные неживые глаза видят все и скрыть от них правду невозможно. Но это длилось лишь мгновение. Овладев собой, Сфандра смело ответила:

— Любопытство, быть может. Но превыше всего — почтение к светлой Алат, о жрица.

Великий Митра, зачем она солгала! Эта женщина в алом шелке не поверит ей. В храме Алат настоящие маги, они сумеют разглядеть такую неуклюжую ложь... Однако жрица спокойно произнесла:

— Идем.

Она повернулась и тихо направилась в стену храма. Не сводя глаз с прямой спины, закутанной в алый шелк, Сфандра двинулась следом. Перед жрицей стена расступилась. Четыре гигантских лепестка медного шиповника раздвинулись, освобождая дорогу. Сфандра ступила в проход.

Второй зал был меньше первого. Через отверстие в потолке падал четкий прямоугольник света, и в солнечных лучах, вырываясь из полумрака храма, стояла невысокая алебастровая статуя девочки в солдатском племе, из-под которого ей на плечи падали длинные волосы. Ноги девочки были обуты в сандалии. На ней

была длинная туника с разрезами от подола до середины бедра. Маленькие руки держали круглый щит и короткий кривой меч. Лицо богини было скуластым, с узкими глазами и очень пухлыми губами. Камень сиял. Он сам точно излучал свет.

Суровые серые стены храма были исписаны странными знаками. Сфандра увидела повторяющиеся точки, вертикальные и горизонтальные черты, ломаные и прямоугольные скобки, прямые и косые кресты. Сфандра умела читать на нескольких языках — мать Антиопа учила девочек не только стрельбе из лука, но и грамоте — но язык этой надписи показался ей незнакомым, а начертание букв — чужим и странным. Было в нем что-то жестокое и чужеродное, как и в самой этой восточной богине.

Надписи были рассечены высокими барельефами, изображающими трех юных женщин, похожих на Алат, — таких же раскосых, веселых и беспощадных.

По четырем углам зала стояли курильницы, вырезанные из полупрозрачных камней — светлого нефрита и седого обсидиана. По форме они повторяли храм: кубы с резными окнами, сочащимися дымом. В серебряных чашах тлели угли. Душный, сладковатый дым поднимался над курильницами, и вдыхая его, Сфандра смутно догадывалась, что дышит отравой.

Как и в первом зале, здесь были люди. И все они словно срослись с храмом. Они сидели вдоль стен, подтянув колени к подбородку и подвязав их платками.

Перед богиней Сфандра замерла. Она увидела, что в центре круглого степного щита, которым прикрывалась юная Алат, густым темным светом горит крупный синий камень. У нее внезапно перехватило дыхание. Алазат Харра оказался крупнее и прекраснее, чем она себе представляла, слушая рассказы матери Антиопы. Он источал могущество и силу. Он был Власть. И эта жестокая, бездумная девочка-богиня, пришедшая с далекого Востока, стала здесь повелительницей именно потому, что Алазат поднялся и стал ее щитом.

Хмурясь, жрица наблюдала за чужестранкой. Сфандра внезапно ощутила на себе взгляды сотни потаенных глаз. Диковинные надписи на стенах что-то кричали на неизвестном языке, обращаясь к ней, но она не понимала их. Три богини, усмехаясь, смотрели на нее сквозь ядовитый дым курильниц, который заставлял глаза гореть и руки сцепляться. И сама Алат, казалось, вот-вот захохочет, видя смятение чужестранки.

— Этот камень... — сказала Сфандра, пытаюсь объяснить жрице причину своего замешательства.

— Богиня направила руку человека по имени Алазат, — спокойно сказала жрица. — И он принес ей этот дар, сделавший Алат великой. Ты знаешь об этом. — Последняя фраза не была вопросом.

— Да, — хрипло сказала Сфандра. — Он прекрасен.

Неожиданно в тишине храма прозвучала невидимая струна. Потом вторая. Откуда взялась здесь лютня, кто играл на ней, скрываясь в темноте, за дымом курильниц? Струны загремели резко, отрывисто, и жрица нараспев заговорила:

— Вот желтая струна Зират, слушай ее, Сфандра из степей. Быстро воспламеняется человек желтой струны и быстро сгорает.

Мелодия лютни изменилась и зазвучала в темноте храма на более низких нотах.

— И вот белая струна, Замэнат, Сфандра из степей. Слушай. Медлительны, неповоротливы люди белой струны, но невозможно заставить их свернуть с пути, отказаться от цели. Их тела устилают дорогу к великой цели.

Словно изогнувшись, мелодия лютни упала до самых низких нот.

— И черные струны слушай, Сфандра, дочь Эстред, струны неотвратимой смерти. Мрачны люди черной Мэнат, но открыта им мудрость жизни, и суть ее — неотвратимость смерти, какой бы долгой и прекрасной ни была жизнь. Слушай ее, женщина с белыми волосами.

Сфандра молчала, все больше подчиняясь властному голосу жрицы и неодолимому ритму, заключенному в музыку. А мелодия вдруг взмыла и стала веселой и яростной. Сфандра восторгалась, глаза ее широко раскрылись. Дым заволакивал стены, и только девочка Алат победоносно светилась в широком солнечном луче, рассекающем полумрак.

Жрица резко хлопнула в ладони.

— Красная струна Алат! — выкрикнула она. — Струна горячей крови, стучащей в висках, стекающей по мечу! Ты воин, юная женщина из степей!

— Да... — шепотом отозвалась Сфандра, чувствуя, как слабеют ее руки.

Голова кружилась. Музыка становилась все громче. Гремели уже три или четыре лютни. Беззвучно раскрылись еще три окна в потолке, и лучи-лезвия упали на трех богинь. Задетое этими лучами одеяние жрицы, казавшееся в темноте пепельным, вдруг вспыхнуло нестерпимо алым светом. Отблески сверкающего шелка пронизывали дым курильниц, окрашивая и его в кровавый цвет. Черные глаза на бледном лице загорелись.

— Три богини судьбы смотрят на тебя, Сфандра, три богини — старшие сестры Алат, готовые повиноваться ее слову. Черная богиня Мэнат, неотвратимость смерти. И белая богиня, неумолимость течения времени, Замэнат. А третья, Зират, желтолицая, воля и каприз. В честь четырех сестер их отец, Безымянный Бог, создал лютню. Только он дал ей еще и пятую струну — душу...

Стало очень тихо, и в этой тяжелой, тревожной тишине Сфандра почти против своей воли спросила:

— Где душа?

Ей казалось, что она утратила тело и летит куда-то. Словно издали донесся до нее пронзительный смех жрицы.

— Ты! — крикнула она. — Душа храма — человек, преклоняющий колена! Человек, которому нужно божество! Смирный и униженный перед высшими сила-

ми! А у них, — она резко выбросила вперед руку, указывая на изваяния, — нет души. Они убили Безымянного Бога, своего отца, потому что он был слишком велик и слишком бескорыстен. И они записали на стенах свой погребальный плач по отцу, Сфандра, чтобы подобные тебе, придя сюда, рыдали над его гибелью вместо них...

Светлое детское лицо Алат сияло над синим камнем. Беспощадное детское лицо. И Сфандра уже знала, что никогда не сможет протянуть руку и взять синий камень, отобрать его у богини.

Высоким голосом, в котором звенела медь, жрица начала читать погребальный плач. Сфандра почти не разбирала слов, и только звук этого ледяного голоса завораживал ее.

Голос отзвенел, и сразу же стихли струны. Два окна закрылись, и теперь в лучах света стояли только веселая Алат и жрица в струящемся алом шелке, словно охваченная огнем. Губы ее стали совсем черными, глаза смотрели и не видели. Сфандра стиснула зубы так, что заныли скулы. В ушах гремела тишина — бешено стучала кровь, и уходило, уходило эхо грохочущих струн.

Глухой грудной голос произнес:

— Жертва. Алат ждет.

— Но у меня нет ничего, — еле слышно ответила Сфандра.

Тот же голос отозвался:

— Отдай ей свои серьги.

Девушка повиновалась. Золотые диски исчезли в складках одеяния жрицы. Затем она сказала:

— Человек может дать богине свою кровь или свое слово.

Кто это говорит, в полусне подумала Сфандра. Губы жрицы были плотно сжаты. Но у девушки больше не было своей воли. Она протянула руки, подставляя под жертвенный нож свои вены. Из другого угла кто-то нараспев произносит:

— Прежде, чем отдать свою кровь, пусть отдаст свое слово.

И сразу ожили и зашумели те, кто сидел вдоль стен, повторяя глухими подземными голосами:

— Слово! Слово! Пусть отдаст слово!

— Слово! — пронзительно вскрикнула жрица.

Сфандра смотрела на нее, не отрываясь. Она подавалась вперед, стиснула на поясе руки. Она не понимала. Дым пропитал ее легкие, затуманил глаза. Кровь шумит, как водопад. Светлое безжалостное лицо с раскосыми глазами оживает, пухлые губы вот-вот дрогнут в усмешке.

— Скажи слово, — требовательно повторила жрица. — Слово, любое, первое попавшееся.

Сфандра набрала в грудь отравленного воздуха и поняла, что никак не может решиться. Ее сотрясала дрожь.

— Говори, не думай! — Лицо жрицы пылало яростью. — Слово! Говори!

Теряя силы, Сфандра выкрикнула:

— Алазат!

Она видела только луч света и страстное лицо в этом луче: черные глаза, огромные, ввалившиеся, горящие; темный, скорбный рот. И если бы из луча ей крикнул медный голос: «умри!», она бы умерла. Не понадобилось бы резать вены и обмазывать кровью ноги и руки девочки из алебастра. Сфандра просто опустилась бы на пол и перестала дышать...

7. ВОСПОМИНАНИЕ

Минуло несколько часов. Алвари начал проявлять признаки беспокойства. Он расхаживал взад-вперед по площади и успел уже повздорить с двумя водоносами, которые простодушно потешались над его заносчивостью, не соответствующей столь малому росту. Конан кусал губы, но не вмешивался. Склочный карлик в конце концов не слишком-то привлекал к себе внимание. Уродцам положено иметь дурной нрав, это только работает на их образ.

— Должно быть, хозяин плохо кормит тебя, вот ты и не вырос, — заметил под конец один из водоносов, чем окончательно вывел гнома из себя.

— Хозяин, смотри ты! — взревел Алвари. — Кто мой хозяин, этот верзила? Да будет тебе известно, у меня нет никакого хозяина, кроме несчастливой судьбы, забросившей меня в эту проклятую богами землю...

От хохота водонос чуть не выронил кожаное ведро.

— Ладно злиться, коротышка, — сказал он напоследок дружески и сунул Алвари горстку фиников. — Лучше подкрепись, да не раздувайся так, а то лопнешь.

Алвари плюнул, однако финики взял, после чего сел в пыль возле колодца и мрачно уставился в землю перед собой.

— Уже полдень, — сказал он. — Что ж нам, так и сидеть тут в ожидании, пока казаки проспят и отыщут нас прямо возле храма?

Конан не ответил. И тут дверь бесшумно распахнулась и появился жрец с девушкой на руках. Она лежала, запрокинув голову, словно подставляя горло под жертвенный нож. Конан вскочил. Жрец стоял на ступеньках, не двигаясь и не произнося ни слова. Когда варвар подбежал к нему, он передал ему Сфандру и исчез за дверью.

Алвари подошел, с любопытством глянул на Сфандру. Шершавой короткопалой рукой коснулся жилки на шее.

— Живая, — сказал он.

— Убери лапы, ты ее придушишь, — сердито сказал Конан.

— Куда мы теперь с этим трупом? — спросил бессердечный Алвари. — Они обкурили ее какой-то отравой. Смотри, во что она превратилась. Не наболтала бы там лишнего, в храме. Язык у женщин без костей, а доверять им тайну — все равно что рассказать ее целому свету.

— В лавку, к старику, — решил Конан. — Думаю, он поставит ее на ноги.

— Обуза, — пробубнил Алвари. — Эх, бросить бы ее здесь и позабыть...

Конан только яростно глянул на него и почти бегом отправился к знакомому дому с низкой дверью.

Но когда они подошли к лавке старика, им открылась страшная картина. Дверь, сорванная с петель, валялась в пыли. Рассыпанные бусы усеяли дорогу перед домом. В пыли остались кровавые пятна и обрывок кожи с волосами. Глиняные и фарфоровые черепки валялись повсюду, и в некоторых остались капельки крови. Судя по множеству следов, оставленных копытами лошадей, здесь побывал отряд человек в десять — пятнадцать.

— Казаки! — с ужасом и отвращением произнес Алвари.

С девушкой на руках Конан бросился в лавку и чуть не споткнулся о тело старика, распростертое на пороге. Он уложил Сфандру на тощие ковры, сваленные кучей возле печки, и наклонился над стариком, переворачивая его на спину. Старик был мертв, Конан понял это сразу, до того, как коснулся еще теплого тела. Казаки побывали здесь совсем недавно. Наверняка сейчас они уже возле храма Алат.

Ругаясь сквозь зубы, Конан прошел во вторую комнату лавчонки. Глинобитные стены были забрызганы кровью, в нескольких местах остались пятна, как будто кто-то хватался за них окровавленными руками. Под ногами хрустели черепки и разбитые раковины. Под коврами Конан нашел труп казака — дюжего широколицего детины. Тонкий нож попал ему прямо в сердце. Второй корчился у стены с распоротым животом, и Конан без всякой жалости добил его. Он был страшно зол на казаков из-за старика. Третий, с легкой раной, притаился за дверью и прыгнул на Конана, когда тот оказался рядом. Но шорох выдал его, и варвар успел отпрыгнуть. К тому же, его противник был ранен в правую руку, так что с ним долго возиться не пришлось. Конан обезоружил его коротким, точным уда-

ром, после чего придавил к стене и поднес меч к его горлу.

— Кого вы здесь искали? — спросил он.

— Тебя, — хрипло выдавил казак.

— Сколько вас?

— Теперь тринадцать.

— Считая тебя?

— Да.

— Значит, двенадцать, — поправил его варвар. — Зачем вы убили старика?

— Он не хотел ничего говорить. Ходо был пьян, ну и...

— Кто так отделал твоих приятелей, а? Неужели старик?

— Нет, мальчик. Настоящий чертенок.

— Где он?

Вместо ответа пленник указал бородой куда-то в угол. Конан присмотрелся и понял, что то, что он принял поначалу за груды тряпья, было телом мальчика. Он лежал, скорчившись, и все еще сжимал в смуглых пальцах окровавленный нож.

— Алвари! — громко позвал Конан.

Спустя несколько секунд гном показался в комнате и, щуря и без того узкие глаза, обвел ее взглядом.

— Ну и разгром, — сказал он. — Сколько добра погибло! Как ты полагаешь, Конан, не будет большим грехом взять себе какую-нибудь раковину на память? Думаю, старик не останется на меня в обиде.

Вместо ответа Конан кивком головы указал на мальчика.

— Посмотри, что с ним.

Алвари присел рядом на корточки, хозяйским жестом пошарил в тряпках, потом вынул руку и посмотрел на кровь.

— Боюсь, ему уже ничем не поможешь, — сказал он расстроено. — Я мог бы залечить эту рану, если бы он не умер от нее. Жаль, это произошло совсем недавно.

— Он умер как воин, — торжественным тоном про-

изнес Конан. — Он приведет с собой к престолу Крома убитых врагов, и жестокий бог улыбнется ему.

С этими словами он перерезал горло третьему казаку. Захлебываясь кровью, тот мешком свалился к ногам варвара. Конан перешагнул через труп и подошел к Алвари. Гном, ошеломленный легкостью, с которой было совершено последнее убийство, шарахнулся в сторону. Не замечая этого, Конан поднял убитого мальчика на руки и вынес в «парадный зал» лавчонки, где на коврах спала и тяжело дышала во сне Сфандра. Он бережно уложил ношу посреди комнаты.

Алвари, семеня, выскочил к нему.

— Что ты собираешься делать, чудовище?

— Устроить погребальный костер, разумеется, — ответил Конан, удивленный таким глупым вопросом. — Эти люди погибли потому, что не выдали нас преследователям. Думаю, старик поступил так, ибо был человеком чести и не хотел нарушать законов гостеприимства, а слуга защищал своего хозяина. Оба — достойные люди и я не собираюсь уклоняться от своего долга и отдам им все надлежащие почести.

— Погоди хоть до тех пор, пока эта девка очнется, — сказал гном. — Или ты хочешь спалить и ее вместе с трупами? Если да, то скажу тебе: это первая умная мысль, которая пришла тебе в голову с тех пор, как ты освободил меня из Аскольдовых лап.

— Нет, — задумчиво откликнулся Конан. — Мы останемся здесь до ночи. Казаки не придут сюда. Они будут искать нас совсем в других местах.

— Если только кто-нибудь не видел, как мы сюда входили, — заметил гном.

— Надеюсь, что этого не произошло. Мне нужно будет расспросить Сфандру, а к ночи я заберусь в храм и сделаю все, что нужно. Затем мы подождем лавку и уйдем из города.

— Ночью ворота закрыты, — снова предупредил гном.

— Мы уйдем из города, — зарычал варвар. — Я не посмотрю на то, что какие-то там дурацкие ворота

закрыты. Киммерийцы ходят по отвесным стенам, как мухи, да будет тебе известно, а перетащить на спине девушку и такого коротышку, как ты, для меня пара пустяков.

Гном зыркнул на него ядовито-зелеными глазами, однако говорить ничего не стал.

— Спорить с тобой все равно бесполезно, — сказал он с тяжелым вздохом. — Принеси тогда уж и тело старика сюда, пока на него не слетелись вороны.

Прошло два часа прежде, чем Сфандра пошевелилась на облезлых коврах и громко застонала. Конан, производивший смётр оружие, своему и захваченному у поверженного врага, быстро отложил в сторону тонкий кинжал, вытасченный из груди одного из убитых казаков, и повернулся к ней.

— Сфандра.

Она открыла глаза, встретила с ним взглядом.

— Это ты, Конан?

— Конечно.

— Где мы?

— В лавке, торговавшей амулетами, талисманами и всяким полумагическим зельем.

— Артемида Владычица! Кто это так ее разгромил?

Конан побагровел от возмущения.

— Неужели ты думаешь, Сфандра, что Конан-киммериец воюет с лавочниками и маленькими колдунами? Если бы мы находились в логове огнедышащего дракона, ты могла бы еще позволить себе такие намеки...

— Тише, тише, что ты разошелся, — встрял Алвари. — Благородная госпожа ни на что не намекала. Она просто задала вопрос. И мне кажется, что вопрос вполне закономерный. Особенно если учесть, что благородная госпожа лежит на одном ковре с двумя трупами, а в соседней комнате плавают в лужах крови еще трое убиенных.

Признав справедливость этого замечания, Конан опустил лохматую черноволосую голову и проворчал:

— Казаки здесь были. Те самые, что гонятся за мной. Мы с Алвари, как ты помнишь, ночевали в этой лавке. Видно, кто-то из добрых соседей донес о том бравым парням на лошадях и с саблями, после чего они вломились в лавку. Старик оказался кремнем: ничего им не сказал, вот они с ним и расправились...

Сфандра помолчала, а потом спокойно произнесла:

— Дожить до старости и погибнуть от удара холодной стали — лучшая участь, какой может пожелать себе человек.

— Я тоже так думаю, — проворчал Конан.

— Еще немного, и вы оба придете к выводу, что облагодетельствовали старца, послужив причиной его гибели, — вмешался Алвари.

Ни Конан, ни амазонка не обратили на это заявление ни малейшего внимания.

— Расскажи мне о храме Алат, Сфандра, — попросил Конан. — Ты видела камень?

Глаза Сфандры затянуло дымкой, когда она вызвала в памяти все, что случилось с ней в храме. Словно какой-то барьер был положен воспоминаниям, и она с трудом пробивалась сквозь него, мысленно переживая вновь свое странное приключение.

— В первом помещении были люди, — с усилием произнесла она. — Много. Вероятно, жрецы. Они сидели вдоль стен.

— У них было оружие? — жадно спросил Конан.

— Нет. Они были похожи на духов преисподней.

Конан поморщился. Он не любил бессмысленных сравнений. Куда больше интересовали его боевые качества врага.

— Духи преисподней? — морща нос, переспросил он. — Сколько у них ног, рук, голов? Есть ли клыки? Материальны ли они? Я в том смысле, можно ли их разрубить мечом?

— Ах нет, я не о том, — покачала головой Сфандра. — Мне они показались неживыми... Не вполне живыми. Может быть, это были пришельцы из царст-

ва мертвых. Или одурманенные наркотиками жрецы, или просто фанатики...

— Ладно, оставим пока твоих зомби, — нетерпеливо перебил ее Конан. — Рассказывай дальше.

— Вперед вышла жрица... Она пошла прямо в стену, и стена расступилась перед ней, открывая доступ во второе храмовое помещение.

— Механизм, — сказал Конан. — Как он выглядел?

— Да, теперь я вспоминаю... Четыре лепестка раздвинулись, пропуская нас, и снова сомкнулись за спиной.

— Каким образом это произошло? Она надела на какую-нибудь кнопку? Или там бегали рабы и крутили ворот? Рычаг?

— Я не помню... — На глазах Сфандры выступили слезы. — Я действительно не помню, Конан. Не мучай меня.

— Кром! Женщина, так для чего же ты ходила в храм? Тебя могли там убить, и ты погибла бы без всякой пользы для дела! Ты и сейчас еле дышишь, тебя отравили там какой-то дурманящей дрянью, и теперь, если ты умрешь от этого яда, ты будешь умирать с сознанием того, что жертва твоя напрасна и ничего, кроме глупости, ты не совершила!

— Прости меня... Я стараюсь. Я сейчас все вспомню.

— Камень, — вмешался Алвари. — Ты видела Алазат Харра?

— Да. — При этом слове перед ее мысленным взором мгновенно встал камень. Только его Сфандра и видела. Как в тумане, расплывалась и терялась статуя богини-девочки, маленькой воительницы в солдатском племе, которая насмешливо смотрела на нее раскосыми глазами. Пеленой были подернуты и стены храма с их диковинными письмами, и алый шелк, струящийся с плеч черноглазой жрицы. И только большой темно-синий камень сиял на круглом щите. Но камень светился не только изнутри. Луч света падал на

него... Откуда? Она болезненно хмурила лоб, пытаясь вспомнить. Но видела один только камень.

— Как он там? — допытывался Алвари. — Они ничего с ним не сделали? Не вздумали, упаси Митра, огранить его или отшлифовать?

— Нет... Он — Власть и Сила, — сказала Сфандра. — Он чудо, величайшее из всех, что я видела, а мне приходилось участвовать в грабительских набегах и я перевидала немало падишахских сокровищниц.

— Все это пустая болтовня, — вмешался Конан. — Я и сам кое-что видел, так что нечего попусту развлекаться хвастовством. Где находится камень?

— Он украшает середину щита статуи Алат во внутреннем помещении храма. Я помню, что он был ярко освещен. Да, — медленно проговорила она, — теперь припоминаю, на него падал луч света. Он падал... из потолочного окна! На крыше есть окно, и в какой-то миг оно раздвинулось...

— Кто открыл его? Ты слышала какой-нибудь скрежет? Какой-нибудь звук? — допытывался Конан.

— Нет... Мне тогда казалось, что его открыли звуки лютни...

— Чушь, — отрезал Конан. — Окно открылось, потому что люди сдвинули какой-нибудь засов, вот и все. Итак, детка, ты узнала немного, но это все же лучше, чем ничего. Камень в щите статуи, а на потолке храма есть окно. Я правильно тебя понял?

— Да. Но... Было что-то еще...

Она силилась вспомнить и не могла.

Несколько секунд Конан пристально смотрел на нее, но потом, видя, как она мучается, махнул рукой.

— Все выяснится на месте, когда я буду уже там, в храме. Постарайся поспать и прийти в себя, девочка. Ночью тебе понадобятся силы. Как только я вернусь сюда с камнем, будем уходить. Жрецы наверняка обнаружат его отсутствие почти сразу же.

— Жрецы... — повторила Сфандра. — Они о чем-то спрашивали меня. Боги, я ничего не могу вспомнить!

— Лучше поспи, — сказал Конан.

Ночью храм Алат показался ему куда больше, чем днем. Притаившись в тени колодца, Конан осматривал высокие глухие стены, прикидывая, где бы лучше забраться на крышу. Проклятье, если бы несчастная дурочка приметила, нет ли лестниц, ведущих на крышу, ему было бы легче ориентироваться. Ладно, решил про себя Конан, будем исходить из того, что лучники на крыше имеются. Сколько их может там быть? Не больше двоих, решил он. Этого вполне хватит, чтобы прикончить любого самоубийцу, которому вздумается забраться в храм. Он хищно усмехнулся. Ну конечно, ведь эти люди исходят из того, что в Гиркании нет киммерийцев. Придется показать им, насколько роковым было их заблуждение.

Пригибаясь, он перебежал через площадь и оказался под самой стеной. Сандалии и плащ он оставил в лавке и теперь был почти голым, если не считать набедренной повязки и ножен с мечом. В руке он держал длинную веревку с крюком — давнее и испытанное средство штурма неприступных стен, скрывающих сокровища. Конан раскрутил веревку и забросил крюк за край стены.

— Ну вот, если лучники там, то они заметили крюк и непременно обрубят веревку, дабы вор вдребезги разбился о мостовую, — пробормотал он еле слышно. Он натянул и подергал веревку. Наблюдателю, если таковой имелся на крыше, показалось бы, что кто-то карабкается вверх. Однако к крюку никто не подошел. Конан потер ладони и взялся за веревку. Выбора не оставалось — нужно лезть.

Спустя несколько минут он был уже наверху и осматривался. Никого. Безумцы, неужели они так доверяют могуществу своей богини, что даже не считают нужным охранять ее? Нет такого бога, который помешал бы Конану украсть то, на что он положил глаз!

С этой страдной мыслью киммериец принялся осматривать плоскую серую крышу. При ярком лунном свете он увидел блестящие медные лепестки, закрыва-

ющие отверстие в полу. Видимо, это и было то потолочное окно, о котором говорила Сфандра. Возле первого, самого большого, он обнаружил еще три, поменьше. Проклятье, сколько же их здесь? Киммериец покусал губу, раздумывая. Вероятнее всего предположить, что самое большое окно предназначено для освещения самого главного храмового объекта. То есть центральной статуи храма или центрального алтаря. Камень, скорее всего, именно там и находится. Если Сфандре не показали фальшивку, вдруг подумал он с тревогой.

Но времени на раздумья оставалось совсем мало. Поэтому Конан решил не мудрствовать лукаво. Камень — главная святыня храма, которая сделала Алат великой. Главная святыня — главный алтарь — самое большое окно. И нечего долго думать. С этой мыслью он начал шарить по крыше в поисках механизма, позволяющего раздвинуть эти четыре лепестка и открыть окно.

Искал он довольно долго. Гораздо дольше, чем считал возможным. Крыша была абсолютно пустой, голой — ни шероховатостей, ни выпуклостей, ни приметных камней с щелями, куда можно вставить пальцы. Ни одного украшения.

— Проклятье, да как же оно открывается! Не верю, что с помощью заклинаний, — пробормотал Конан, озираясь по сторонам. Раздосадованный, он топнул ногой.

И тут послышался легкий щелчок и медленно, бесшумно, плавным движением лепестки раздались в стороны. Конан поднял босую ногу, посмотрел на жесткую подошву, потом перевел взгляд на пол. Ничего. Где-то здесь, в плитах, спрятан потайной механизм. А может быть, его привела в действие вибрация? Сфандра говорила, что лепестки открылись при звуках музыки...

В конце концов, это было неважно. Конан заглянул в открывшееся отверстие и тихонько присвистнул. Пол находился на глубине в десять человеческих

ростов. Веревки хватит едва ли до половины, а остальную часть пути придется проделать по стене. Конан прищурился. Барельефы, надписи, высеченные в камне, — все сойдет в качестве опоры для ловких пальцев рук и ног.

Он прикрепил крюк к краю, зацепив его за один из лепестков, и начал осторожно спускаться. Обвив веревку ногами, он повис в центре храма и огляделся по сторонам. Из темноты выступали три женские фигуры, изваянные с таким искусством, что поначалу Конан принял их за живых. Алебастровые тела женщин светились тихим таинственным светом. Они словно выступали из серого камня храмовых стен. Казалось, еще немного — и они шагнут вперед, поднимут свои мечи...

— Статуи, — пробормотал Конан и начал раскачивать веревку, чтобы ухватиться за стену. После недолгих усилий ему удалось превратиться в длинный маятник и он уже доставал рукой до стены. Наконец, прицелившись полвечее, он схватился рукой за плечо одной из статуй и выпустил веревку. На ощупь камень показался ему странно теплым. Наверное, нагрелся за жаркий день, подумал Конан и перестал забивать себе этим голову. Нужно было думать о том, чтобы спуститься вниз без особых потерь.

Он перебрался на согнутый локоть статуи. Потом, ловко цепляясь за складки ее одежды, спустился на колено, тоже чуть согнутое. Дальнейшее не составляло особого труда. Еще несколько минут — и он уже стоял в центре храма перед статуей Алат, освещенной лунным светом, который струился из широкого окна в потолке. Тень от веревки, болтавшейся под потолком, пересекала детское чужеземное лицо, точно шрам.

При взгляде на богиню Конану на миг стало не по себе. В тишине и безлюдии храма Алат показалась ему живой. Дитя, жестокое в своей невинности. И синий камень, горящий на ее щите. Проклятье, не может же он рассматривать ее вечность!

Статуя была совсем невысокой. Конан протянул ру-

ку и без труда вынул камень из щита Алат. На ощупь Алазат Харра был холодным. Он был страшно тяжел. И от него действительно исходила сила, Конан ощутил это, как только прикоснулся к камню. Но об этом он сможет подумать потом, после, когда будет уже в безопасности. А пока... Конан сунул камень в мешок, привязанный к поясу, и повернулся к стене, чтобы по барельефам и трещинам взобраться на крышу, вытянуть веревку и вернуться в лавку старика тем же путем, каким он пришел сюда.

Но не успел он сделать и двух шагов, как раздался тихий шорох. Конан резко обернулся и выхватил из ножен свой широкий меч.

В лунном свете он увидел, как осыпается алебастр со статуи богини. Теперь в ее круглом щите зияла дыра — там, где раньше был камень. Но алебастр сыпался и сыпался, точно песок, обнажая плечи, руки, голову... Конан не поверил своим глазам. Оболочка стекала с Алат и постепенно освобождала настоящее живое тело! Вот показались черные, коротко стриженные волосы, жесткие, точно перья. Блеснула медь плема... Красная туника поднялась на груди, когда богиня сделала вдох. Припухшие веки поднялись, узкие черные глаза недобрым взором глянули на варвара. Губы шевельнулись...

Конан отступил на шаг и поднял меч.

— Кто ты? — хрипло спросил он. — Предупреждаю, лучше тебе не нападать на меня, кем бы ты ни была!

Девочка-богиня молча смотрела на него. Потом раскинула в стороны руки — одну с продырявленным щитом, другую с коротким кривым мечом и, резко, гортанно вскрикнув, соскочила с пьедестала и бросилась на варвара.

Он отступил еще на шаг, обороняясь от ее бешеного натиска. Алат, если она только действительно была богиней, оказалась нешуточным соперником. Его сбивало с толку, что приходилось сражаться с ребенком, да еще с девочкой, да еще такого малого роста. Но

вскоре Конану стало не до благородства и он позабыл о своем смущении. Три каменных женщины недаром показались ему такими живыми, когда он разглядывал их в лунном свете. Много лет стояли они, замурованные в камень, но вот пришел человек и посмел коснуться синего камня. Он освободил их младшую, любимую сестру, и вызвал к жизни скрытые в ней силы, и она призвала их на помощь. Много лет стояли они неподвижно, готовые сделать шаг и выступить из стены — и вот настал их час. Они выпли из серого камня и, подняв мечи, атаковали варвара с четырех сторон.

Сестры смеялись, и Конан, с трудом сдерживая их атаки, скалил в ответ зубы. Ему приходилось сражаться и с выходцами из могил, и с колдунами, и с ожившими статуями, но всегда то были чудовища, отвратительные, чуждые его человеческому сознанию существа, которых нужно было уничтожить. Эти женщины, ожившие статуи восточных богинь, тоже были его врагами. Но они не были чудовищами. Он понимал их всей своей варварской душой и наслаждался боем, пусть даже неравным.

Окружив Конана, они теснили его к стене, где, как он краем глаза заметил, подергивались медные лепестки — похожие на те, что раскрылись в потолке. Сейчас они были похожи на пасть чудовища, которое в ожидании трапезы нетерпеливо лязгает зубами. Края их, вероятно, были очень острыми. Сестры гнали его прямо в эту пасть, и он понял их намерение. Вильнув в сторону, он прижался спиной к стене.

— Отдай камень и убирайся, варвар! — крикнула старшая из сестер. У нее было черное лицо и одета она была в черную тунику. — Ты храбро сражался, и пусть смерть придет к тебе в свой час.

— Отдай камень нашей сестре и уходи, — сказала вторая, в белом. Она казалась бы юной невестой, если бы не меч в руке. Длинные белые волосы разметались по ее плечам, бледное лицо было печально.

Третья, желтолицая, маленькая, крепко сбитая, едва

ли старше Алат, только скалила зубы в ответ на волчий оскал киммерийца. Она была почти обнажена. Золотистая туника, распоротая мечом варвара, сползла с покатоного крепкого плеча, обнажая плоскую, почти неразвитую грудь. Коротконогая, широкобедрая, маленькая воительница упрямо теснила рослого варвара.

— Мы знали, что сегодня за камнем придут, — сказала Алат. Она, как и ее сестры, говорила на гирканском со странным акцентом, путая звуки «р» и «л», и Конан с трудом понимал ее.

— Откуда? — задыхаясь, спросил он. — Откуда вы могли это знать?

— Э-ха! Да ты пустоголовый варвар! Была здесь утром женщина, Сфандра, дочь Эстред, женщина-воин из степей, приходила склониться предо мной, так она сказала.

— Так она сказала, — подтвердила белолица.

— И солгала она, когда так сказала, — продолжала Алат, опустив меч, но не выпуская Конана из виду. Он понимал, что стоит ему сделать неосторожное движение, и три сестры богини прикончат его, поэтому стоял тихо и внимательно слушал.

— Ложь излетела из уст ее, когда она так сказала, — эхом откликнулась чернокожая и сдвинула густые брови. Большие черные глаза, затененные длинными ресницами, глядели на варвара сурово.

— Совсем не преклониться пришла она, проделав длинный путь через степь и пустыню, эта женщина-воин, Сфандра, дочь Эстред, — продолжала Алат с детской важностью. — Взглянуть на мой камень, на Алазат Харра, украденный много лет назад, — вот зачем она приходила.

— Откуда ты знаешь, Алат с Востока?

— Ха! Эгей, варвар, ты наивен, как ребенок. Она сама сказала мне.

— Разве ее пытали?

— Ха-а, еще одна глупость, которую я слышу от тебя, большой мужчина с маленьким умом. Разве обя-

зательно пытаться человека, чтобы заставить его сказать правду?

— Вы отравили ее, — угрюмо произнес Конан. — Она была еще живой, когда вернулась из храма.

— Вот теперь ты говоришь правильно. Отравы, яда, наркотик — так вы называете этот запах, мы же зовем его асиз.

— Название ничего не меняет. Вы применили подлый прием.

— Мои люди преданы мне, варвар, — величаво, как королева, произнесла маленькая богиня и выпрямилась. — Они охраняют меня. Одурманив женщину, они потребовали у нее слово.

— Слово?

— Обряд жертвоприношения. У невинных берут кровь и обмазывают ею мои ноги в знак их покорности. У коварных берут слово. Асиз заставляет их назвать то, что у них на уме.

— И какое же слово принесла к твоим кровавым ногам Сфандра?

Откинув голову назад, Алат пронзительно расхохоталась.

— А ты не догадался, большой мужчина с маленьким умом? Алазат — вот какое слово было у нее на сердце!

— Это не твой камень, Алат, — сказал Конан осторожно. — Ты сама признала, что его украли.

— Это сделал человек по имени Алазат, и люди убили его. А потом они принесли камень мне, и я стала великой, — сказала Алат. — Ты знаешь об этом.

— Знаю. Но вряд ли это дает тебе право владеть чужой вещью.

— Э-ха, варвар! Не говори, что отдашь его хозяину.

— Отдам.

— Отдать малое, чтоб получить большее — вот что у тебя на уме, чужой человек с севера, — сказала желтолица, усмехаясь. — Ах, какой бы из него получился солдат для богини Алат! Как бы он служил тебе, сестра!

— Отдай мне камень и преклони колена, — строго сказала Алат. — Я одарю тебя своей милостью и ты станешь непобедим, человек с севера.

— Я и без твоих милостей непобедим, дитя.

— Это последнее твоё слово?

— Да! — яростно крикнул варвар и снова поднял меч. — Я не отступлю перед женщинами, будь они даже богинями!

Желтолицая девушка засмеялась.

— На колени, дурак! Ты не знаешь, что такое богини! Ты смертен, а мы бессмертны. Ты один, а нас четверо.

Вместо ответа Конан плюнул.

Оглушительный вой пронёсся по храму. Конан поначалу решил было, что это боевой клич желтолицей. Но через мгновение ошибка стала ему ясна. Четыре богини отпрянули от него в страхе. Между ними и варваром из каменных плит пола выросла огромная фигура ифрита. Пламя лизало ее, вырывалось из пустых глазниц, из пасти. Смердное дыхание демона наполнило зал.

— Старый приятель! — воскликнул Конан. — Откуда ты взялся, урод? Впрочем, ты все равно меня не помнишь!

Вертясь и вырастая все выше, демон ревел и тянулся скрюченными пальцами к четверем сестрам. Три из них отступили, и только Алат гордо вскинула голову в медном шлеме.

— Ты вызвал духа, варвар, — сказала она. — Но не думай, что это поможет тебе. Никогда Алат не отступала перед нечистым.

— Послушай, девочка, почему бы нам не объединиться? Клянусь, этот безмозглый парнишка из преисподней не вызывает у меня дружеских чувств.

— Ты враг, и я буду биться и с тобой, и с демоном, — сказала маленькая богиня.

Краем глаза Конан заметил, что медные лепестки, закрывавшие проход в стене, раздвинуты, и начал продвигаться к ним. Демон, испуская оглушительные воп-

ли, похожие на скрежет ржавых дверных петель, приготовился напасть. Он присел, вытянул шею, подбрался и прыгнул.

Конан опередил его, проскочив в медные ворота. Демон со всего размаха врезался в стену и прожег в ней дыру. Это лишило его на какое-то время равновесия, и он растянулся на полу в большом зале перед дверью, выходящей на площадь. За ним в пролом устремилась Алат. Подняв меч, маленькая богиня бесстрашно набросилась на ифрита.

— Стой! — крикнул Конан. — Осторожней, девочка! Меч не берет его...

Он не успел договорить. Короткий кривой клинок вошел в огненную плоть демона, не причинив ему ни малейшего вреда. Взревев, демон обернулся и набросился на Алат. Она закрылась щитом, забыв о зияющей в нем дыре, и пламя ворвалось в брешь и пронзило ее.

Вскрикнув гортанно и громко, она отлетела к стене, ударилась о камень и застыла. Конан увидел, как алебастр вновь покрывает смуглое детское тело, как превращаются в камень ее ноги в сандалиях, руки, сжимающие оружие, как камнеет округлое лицо с пухлыми губами. Несколько секунд на этом лице жили только узкие черные глаза, сверлившие Конана с нескрываемой ненавистью, а потом застыли и они. Алат вновь превратилась в камень.

Но сожалеть об этом у варвара уже не было времени. Из-за колонн на него набросились притаившиеся там казаки. Они оглушительно вопили, размахивая саблями.

Конан бросился в сторону, успев оказаться за спиной огненного демона. Разъяренное чудовище ревели, как несколько слонов, терзаемых болью. Расплескивая пламя, оно наносило удар за ударом почти вслепую от ярости. Казаки, как могли, уклонялись от могучих лап с грязными кривыми когтями. Паника охватила их, они бросились врассыпную, пытаясь найти укрытие за колоннами и в тени. Лепестки, открывшие было проем

в центральный зал храма, снова захлопнулись, и перед ними, точно охраняя их, в угрожающей позе застыла сама богиня Алат. Синего камня в ее щите не было, и Ходо, предводитель казачьей банды, заметил это, несмотря на царившее вокруг смятение.

— Варвар опередил нас! — закричал он, пытаясь собрать своих людей и направить их в погоню. — Хватайте его!

Но за шумом и суетой никто не слышал его.

Ифрит схватил одного из казаков и сломал ему шею. Хрустнули позвонки. Человек закачался в красной лапе, как тряпка. Демон встряхнул его несколько раз, точно куклу, потом сунул в распахнутую пасть и громко зачавкал, хрустя костями. Спустя некоторое время он с удовольствием обтер окровавленный рот и выплюнул обломки костей в спины убегающим казакам.

Конану, наконец, удалось открыть дверь. Он выскочил в узкую щель и сразу же захлопнул за собой тяжелую створку, сделанную из железного дерева. Медные прутья, наложенные на нее снаружи, тускло блестели в лунном свете. Из-за двери доносилось рычание и пронзительные крики ужаса. Демон заканчивал свою работу.

Конан злобно оскалился, подумав об убитом старике, о мальчике, который погиб, как воин, сражаясь с ножом в руке. Пусть этот Ходо на своей шкуре испытает, что такое беспомощность. Он, Конан, помогать ему не собирается.

Он еще раз ощупал мешочек, убедился, что камень при нем, и быстро и бесшумно побежал по улице.

9. ХОЗЯИН ИФРИТА

В разгромленной лавке было тихо. Конан осторожно заглянул в дверь и отпрянул: из темноты на него взглянули два светящихся кошачьих глаза.

— А, это ты, варвар... — прошептал хриплый голос, и Конан узнал Алвари.

— Я, — сердито сказал он. — И незачем так тарашиться.

Гном удовлетворенно хмыкнул. Но Конан уже вошел в лавку.

— Где Сфандра?

— Я здесь, — отозвалась она, и в темноте тихо зашуршало белое покрывало.

— Оставь эти тряпки, — сказал Конан. — Пора уходить из города.

Он наклонился и стал шарить на полу в поисках огнива. Гном щелкнул пальцами, высек искру и зажег масляную лампу, сделанную в виде сатира, справляющего малую нужду. Комната осветилась неровным, мерцающим светом, и Конан увидел заострившиеся лица мертвецов на ковре, светлые волосы амазонки, схваченные на лбу ремешком, огненную бородицу гнома.

— Ты принес?.. — спросил гном, и его голос внезапно сел от волнения.

— Вот именно, — не без самодовольства подтвердил варвар. — В доме остались лепешки?

— Я напекла, пока ты ходил, — сказала Сфандра.

Конан внимательно посмотрел на нее.

— О! Так ты и это умеешь?

— Нас учили не только махать мечом. Мы не мужчины. Чтобы выжить, женщине мало уметь владеть оружием.

Конан покрутил головой, усмехаясь. Гном не дал ему вставить ни слова.

— Я проследил лично, чтобы она не насыпала туда яда, Конан. Можешь быть спокоен, — заявил он.

— Ты паршивая маленькая нечисть, — беззлобно сказала Сфандра.

— Хватит, — отрезал Конан и пошарил пальцами в мешочке, висящем у него на поясе. — Лучше смотри-те...

Большой синий камень лег на широкую мозолистую руку киммерийца, и синие отблески замерцали на трех склонившихся над ним лицах. Голубой свет

плясал на высоких скулах Сфандры, голубыми искрами рассыпался в белых волосах. Синева горящих глаз киммерийца словно засветилась в ответ на этот огонь, истекающий из кристалла.

— Вот он какой, Алазат Харра, — прошептал Алвари.

— Ты разве никогда не видел его?

— Конечно, нет. Сокровищница гномов вообще закрыта от взоров. Немногие допускаются к созерцанию.

Он протянул руку, заросшую рыжим волосом, и хотел было наложить ее на камень, но Конан сомкнул пальцы.

— Не тяни лапы, — сказал он. — Камень останется у меня, покуда мы не окажемся в горах и ты не отведешь меня к сокровищу. Понял?

Алвари пробубнил нечто нечленораздельное. Конан не стал переспрашивать и счел за лучшее истолковать невнятные звуки, издаваемые гномом, как согласие.

Глаза Сфандры блеснули на миг и тут же погасли. Варвар не заметил этого. Он поднялся, взял в руки лампу.

— А теперь уходим, — сказал он негромко.

Он вылил масло возле двух неподвижных тел и бросил туда же горящий фитиль. С треском занялись старые ковры, поднялся едкий дым. Кашляя, Конан выскочил из лавки. Следом за ним вышли его спутники.

— Где ты видела казацких лошадей, Сфандра? Возле восточных ворот?

— Да, но я не понимаю...

— Поймешь. Веди нас туда и кратчайшим путем. Скоро соседи заметят пожар, а я не хотел бы, чтобы возле горящего дома они обнаружили нас.

— Разумное решение, — сказал Алвари. — Но мне тоже не очень хочется забираться в пасть тигра.

— Какого еще тигра? — не оборачиваясь, спросил Конан, широко шагавший по пустынной улице.

— Я имею в виду казачий отряд, — пояснил Алва-

ри, задыхаясь. — Ты можешь не бежать так быстро, варвар?

— Казаков там нет, — сказал Конан, игнорируя просьбу гнома.

— Как это — нет? — Сфандра остановилась. — Где же они? Ты их видел?

— Видел. Боюсь, что теперь уже нигде. Вероятнее всего, отправились к праотцам.

— Не хочешь ли ты сказать, мальчик, что это ты перебил их, причем один и за такое короткое время? — язвительно поинтересовался гном.

— Не я, — коротко сказал Конан.

— Кто же он, твой таинственный благодетель? Уж не сама ли богиня Алат?

— Наш с тобой старый приятель, огненный демон, — сказал Конан. — Мне снова удалось вызвать его и как раз в тот момент, когда он был мне очень нужен.

— Огненный демон? Вызвать? Да объясните же мне толком, что происходит! — рассердилась Сфандра. — Ты заклинатель демонов, Конан-варвар? Или ты нашел волшебную лампу, в которой заточен дух?

— Ни то и ни другое. Просто у меня есть дурная привычка плевать в лицо врагу, когда тот предлагает мне позорно сложить оружие и сдаться. Я плюнул и...

— О, не продолжай! — взмолился Алвари. — Плюнул и появился огненный дух, потревоженный твоим смачным плевком! Хорошо еще, что дух такой большой, а не то он мог бы и утонуть в слюне.

— Тем хуже для духа, — хмыкнул Конан. — Думаю, сейчас он доедает последнего казака в храме Алат. Пока он гонял их, точно зайцев, по всему храму, я успел удрать.

Он остановился, откинул голову назад и громко захохотал, представив себе ифрита, взбешенного и голодного.

— По-моему, ты рано развеселился, Конан, — негромко сказала Сфандра. — Обернись-ка.

Конан последовал ее совету и увидел в конце улицы странное свечение. Оно приближалось, росло, колыхалось, становилось все больше и больше.

— Батюшки! Накликали уroda! — возопил Алвари.

Демон стремительно приближался. Сфандра отступила на шаг и инстинктивно прижалась к Конану.

— Артемида Стогрудая! Какое чудовище!

— Не трогай меч, — предупредил ее Конан. — Добрая сталь его не берет, уже пробовали. Алат на этом и погорела.

Сфандра непонимающе взглянула на своего спутника, однако ничего переспрашивать не стала.

Демон подошел к трем путникам и растянул пасть, показывая окровавленные клыки. Брюхо демона изрядно раздулось и провисало, однако заметно было также, что могучий орган, недвусмысленно определяющий принадлежность монстра к мужскому полу, нахлылся силой и угрожающе топорщился.

— Сыт, — сказал дух на своем чудовищном наречии, и Конан с удивлением понял, что этот язык больше не кажется ему незнакомым. — Хочу женщину.

Он жадно посмотрел на Сфандру. Взвизгнув, как самая обыкновенная пастушка, девушка спряталась за широкую спину Конана.

Неожиданно для себя варвар заговорил на том же дьявольском наречии, скаля зубы не хуже самого демона:

— Женщина эта не для тебя, урод. Моя она. Ищи другую. Перед ней склонись и отступи.

Демон казался не менее удивленным, чем Конан, обнаружив, что они разговаривают на одном языке и понимают друг друга.

— Хозяин, — сказал он и облизнулся. Потом он осклабился, словно до него дошла какая-то простая вещь. — Узнал тебя. Ты — хозяин. Пил воду с заклинанием ифрита?

Конан, наконец, понял, в чем дело. Старик напоил их волшебной водой, содержащей в себе заклинание

против злого духа. Старый торговец действительно немного смыслил в Искусстве, потому что чары сработали, пусть и несколько неожиданным образом: Конан постиг наречие демона и научился повелевать им. Он ощутил острую жалость к старику: как обидно, что тот умер и не узнал о результате, вызванном его заклинанием! Вместе они бы посмеялись, выпили бы скверного чаю, а мальчишка с растрепанными волосами и исцарапанными коленками сидел бы у ног старика и, раскрыв рот, слушал их разговор...

Качнув головой, Конан вернулся к разговору с демоном.

— Я пил воду ту, — сказал он. — Склонись перед благородной госпожой и отступи. Не нужен мне больше. Все убиты ли в храме том?

— Хо! — радостно ухмыльнулся демон и погладил себя по животу. — Сочные, вкусные мужчины. Много ели козлятины, много пили сладкого вина. Насытили. Добрая добыча. Спасибо, хозяин. Позвал на добрую добычу.

И он сделал попытку поцеловать руку Конана. Отдернув руку, варвар сердито сказал:

— Ну так убирайся. Позову, когда будет еще добрая добыча.

Сопя и вздыхая, демон начал уходить под землю. Конан повернулся к нему спиной и двинулся дальше. Сфандра и Алвари, оба с раскрытыми от изумления ртами, побежали следом. За спиной варвара они, позабыв о своей давней вражде, переглядывались и пожимали плечами. Алвари покрутил пальцем у виска, намекая на умственную отсталость киммерийца. Сфандра пожалала плечами.

Наконец, когда демон уже скрылся из виду, Конан остановился и обернулся к своим спутникам.

— Может быть, ты объяснишь, наконец, что все это значит? — налетел на него Алвари. — Ты заключил союз с нечистой силой?

— Что-о? Вот еще глупости! — Конан даже поперхнулся. — Разве ты не понял, что говорил ифрит?

— Конечно, нет! Откуда мне знать его варвар... кх-х! я хотел сказать, его дьявольское наречие! Меня удивляет только, что ты его понимал и даже вступал с ним в какие-то переговоры!

— Погоди... А ты разве не пил воду с заклинанием, которую налил нам старик?

— Я? Что я, с ума сошел хлебать всякое ядовитое пойло, какое мне суют разные сумасшедшие старики!

— Ясно, — сказал Конан. — В напиток действительно были чары. И ифрит признал во мне своего хозяина. Так что если в следующий раз он тебя слопаёт, не спросивши меня, винить можешь в этом только свою глупость. Надо было тоже пить, а не думать, что ты умнее всех.

— Доверчивость до добра не доводит, — наставительно сказал гном.

— А излишняя предусмотрительность может обернуться прямой глупостью, — отрезал варвар. — Когда предлагают помощь, нужно брать.

— Восточные ворота, — перебила спорщиков Сфандра. — Вот казацкие лошади. У той коновязи, что с резной головой Сэта. Но я не совсем понимаю, как ты хочешь выбраться из города. Ворота будут закрыты до утра.

— Наш скалолаз собирался покорять штурмом эти гладкие стены, — ядовитым голосом пояснил Алвари. — Он, помнится, говорил, что перетащить на себе через них одну девушку и одного мужчину из племени гномов для такой груды мышц, как он, не составит ни малейшего труда. Я думаю, что и три лошади не слишком обременят нашего богатыря.

Конан не отреагировал на эти слова, но мысленно поклялся отомстить злобному существу, как только подвернется возможность.

— Переночуем здесь, — сказал он. — Если ифрит и вправду сожрал всех казаков, как он уверяет, то опасаться нам нечего. Во всяком случае, до рассвета.

— А жрецы Алат?

— У них будет достаточно забот с уборкой трупов. Да и кроме того, в храме произошло маленькое чудо... Богиня... А!

Он махнул рукой, повалился на солому возле лошадиной морды и мгновенно уснул.

10. СИНИЙ КАМЕНЬ ОЖИВАЕТ

К северу от Хорбула начинаются бескрайние гирканские степи. Они простираются почти до самих гор. Одни называют этот хребет, синеватый вдаль неясной громадой, Горами Серых Обезьян; те же, кто выстроил жилище у горных отрогов, — просто Горами, ибо этим простым людям, которые не бывали дальше соседнего поселка, во все времена казалось, будто этот хребет — единственные горы на свете и других нет. Немногие из местных жителей отваживались на вылазку в степи; что же касается Гор, то там не бывал никто. Всякое болтают про Горы, может, кое-что из слухов да сплетен — правда. Кто меньше нос везде сует, тот два века проживет — таково было всеобщее мнение.

Об этом-то и толковал со своей женой старый Ондро, содержатель убогой харчевни — последней перед Горами. Окна комнаты, где ужинали старики-хозяева (это была крошечная каморка, расположенная между помещением для гостей и кухней с большим очагом и почерневшей медной посудой на крюках), выходили на степь, и, медленно пережевывая кусок хлеба, Ондро то и дело поглядывал в окно — не принесет ли нелегкая, часом, в эти края чужого, которому понадобятся ужин и ночлег?

— Плохие времена настали, — сказал он, наконец, со вздохом, откинувшись к стене и поковырял в зубах ножом. — Караваны все чаще проходят стороной, а странников, что бродят по свету за удачей, и вовсе как не бывало. И куда только они подевались?

— Смотри, — перебила его жена, вдруг прильнув к окну. — Трое. И, похоже: к нам едут.

— Где? — Забыв о своей меланхолии, Ондро отпихнул жену в сторону и сам уставился в окно. Он увидел, что по степи и впрямь едут трое, явно направляясь в сторону харчевни. Прищурившись, трактирщик принялся разглядывать путников.

— Что ты уставился на них, как девка на суженого? — недовольным тоном произнесла жена и поднялась, охая и держась за пояснуцу. — Я и не глядя скажу: голодранцы они. Толку с них все равно не будет. Еще и за постой не заплатят, а то напьются и посуду перебьют. А там и до пожара недалеко, храни нас Митра! Лучше их вообще на порог не пускать...

— Таких, пожалуй, непустишь, — пробормотал Ондро, разглядывая широкоплечего верзилу с огромным мечом за спиной, светловолосого лучника, гибкого и стройного, в колчане которого, несомненно, было полно стрел, и третьего... кто же третий? Вроде ребенок...

— А ты не пускай их и все, — уперлась жена. — Для голодранцев ковылек — постелить под бок, ночной туман — укрыться, утренняя роса — напиться. Так у нас в деревне говорили.

— Поменьше бы у вас в деревне разговаривали, — проворчал Ондро, — глядь, и я бы горя меньше знал.

— А как если они разбойники?

— Настоящий трактирщик и сам немного разбойник, — провозгласил старик и подбоченился.

Жена покосилась на него с ядовитой усмешкой.

— Это точно. Разбойник, еще какой. Пока настоящих бандюг не повстречает.

Тем временем трое путников были уже возле самой харчевни. Рослый парень слез с лошади и рукояткой кинжала постучал в синий оконный ставень.

— Иду! — тонким голосом крикнул Ондро и почти сразу же суетливо распахнул дверь. Пригнувшись перед низкой притолокой, бродяга вошел и огляделся в пустой комнате с длинными столами, закопченным потолком и грязным полом. Под ногами хрустели крошки, осколки костей — немые свидетельства ми-

нувших трапез. Усмехнувшись, пришелец уселся на лавку спиной к стене и вытянул под столом ноги.

Только теперь хозяин хорошенько рассмотрел его и поежился под взглядом холодных синих глаз, сверкавших на обветренном, загорелом лице. Незнакомец оказался моложе, чем выглядел на первый взгляд, но мысль о его юности не принесла старому Ондро никакого успокоения. Чем меньше лет, тем меньше ума, а что уж говорить о терпении!

Лучник между тем привязал лошадей под навесом, самовольно засыпал им овса из хозяйского запаса и тоже вошел в харчевню в сопровождении третьего — ребенка-неребенка. То, что лучник оказался женщиной, высокой, стройной, сильной женщиной с дерзкими светлыми глазами, произвело на хозяина не слишком большое впечатление. Об амазонках он был наслышан. Обычно эти дамы не творили бесчинств, разве что какому-нибудь самоубийце вздумается покуситься на честь одной из них. Тут воинственные девы хватались за оружие и сметали все на своем пути.

Но Ондро тут же забыл и думать об амазонках, как только разглядел как следует третьего. Ой-ой. Вовсе не ребенок это был. Приземистый, с огненно-рыжей бородищей и узкими зелеными глазами на румянном лице... Старик почувствовал, что ноги у него подгибаются и по телу пробежали дрожь и холодок дурного предчувствия. Он от души надеялся, что люди отошлют карлика спать куда-нибудь на конюшню, и ему, Ондро, не придется иметь с загадочным уродцем никакого дела. От одной только мысли провести с ним ночь под одной крышей старика бросало в холод.

Однако заговорил с ним именно карлик.

— Ну, что вылупился? — рявкнул он низким, хриплым голосом, неприятным, как скрип ржавых петель, и старика опять пробрала дрожь. — Ужин для трех благородных господ и три уютных комнаты переночевать.

— Одну комнату, — подал голос рослый варвар,

сидевший у стены. — Я не хочу утром проснуться и обнаружить, что ты ночью сбежал, Алвари.

— А мне до смерти надоели ваши дурацкие морды! — взвизгнул Алвари, и из его зеленых глаз точно искры посыпались, так он засверкал ими. — Мне осточертело ваше смердящее дыхание, вонь ваших потных тел, ядовитый запах человечины...

— Полегче, ты, — угрожающе произнесла женщина. — Ты тоже, знаешь ли, не благоуханный куст шиповника.

— Что ты понимаешь, глупая гусыня, — огрызнулся гном. — От человека несет хуже, чем от мокрой бродячей собаки...

— Благородные господа, нет смысла ссориться, — примирительно заметил Ондро. Он очень боялся, что эта, судя по всему, не слишком дружная компания тут же учинит драку. — Каждый пахнет, как может.

— И слушать ночи напролет, как эта девка ворочается, вздыхает и сопит, и все потому, что один недогадливый варвар не обращает на нее внимания, — не унимался Алвари.

Покраснев до ушей, Сфандра прошипела:

— Молчи, коротышка!

Конан резко хлопнул ладонью по столу.

— Словом, ночевать будем в одной комнате. А сейчас, хозяин, принеси-ка нам поесть. И выпить.

Хозяин деликатно помялся и, наконец, сообщил, что нынче все ужас как воздородило и жизнь стала такая тяжелая — не передать. Опять неприятно усмехнувшись, Конан положил на стол перед собой пригоршню серебра. Оборвав на полуслове печальные речи, старик поспешно схватил деньги и, семена, побежал на кухню.

Жена его уже гремела кастрюлями, справедливо рассудив, что лучше уж остаться внакладе и накормить этих бродяг задаром (пусть подавятся и пусть их брюхо разорвет пресветлый и справедливейший Митра!), чем вызвать их гнев и быть изрубленными на куски.

Однако ужин прошел, несмотря ни на что, спокойно. Все трое молча жевали жареное мясо (Конан вполголоса предположил, что старик ради такого случая срезал подметки со своих сапог, но остальные не поддерживали беседы), грызли черствый хлеб, размачивая его в жиденьком красном вине, и, насколько мог подметить хозяин, даже взглядом не обменялись. Потом поднялись по скрипучей деревянной лестнице наверх, в приготовленную для них комнату, — все трое: впереди варвар с масляной лампой в руке, за ним гном и последней — женщина. Неверный свет тускло горящей лампы играл на рукояти меча, высывающейся из-за широкого плеча Конана. Дверь захлопнулась, и больше с верхнего этажа не доносилось ни звука.

Комната была совсем маленькая, с узким щелевидным окошком под потолком. Мебели здесь не имелось вовсе, если не считать трех соломенных тюфяков, уложенных в горку возле стены, и медного подсвечника с огарком. Щелкнув пальцами, Алвари зажег свечку, и все трое внимательно осмотрелись. По направлению сквозняка Конан определил, что потайных ходов и скрытых дверей в камерке не имеется. Глядя на серьезный вид, с которым варвар производил осмотр, гном отпустил пару ухмылок, но Конан не обратил на это ни малейшего внимания. Он делал то, что считал нужным, а до мнения окружающих ему дела не было.

Наконец, Конан взялся за тюфяки. Один швырнул к окну, второй постелил у двери, третий пинками выгнал на середину комнаты.

— Сфандра, будешь спать у окошка, — распорядился он. — Если услышишь снаружи шум, стреляй не раздумывая. Наш низкорослый друг, я думаю, для такого окошка слишком плотно поужинал, но на всякий случай следи, чтобы ему не пришла в голову мысль прогуляться. Кто знает, вдруг он перепутает что-нибудь спросонок и решит выйти на двор через окно...

— Крыса! — взвизгнула Сфандра и отскочила в сторону, едва не своротив свечку.

Едва глянув на щель между досками пола и стены, откуда высывалась нахальная морда с усами, Конан метнул кинжал. Раздался удар, писк, потом все стихло.

— Ну так вот, — невозмутимо продолжал варвар, — Сфандра, ты будешь следить за окошком. Я лягу с мечом возле двери. Почетное место в центре — для Алвари.

— Ты, похоже, уже решил, будто ты умнее всех, варвар, — сердито сказал Алвари. — А камень-то, между прочим, при себе держишь. За дураков нас считаешь. Мы все имеем права на него. И благородная госпожа тоже. Сколько, бедная, натерпелась — и все ради того, чтобы какой-то бродяга-варвар заграбастал сокровище и никому его даже не показывал.

Конан спокойно пересек комнату и выдернул из досок свой кинжал. Вытирая кровь с клинка о штаны, он проговорил:

— Я бы посоветовал тебе молчать, Алвари. Иначе я засуну тебе в рот вместо кляпа дохлую крысу.

Алвари успел изучить Конана достаточно хорошо, чтобы понять: угроза варвара не была пустой. Киммерийский бандит вполне способен на такую выходку. Поэтому гном только пробормотал под нос проклятие и с хрустом растянулся на соломенном тюфяке. Ничего, подумал он мстительно, дайте мне только попасть в горы. Там я покажу этим верзилам, на что способен мужчина из великого племени гномов. Они еще плачут, таскаясь по горам в поисках золота гномов. Дайте только ступить на родную землю, а там...

Укладываясь спать возле двери, Конан тоже думал о горах. Он невольно задавался вопросом, похожи ли эти старые, лесистые горы на суровые ледяные скалы его родной Киммерии — хоть немного? Конан заприщипал на лице гнома злорадную ухмылку, когда тот смотрел на зеленые склоны в окно, и понимал, что она означает: Алвари собирается удрать от людей в горах, надеясь на то, что Конан и амазонка — чужие в этих краях — не сумеют поймать юркого гнома, которому ведома здесь каждая тропинка. Алвари просто не по-

нимает, что такое киммерийцы, подумал Конан с высокомерной жалостью, хмыкнул в темноте и уснул сном праведника.

Он был бы далеко не так спокоен, если бы заметил, что последняя фраза гнома достигла цели. Сидя на своем тюфяке возле окна, Сфандра неподвижно смотрела на спящие лица своих спутников, и в ее светлых, широко расставленных глазах застыло странное выражение.

Громкий топот ног, гортанные резкие выкрики, проклятия и богохульства, звон металла и треск ломающихся досок разбудили посреди ночи хозяев харчевни. Они вскочили с постели, подброшенные ужасом. Путаясь в длинном ночном одеянии, Ондра помчался вверх по лестнице. Огонек лампы прыгал в его руке, масло в глиняной лампе, грубой поделке, изображающей утку, плескалось. Жена с криком пыталась остановить его. И вдруг оба замерли, раскрыв рты. Дверь каморки, где остановились на ночлег трое странных путешественников, была словно охвачена синим пламенем. Таинственный голубой свет струился из всех щелей, просачивался между дверью и косяком, заливал сказочным мерцанием темный коридор и перила лестницы.

— Боги!.. Что это? — прошептал Ондра.

Дверь содрогалась, словно об нее всем телом бился какой-то крупный зверь.

Взвизгнув, жена трактирщика со всех ног бросилась вон из дома...

Конан проснулся как раз в тот момент, когда через него кто-то осторожно перешагивал, одновременно надавливая на ручку двери. Вскинув руку, варвар ухватился за щиколотку пытавшегося бежать и резким рывком опрокинул его. На Конана повалилось тело беглеца. Еще миг и варвар скрутил ему руки и только после этого понял, что держит железной хваткой не

Алвари, как он подумал поначалу, а Сфандру. От удивления он даже выпустил ее.

— Ты куда это собралась? — спросил он.

Ее глаза блеснули в полумраке. В окне за ее спиной небо уже окрасилось розоватым светом. Близилось утро, однако в комнате было еще темно. В темноте засветились две узких зеленых щелки — Алвари проснулся и с нескрываемым злорадством принялся наблюдать за людьми.

— Наподдай ей, как следует, Конан! — хрипло сказал гном. — Разве ты не видишь, что она украла камень?

Конан поискал мешочек на поясе. Его не было. Ловкая бестия, подумал он о девушке с невольным уважением профессионала, и тут же мимолетная симпатия к той, что могла бы сравниться с ним в воровском ремесле, сменилась яростью. Эта змея хотела обмануть его, обокрасть, оставить с носом! Его — Конана-киммерийца! Гибким прыжком он вскочил на ноги и с лязгом вытащил из ножен меч.

— Отдай камень, дрянь! — крикнул он.

Сфандра увернулась и бросилась к стене. Варвар занес меч. Он был в таком гневе, что мог сейчас зарубить и женщину. В это мгновение для него не существовало ничего, кроме застилавшей глаза ярости — его предали! Предала та самая женщина, которой он уже начал доверять. От этой мысли у Конана сводило скулы.

Ловкая и гибкая, Сфандра легко уклонялась от его меча. Конан сперва разворотил доски переборки. Потом снес узкий подоконник. Из-под стены выскочила охваченная паникой крыса и, волоча длинный розоватый хвост, перебежала через всю комнату. Конан споткнулся об нее и чуть не упал.

— Проклятье!

Подскакивая на своем тюфяке, Алвари восторженно вопил:

— Бей ее! Покажи этой степной бродяжке, что бы-

вает с теми, кто хочет лишить Конана из Киммерии его законной добычи!

В ответ Конан рычал и скалил зубы, точно волк.

Сфандра металась по всей комнате. Реакция у нее превосходная, отметил про себя Алвари. Девчонка изматывает его, это уж точно. До чего приятно видеть людей, сцепившихся, точно дикие псы возле зарезанной курицы. А когда они оба забудут о нем, Алвари, он улучит момент и сбежит.

Сфандра споткнулась о тюфяк и потеряла равновесие. Конан тут же воспользовался этим и нанес удар. Ярость его немного улеглась, и теперь он с холодной расчетливостью метил в ноги. С раной на колене или бедре она далеко не убежит. А ее руки могут еще пригодиться. В горах, как понимал варвар, их ждут всякие неожиданности, и лук со стрелами в умелых руках амазонки будут очень кстати.

Меч варвара вонзился в левую ногу Сфандры чуть выше колена. И снова острый глаз Алвари отметил виртуозное владение оружием: Конан сдержал силу удара и в последний миг успел ослабить натиск — иначе быть Сфандре одноногой калекой. Истекая кровью, девушка упала спиной на тюфяк и ударилась об пол затылком. Пальцы левой руки раскрылись, и из мешочка, срезанного с пояса Конана, выкатился синий камень.

Крошечная каморка озарилась призрачным синим светом.

Сияние становилось все ярче. Из кристалла словно изливались потоки голубого мерцающего тумана, который постепенно обволакивал всю комнату, застилая даже рассветное окошко под потолком. Сидящий на полу Алвари раскачивался из стороны в сторону, протянув к камню свои крепкие, поросшие рыжим волосом, короткопалые руки. Его глаза-щелки были полуприкрыты, сжав зубы, он монотонно тянул какую-то ноту. В голубом тумане начали мелькать искры. Сперва они вспыхивали в беспорядке и суеде то там, то тут,

но постепенно их движение стало более упорядоченным, и золотистый хоровод крошечных светящихся точек двинулся вокруг гнома — медленно-медленно. Опустив меч и полураскрыв рот, варвар смотрел на эту диковинную картину. В призрачном свете загорелое лицо Конана казалось неестественно бледным, серыми стали черные волосы, черными — синие глаза. Белой безжизненной тенью с голубоватыми волосами простерлась на полу амазонка. А рядом с ней холодно горел колдовской камень из сокровищницы гномов. Конан невольно обратил взор в его глубину.

...И он увидел лица, сплетенные в странный узор, переходящие одно в другое. словно их лепил безумный ваятель и, не успев завершить одно, уже хватался за новое, точно торопясь запечатлеть в глине мелькнувшее в его воспаленном мозгу видение. Образы перетекали один в другой, и трудно было выхватить хотя бы одно лицо и взглянуть в него. Однако варвару то и дело чудилось среди них детское лицо раскосой воительницы Алат, а раз или два ему подумалось, что выныривающий из синих глубин образ горбоносого, большеглазого человека с зигзагообразным шрамом на щеке — оставшийся в памяти камня дезертир-туранец, Алазат.

Но их было куда больше — людей, богов и демонов, запечатлевшихся в памяти сокровища. Искривленные гневом клыкастые морды неведомых чудовищ, бритоголовые жрецы, бородатые воры с алчными глазами и сладострастными губами, одна или две колдуньи, точно сжигаемые огнем властолюбия... и, наконец, Конан увидел себя...

Он отшатнулся от камня, сделал шаг назад и прижался спиной к стене. Магия никогда не вызывала у него желания познакомиться с ней поближе. Одно дело — украсть драгоценную побрякушку, совсем другое — увидеть в ней свое отражение. Мороз пробежал по коже Конана.

Алвари встал. Хоровод искр вокруг него завертелся быстрее. Близость родных гор придавала ему сил. В

степях он не решился бы вызвать скрытые силы, но здесь, где склоны таинственных гор глядели в окно, он был у себя дома. Могущество переполняло его.

Конан увидел, как тает, растворяется в густой туманной синеве сокровище — камень Алазат Харра. словно за десяток миль услышал он испуганное ржание коней. Дом задрожал под ударами высвободившейся силы. Алвари стоял, вытянувшись и запрокинув голову. Рыжие волосы горели, как будто пламя охватило их. С бешеной скоростью вертелась вокруг него золотая карусель, постепенно втягивая в свой вихрь синий туман.

Он удирает, понял внезапно Конан, еще мгновение — и будет поздно. Загадочное маленькое существо пустило в ход какие-то таинственные чары, растопив камень, превратив его в чистую энергию, и теперь вбирает эту энергию в себя. Если его не остановить — сейчас, немедленно — то будет поздно. Гном ускользнет и вместе с ним навсегда будет потерян ключ к сокровищнице его народа.

Подняв меч, Конан устремился прямо в центр синего сверкающего вихря.

Резкий толчок отбросил его назад. Он почувствовал впереди барьер. Взревев, Конан с силой опустил на него меч. Он вложил в этот отчаянный удар всю свою недюжинную мощь. Посыпались искры, раздался пронзительный нечеловеческий крик, от которого заложило уши, вспыхнул нестерпимо яркий свет... и все исчезло. Оглушенный, ошеломленный, Конан стоял посреди каморки, озаренной мягким светом зари, и разглядывал свой меч.

Дверь была сорвана с петель. Падая, она прихлопнула крысу, и из-под досок расплывалась лужица темной крови. Ни гнома, ни синего камня в каморке не оказалось. Доски стен и пола были испещрены черными точками, как будто в них тыкали раскаленными шомполами; тюфяк, на котором спал Алвари, сторел. Конан поворошил ногой черную, еще тлеющую солому, но и следов камня не обнаружил.

Послышался тихий стон. Конан резко обернулся — Сфандра. В этой суматохе он совсем забыл о ней. Сфандра хотела его предать — следовательно, перестала быть другом. Он ранил ее, лишил возможности навредить ему — стало быть, и беспокоиться о ней незачем. Если бы она не застонала, он еще долго не вспомнил бы о ней, так занимал его вопрос о том, куда подевался Алвари и где теперь искать вероломного гнома.

— Конан, — пробормотала девушка.

Он сел рядом на тюфяк, скрестив ноги. Сфандра пошевелилась, пытаясь устроиться поудобнее. Несколько секунд он молча наблюдал за ней, потом уложил ее, подсунул ей под голову скомканный плащ и склонился над ее раной. Кровь еще не остановилась. Конан перетянул ногу Сфандры ремнем повыше раны и поднялся. Тяжело дыша, амазонка следила за ним, и белки ее светлых глаз поблескивали в полумраке.

Конан перешагнул через упавшую дверь и почти тут же наткнулся на хозяина. Тот жался к стене и трясся всем телом. Конан бесцеремонно ухватил его за шиворот и потащил за собой вниз по лестнице. Оказавшись внизу, в зале для гостей, он, наконец, выпустил хозяина и толкнул его на скамью. Старый Ондра послушно сел, сложил руки на коленях и уставился на мрачного варвара — по всем повадкам, громилу. Права была жена, не надо было их в дом пускать, подумал он. Седая, жидкая борода старика затряслась, и он заплакал. Раздраженный, варвар сильно топнул ногой.

— Перестань реветь! — сказал он. — Мне нужно полотно для перевязки, кувшин неразбавленного вина и десяток краев хлеба.

— Что... что это было, благородный господин? — выдавил хозяин с трудом.

— Я не господин, — буркнул варвар. — Мое имя Конан. И откуда мне знать, какие проклятые чары вызвал этот коротышка-гном... Я вообще терпеть не могу колдунов. Знал бы заранее, что так обернется, зарубил бы гаденыша еще в Хорбуле...

Старик из этого объяснения не понял ровным счетом ничего, кроме того, что от беспокойных постояльцев можно избавиться лишь одним способом: снабдив их всем необходимым. Он вскочил и суетливо побежал исполнять приказание варвара.

11. ГОРЫ СЕРЫХ ОБЕЗЬЯН

Лошади осторожно пробирались по узким горным тропам. Склоны гор, поросшие лесом, не были такими крутыми и отвесными, как скалы родной для Конана холодной Киммерии. Копыта мягко ступали по почерневшей листве, сквозь густой покров которой пробивались ярко-зеленые молодые ростки. Вокруг, насколько видел глаз, безмолвно чернели стволы старых деревьев. Ветер раскачивал в вышине их кроны, и листья шумели порой так сильно, что в этом звуке чудился человеческий крик.

Конан остановил коня и обернулся к своей спутнице, ехавшей позади него.

— Передохнем?

Сфандра покачала головой.

— Я не устала.

Однако глядя на ее бледное, осунувшееся лицо, этого никак не скажешь, подумал Конан. Несмотря на раненую ногу, девушка держалась хорошо. После недолгого колебания Конан решил не оставлять ее в таверне, а взять с собой. Хозяева таверны заметно приободрились, когда варвар, возмещая убытки, отдал им третью лошадь, снабдив их припасами на дорогу и простились с варваром и его спутницей, затаив горячую надежду никогда не встречаться с ними вновь.

— Ты думаешь, мы отыщем здесь следы Алвари? — с сомнением спросила девушка, окидывая взглядом плотный ковер опавших листьев.

— Вряд ли, — отозвался Конан. — Я полагаю, рыжеволосый приятель покинул наше общество с помощью магии. А это значит, что он мог вообще не

оставить никаких следов. — Глаза варвара сумрачно блеснули. — Уж я-то знаю такие штуки.

Сфандра машинально тронула раненую ногу.

— Почему ты не зарубил меня, Конан? Ведь я хотела обмануть тебя.

— Сначала я и собирался сделать из тебя трех амазонок, а то и четырех, — угрюмо сказал Конан. — Но потом передумал.

Девушка уже хотела было дотронуться до его плеча и нежно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла с ее лица, когда варвар пояснил:

— Решил, что ты еще пригодись. Мало ли что. Лук и стрелы не помешают. Потому и бил по ногам, чтобы не убежала.

— По крайней мере, искренний ответ, — пробормотала Сфандра разочарованно.

Конан удивленно посмотрел на нее, потом отвернулся и пожал плечами.

— Зачем лгать, если от этого не будет пользы? — сказал он. — Ответь мне лучше на такой вопрос, Сфандра: зачем тебе понадобился Алазат?

— Мать моего народа послала меня.

— Значит, и воительницы грезят о могуществе? — Конан пристально посмотрел ей в глаза.

— Я думала о своем народе, — отрезала Сфандра. — А для чего он такому одинокому волку, как ты?

Конан пожал плечами. Сперва он хотел было рассказать ей о своих грезях: завоевать весь мир, наслаждаться роскошью — но вдруг подумалось ему, что девушка будет насмехаться. Слишком уж неопределенными, расплывчатыми были его мечты. По правде сказать, он больше увлекался погоней за сокровищем, нежели применением последнего. К тому же, у него пока что не было опыта в этой части — еще ни один клад не дался ему в руки.

— Сперва нужно добраться до сокровищницы гномов, — сказал варвар. — А там мы с тобой, я думаю, сумеем договориться.

Ночь они провели на мягком ложе из листьев. В лесу было прохладно, и под утро между черных стволов повисли белые ключья тумана. Путники ехали молча — призрачные тени в молочной пелене.

Сфандра ежилась и то и дело передергивала плечами. Ее не оставляло неприятное ощущение — будто за ней наблюдают сотни невидимых глаз. Что-то мелькнуло слева от путников и тут же скрылось в густой мгле. Сфандра невольно вскрикнула.

Конан тут же остановил коня.

— Что случилось?

— Там. — Она протянула руку, указывая направление. — Возле тех кустов.

Конан прищурился, вытянул шею, однако ничего не увидел. Что бы там ни мелькало, туман уже поглотил это и надежно спрятал под своим толстым покрывалом.

— Поехали, — сказал варвар. — Если там что и было, то уже прошло.

Сфандра все еще колебалась.

— А если оно нападет сзади?

— Кром! Женщина, для чего боги наделили тебя слухом? Обернешься и застрелишь, только и всего.

— Но может быть, это нельзя убить, — прошептала Сфандра. Она была не на шутку испугана.

Не отвечая, Конан двинулся вперед, и она послушно последовала за ним — отчасти потому, что боялась потеряться в густом тумане.

Не проехали они и десяти шагов, как Конан тоже заметил мельтешение в кустах — на этот раз справа от путников. Похоже, за ними следят с обеих сторон, мрачно подумал варвар, коснувшись рукояти меча, интересно, сколько их там? И кто они такие?

Однако он даже не остановился. Кем бы ни были эти существа, здесь, в лесу, они у себя дома, им известны здесь все потайные тропы, все источники, все норы и потому хитрить и играть с ними в прятки — дело безнадежное. Конану и амазонке оставалось

только одно — как ни в чем не бывало продвигаться вперед.

Так прошло еще около часа. То и дело то справа, то слева мелькали какие-то неясные, смутные тени, которые тут же исчезали в тумане. Солнце между тем поднималось все выше, и по мере того, как туман рассеивался, все отчетливее и яснее варвар и его притихшая спутница различали по обе стороны от тропинки коренастые фигурки в плащах с капюшонами. Путники делали вид, что не обращают на них внимания.

Наконец, дорогу им преградил завал. Старая ель лежала поперек тропинки. Она упала уже много лет назад, вывороченная с корнем каким-то давним ураганом. Рядом с ней, оплетая ее ветвями и тонкими стволами, успели вырасти молодые деревца.

Перед этой преградой путников ждали.

Конан остановился. Подъехав к нему и слегка касаясь коленом его колена, рядом с варваром остановилась и Сфандра.

Десяток низкорослых бородатых человечков, вооруженных вилами, восседали на лохматых пони. Конан сразу заметил, что Алвари среди них не было. Зеленые щелки глаз, одинаковых на этих разных лицах, разглядывали людей с недобрым интересом. В тягостном молчании прошла минута или две.

Наконец, Конан громко сказал:

— Привет вам, люди леса. Если мы нарушили ваш обычай — прошу простить нас, ибо мы сделали это по незнанию, а не злему умыслу.

— Кто ты, долгоязыый? — хрипло крикнул маленький всадник на черном пони и задрал к Конану свою желтую раздвоенную бороду. — Назови свое имя.

— Я Конан из Киммерии.

— А женщина? — не унимался желтобородый. — Кто она такая?

— Мое имя Сфандра, — сердито сказала девушка.

— Ты жена ему?

— Нет. Я свободная женщина, такой же воин, как любой мужчина.

Гномы неодобрительно загудели. Желтобородый пожевал губами и сказал:

— Не принято у нашего народа, чтобы женщина таскалась по свету. А коли уж пришлось странствовать, то не с кем попало, а лишь с мужем своим пристало это делать.

Сфандра вспыхнула и потянулась за мечом.

— Не тебе учить меня, коротышка! — начала было она, но Конан быстро перебил ее.

— Мы не обсуждаем ваших обычаев, — сказал он спокойно. — Так ~~поз~~воль нам соблюдать наши.

— Вы на нашей земле, — возразил гном, однако поучение прекратил. Вместо этого он спросил: — Что вы ищете в нашем лесу?

— Серых обезьян — так мог бы я солгать тебе, — сказал Конан. — Но я отвечу правду. Был один из вашего народа по имени Алвари.

— О! — выдохнула толпа одним вздохом и расступилась, словно всех одинаково поразило упоминание этого имени.

Обрадованный впечатлением, которое произвели его слова, Конан продолжал:

— В поисках волшебного талисмана он отправился в гирканские степи и там попал в плен.

— Ему и это известно, — зашептались всадники на мохноногих пони.

— Если ты все знаешь, — сказал желтобородый — видимо, предводитель отряда, — то скажи: как он избежал лютой гибели? Кто спас его из рук людей?

— Я, — тут же ответил Конан, наслаждаясь произведенным эффектом.

Первым опомнился желтобородый.

— Не хочешь ли ты сказать, что сделал это из бескорыстных побуждений? Твое лицо не несет на себе печати доброты.

Конан ухмыльнулся.

— Разумеется. Алвари обещал мне, что проводит к тому месту, где хранится золото гномов.

Всадники угрожающе ошетинились вилами. Лошадь амазонки попятилась. Сфандра удержала ее, сжав коленями бока лошади, и крикнула низкорослым жителям леса:

— Эй, потише!

Предводитель гномов яростно сказал:

— Никогда не бывать такому, чтобы чужие руки прикоснулись к золоту гномов. Алвари — предатель, если обещал тебе это.

— Он солгал мне, — невозмутимо продолжал Конан. — И когда я добыл для него синий камень Алазат, вызвал чары и исчез вместе с нашей добычей. Я иду за ним, чтобы забрать причитающееся мне.

Желтобородый посоветовался со своими воинами, после чего обернулся к Конану и спросил:

— Не ты ли тот, кому повинуются огненный дух?

Конан широко улыбнулся.

— Наконец-то вы меня узнали.

Бросив на него странный взгляд, предводитель маленьких воинов сказал:

— Следуй за нами.

Селение лесного народа раскинулось в чаще высоко в горах. Путники увидели множество маленьких домиков с остроконечными крышами. Поначалу Конану и его спутнице показалось, что дома эти крыты черепицей, однако приглядевшись, они разглядели — все было сделано из дерева. Чешуйки, вырезанные из светлой древесины, блестели под солнцем, как серебряные. Дома лепились к склону горы и были соединены между собой крутыми деревянными лесенками с тонкими перилами.

— Оставьте лошадей здесь, — распорядился предводитель. — Они слишком велики для нашего селения. С ними здесь ничего не случится.

И Конан, и Сфандра привыкли доверять своим ногам, и для обоих расстаться с лошадью не было

такой трагедией, как для степного кочевника, который без коня чувствует себя калеккой. Другое дело — оружие. Но пока что от них не требовали, чтобы они оставили свои мечи и лук Сфандры. Поэтому оба спешились, со спокойной душой привязали лошадей к стволам деревьев и отправились в поселок следом за желтобородым и его всадниками.

Жители толпились на лесенках возле домов, с любопытством глаза на пришельцев. Конан и Сфандра тоже бросали взгляды налево и направо.

— Никогда не подозревала, что возможно такое... — прошептала Сфандра.

Маленькие опрятные женщины, молодые и старые, в чепцах и вышитых фартуках, испуганно охали, прикрывая рты ладошками при виде таких гигантов. Маленькие мужчины в кожаных курточках с капюшонами (многие — с горящим инструментом на плече, видно, бросили работу, чтобы полюбоваться на эдакое диво) горделиво вздергивали головы. Желтобородый со своим отрядом важно продвигался вперед, показывая дорогу рослым людям. Если бы Конан знал, что желтобородый сказал своему маленькому народцу, будто бы он захватил великанов в плен и так якобы запугал их, что они теперь послушны его воле и дрожат от страха, варвар вряд ли был бы настроен так благодушно. К счастью для желтобородого, варвар полагал, что его с почетом провожают через поселок к сокровищам, дабы передать последнее в его руки. Поэтому он только поглядывал по сторонам и время от времени ухмылялся.

Наконец, поселок остался позади. Небольшой отряд и двое искателей приключений поднимались все выше в горы. Лес поредел. Кое-где на поверхность выступали скальные обнажения.

— Далеко нам еще идти? — спросил Конан. Улыбка исчезла с его лица. Ему начинало казаться, что эти крохи на мохноногих лошадках его дурачат.

— Нет, — не останавливаясь ответил предводитель гномов и поднял руку с вилами. Он указал на виднеющуюся в скалах расселину. — Видишь? Вон там вход в пещеру. Это главное святилище нашего народа.

— И идеальное место для засады, — пробормотала Сфандра, погладив свой лук.

Конан, секунду назад подумавший то же самое, обменялся с ней быстрым, тревожным взглядом. Она пожала плечами. Варвар понял, что она хотела сказать: не отказываться же от сокровищ только потому, что в последний момент, у самого порога сокровищницы, они испугались! Даже если маленький народец замыслил какое-то коварство, не пристало воинам страшиться этого. В конце концов, было бы просто неприлично струсить перед какими-то карликами. Отвечая на невысказанную мысль Сфандры, Конан кивнул.

Между тем первые всадники уже скрылись в расщелине. Один за другим исчезали они в пещере, которая словно заглатывала их узкой беззубой пастью. Сфандра замешкалась на пороге пещеры. Конан легонько подтолкнул ее в спину. На мгновение она прижалась к нему, после чего, прихрамывая, сделала несколько шагов навстречу неизвестности. Варвар еще раз оглянулся на лес, ничего подозрительного не обнаружил — и вошел в прохладный полумрак скального святилища гномов.

Он очутился в огромном зале. Всей кожей, всеми своими обостренными нервами варвар ощущал громаду подземного зала. Далеко наверху терялся потолок, который никогда не освещался — солнечные лучи не проникают сквозь каменную толщу, а слабому свету факелов не преодолеть такое чудовищное расстояние. На много миль вперед простиралась пещера. Цепочка огоньков уходила в глубину — это были спутники желтобородого с факелами в руках. Конан успел еще заметить, как они один за другим снимают факелы со стены и зажигают их. Конан нашел в темноте руку Сфандры, сжал ее холодные пальцы, и вдвоем они двинулись следом за маленьким народцем, не ведая, куда на сей раз заведет их жажда наживы и неуемная тяга к приключениям.

Они шли и шли, а пещера становилась все больше и ей, казалось, не будет конца. Летучие мыши с писком проносились у них над головами, перепончатые

крылья едва не касались лиц. От их взмахов колебалось пламя маленьких факелов. Неожиданно в темноте послышался отчаянный детский плач. Голос, тонкий, испуганный, прозвучал в гулкой пещере так чудовищно громко, что один из гномов в ужасе выронил факел, а у Конана волосы встали дыбом. В этой древней, страшной пещере могли обитать только летучие мыши, проклятые богами души... и, быть может, древние демоны, скованные заклятием. Никакого ребенка здесь быть не могло. И тем ужаснее было слышать детский плач здесь, в этой затхлой тьме. Сфандра вскрикнула и прижалась к своему спутнику. Конан сердито стиснул ее плечо.

— Это Кэн, — донесся издалека голос желтобородого. — Плачущая-Во-Тьме.

Теперь огоньки сдвинулись ближе, окружив кого-то плакавшего детским голосом в этой страшной, вечной тьме.

— Кэ-эн... — жаловался тоненький голосок. — Кэ-эн... Ах-Кэ-э-э-н...

— Я боюсь, — прошептала Сфандра на ухо Конану. Варвар не ответил. От этого отчаянного плача у него самого мороз пошел по коже.

Факелы сгрудились в одном месте. Девушка и ее спутник видели теперь в прыгающем желтоватом свете огня черные, местами закопченные стены пещеры, встревоженные физиономии гномов. Свет метался, колеблемый сквозняком и взмахами крыльев летучих мышей, выхватывая из темноты то рыжую или белую бороду, то зеленые щелки глаз... И, наконец, люди разглядели Плачущую-Во-Тьме, Кэн.

Хрупкое, угловатое существо сидело на каменном полу среди трухи и пыли, обхватив острые коленки длинными, похожими на обезьяньи, руками. Неестественно длинные пальцы заканчивались коготками. Серые волосы Кэн в беспорядке падали на плечи и спину. Девочка — если только Плачущая-Во-Тьме была девочкой, а не древней-преддревней старухой — была

совершенно нагой, но холод пещеры, похоже, не страшил ее: все ее тощенькое жалкое тельце заросло пушистой серой шерсткой. И это создание, вызывающее одновременно и ужас, и сострадание, тянуло на одной ноте, не переставая:

— Кэ-э-эн...

Неожиданно она подняла голову, откинула с лица спутанные волосы и замолчала.

У нее было остренькое безволосое личико с тонкими, бескровными губами и огромными, круглыми, как плошки, ярко-желтыми глазами.

— Это мы, Кэн, народ горы и леса, — спокойно сказал желтобородый. — Ты ведь узнала нас, верно?

— Кэ-эн... — протянула Плачущая-Во-Тьме.

— Вот и хорошо, — продолжал желтобородый. Он передал факел стоящему поближе и подошел к девочке-старушке поближе, вынул что-то из-под плаща и протянул ей. — Возьми, Кэн. Смотри, что мы принесли для тебя. Сладкий, душистый горный мед. Ведь ты очень любишь горный мед, маленькая Кэн?

— Ах, — вздохнула Кэн, вытягивая вперед тоненькие лапки и хватая горшочек с медом. — Ах. Кэн. Кэн.

Она опустила лицо над горшком, лизнула мед и тихонько зацокала.

Желтобородый улыбнулся, отступил на шаг, протянул руку за своим факелом.

Кэн тут же вздрогнула и вскинула голову. Вдруг пальцы ее, державшие горшок, разжались, она затряслась, вскочила, метнулась к стене и громко, пронзительно заверещала, широко открывая рот. В свете факелов блестели ее мелкие острые зубки и желтоватые клыки. Предводитель гномов бросился к ней, охватил за плечи, пытаясь успокоить, но почувствовав прикосновение чужой руки, Кэн снова закричала. От ее воплей у Сфандры зазвенело в ушах. Дрожа всем телом, Плачущая-Во-Тьме устремила взгляд круглых глаз-плошек на фигуры людей, темными громадами высившиеся за спинами гномов. Разевая рот, задирая над клыками верхнюю губу, Кэн кричала и кричала, и

пещера была полна неизбывного первобытного ужаса, перед которым в бессилии отступает разум.

Сфандра прижала ладони к ушам.

— Я больше не могу! — вскрикнула она. — Заставьте ее замолчать!

Желтобородый, вне себя от страха, тряхнул Плачущую, и услышал сердитое шипение и новый крик.

— Оставь ее, — сказал Конан громко. — Отпусти.

При звуке его голоса все стихло. Желтобородый выпустил Кэн и отошел от нее на несколько шагов. В тишине слышно было, как потрескивают факелы и тяжело дышит маленькое пещерное существо.

Конан сел на корточки, тронул разбившийся горшочек с медом. На большом черепке оставалось довольно-таки соблазнительная порция. Но когда варвар встретился взглядом с Кэн, она зашипела.

Конан не понимал, почему они не могут просто пройти мимо, не обращая на Плачущую никакого внимания. Но он видел, что пока она не успокоится, им нельзя продолжать путь.

В ответ на шипение Кэн варвар глухо зарычал. Так на более слабого порывают старые волки, когда они сыты и в благодушном настроении. Острые уши Кэн шевельнулись под серыми волосами. Она моргнула, пискнула. Конан широко ухмыльнулся и засопел, дружески протягивая ей черепок. Кэн цокнула, потянулась паучьей лапкой... отдернула пальцы, снова потянулась. И, наконец, взяла.

Как сидел, на корточках, Конан отодвинулся дальше. Уловив его движение, Кэн на миг перестала лизать мед и бросила на варвара настороженный взгляд, но потом опять успокоенно цокнула и возобновила трапезу.

Стараясь не беспокоить Плачущую-Во-Тьме, гномы один за другим пустились в путь. Факелы потянулись дальше, в бесконечную темноту пещеры. Ступая бесшумно, последовали за ними и Конан со Сфандрой.

Когда они уже отошли на значительное расстояние

от того места, где оставили Плачущую, Сфандра обернулась и посмотрела назад, но не увидела ничего.

— Интересно, кто она такая? — прошептала девушка. — Бедная малышка.

Один из низкорослых человечков, что шел ближе всех к амазонке, обернулся и значительно произнес:

— Будь почтительна, когда говоришь о Плачущей. Она хозяйка пещеры. Она владычица.

— Сколько же ей лет? — тихо спросила Сфандра.

— Кто знает? Плачущая была всегда, — последовал ответ.

— Она такая кроха, — пробормотала Сфандра. — Похожа на серую обезьянку. Неужели в ней есть Сила?

— Если не можешь сказать мудрого слова, лучше не говорить никакого, — рассердился наконец маленький горный человечек. — Кэн, Плачущая, — не разгневать бы нам ее. Она и так испугалась чужестранцев. Кто знает, что сделает Кэн, если ярость овладеет ею.

Словно подтверждая его слова, впереди что-то загнуло. Факелы стали быстро исчезать за поворотом. Схватив девушку за руку, варвар широким шагом устремился следом. Он не хотел остаться в темноте, не зная, куда идти, в то время как хитрые гномы скроются в потайном ходу, бросив чужеземцев в пещере на произвол судьбы.

Он почти бежал, обгоняя факел за факелом, пока, наконец, они со Сфандрой не оказались возле предводителя. Тот уже вступал в огромный зал, которым заканчивался подземный ход. Варвар и степная девушка выскочили из тоннеля и застыли, не в силах произнести ни слова при виде открывшейся перед ними картины.

Свод пещерного зала уходил далеко ввысь. Посреди темным блеском, точно ртутное, сверкало озеро. А вокруг молчаливой воды в мистическом порядке были разложены драгоценные камни, слитки золота, серебра, меди. С четырех сторон озеро охраняли золотые статуи, изображающие Кэн — или кого-то, очень похожего на Кэн, — только в отличие от той серой обезьянки,

что хныкала в темноте тоннеля, эти были крылаты — из их лопаток росли перепончатые крылья, подобные крыльям летучих мышей. Раскинув неестественно длинные руки, четыре плакальщицы Кэн как бы заключали магическое сокровище в охранительный круг.

Гномы с факелами в руках встали вокруг озера, не решаясь ступить за незримую черту, обозначенную руками статуй. Свет факелов залясал на гранях великолепных кристаллов, вспыхнул на слитках серебра; по лицам золотых статуй пробежали тени, и стало казаться, будто они оживают. Несмотря на то, что прежде плакальщицы показались Конану совершенно одинаковыми, теперь, в мягком отсвете пламени, он видел различия. Одна была постарше, другая помладше; две других казались близнецами, но и в выражении их лиц появились свои особенности. Та, что стояла справа от варвара, словно бы нахмурила брови, а та, что была слева, как будто слегка улыбнулась. Конан решил, что это игра света, и перестал ломать над этим голову.

Сфандра, дрожа — то ли от алчности, то ли от возбуждения при виде несметного сокровища, открывшегося перед ней, — вдруг подумала о человеке по имени Алазат. Как он прошел по этим лабиринтам — один, не имея ни факела, ни спутников, которые показали бы ему дорогу? Какой была его встреча с Плачущей-Во-Тьме? И что почувствовал он, когда увидел в тусклом свете золотые статуи, слитки драгоценных металлов, сверкающие грани кристаллов?

Откуда-то из темноты навстречу процессии вышел огневолосый Алвари. Ни Конан, ни Сфандра так и не поняли, прятался ли он в глубине пещерного зала или же пришел сюда по другому тоннелю.

Вперед выступил предводитель и заговорил с Алвари повелительным тоном:

— Мы посылали тебя в гирканские степи, Алвари, сын Алвари, дабы ты отыскал украденный из нашей сокровищницы синий камень Харра, ибо без Харры нас не слышит Луна и чары наши слабы.

— Я сделал то, ради чего меня посылал в степи мой народ, — отозвался Алвари.

Предводитель отряда подался вперед.

— Ты принес сюда камень?

— Да, — громко сказал Алвари и вытащил из-под плаща большой синий кристалл. Резким движением воздев его над головой, он выкрикнул торжествующе: — Вот он.

Гигантское помещение озарилось мягким синим светом, тусклым и в то же время сильным. Теперь можно было различить даже своды пещеры, терявшиеся в необъятной выси.

Из всех присутствующих только Конан не испытывал благоговейного ужаса.

— Алвари, — произнес он в полной тишине, — ты лжец.

Все головы повернулись на звук этого голоса. Ничего не смущаясь, варвар продолжал:

— Когда я спас тебя из рук казаков, ты обещал мне золото гномов.

— Не заставляй меня уличать во лжи тебя, Конан-варвар, — невозмутимо ответил Алвари. Сейчас, озаренный таинственным синим пламенем, он казался выше ростом, и во всей его приземистой фигурке появилась значительность, которой раньше не было. — Я обещал тебе лишь одно: рано или поздно ты будешь стоять в этой пещере и созерцать сокровище моего народа. И вот ты здесь и видишь то, что сокрыто от глаз людских. Само по себе созерцание золота гномов — уже благоденствие.

— Благодарю, — сказал Конан кисло, — но речь шла о том, что я заберу золото себе.

— Об этом оставь и мысли, чужеземец, — резко вмешался предводитель.

— Но Алвари...

— Алвари — не вождь своего народа. Он не может говорить от имени всех, — сказал предводитель.

Конан пожал плечами. Он ничего иного и не ожидал. Глупо было бы думать, что подземный народец

так запросто расстанется с несметным богатством, которое, к тому же, служит для них источником своеобразного могущества.

— Мне не хочется действовать силой, — начал Конан. Гномы в полумраке зашевелились, угрожающе забряцало оружие. У варвара неприятно зануло в животе, когда он подумал о том, что оружие им не поможет, если он осуществит свою угрозу. — Подумайте как следует, — повторил он. — Я все равно заберу то, что мне причитается, доживете вы до этого или погибнете.

— Нет! — яростно сказал предводитель.

Конан глубоко вздохнул. Сфандра содрогнулась, когда ее спутник внезапно заговорил на чужом, странном языке, примитивном и жестоком.

— Сюда, огненный брат! — сказал Конан. — Добрая добыча!

Смрад распространился по пещере, вихрь заколебал пламя маленьких факелов. Синий, спокойный свет, исходивший от волшебного камня, вдруг словно бы отступил перед алыми сполохами, озаряющими огромный зал в скале. Безобразный, нагой, красный демон высился возле варвара, растянув в ухмылке клыкастую пасть.

— Хозяин звал, — умильно проговорило чудовище на том же глухом языке, понятном в этом зале только Конану. — Хозяин добрый. Назвал огненным братом.

Гномы сбились в кучу, в ужасе глядя на возникшего из ниоткуда монстра. Они, конечно, слышали от Алвари о том, что варвар подчинил себе ифрита, воспользовавшись нечестивыми чарами, но никак не ожидали, что им придется столкнуться с ифритом лицом к лицу. Ифрит между тем жадно смотрел на них, и из его полураскрытой пасти потекла слюна.

— Уступите ему! — крикнул Алвари. — Он ни перед чем не остановится.

— Лучше нам погибнуть, чем своими руками отдать сокровище какому-то чужеземцу, — сказал пред-

водитель. Узкие кошачьи зрачки его глаз расширились и засветились желтым огнем.

— Ифрит возьмет не только ваши жизни, — возразил Конан. — Я напущу его на ваш поселок. Подумайте о ваших женщинах, о детях. Эта необъятная утроба всегда голодна.

— Ты не сделаешь этого! — горячо сказала Сфандра.

Конан повернулся к ней. Его глаза пылали ледяной синевой. Озаренное с одной стороны голубым мертвенным светом камня Алазат Харра, а с другой — беспокойным демоническим багрянцем, лицо варвара, похожее на чудовищную маску, было ужасно.

— Нет, — ответил он. — Я сделаю это. Меня хотят обмануть, обвести вокруг пальца. Пусть я дикарь, но я заставлю этих людишек сдерживать слово.

И он поднял руку, готовясь отдать ифриту приказ.

— Будь ты проклят, — прошептал предводитель. — Мы отдадим тебе наше золото, Конан-варвар.

— Я вам не верю, — сказал Конан. — Вы пытались сделать из меня дурака. Второй раз у вас это не получится.

— Клянусь тебе Четырьмя Кэн, золото гномов будет твоим с той секунды, как ты наложишь на него руку, и твои кони вывезут его на свет солнца, — торжественно произнес предводитель.

— Пусть Алвари оставит синий камень и подойдет ко мне, — распорядился Конан.

Алвари повиновался, двигаясь с величайшей осторожностью.

— Сфандра, свяжи его, — распорядился Конан. — Он будет нашим заложником и проводником, пока мы ходим за лошадьми.

Затягивая узлы на занаястях и горле гнома, девушка кивнула.

— Ты хочешь опустошить всю сокровищницу?

— А что мелочиться? — Варвар пожал плечами. — Алазат-туранец уже попятился за свою мелочность.

Нет, осторожничать, да экономить, да рассчитывать — это не по мне. Или все, или...

— Хозяин, — пророкотал обиженный ифрит, — где добыча? Есть хочу.

— Там, — сказал Конан, указывая на темные воды озера. — Не смотри на этих мелких, изнуренных коротышек. Там прячутся другие. Изнеженные, сладкие. Твои будут.

Демон радостно взревел, предвкушая трапезу. Роняя зловонную слюну, он взвился под потолок пещеры, откуда с испуганным писком разлетелись во все стороны летучие мыши (одна или две, пылая, камнем упали на пол и тут же превратились в пепел)... а потом огненным столбом низвергся прямо в озеро. Послышался пронзительный визг, тут же заглушенный шипением, как будто в воду окунули горящее полено. Из озера повалил желтый удушливый дым, от которого все присутствующие зашмыгались. У Сфандры из глаз потекли слезы. Раздувая ноздри, варвар смотрел, как гибнет в воде ифрит. Из озера донеслось утробное «хозяин... добыча...», после чего все стихло.

Конан обтер руки о штаны — у него вспотели ладони. Предводитель гномов старался не встречаться с ним взглядом.

— Ну что, — произнес варвар как ни в чем не бывало, — я выполнил свою часть обещания. Теперь ваша очередь, не находить?

Сфандра дернула за веревку, которой был связан Алвари. Огненноволосый гном закипел от злости, которую больше не считал нужным скрывать.

— А теперь Алвари проводит нас к выходу, а потом поможет пройти к сокровищнице с лошадьми, — распорядился Конан. — Он останется с нами, пока мы не спустимся с этих проклятых гор. И если что-нибудь будет не так — по чистой случайности, разумеется, — я переправлю его в родную деревню по частям.

Алвари обменялся с предводителем долгим, странным взглядом и кивнул.

— Да будет по твоему желанию, — сказал варвару желтобородый. Голос его был полон печали.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Конан, затягивая потуже подпругу седла. — Думаю, придется одолжить еще пару пони. Посмотрим на месте. Сфандра, ты сможешь идти пешком?

Девушка пожала плечами.

— Ничего другого все равно не остается.

Неожиданно Конан что-то вспомнил и рассмеялся.

— Как я мог забыть! Алвари, ты ведь умеешь исцелять раны!

Связанный гном с ненавистью пронзил его взглядом ядовито-зеленых глаз и прошипел:

— Теперь я ради вас и пальцем не шевельну.

Конан выругался на гортанном, грубом языке демонов и толкнул своего проводника кулаком в спину:

— Вперед, Алвари. На этот раз тебе не удастся улизнуть. Учти, если я замечу, что ты бормочешь свои дурацкие заклинания, я без предупреждения воткну нож тебе в горло.

— Не сомневаюсь, — проворчал Алвари, покосился на бледное, осунувшееся лицо Сфандры, хотел было добавить что-то, но передумал.

Он поплелся вперед. За ним, с ножом в одной руке и удилами в другой двинулся Конан. Замыкала шествие Сфандра, которая вела в поводу вторую лошадь. Они прошли с милю. Конан чутко следил за тем, чтобы гном не вздумал кружить по лесу. Но нет, они двигались точно в том направлении, что и в первый раз. Алвари, похоже, не собирался рисковать и вел игру честно. И все же в его поведении то и дело проскальзывало нечто такое, что заставляло варвара настороженно следить за каждым его жестом. Конан постоянно ждал подвоха. Варварский инстинкт упорно говорил ему о том, что несмотря на показное смирение, Алвари затеял какую-то хитрость и уверен в успехе, даже если для него лично эта хитрость будет последней.

Они двигались уже больше часа. Солнце спускалось к горизонту, и через весь лес протянулись золотистые лучи и длинные, черные тени. Стволы деревьев, незаметный прозрачный ручеек, сочащийся среди палой листвы, яркая зелень травяных пучков... Все было как в первый раз. За исключением одного. Несмотря на то, что они проделали уже значительное расстояние, никакой деревушки, раскинувшейся на склоне горы, не было и в помине. Не могла же она исчезнуть? Конану все меньше и меньше нравилось это. Алвари шел себе да шел, уводя их с девушкой в горы. А ни селения лесного народца, ни скал и пещер все не было. И с пути они нигде не сворачивали.

В конце концов, Конан не выдержал. Грубо схватив Алвари за плечо, он рявкнул:

— Куда ты нас ведешь?

Алвари остановился и злобно посмотрел на варвара.

— Как я устал от тебя, киммериец.

— Где мы? — повторил свой вопрос Конан. — Лучше не шути со мной, коротышка. Для того чтобы справиться с таким, как ты, — даже с десятком таких, как ты, — мне вовсе не потребуется помощь демона.

— Мы в лесу, — ровным голосом произнес Алвари. — В том самом. И когда-то здесь была — или однажды появится Большая Пещера, и она станет сокровищницей народа гномов.

— Не морочь мне голову, — рассердился Конан.

— Я говорю правду. — Гном поднял связанные руки, отер ими пот со лба. — Ты можешь разрезать меня на куски, как грозился, но отсылать их некому, Конан. Ни моего народа, ни золота гномов больше нет в этом лесу.

— Куда же они делись?

Конан все еще отказывался верить случившемуся. Вся эта чертовщина его злила и сбивала с толку.

— Попробуй понять, — сказал Алвари. — Да сядь ты, передохни. Спешить некуда. И благородная госпожа еле на ногах стоит, того гляди рухнет.

Ошеломленный, Конан уселся на упавший ствол

дерева, почерневшего от сырости. Рядом прямо на листьях с усталым вздохом растянулась Сфандра. Гном стоял перед варваром, и лицо его было печальным и очень старым.

— Развяжи меня, — тихо сказал Алвари. — Я не убегу.

— Почему я должен верить тебе? — огрызнулся Конан, однако полез за кинжалом и принялся перерезать веревки. Сфандра хорошо связала пленника, отметил он машинально.

— Потому что мне некуда бежать, — пояснил Алвари. — Мое племя ушло из этих мест в другое время или в другой мир — не знаю.

Он попарил в листве, отыскал маленький ручеек и жадно припал к воде. Когда он снова выпрямился, к его мокрой бороде прилипли темные кругляшки листьев.

— Я уже говорил тебе как-то раз, варвар, что каждый камень из сокровищницы гномов — великая ценность, но только все камни и все золото, собранные вместе, обладают настоящей Силой и дают нам власть над мирами. Предположим, Харра — камень, который говорит с Луной. А Соль — с Солнцем. А Черная Мара и Кровавая Мара — с планетой Пахром. Это ты понимаешь?

Конан кивнул. Он понимал одно: за каждый из этих камней в Арэнджуне ему отвалили бы такое количество денег, что он мог бы купить себе небольшое королевство и еще осталось бы на наемную армию.

— Расположив камни соответственно тому, как расположены в небесном круте планеты, — продолжал Алвари, — мы устанавливаем взаимосвязь между ними. А теперь подумай, что будет, если передвинуть один из камней хоть ненамного?

Поскольку варвар погрузился в унылое молчание, Алвари ответил за него сам:

— Сместятся пространство и время. Нарушится гармония вселенной. Пусть на волосок — но этого

достаточно для того, чтобы исчезли и сокровища, и поселок, и мой народ...

— Куда? — Потрясенная всем случившимся, Сфандра приподнялась на локтях.

— Туда, где вам их не найти, — сказал Алвари. — И мне тоже.

Он обтер бороду, встряхнул мокрую руку и, не простившись, повернулся и зашагал в темноту. Конан хотел было задержать его, но понял, что это бессмысленно. Из объяснений Алвари варвар уловил едва ли половину, однако ему было ясно: в главном коротышка-гном не солгал, ни селения, ни сокровищницы в этих горах больше не было. Люди гор применили какую-то чудовищную магию и исчезли вместе с золотом. И они колдовали как раз в тот момент, когда киммериец, самонадеянно считая золото своим, пошел за лошадью, чтобы навьючить ее сокровищами. При этой мысли киммериец злобно заскрежетал зубами. Ему захотелось догнать Алвари и выместить на нем разочарование. Варвар вскочил с бревна, схватился за рукоять меча.

Угадав его намерение, Сфандра негромко произнесла:

— Оставь, Конан. Ему теперь и так несладко. Ведь он остался совсем один. — И помолчав, добавила: — Интересно, они сумели забрать с собой Плачущую-Вотье?

Рассвет застал мужчину и женщину спящими. Крепко обнявшись, они лежали, наполовину зарывшись в опавшие листья. Над ними шелестели ветвями деревья. По лицам спящих пробегали тени.

Коренастый рыжебородый человечек смотрел на них, пристроившись на толстом суку старого дуба. Листва почти полностью скрывала его.

Наконец, женщина проснулась. Она зашевелилась в объятиях киммерийца, разбудив и его. Гном уселся поудобнее и склонил голову набок.

Конан заглянул в ясные глаза Сфандры и, рассмеявшись, провел широкой ладонью по ее волосам.

— А было неплохо вчера, правда? — спросил он.
— Наглец, — ответила она.
— Этот рыжий пройдоха Алвари не лгал, когда говорил о том, что ты плохо спишь по ночам, — продолжал киммериец.

Сфандра опасно прищурила глаза.

— А я-то спал, как бревно, а проснувшись, думал только о золоте, — сокрушенно добавил Конан. — Но ты убедила меня, детка. Ты просто чудо. Надеюсь, ты родишь мне сына. Синеглазого мальчишку, похожего на тебя и на меня.

Кипя от гнева, девушка закинула за плечи свой лук и колчан со стрелами и пошла к своей лошади.

— Эй, ты куда? — удивился Конан.

Вскакивая на спину лошади, Сфандра яростно сказала:

— Надеюсь, что это будет дочь!

Ударив лошадь пятками, она пустила ее рысью и почти сразу скрылась в чаще.

Конан, полуоткрыв рот, долго смотрел в ту сторону, куда она ускакала, потом глубоко вздохнул и потряс головой.

— Никогда не понимал женщин, — пробормотал он и еще раз вздохнул. — Но, похоже, я потерял не только золото гномов. Не везет мне. Вечно в последний момент сокровище ускользает у меня из рук. Взять хотя бы тот клад в Ларше, который разграбили мы с этим пьяницей-гандером... как бишь его звали? Хороший парень был.

Он поднялся с земли, потуже затянул пояс, оседлал коня и повел его в поводу. Навстречу киммерийцу вставало солнце — день обещал быть жарким.

Алвари смотрел ему вслед, пока рослая фигура Конана не скрылась за стволами старых деревьев.

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КОЛДУНЬЯ

...1. БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ...

День близился к концу. Тяжелые тучи нависали над поляной измятым грязным одеялом, покрывшим собой все небо. Облачка тумана бродили между темными от сырости стволами деревьев подобно бесплотным призракам. Капли, то и дело срывавшиеся с крон, тяжело падали на землю, укрытую цветастым ковром опавшей листвы.

Раздался глухой стук копыт и поскрипывание кожи, — на окутанную сумерками поляну выехал огромный вороной жеребец. В седле сидел широкоплечий великан. Человек этот был уже не молод. Время украсило сединой его темную шевелюру и пышные грозные усы. Годы наложили отпечаток и на его лицо, изрезанное глубокими морщинами. Смуглое скуластое лицо и мускулистые руки всадника были покрыты бесчисленными шрамами, свидетельствовавшими о том, что жизнь его была не легкой, однако можно было с уверенностью сказать, что годы его не сломили — он уверенно держался в седле, движения же его были точны и легки.

Всадник остановил своего взмыленного жеребца. Он стал оглядывать залитую туманом поляну, — его живые глаза поблескивали из-под широких полей видавшей виды фетровой шляпы. Едва слышно он выругался.

Этого смутлолицего великана легко можно было принять за лесного разбойника, однако на головке рукояти его огромного меча красовался такой бриллиант, который мог принадлежать разве что знатному вельможе, рогу же, висевшему у него за спиной, и

вовсе не было цены — он был вырезан из слоновой кости и украшен затейливой золотой филигранью. Всадником этим был сам король Аквилонии, — державы, равной которой не было на всем Западе. Звали его — Конан.

Он пристально разглядывал следы конских копыт, что шли к центру поляны. Свет быстро мерк и читать их становилось все труднее.

Конан потянул за перевязь и, взяв в руки рог, хотел уже было затрубить в него, но тут вдруг услышал стук копыт. Из-за кустов, росших по опушке леса, выехала серая кобыла. Ее седоком был темноглазый человек средних лет с черными как смоль волосами. Судя по тому, как всадник поприветствовал короля, можно было понять, что они хорошо знакомы.

Что же касается Конана, то он, едва слышав стук копыт, тут же схватился за меч, — хотя он и понимал, что в этом огромном мрачном лесу, лежавшем к северо-востоку от Танасула, ему бояться нечего, бдительности он не терял. Увидев перед собой одного из старейших своих товарищей, Конан позволил себе слегка расслабиться. Подъехавший к нему человек заговорил:

— Сэр, я осмотрел всю тропу — похоже, принц назад не возвращался. Но разве возможно, чтобы этот парень так и шел по следу белого оленя?

— Боюсь, что так оно и есть, — проворчал Конан. — Чего-чего, а упрямства этому мальчишке не занимать, — у него характер в отца. Ох и не сладко ему ночью придется, — того и гляди снова этот проклятый дождь пойдет!

Просперо, пуантенский генерал армии Конана, изобразил на лице некое подобие улыбки. Этот огромный киммериец то ли случайно, то ли благодаря воле судьбы или прихоти своего северного бога смог взойти на престол Аквилонии, величайшего королевства Запада; однако оставался он все тем же варваром — примитивным и своенравным. Сын его, — пропавший принц Конн, — рос таким же, как и отец. Мальчик походил на него не только внешне, — как и у отца единственной его страстью были приключения.

— Может быть, созвать людей, сэр? — спросил

Просперо. — Негоже оставлять наследника трона в лесу. Мы рассредоточимся и затрубим в рога.

Конан стал покусывать ус. Пред ними расстилались темные леса восточного Гандерланда. Мрачная эта чаща была мало кому была ведома. Король посмотрел на небо, — судя по всему, дождь вот-вот должен был пойти вновь.

— Этого делать как раз не стоит. Будем считать, что это будет для него хорошим уроком. Подумаешь, — раз он не поспит! В его возрасте я не одну ночь провел под открытым небом на киммерийских пустошах. Возвращаемся в лагерь! Олень от нас ушел, но, думаю, нам хватит и медведя. Ну а жаркое мы запьем добрым старым пуантенским. Ух, — как я проголодался!

Насытившись и изрядно захмелев, Конан решил прилечь у костра. Рядом храпел верзила Гийом, барон Имира, закутавшийся в шкуры. Загонщики и придворные, утомившись за день, спали мертвецким сном. У костра сидело лишь несколько человек.

Облака стали расходиться, на небе показался холодный лунный диск. Тут же подул пронизывающий ветер, срывавший с деревьев последние листья.

Вино развязало королю язык, — весь вечер он сыпал невероятными историями и анекдотами из своей богатой приключеньями жизни. И все же Просперо заметил, что время от времени Конан замолкает, всматриваясь во мглистую даль и напряженно прислушиваясь. Несмотря на кажущуюся его веселость, король был чрезвычайно встревожен. Говорить киммериец мог что угодно, но не волноваться он конечно не мог, — еще бы, — ведь его сыну принцу Конну исполнилось всего двенадцать лет.

Просперо показалось, что короля мучают угрызения совести, — такое с этим диким, по-варварски примитивным киммерийцем случалось не часто. Идея путешествия в северный Гандерланд принадлежала Конану. Его супруга королева Зенобия тяжело болела, — рождение третьего ребенка далось ей с трудом. Вот уже несколько месяцев Конан ухаживал за ней, боясь по-

кинуть больную хотя бы на минуту. Сын же его, чувствуя себя покинутым всеми, становился все угрюмее и замкнутее. Теперь, когда к Зенобии стали возвращаться прежние ее силы, а Смерть отступилась от дворца, Конан решил провести пару недель вместе с сыном, надеясь восстановить так прежние отношения.

Сейчас этот упрямый мальчишка, для которого эта охота была первой, скачет по мрачной дикой чащобе, преследуя неуловимого белоснежного оленя...

Небо совершенно очистилось. Ветер, завывая, раскачивал темные ветви деревьев и шелестел листвою. Конан вновь прервал свой рассказ о колдунах и пиратах и стал прислушиваться. Грозный Гандерланд даже в ту беспокойную эпоху считался местом далеко не безопасным. Бизоны и зубры, кабаны, медведи и волки бродили по его тропам. Были здесь и иные враги, — враги куда более коварные и опасные, — люди. В лесных чащах скрывались от закона разбойники, воры и изменники.

Выбравшись, король поднялся на ноги и швырнул черную мантию, брошенную ему на плечи, на свое ложе.

— Можете считать меня кем угодно, — проревел Конан, — но больше так сидеть я не могу. Зовите меня стигийцем, если я сойду со следа! Фулк! Седлай гнедого Имира, — вороного я загнал. Теперь вы, — хлебните вина напоследок и седлайте своих коней. Сэр Валенс! В третьем фургоне лежат факелы. Возьмите по факелу и отправляйтесь за мною вслед! Пока я не удостоверюсь в том, что мой сын в безопасности, спать я не лягу!

Покачиваясь в седле, Конан ворчал: «Этот глухой мальчишка погнался за таким оленем, за которым никакой скакун не угонится! Ну ничего, — я еще научу его уму-разуму!»

На мгновение лик луны затмился, — по небу беззвучно проплыла огромная белоснежная сова. Конан вздрогнул и зло выругался. Его душа терзалась мрачными предчувствиями. Люди, ехавшие вслед за ним, рассказывали друг другу странные истории о белоснежном олене-оборотне, что был стремителен словно

ветер с севера. Конан молил Крома о том, чтобы это животное было обычным оленем, а не каким-то таинственным существом, явившимся сюда из других пространств и времен...

...2. ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ...

Юный Конн промок насквозь и продрог. На внутренней стороне бедер, там, где они касались жесткого седла, появились кровавые волдыри. Принц чувствовал, как им овладевает голод и усталость. Самым же ужасным было то, что он совершенно сбился с пути.

Белый олень парил перед ним призрачной птицей. Уже не раз животное подпускало его к себе на расстояние полета стрелы. Порой Конном овладевала рассудительность, и тогда он был готов повернуть обратно, однако тут же ему начинало казаться, что олень уже выбился из сил, что еще немного, и он, Конн, нагонит его.

Мальчик потянул за поводья, и взмыленный пони послушно остановился посреди густых зарослей кустарника. Над головой его поскрипывали ветви и шепталась все еще густая листва, совершенно скрывавшая от него и луну, и звезды. Теперь он не понимал ни того, где он находится, ни того, в каком направлении ведет его белый олень. Мальчик поежился. Он хорошо знал характер своего отца и понимал, что его ждет порка. Смягчить гнев Конана можно было лишь бросив к его ногам шкуру оленя.

Забыв об усталости и голоде, Конн вновь исполнился решимостью. В эту минуту он удивительно походил на своего отца, — тот же пронзительный взгляд голубых глаз, та же копна черных волос, те же мощь и отвага. Конну было всего двенадцать, но он был уже выше многих взрослых аквилонцев.

— Вперед, Мардук! — воскликнул он, ударив пятками в бока своему черному пони. С трудом продравшись сквозь густые заросли, конь и всадник оказались на длинной поляне, поросшей высокими травами. Стоило им выехать на открытое место, как Конн вновь

увидел вдали светлое пятно. Огромный белый олень грациозно, словно паря, пересекал прогалину. Сердце мальчика забило чаще, им вновь овладел охотничий азарт. Кованные копыта забарабанили по земле, покрытой шуршащими травами. Олень, легко перемахивая через стволы поваленных деревьев, понесся к краю поляны.

Пригнувшись в седле, Конн сжал в руке легкое копье. Деревья стояли за поляной сплошной стеной, — олень должен был либо замедлить шаг, либо запутаться в густых зарослях.

В следующее мгновение, когда мальчик уже был готов метнуть копье, это и произошло. Олень замер и обратился в туманное облако, тут же превратившееся в высокую человеческую фигуру, закутанную в белые одеяния. Это была женщина; серо-стальные волосы обрамляли ее худое, бесстрастное лицо.

Конна охватил ужас. Пони, храпя и бешено вращая глазами, попятился назад. Конн испуганно смотрел в холодные зеленые глаза стоявшей перед ним женщины.

Все звуки смолкли. Конн стал слышать удары собственного сердца; руки его задрожали, во рту пересохло. Почему он так испугался? Как этот призрак мог испугать его, сына Конана-Завоевателя?

Собрав волю в кулак, мальчик крепко сжал древко копья. Сын Конана не боится этой женщины, кем бы она ни была — ведьмой, призраком или оборотнем!

В зеленых глазах, пристально глядевших на него, засверкали холодные искорки, — женщина смотрела на него с явной иронией. Она медленно подняла свою худую руку. Тут же в кустах раздался треск.

Мальчик обернулся и увидел, что на поляну со всех сторон выходят люди.

Все они были необычайно высоки и страшно худы, — худы настолько, что походили скорее не на живых людей, а на ожившие мумии. Они были едва ли выше великана Конана, — рост некоторых превышал семь футов. С головы до пят эти люди были закутаны в черные одеяния, плотно, словно перчатки, облегавшие их тела. Черной тканью были прикрыты и

их головы. Своими тонкими длинными пальцами они сжимали странные орудья, походившие на жезлы длиной фута в два, выточенные из черного дерева. На конце каждого жезла поблескивала небольшая — с куриное яйцо — сфера, изготовленная из какого-то непонятного серебристого металла.

Конн попытался рассмотреть их лица и ужаснулся. У этих людей лиц не было! Под черными накидками светились пустые белые овалы.

Убеги мальчик с поляны, его вряд ли стали бы упрекать в трусости. Однако он и не думал бежать. Ему было всего двенадцать, но он происходил из рода могучих воинов и отважных жен, — ни один из его предков не дрогнул пред лицом опасности, и потому не имел на это права и он. Предкам его доводилось встречаться лицом к лицу с гигантскими медведями, ужасными снежными драконами Фиглофийских гор и саблезубыми пещерными тиграми. Утопая по колено в снегу, они сражались с этими адскими созданиями под темными небесами Севера. В час опасности в мальчике проснулась память рода.

Женщина обратилась к нему по-аквилонски. Говорила она с сильным акцентом.

— Сдавайся, мальчик!

— Ни за что! — прокричал ей в ответ Конн. Издав боевой клич киммерийцев, он взял копье наперевес и, прищипорив своего коня, понесся на одну из безликих черных фигур.

Старое лицо женщины в белом оставалось бесстрастным. Не успел еще пони как следует набрать скорость, как острая боль пронзила руку Конна. Он охнул, согнувшись от боли. Копье выпало из его онемевших пальцев и исчезло среди высоких трав.

Один из черных великанов тут же приблизился к нему. Одной рукой он схватил пони за поводья, другой — завел над Конном жезл. Металлический шар легко коснулся локтя мальчика, попав точно в нервный узел. Конн едва не закричал от боли.

Черный человек занес жезл для нового удара, но тут же женщина прокричала ему что-то на неведомом

языке. У нее был резкий металлический голос. Безликий человек в черном опустил руку.

Но Конн и не думая сдаваться. Громко закричав, он схватился левой рукой за рукоять висевшего у него на поясе меча. Неловким движением он вынул меч из ножен и перевернул его клинком вверх. Люди в черных плащах окружали его со всех сторон; к нему тянулись их тонкие руки.

Сделав обманное движение, Конн нанес удар человеку, стоявшему к нему ближе других. Клинок вонзился прямо ему в горло. Захлебываясь кровью, человек упал на колени и тут же повалился наземь.

Конн вонзил шпоры в бока пони. Тот, громко заржав, попятился было назад, испугавшись вида надвигавшихся на него безликих людей, но уже через миг, справившись со страхом, рванулся вперед. Люди в черном легко уходили от его подкованных сталью копыт. Один из них поднял свой жезл. Металлический шар с немыслимой точностью поразил кисть Конна. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и исчез в траве. Другой металлический шар легко коснулся затылка мальчика. Тело его тут же онемело, и он свалился с седла прямо в тонкие иссохшие руки одного из безликих людей. Прочие приложились умирять его коня.

Зеленоглазая женщина склонилась над ввалившимся в забытие мальчиком.

— Конн, наследный принц Аквилонии, — скрипящим голосом пробормотала она и усмехнулась. — Представляю, как будет радоваться Тот-Амон.

3. КРОВАВЫЕ РУНЫ

Ссутулившись в седле, Конан уткнувшись головой в кусок холодной медвежатины. К нему подъехал Эрик, его главный загонщик.

Король выпрямил спину, вынул кость и, отерев губы тыльной стороной руки, мрачно спросил: «Что-нибудь нашел?» Старый загонщик молча кивнул и протянул Конану странный предмет.

— Вот это, — сказал он.

Нахмурив брови, Конан стал рассматривать диковинную вещь. Это была вырезанная из слоновой кости маска, принадлежавшая человеку с вытянутым узким лицом. Станным было то, что эта маска была совершенно гладкой, — ровный пустой овал с двумя вырезами для глаз. Вид ее Конану не понравился.

— Гиперборейские штучки, — сплюнул он. — Еще что-нибудь есть?

Старый охотник кивнул.

— Кровь на измятой траве, следы копыт молодого пони и — и это.

Огоньки, блиставшие в глазах Конана, померкли; лицо посерьезнело и осунулось. Это был меч, подаренный им Конну в день его двенадцатилетия. На серебряной рукояти была выгравирована корона принца Аквилонии.

— Это все?

— Собаки ищут след, Ваше Величество, — ответил Эрик.

— Как только они нападут на него, труби в рог и собирай людей! — проревел Конан.

Солнце стояло уже высоко; от сырой земли поднимался пар. Король Аквилонии поежился, почувствовав вдруг холодное дыхание смерти.

Прошел целый час, прежде чем они смогли отыскать труп. Тело было захоронено на дне овражка, — оно было присыпано сырой землей и опавшей листвой так искусно, что отыскать могилу могли разве что собаки.

Конан съехал на дно овражка и стал разглядывать труп. С тела были сняты все одеяния; кожа погибшего была бела, словно пергамент, волосы его тоже были поразительно светлыми. Рост этого тощего изможденного человека с перерезанным горлом был чуть меньше семи футов.

Эрик склонился над перепачканным грязью телом и стал прижиматься. Сняв с раны кусочек запекшейся крови, он принялся растирать ее между пальцами.

Конан утрюмо ждал. Наконец старик тяжело поднялся на ноги и вытер кончики пальцев о полу плаща.

— Его убили прошлой ночью, мой господин, — сказал он.

Конан еще раз взглянул на лицо убитого — узкий подбородок, высокие скулы, тонкие черты. Вне всяких сомнений, перед ним лежал гипербореец — об этом говорили и его неестественная бледность, и хрупкое телосложение при чудовищном росте, и бесцветные шелковистые волосы. На Конана смотрели мертвые, зеленые, словно у кошки, глаза.

— Отпускай собак, Эрлик. Просперо! Предупреди людей о том, что враги могут появиться в любую минуту! Нас, похоже, ведут.

Пуантенский генерал и король поскакали бок о бок. Вежливо откашлявшись, генерал спросил:

— Вы считаете, что маска и меч были оставлены для нас, мой повелитель?

— Я в этом уверен, — буркнул Конан. — Я это нутром чую. Где-то там скрывается целая банда этих белых демонов, похитивших моего мальчика. Они ведут нас, словно скот, разрази их гром!

— Они хотят устроить нам засаду? — спросил Просперо. Конан на мгновение задумался и отрицательно покачал головой.

— Не думаю. В течение последнего часа мы миновали три таких места, лучше которых для засады не придумать. Нет, — они явно хотят чего-то другого. Возможно, где-то впереди нас ждет их послание.

Просперо не стал спорить с этим.

— Возможно, они хотят получить выкуп?

— Может статься, они захотят использовать принца как приманку, — ответил Конан, блеснув глазами, словно лютый зверь. — Как-то раз я попал в плен к гиперборейцам. Там я такого натерпелся, что до сих пор к этим костлявым демонам особой любви не питаю. Когда же их гостеприимство меня вконец утомило, я ответил им тем же, — так что, думаю, и у них ко мне особой приязни нет!

— А что означает эта маска из слоновой кости?

Конан сплюнул и приложился к фляге с вином.

— Гиперборея — место темное. Этой мертвой, голой, обьятой туманами землей правит страх. Страною управляют служители тайного культа — черные колдуны-убийцы. Их единственное оружие — деревянные прутья, на конце которых закреплены шары, выточенные из необычного металла, называемого платиной. Старуха, которую колдуны считают воплощением богини смерти, правит всеми их землями, она же является и их главной жрицей. Ее слуги-убийцы заняты постоянным самоистязанием — они умерщвляют свое тело, разум и волю. Маски, подобные той, которую ты видел, — одно из проявлений их фанатизма. Нет в мире воинов страшнее этих, — слепая вера в демонов делает их бесстрашными и нечувствительными к боли.

Дальше они ехали молча. И тому, и другому представилась страшная картина — беззащитный мальчик, окруженный фанатичными служителями смерти, люто ненавидящими Конана.

Лес становился все реже — на смену мрачным чащам восточного Гандерланда пришли меловые пустоши, поросшие вереском и папоротником. Они приближались к границе владений Конана. Где-то здесь сходились земли Аквилонии, Киммерии, Пограничного Королевства и Немедии.

Похолодало. Небо стало затягиваться тучами. Багряный вереск волновался и шумел на ветру. Издалека слышался хриплый крик болотных птиц. Земля эта была пустынна и уныла.

Конан скакал впереди. Внезапно он остановил своего коня и знаком приказал остановиться другим. Несходя с коня, он утрюмо смотрел на предмет, лежавший на тропе. Воины спешили и подошли к своему королю.

Перед ними лежало легкое, сделанное из ивняка копьё, которое могло принадлежать разве что ребенку. На древко был одет белый пергаментный свиток.

Эрик снял пергамент с древка и подал его своему королю, что так и сидел в седле. Конан развернул тугой скрипучий свиток.

Послание было написано по-аквилонски; писавший его, судя по всему, торопился — руны были написаны

небрежно и разобрать их было весьма непросто. Нахмутив брови, Конан молча прочел послание и передал его Просперо, зачитавшему его вслух.

— КОРОЛЬ ДОЛЖЕН В ОДИНОЧКУ НАПРАВИТЬСЯ В ПОХИОЛУ. ЕСЛИ ОН ВЫПОЛНИТ ЭТО УСЛОВИЕ, С СЫНОМ ЕГО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. ЕСЛИ ОН ПОСТУПИТ ИНАЧЕ, РЕБЕНОК ЕГО УМРЕТ СТРАШНОЙ СМЕРТЬЮ. КОРОЛЬ ДОЛЖЕН ИДТИ ПО ТРОПЕ, ПОМЕЧЕННОЙ БЕЛОЙ РУКОЙ.

Просперо поморщился — послание было написано кровью.

4. БЕЛАЯ РУКА

Конан в одиночку направился к пустынным землям, лежавшим за пределами Аквилонии. Если бы он вернулся в Танасул и, собрав войско, повел его на туманную Гиперборею, он потерял бы сына. Ему не оставалось ничего другого, как только выполнять поставленные ему условия.

Король передал Просперо огромный золотой перстень с печатью, который он носил на большом пальце правой руки. Тем самым на время своего отсутствия он передавал пуантенскому генералу всю полноту власти в Аквилонии. В случае смерти Конана королем аквилонцев должен был стать второй его сын, регентами которого были бы королева Зенобия и генерал Просперо.

Конан объяснил все это Просперо, глядя ему в глаза, — он не сомневался в том, что этот доблестный воин в точности выполнит все сказанное. Но сказал он ему не только это. Собрав в Танасуле армию из рекрутов, Просперо должен был повести ее на столицу Гипербореи Похиолу.

Конану просто-напросто хотелось как-то занять Просперо. Он прекрасно понимал, что никакая армия не сможет ни нагнать его, ни пройти там, где пройдет он, Конан. Он окажется в сверкающих стенах Похиолы много раньше Просперо.

Эти земли назывались Пограничным Королевством. Пустынные безжизненные пустоши тянулись до самого горизонта. То тут, то там росли чахлые кривые деревца. Время от времени из заросших болот вылетали напуганные внезапным шумом птицы. Холодный, пронизывающий до костей ветер пел свою заунывную песнь.

Конан спешил, однако оставался внимательным и осторожным. Своего чалого жеребца Имира он загнал прошедшей ночью; теперь под ним был крупный серый жеребец барона Гийома Имирского. Барон был так толст, что весом почти не уступал Конану. Скакун его был могуч и широк в кости. Киммериец не стал брать с собой громоздкую охотничью амуницию, он одел на себя простой кожаный камзол и промасленную кольчугу. Меч он повесил за спину, так чтобы он не сковывал его в движениях; на передней луке седла он закрепил тутой гирканский лук и колчан со стрелами с черным опереньем.

Вначале почва была мягкой, и потому следы коней гиперборейцев были видны на ней ясно. Конан пустил коня галопом, надеясь хоть как-то выиграть время. Кто знает, — быть может его суровый бог Кром смилостивится над ним и позволит ему догнать бледнолицых похитителей еще до того, как они вступят в Похиолу. Впрочем, Конан на это почти не надеялся...

Теперь под копытами коня были уже камни, но и здесь он вряд ли мог сбиться со следа — похитители оставили для него меты — отпечатки ладони, белевшие среди темных деревьев. Порою знак ставился на вершинах покрытых сухими травами холмиков, и тогда он казался морозным узором неведь откуда налетевшей стужи.

Колдовство! Волосы на затылке киммерийца поднялись дыбом. На его родине, в Киммерии, что лежала к северо-западу отсюда, люди слышали о Белой Руке, страшном символе колдунов Гипербореи. От одной мысли о том, что его сын попал в руки гиперборейцев, Конану становилось страшно.

Он все скакал и скакал вперед по унылой пустоши, мимо темных холодных болот, чахлых папоротников и

жалких деревьев, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни коню. Пустошь стала погружаться во тьму. На небе появились звезды, — их было немного, и свет их был тускл, ибо все небо было затянуто дымкой. Луна на минуту вышла из-за облаков, но тут же скрылась вновь. Мир погрузился во тьму.

Теперь Конан должен был ждать рассвета. Кряхтя, киммериец спешил, — все члены его ныли. Накормив овсом скакуна, он развел небольшой костер из сухих папоротников и, положив под голову седло, забился тяжелым сном.

Вот уже три дня он скакал по этим неприятным землям. Путь шел по самому краю Большой Соленой Толи. Это огромное болото вполне могло быть останками внутреннего моря, некогда — еще на заре цивилизации — заливавшего все окрестные земли. Почва под ногами становилась все более зыбкой, — чем глубже в земли Пограничного Королевства продвигался Конан, тем ненадежнее становился его путь. Тяжелый серый жеребец шел теперь шагом, боязливо переходя с кочки на кочку. Луж становилось все больше, деревья же совершенно исчезли.

Над болотом повисли сумерки. Жеребец нервно шаркался из стороны в сторону, то и дело увязая копытами в болотной жиже. Над головой слышался писк летучих мышей. Огромная змея, толщиной в человеческую руку, бесшумно переползла через гнилое, покрытое плесенью бревно и скрылась в темноте. Тьма становилась все гуще и гуще, но Конан и не думал останавливаться, — он вновь хотел провести всю ночь в пути, сделав краткий привал лишь в полдень.

Тропинка раздваивалась. Не сходя с коня, Конан стал искать мету. На темном, отполированном непрерывными дождями камне он вновь увидел странный светящийся отпечаток руки. Он потянул за поводья и направил коня нужной дорогой.

Внезапно неведь откуда появились люди. На их грязных изможденных телах не было никаких одежд, кроме набедренных повязок. Лица их были искажены злобой.

Конан грозно заревел и, пустив коня вскачь, вынул меч из ножен.

Дикари обступали его уже со всех сторон, они цеплялись за стремяна и за ноги, хватали его за кольчугу, дергали коня за гриву, пытались свалить его с ног. Конь поднялся на дыбы и замахал своими огромными копытами. Одному из дикарей он проломил череп, другому размоzzжил плечо.

Клинок Конана со свистом опустился на головы нападавших. В одно мгновение он обезглавил пятерых, в черепе же шестого его меч застрял. Тело дикаря, падая, увлекло за собой и клинок. Конан спрыгнул с коня и тут же оказался окруженный дикарями. Их безумные глаза горели ненавистью, их пальцы хищно впивались в его руки. Дикая толпа погребла его под собою, и в тот же миг на голову Конана опустилась тяжелая дубина. Конан рухнул как подкошенный.

5. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Теперь они шли по мощенной камнем дороге. Впереди замаячил обьятый туманной дымкой холм. Утомленный долгой дорогой Конн видел его смутно.

Вершину холма венчал огромный замок, сложенный из гигантских каменных плит; в тусклом свете звезд он казался призрачным. По углам замка стояли массивные башни. К его мрачному portalу отряд и направлялся. Тяжелая решетка, закрывавшая вход в замок, стала медленно подниматься. Мальчик едва смог скрыть свой испуг, — заканчивавшаяся страшными зубьями ржавая решетка и тьма, разверзшаяся за ней, делали врата похожими на ослабленную пасть огромного чудовища.

Они въехали в гигантскую залу, слабо освещенную развешанными по стенам факелами. Решетка, зловеще лязгнув, опустилась, — пасть захлопнулась.

Холодные белые руки сняли мальчика с коня и бросили его в угол. Чувствуя спиной сырую стену, Конн стал осматриваться. Вскоре глаза его привыкли к полумраку, и он смог рассмотреть этот огромный

гулкий зал. Похоже, других покоев в замке не было. Своды залы терялись где-то высоко вверх. Возле стены стояли — длинный стол, пара грубых скамеек и несколько стульев. На столе было пять или шесть деревянных тарелок, наполненных объедками, и пара ломтей не пропеченного черного хлеба. Только теперь мальчик почувствовал, как он голоден. словно услышав его мысли, старуха что-то приказала своим людям. Один из них взял тарелку со стола и поставил ее перед Конном.

Руки его занемели, ибо все это время были привязаны к луке седла. Человек в черном снял ремни с запястий мальчика и тут же стянул его шею цепью, привязанной к ржавому кольцу, закрепленному на стене. Человек безмолвно наблюдал за тем, как Конн давится объедками.

Колдун снял свою белую маску, открыв мальчику свое лицо. Бледное изможденное лицо несло на себе печать нечеловеческой безмятежности. Конну не понравились ни его тонкие бесцветные губы, ни его холодные зеленые глаза. Впрочем, сейчас ему было не до похитителей — слишком уж велики были его усталость и голод. К нему подошел еще один человек, державший в руках грязную дерюгу. Он бросил дерюгу на пол, после чего оба колдуна удалились. Конн подгреб под себя грязную солому, которой были застелены полы залы, и, завернувшись в тряпье, тут же уснул.

Его разбудил звук колокола. Свет солнца не проникал в это чудовищное сооружение, и потому о времени суток можно было лишь гадать.

Конн протер глаза и стал смотреть по сторонам. В центре залы на невысоком каменном возвышении, скрестив ноги, сидела ведьма. Перед ней стояла огромная медная чаша, наполненная раскаленными угольями, отсвечивающими на ее лице кроваво-красными отблесками.

Конн принялся рассматривать ее. Ведьма была старой. Седые пряди падали на ее изрезанное густой сеткой морщин лицо, что казалось не только бесчувственным, но и безжизненным. Однако изумрудные

глаза ее были исполнены удивительной силы, — огненный их взгляд был устремлен в никуда.

Сидевший рядом с возвышением человек в черном ударял обшитой войлоком колотушкой по небольшому колоколу, имевшему форму черепа. Глухому его звону вторило мрачное эхо.

Один за другим в залу стали входить Колдуны. Лица их были скрыты масками из слоновой кости, головы прикрыты черными капюшонами мантий. Один из Колдунов вел перед собой наглого лохматого человека. Конн вспомнил, что человек этот был пленен слугами смерти несколькими днями раньше, — его поймали на болоте. Ему на шею набросили петлю, и он то бежал, боясь отстать от коня, то падал, — и тогда конь тащил его за собой. Изуродованное тело пленника было покрыто грязью. Широко раскрыв рот, он испуганно озирался по сторонам.

Началось ужасное действо. Два Колдуна, став на колени, обвязали ноги пленника ремнем, спускавшимся с балки. Они потянули за свободный конец ремня, и вскоре человек уже висел вниз головой над чашей с угольями. Зала наполнилась истошным криком.

И тогда они перерезали своей жертве горло.

Пленник забился в агонии, но уже через несколько мгновений испустил дух. Глаза Конна округлились от ужаса. Кровь стекала прямо на уголья, от которых поднимался неимоверный зловонный чад.

Все это время ведьма оставалась совершенно недвижимой. Присмотревшись получше, Конн увидел, что она слегка покачивается в такт какой-то слышной лишь ей одной мелодии. Люди в черном застыли вокруг возвышения. Угли шипели и потрескивали. Кровь текла в чашу нескончаемым потоком. Теперь ведьма пела уже вслух под монотонные удары колокола. Конн потрясенно наблюдал за происходящим.

Облако дыма, повисшее над каменным кругом, стало странно подергиваться, — казалось, что его касается некая незримая рука. И тут лицо мальчика стало бледным как смерть.

— Кром! — прошептал он дрожащими губами.

Облако дыма приняло форму человека — статного

широкоплечего человека, одетого по-восточному; капюшон его мантии был откинут на спину. Голова человека была обрита наголо, лицо было мрачным и хищным.

Видение это было страшно. Ведьма же продолжала свою монотонную песнь, походившую на завыванье холодного ветра.

Туманный образ стал уплотняться: мантия стала темно-зеленой, лицо — красновато-коричневым, как у стигийцев и жителей Шема. Застыв от ужаса, мальчик вгляделся в лицо призрака. Ему казалось, что он когда-то уже видел его или, по крайней мере, слышал о нем — эти хищные черты, этот безгубый рот, эти горящие изумрудным светом глаза...

Тонкие губы задвигались и раздался странный, словно слетавший откуда-то издалека голос.

— Приветствую тебя, о Лахи! — сказал призрак.

В ответ ему ведьма сказала:

— Приветствую тебя, Тот-Амон!

Конн окаменел, — теперь он знал, что пленили его не обычные похитители. Он попал в лапы к самому страшному и коварному врагу своего рода, — в лапы предводителя черных магов мира, стигийского колдуна, некогда поклявшегося именем своих страшных богов погубить Коннана-Киммерийца и стереть с лица земли Аквилонии.

6. ЗА ВРАТАМИ СМЕРТИ

Конан пришел в себя перед рассветом. Голова его раскалывалась от боли, лицо было покрыто коркой запекшейся крови. И все же он был жив.

Болотных дикарей рядом с ним не было. Они исчезли в ночи, прихватив с собой и награбленное, и трупы своих людей. Постанывая, Конан сел и обхватил голову руками. Его обобрали донага, оставив на нем лишь башмаки да изорванные в клочья одежды. Теперь у него не было ни коня, ни оружия, ни провизии. Неужели болотные люди решили, что он мертв? Судя по всему, так оно и было, — такими ударами можно

было свалить и быка, — если бы не толстая кость, Конан отправился бы к праотцам.

В народе ходили легенды о том, что эти дикари были выродившимися потомками беглых рабов и преступников, искавших прибежища на болоте. Кровосмешительные браки низвели их до уровня диких зверей. Удивительным было то, что дикари не сожрали его, — люди, дошедшие до животного состояния, как правило, питают особенную приязнь к человеческой плоти. Конан поднялся на ноги и только тогда понял, что же отпугнуло дикарей.

На измятой грязной траве отчетливо виднелся знак Белой Руки.

Ему не оставалось ничего другого, как только идти пешком. Обратив одну из ветвей росшего неподалеку дерева в увесистую дубину, Конан продолжил свой путь на северо-восток, следуя по тропе, отмеченной знаками.

Он вырос в суровом краю и потому к подобным походам ему было не привыкать. Много воды утекло с той поры; много лет ему, королю гордой Аквилонии, не приходилось ни ходить по следу, ни скитаться в диких землях, где каждый шаг сопряжен с опасностью. Теперь он был только рад тому, что старые привычки нисколько не забылись. Отодрвав от прикрывавших его тело лохмотьев узкую полоску, он сделал из нее прашу и несколькими меткими бросками подбил пару уток. При всем желании он не мог развести на болоте огня и потому ему пришлось есть их сырыми. Ему пришлось отбиваться и от свирепой своры диких псов, и дубина его для этой цели пришлась весьма кстати. Порой ему приходилось довольствоваться лягушками и раками, которых он нанизывал на заостренную палочку. Тропа же шла все дальше и дальше на северо-восток.

Ему казалось, что прошла уже целая вечность, когда, наконец, он достиг пределов Пограничного Королевства. Граница Гипербореи была помечена странным изваяньем, призванным вселять страх в сердца людей. Гряды мрачных холмов поднимались все выше и выше. Извилистая тропинка привела киммерийца к уз-

кому перевалу, по обеим сторонам которого, словно угрюмые стражи, стояли округлые вершины. Склон одной из них был отмечен диковинным знаком грязно-белого цвета, что тут же бросался в глаза. Конан подошел к нему поближе и, скрестив на груди свои могучие руки, стал рассматривать его.

Это был череп, формой своей схожий с человеческим черепом, но только куда больших размеров. Конану стало не по себе, — ему вспомнились сказанья о великанах и троллях. Прищулив глаза, киммериец присмотрелся получше и тут же губы его искривились в улыбке. За долгие годы странствий ему многое довелось повидать, видел он и подобные черепа. Они принадлежали древним мамонтам, видом походившим на слонов. Если бы не бивни, то черепа эти действительно можно было бы принять за останки великанов. У этого же черепа бивни были просто-напросто отпилены. Конан сплюнул. Как ни странно, но увиденное приободрило его, — тот, кто прибегает к уловкам, не может быть всесильным.

На лбу мамонта была сделана надпись, — уродливые руны явно имели гиперборейское происхождение. Волею судеб Конану пришлось освоить множество языков, пусть при этом познания его и были поверхностными. Нахмутив чело и собравшись с мыслями, он прочел: «В р а т а Г и п е р б о р е и — В р а т а С м е р т и д л я н е з в а н о г о г о с т я».

Презрительно хмыкнув, Конан спустился с перевала. Теперь он шел по вражьи́м землям.

Стоило Конану миновать Ворота Смерти, как он оказался на пустынной, полого уходящей вниз равнине, по сторонам которой высилось несколько голых холмов. Теперь под ногами его было каменное крошево. Ничуть не сбавляя шага, Конан вступил в холодное царство тумана, стараясь постоянно быть настороже. Однако земля эта казалась совершенно необитаемой.

Немногочисленные жили в этой студеной стране, где солнце не греет, а сердцами владеет страх. Правители Гиперборей селились в огромных замках, сложенных из

гигантских каменных плит, слуги же — в жалких лачугах, тесно обступавших скудные поля.

Конан знал о том, что огромные серые волки Севера бродят по этим землям, что в пещерах здешних живут свирепые пещерные медведи, а по залитым туманом равнинам бродят редкие мамонты, северные олени и овцебыки. Земли эти были негостеприимны и суровы.

Вскоре Конан оказался у первой из каменных цитаделей, что называлась именем Сигтона. В Асгарде он не раз слышал рассказы о свирепой властительнице Сигтоны, что питалась по слухам только человеческой кровью. Стараясь не подходить к замку, он направился дальше, к цитадели, носившей имя Похиола.

Путь ему предстоял неблизкий. Много дней и ночей прошло, прежде чем Конан увидел в свете звезд холм, вершина которого была увенчана мрачным замком с массивными приземистыми башнями. Полутопый, голодный, грязный и безоружный, упрямый киммериец смотрел на Твердыню Колдунов с огнем во взоре. Где-то здесь находится его старший сын. Кто знает, быть может, именно здесь ему; Конану, суждено сложить свою голову. Но бороться со Смертью ему было не впервой и пока, хвала Крому, ему удавалось выходить победителем.

Гордо подняв голову, Конан подошел к мрачным вратам Похиолы.

7. ВЕДЬМА

Железные зубья решетки застыли высоко вверху. Сколоченные из черного дерева массивные ворота поблескивали шляпками железных гвоздей, что сливались в некую магическую руну, неизвестную Конану. Ворота были распахнуты настежь.

Конан вошел внутрь, мрачно отметив про себя, что толщина здешних стен никак не меньше двадцати шагов. Он оказался в главной зале огромного замка. Кроме старухи с гладкими седыми волосами, здесь никого не было. Она сидела на круглом каменном

возвышении, созерцая чашу с горящими угольями. Киммериец знал, что это Лахи, королева и главная жрица Колдунов, считавших ее живым воплощением их богини смерти. Громко ступая по каменным плитам пола, Конан достиг центра залы и, скрестив на груди руки, остановился рядом с возвышением.

Ведьма продолжала созерцать тлеющие уголья. Лишь через минуту она перевела взгляд своих зеленых кошачьих глаз на Конана. Киммериец тут же почувствовал силу этого взгляда. Лахи казалась дряхлой немощной старухой, но за этой жалкой маской чувствовалось присутствие чего-то необычайно сильного.

— Тот-Амон приказал мне убить тебя на месте или сковать тебя самими тяжелыми цепями, заговорила ведьма. Голос ее был хриплым.

Конан и бровью не повел.

— Я хочу увидеть своего сына, — твердо сказал он.

— Тот-Амон сказал, что ты — самый опасный человек во всем мире, — невозмутимо продолжила Лахи. — Я же считала самым опасным человеком его самого. И потому его слова кажутся мне странными. Ты действительно так опасен?

Я хочу увидеть своего сына, — повторил Конан.

— Может быть, я ошибаюсь, но я не чувствую опасности, — спокойно продолжала колдунья. — Ты силен, это верно, ты силен и вынослив. Я несколько не сомневаюсь в том, что ты достаточно отважен. И все же ты — просто человек. Не понимаю, — почему Тот-Амон так боится тебя?

— Он знает, что во мне его гибель, ответил Конан. — То же будет и с тобой, если ты не отведешь меня к сыну.

Морщинистое лицо ведьмы застыло, глаза засверкали холодным изумрудным светом. Конан продолжал смотреть ей в глаза. Взгляд Лахи исполнился еще большего холода, но и тогда киммериец не отвел своих горящих глаз. Не выдержав его взгляда, ведьма отвернулась.

Немыслимо высокие и худые мужчины в черных, плотно облегающих тело одеяниях тут же появились за спиной Конана. Казалось, они явились по беззвучному

зову своей владычицы. Не поднимая глаз, с голосом, лишенным былой силы, она приказала:

— Отведите его к сыну.

Принц Конн содержался в глубокой яме, напоминавшей пересохший колодец, стены которой были выложены темным камнем. Конана спустили вниз на веревке, после чего веревка тут же была извлечена из ямы.

Мальчик лежал у стены на куче сырого тряпья. Он тут же признал в полуголом великане своего отца и, вскочив на ноги, бросился в его объятья. Конан прижал мальчика к себе и стал сыпать проклятиями, желая хоть как-то скрыть обуревавшие им нежные чувства. Наконец, он похлопал мальчика по плечу и взял с него обещание, что тот не станет впредь вести себя так глупо. Слова его были грубы и звучали грозно, но по лицу его ручьем катились слезы.

Взяв сына за руку, Конан принялся осматривать его. Одежда Конна превратилась в лохмотья, он побледнел и осунулся, было непонятно и то, что он цел и невредим. Пережитое им могло свести с ума кого угодно, тем более ребенка, но он, судя по всему, держался молодцом. Конан усмехнулся и потрепал его по плечу.

— Отец, здесь не обошлось без Тот-Амона, — возбужденно прошептал Конн.

— Я знаю, — буркнул Конан.

— Прошлой ночью старая карга вызывала его дух, — так же истово продолжал мальчик. — Они повесили дикаря за ноги и перерезали ему горло, так что кровь его стекала в чашу с горящими угольями! Поднялся страшный дым, и она превратила его в Тот-Амона!

— О чем же они говорили?

— Когда Тот-Амон услышал о том, что ты идешь по Пограничному Королевству в одиночку, он стал просить, чтобы она убила тебя своими чарами! Она спросила, зачем ей тебя убивать, и он ответил ей, что ты, мол, слишком опасен. Они стали спорить, и спор у них вышел долгий.

Конан задумчиво почесал бороду.

— Ну а ты-то сам понимаешь, почему колдунья не стала убивать меня?

— Я думаю, она хочет оставить нас в живых и тем самым как-то подчинить себе Тот-Амона, — ответил мальчик. — Все колдуны и маги мира связаны между собой. Тот-Амон куда сильнее и важнее этой старой ведьмы, но пока ты находишься в ее руках, он не сможет властвовать над нею.

— Как знать, может ты и прав, сынок, — поразился Конан. — А что это за связь между магами, о которой ты говорил? Ради чего они объединились?

— Они объединились с тем, чтобы уничтожить королевства Запада, — ответил Конн. — Тот-Амон — глава всех черных магов Юга, — Кема, Стигии, Куша, Зимбабве и тропических стран. У магов этих существует что-то вроде гильдии, которую сами они называют Черным Кольцом...

Конан неожиданно вздрогнул.

— Так-так, — и что же это за Черное Кольцо?

Возбуждение мальчика достигло предела.

— Тот-Амон властвует над Черным Кольцом, но этого ему мало. Он хочет, чтобы Черное Кольцо слилось с Белой Рукой на севере и Алым Кругом где-то на Дальнем Востоке!

Конан застонал. Он знал о Черном Кольце, этом древнем братстве слугителей зла. Он знал и о тех мерзостях, которые творили члены Кольца, схоронившиеся до времени где-то в Стигии. Когда-то Тот-Амон был главой этого ордена, затем место стигийца занял некто Тутотмес, которому удалось свергнуть его. Тутотмеса уже не было в живых, и Тот-Амон, похоже, вновь обрел прежнюю власть над магами. Молодым королевствам Запада это не сулило ничего хорошего.

Они говорили до тех пор, пока Конн не рассказал отцу всего ведомого ему. Едва закончив рассказ, мальчик заснул крепким сном, положив голову на грудь отцу. Конан нежно обнял сына и задумался. Он смотрел во тьму, думая о том, что же может принести им будущее.

8. ПОСВЯЩЕННЫЕ ЧЕРНОГО КОЛЬЦА

На круглом каменном возвышении, находившемся в самом центре залы, стояло четыре трона черного дерева. Троны эти стояли полукругом возле огромной медной чаши с раскаленными угольями. В них сидели трое мужчин и женщина.

За стенами замка ярилась буря. Небо то и дело озарялось вспышками молний, походивших на огненные клинки. Дождь неистово хлестал по громаде замка. Земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома.

В зале же гром скорее походил на шорох. Своды ее были объаты непроницаемой тьмой, с которой, казалось, не могла совладать никакая стихия. Люди сидели совершенно безмолвно, однако чувствовалось, что тишина эта исполнена крайнего напряжения, что росло с каждой минутой. То и дело они искоса поглядывали друг на друга.

Из гулкой тьмы появились одетые в черное служители Белой Руки, что шли парами. Они вели с собой Конана. Смуглое его лицо казалось спокойным, отблески пламени играли на его обнаженной груди. Рядом с ним, высоко подняв голову, шел его сын. Колдуны подвели их к возвышению.

Конан поднял глаза и встретился взглядом с человеком могучего телосложения, одетым в темно-зеленую мантию. Голова этого человека была обрита наголо.

— Вот мы и свиделись, пес киммерийский, — процедил сквозь зубы Тот-Амон. Он говорил по-аквилонски с едва заметным акцентом.

Конан что-то проворчал и сплюнул. Отвечать стигийцу он не собирался, считая, что так он может разве что унижить себя, и потому он принялся рассматривать людей, сидевших на тронах. Гиперборейская колдунья была ему знакома, двух других он видел впервые. Первый был крошечным женоподобным человечком с кожей янтарного цвета и холодными бездушными глазами змеи. Его немыслимое одеяние поблескивало драгоценными камнями, на коротких толстых пальчиках мерцали золотые перстни.

— Это божественный Пра-Юн, Владыка Алого Круга, бог и вершитель судеб Ангкора, восточной столицы мира, — торжественно возгласил Тот-Амон. Конан не сказал в ответ ни слова, маленький же пузатый камбуджиец вежливо заулыбался.

— Великий король Аквилонии и я — старые друзья, хотя он меня и не знает. Некогда он сослужил мне такую службу, что я благодарен ему и по сей день, — произнес коротышка писклявым голосом.

— Как-то мне не доводилось об этом слышать, — насторожился Тот-Амон. Пра-Юн широко улыбнулся.

— Ну как же! Некогда он смог уничтожить знаменитого Ян-Шаня, — вероятно, сам он помнит об этом? Так вот, — этот самый Ян-Шань был самым могущественным из всех магов Кхитая. Он был моим соперником и превосходил меня в силе, и потому был владыкой Алого Круга. Не убей его этот отважный аквилонский царь, и я не стал бы верховным магом нашего ордена!

Пра-Юн вновь широко улыбнулся, однако Конан заметил, что глаза его при этом остаются холодными, — неподвижными и ледяными словно у гадюки.

Рядом с крошечным восточным божком сидела одетая в белую мантию Лахи, за Лахи — огромный черный дикарь. Его натертое маслом тело поблескивало, на кудрявой голове покачивались страусиные перья. Он был одет в шкуру леопарда, на запястьях и предплечьях поблескивали массивные золотые браслеты. Огромный мускулистый дикарь сидел совершенно недвижно. Живые его глаза горели адским пламенем.

— А это великий боккор или шаман Ненаунир, пророк и верховный жрец Дамбаллы, — так жители далекой Зимбабве величают Отца Сета, — представил дикаря Тот-Амон. — Одно слово Ненаунира и три миллиона черных воинов сметут все и вся.

Конан продолжал хранить молчание. Черный великан проревел:

— Стигиец, он не кажется мне опасным. Почему ты его так боишься?

Тень легла на лицо Тот-Амона. Не успел он вымолвить и слова, как Лахи рассмеялась хриплым смехом.

— Я присоединяюсь к Владыке Зимбабве! — прокричала она. — А теперь мне хотелось бы немного развлечь моих гостей. Камои нен! — Ведьма хлопнула в ладоши.

Круг Колдунов расступился и к возвышению подошел один из них. На бледном его лице поблескивали водянистые голубоватые глаза. В руках Колдун держал тонкую черную палочку больше локтя длиной. На каждом ее конце было по небольшому размером с куриное яйцо — металлическому шару.

Он поклонился своей королеве.

— Приказывай же, Богиня, — бесстрастно произнес он. Бледная морщинистая маска озарилась изумрудным блеском кошачьих глаз. Ведьма смотрела на Конана.

Пусть киммериец опустится перед нами на колени, — сказала она. — Тогда мои братья поймут, что бояться его нечего!

Человек в черном низко поклонился Лахи и тут же метнулся к Конану, взмахнув своей палочкой. Бдительный киммериец отпрыгнул назад, ибо не понимал того, что же держит в руках Колдун. Магический жезл просвистел мимо его лица, коснувшись седых прядей.

Противники принялись кружить по зале. Конан то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи. Ему хотелось броситься на тощего гиперборейца и повергнуть его одним смертельным ударом, но он удерживал себя, понимая, что тонкая палочка, поблескивающая в руке противника, таит в себе какую-то неведомую ему опасность.

Юный Конн так и стоял в окружении Колдунов. Внезапно он поднял руку и прокричал что-то по-киммерийски. Язык этот, резкий и гортанный, ни на что не походил, — кроме отца здесь его никто не знал.

Конан сузил глаза. Мальчик сказал ему, что Колдуны бьют своими жезлами по болевым точкам. Словно тигр Конан ринулся на своего противника и занес правую руку для удара. Колдун взмахнул своей палочкой, метя киммерийцу в локоть.

Конан подставил под удар левую руку, которую тут

же пронзила страшная боль, правой же рукой он изо всех сил ударил Колдуна в лицо.

Не успело тело Колдуна рухнуть наземь, как Конан подхватил его и швырнул в центр залы.

Тело угодило прямо в чашу, до краев наполненную раскаленными угольями. Четверку изумленных магов окатил огненный ливень.

Белые одеянья Лахи вспыхнули, и она пронзительно завизжала. Тот-Амон, прикрывая лицо руками, отшатнулся назад. Маленький камбуджиец споткнулся о ножку трона и рухнул прямо в огненное месиво.

Зала наполнилась шумом. Стражи в черных одеждах задвигались, но было уже поздно. Конан метался между ними, сшибая их словно кегли. Страшные удары его огромных кулаков крушили черепа и дробили кости врагов.

Юный Конн тоже не стоял на месте. Отец не зря учил его искусству рукопашного боя. Стоило отцу сойтись с первым противником, как Конн ударил стоявшего рядом с ним Колдуна под коленную чашечку. Колдун охнул и упал на пол. Конн ударил его по голове деревянным табуретом и тут же набросился на другого гиперборейца. Не прошло и десяти секунд, как он сразил этим странным оружием четверых врагов.

На каменном возвышении бился в агонии царь Ангкора. Грозно заревев, огромный черный шаман поднял над головой трон и швырнул его в Конана.

Конан прыгнул на пол, и тяжелый трон, просвистев у него над головой, сокрушил добрую дюжину его противников. Не мешкая ни минуты, киммериец взбежал на возвышение и схватил Тот-Амона за горло.

И тут ему помешала старая ведьма. Обезумев от боли, она металась по каменному кругу, полыхая словно факел. Конан отшатнулся от нее, и в тот же миг Тот-Амон прибег к последнему своему средству.

Зала озарилась ослепительной вспышкой изумрудного света. Конан схватил в руки трон Лахи, но было уже поздно, — Тот-Амон бесследно исчез.

Конан посмотрел в залу. Повсюду царили сумятица и хаос. Разбросанная по полу солома местами горела. Пол был усеян изуродованными трупами гиперборей-

цев. Он увидел своего сына, бешено вращавшего над головой тяжелый табурет. Полдюжины Колдунов уже лежали на полу, однако круг гиперборейцев, размахивавших своими страшными жезлами, становился все теснее. С десятков Колдунов взбежало по ступеням каменного круга; лица их были исполнены решимости.

9. КРОВЬ И ПЛАМЯ

Конан оторвал от земли тяжелую медную чашу, обжигавшую ему пальцы, и метнул ее в Колдунов. Чаша смела их с круга. В тот же миг зала вновь наполнилась изумрудным огнем. Конан обернулся и увидел, что исчез и черный шаман. Похоже, это колдовство позволяло магам легко преодолевать любые расстояния. Сюда они прибыли тем же способом, — в этом можно было не сомневаться.

— Киммериец!

Голос этот заставил Конана вздрогнуть. Он обернулся.

Камбуджиец являл собою нечто жалкое. Его усыпанная камнями мантия обратилась в перепачканную сажей тряпку. Инкрустированная самоцветами корона свалилась с его головы, открыв бритый череп. Лицо было покрыто ссадинами и волдырями. Однако глаза его смотрели на Конана пристальнее, чем прежде, взгляд Пра-Юна исполнился страшной силы.

Маг протянул к Конану свою дрожащую руку и из пальцев его внезапно выплеснулись снопы пламени.

Киммериец охнул. Тело больше не подчинялось ему, — казалось, что его погрузили в ледяную воду. Холод сковал его члены.

Скрипя зубами, он попытался силою перебороть внезапную напасть. Лицо его потемнело от напряжения, глаза едва не вышли из орбит. Но все его попытки были тщетными, — тело его обратилось в ледяную глыбу, неподвластную человеческим воле и силе.

Лежащий среди угольев камбуджиец заулыбался. Нечестивый огонь вспыхнул в его холодных змеиных глазах.

Не опуская руки, маг стал бормотать слова заклинания.

Сердце Конана пронзила боль. Над ним стала сходить тьма...

И тут невесть откуда взявшаяся стрела угодила прямо в висок Пра-Юну. Холодные черные глаза погасли.

Тело мага забилося в конвульсиях и, наконец, замерло. Чары распались, — Конан вновь был свободен.

Его окатила волна тепла и силы, — тело его вновь вернулось к жизни.

Он поднял глаза и посмотрел в залу. Старый Эрик стоял у стены, в руках он держал тяжелый арбалет. Никогда еще он не стрелял так метко. В залу вбежала дюжина одетых в броню рыцарей и добрая сотня гвардейцев Танасула. Просперо поспел вовремя.

Близился восход. Конан набросил на плечи сына теплую шерстяную накидку. Руки, обожженные медным котлом, ныли, однако, переборов боль, он посадил сына на коня. Долгая страшная ночь, исполненная крови и пламени, подходила к концу, и конец этот был счастливым. Воины Просперо разгромили вражье воинство, убив всех Колдунов до единого. Культ смерти был развенчан, страшной Белой Руки, властвовавшей над Севером, больше не существовало.

Конан обернулся. Из узких окон Похиолы вырывались язычки пламени. Крыша замка уже обрушилась. Под обломками каменных сводов лежали тела Пра-Юна и Лахи. Разве он не предупреждал Лахи о том, что он, Конан, может стать причиной ее гибели?

Вернувшись в Танасул, верный Просперо за пару часов поднял воинство и, не мешкая ни минуты, повел его по тропам Гандерланда и Пограничного Королевства. Они передвигались так быстро, что, казалось, за ними гонятся сотня демонов.

Войско не останавливалось ни днем, ни ночью, все понимали, что малейшее промедление может обернуться для их короля гибелью. И они поспели вовремя. На стенах замка не было ни души, — все Колдуны

были собраны в зале, где происходила встреча величайших магов мира.

Решетка была поднята, а обитые железом створки ворот распахнулись от легкого прикосновения. Слуги Белой Руки слишком презирали людей для того, чтобы запирать врата своего замка. Им была ведома лишь одна реальная сила, и принадлежала она их владычице, великой волшебнице Лахи.

Земля сотряслась от грома; пламя взмыло до небес. Рухнули последние своды страшного замка. Похиолы больше не существовало; зло, заключенное в ней, отошло в мир сказаний и легенд.

Донельзя усталый, но счастливый Просперо подошел к Конану, стоявшему рядом с жеребцом, на спине у которого спал его сын. В глазах Конана поблескивали озорные искорки.

— Ты не забыл и о Черном Вотане! — улыбаясь, сказал киммериец и потрепал жеребца по холке. Конь шумно задышал.

— Я полагаю, господин, настало время возвращаться домой? — спросил Просперо.

— Разумеется! Скорее домой, в Тарантию! Охотою я сыт по горло! То ты кого-то ловишь, то тебя ловят! Черт бы побрал эти гиперборейские туманы! У меня от этой сырости в горле першит. — Конан внезапно замолчал и принялся копать в подсумках.

— Что случилось, мой повелитель?

— Слушай, Просперо, а у тебя случаем не осталось того красного пуантенского вина? Если память мне не изменяет, тогда мы не все выпили...

Конан вновь замолчал и удивленно уставился на своего генерала. Тот хохотал так, что по щекам его текли слезы.

1. ПОЛЕ ЧЕРЕПОВ

Над истерзанной, залитой кровью землей Зингары эбеновым покровом нависла ночь. Бледный, скалящийся лик луны смотрел сквозь рваные облака, несущиеся по небу, на объятую смертью землю. Равнина, полого спускавшаяся к устью мелководной Алеманы, была усеяна трупами людей и коней. Здесь лежали сотни и сотни рыцарей и именов, — лица одних были погружены в лужи застывшей крови, другие — те, что лежали на спине, — бесстрастно взирали своими окостеневшими глазами на хищно щерящийся месяц. С радостным омерзительным повизгиванием гиены справляли свой пир, — отовсюду слышался хруст костей и чавканье. В этом неприятном северо-восточном уделе Зингары людей всегда было мало; долгие века войн с пуантенцами, жившими по другую сторону реки, сделали эти места почти необитаемыми. Люди здесь встречались едва ли не реже, чем волки и леопарды. В народе поговаривали, что с недавних пор здесь поселились и упыри, обитавшие прежде на холмах в центральной части Зингары. Сегодня праздник справляли и они.

Зингарцы называли это мрачное место Поле́м Черепов. Никогда прежде край этот не оправдывал так своего названия, никогда прежде земли его не пили столько человеческой крови, никогда прежде подобное воинство не полегало на ратном поле.

Здесь захлебнулись в крови тщеславные мечтанья Панто, герцога Гварралидского, исполнившегося решимости занять пустующий королевский трон. На эту

карту Панто поставил все. Вместе со своей бандой он завладел западными провинциями Аргоса и стал их владыкой. В битве с ним погибли и старый король Аргоса Мило, и его старший сын, который должен был взойти на королевский престол вслед за отцом.

Разгромив аргосцев, герцог Панто неожиданно перешел Алиману и напал на солнечный Пуантен. Считалось, что так он хотел укрепить свой тыл перед атакой на зингарскую столицу Кордаву. Впрочем, об этом можно было лишь гадать, ибо аквилонский меч навсегда лишил герцога дара речи.

В тавернах поговаривали о том, что в герцога вселился демон, — некий колдун, завладев душою Панто, сделал его своим послушным орудием. Впрочем, предприятие это заранее было обречено на провал, — все понимали, что леопардам Пуантена никогда не удастся совладать с аквилонским львом. Король Конан, правивший самым могущественным королевством Запада, повел свои железные легионы на борьбу с вероломным Панто, угрожавшим его южным границам.

Первое сражение состоялось на зеленых лугах Пуантена. Неистовая атака зингарцев была остановлена хладнокровными воинами из Гандерланда, боссонские же лучники заставили рыцарей Панто повернуть назад. Не успел Панто начать вторую атаку, как Конан поднял свою кавалерию. Возглавили ее гвардейцы аквилонского короля — Черные Драконы. Во главе воинства скакал сам Конан, ратная слава которого защищала его лучше всякой кольчуги.

Зингарцы пустились в бегство, — они отходили в Зингару по Пуантенским Топям. Разгневанный Конан направил свое воинство по другой дороге. На Поле Черепов, что лежало к югу от Алиманы, армии снова сошлись. Конан наголову разгромил противника, — в живых осталось всего несколько зингарцев. Мечтанья Панто утонули в море крови.

На холме, возвышавшемся над усыпанным трупами полем, стоял огромный шатер. Над ним развевалось черное знамя с золотым львом — знамя короля Конана. У подножья холма стояли шатры рыцарей, в одном

из которых расположился пуантенский дворянин. Старый граф Тросеро Пуантенский пытался умерить боль вином, в то время как врачи перебинтовывали его раны.

Солдатские палатки стояли на поле. Утомленные войны грелись у костров; многие уже спали. Кое-где солдаты разыгрывали в кости свои боевые трофеи — позолоченные щиты, островерхие шлемы и мечи с богато украшенными рукоятками. На рассвете они должны были направиться в глубь Зингары с тем, чтобы положить конец раздиравшим ее распрям и возвести на пустующий престол своего наместника.

Перед королевским шатром с мечами наголо стояли Черные Драконы, охранявшие покой своего повелителя. Однако Конану в эту ночь спать не пришлось. В шатре были зажжены все фонари. Вокруг складного походного стола, инкрустированного слоновой костью из далекой Вендии, сидели походные командиры. На столе были разложены карты. Король готовил своих офицеров к походу.

Ратного опыта ему было не занимать, — вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как он впервые вышел на поле брани. Время посеребрило его некогда черные волосы; изуродованное шрамами лицо было изрезано глубокими морщинами. Годы скитаний в дальних странах не прошли для него бесследно, однако былой силы он еще не утратил, да и синие глаза его горели все так же ярко.

Не отрывая взгляда от карты, Конан приказал принести вина. На полученные в бою раны он не обращал никакого внимания, хотя другого они надолго вывели бы из строя. Пока Конан беседовал с офицерами, оруженосцы подносили ему блюдо за блюдом, а врач осторожно промывал и перебинтовывал его раны.

— Этот рубец придется зашивать, мой господин, — тихо сказал хирург.

— Валяй! Если буду ругаться, не обращай на меня внимания. Палантид, скажи-ка, каким путем лучше всего идти в Стигию?

— Этим, мой господин, — ответил генерал, ткнув пальцем в карту.

— Эге... Я здесь уже бывал. Этой самой дорогой я ушел от колдуна Ксалтотуна...

Конан надолго замолчал. Подперев кулаком голову, он предался воспоминаниям. С той поры, как он сразился со страшным колдуном из Ахерона, прошло уже пятнадцать лет. И тут Конана посетила странная мысль. Герцог Панто считался коварным и умелым воином, однако в последнее время он вел себя как безумец. Лишь последний глупец или человек, окончательно сошедший с ума, мог напасть на одну из самых верных и сильных провинций Конана. Конан, сошедший с Панто в бою и страшным ударом раскроивший ему череп, не назвал бы его ни глупцом, ни сумасшедшим.

Ему вдруг подумалось, что за Панто кто-то стоит, чья-то незримая рука управляет действиями зингарца. Киммериец чувствовал, что дела обстоят не так просто, как ему представлялось вначале. Похоже, и здесь не обошлось без колдовства.

2. ВЕСТНИК СУДЬБЫ

Капитаном Королевской гвардии в эту ночь был уроженец Кофа Амрик; в златостенную Тарантию его привели легенды о силе и отваге короля Конана. Черные Драконы величали Амрика «Быком», ибо он был силен, отважен и неистов в бою. Амрик был широк в плечах и говорил басом. Как и большинство обитателей Кофа он был смугл. Вьющаяся черная борода говорила о том, что в нем была частичка шемской крови.

К королевскому шатру поднимался маленький человечек в грязных белых одеждах. Его смог узнать только Амрик.

— Клянусь пламенем Молоха! — воскликнул капитан. — Если это не друид из страны пиктов, можете считать меня евнухом! — Переложив меч в левую руку, Амрик поднял правую руку в предупредительном жесте.

Человечек засмеялся, продолжая идти вперед как ни

в чем не бывало. Его слегка пошатывало. Амрик решил, что друид пьян.

— Твой грех раскрыт, Амрик из Хоршемита! — внезапно услышал он.

Амрик грязно выругался, помянув имена всех восточных божков. Он заметно побледнел, на лбу выступили капельки пота. Гвардейцы изумленно посмотрели на него, ибо знали о его мужестве и честности, и перевели глаза на странного незнакомца.

Этот пожилой человек выглядел совершенно безобразно. Он был почти лыс; с бледного дряблого лица на них взирали водянистые голубые глаза. Ноги его были тонкими, как у птицы. Откуда здесь мог появиться этот человек, было совершенно непонятно, — на воина он явно не походил.

— Бык, да он знает тебя! — проревел светловолосый Ванр. — Дедуля, о каких это грехах ты говоришь, — у него что, — ребенок где-то на стороне, или, может быть, он задолжал в питейной лавке столько, что и герцогу за него не расплатиться?

Стражники захохотали, но Амрик тут же прикрикнул на них:

— Попридержите свои языки, выродки!

Повернувшись к человеку, что с ангельской улыбкой стоял, опершись на посох, капитан поклонился ему и снял с головы свой шлем.

— Чем я могу быть вам полезен, Святой Отец? — неожиданно вежливо обратился он к старичку, хотя на языке у него были совсем другие слова.

Амрик не забыл урока, полученного им в те времена, когда он служил на Боссонских Толях. Там он не единожды убеждался в том, что тщедушные людишки в белых одеяниях, таких же как у этого старичка, обладают чудовищной силой. На головах эти люди носили золотые обручи, свидетельствовавшие об их сане, в руках же их всегда был дубовый посох. Это были друиды, жрецы лигурийцев. Светлокожие лигурийцы жили небольшими кланами в стране пиктов вместе с ее коренными жителями, что были ниже их ростом и смуглее. Лигурийцы и сами были варварами, пикты же рядом с ними казались настоящими дика-

рями. Дикари эти не боялись ни бога, ни черта, однако к друидам относились крайне уважительно.

— Я должен переговорить с вашим королем, прежде чем он ляжет спать, — ответил друид и тут же добавил: — Я — Дивиаатрикс, верховный друид страны пиктов. Передай своему королю, что я пришел к нему из Великой Роши и принес с собой послание. Владыки Света повелели мне принять участие в судьбе их слуги Конана.

Бык Амрик поежился, помянул про себя имя Митры и покорно отправился в шатер.

Конан отправил офицеров по шатрам, приказал привести горячего вина и сел за стол. Раны его ныли, но это не мешало ему слушать маленького посланника страны пиктов.

Король Аквилонии не придавал особого значения монахам и жрецам, какому бы богу они ни служили. Его собственный киммерийский бог Кром не обращал на людей никакого внимания; его не заботили ни горести их, ни их страдания. Кром был одним из Древних Богов; однажды он играючи слепил из комка глины Землю и заставил ее кружиться среди звезд. Дальнейшая судьба Земли его нисколько не волновала, возможно, он даже и забыл о ней. Но Конану, так же как и Амрику, приходилось сталкиваться с пиктами, и его не могла не потрясти их поразительная отвага. Натиск пиктов не могли сдержать даже могучие воители Севера. Союзники пиктов лигурийцы в бою мало чем отличались от этих свирепых дикарей.

За свою богатую приключениями жизнь Конан успел навидаться всякого, — монахов и жрецов разного рода он тоже насмотрелся. Лигурийские волшебники друиды всегда казались ему чем-то особым, — казалось, никто не приближался так близко к слепящему свету истины, как эти спокойные улыбчивые люди в белых одеяниях, которым дубовый венец заменял корону.

Разговор вышел долгим, — не одну чашу вина выпили Конан и Дивиаатрикс. Конан слышал это имя раньше, ибо среди друидов Дивиаатрикс был первой

шим из первых. Не единожды боги говорили с людьми устами этого человека, известного своим пристрастием к хмельным напиткам. О, это был великий друид, — даже сам Деканаватха Кровавый Топор, предводитель воинства пиктов, что не склонялся ни пред кем и ни пред чем, целовал землю, обгавленную кровью тысяч врагов, когда Дивиатрикс прошел мимо его жилища.

Верховный друид пришел из Великой Нуадвиддонской Роши, повинувшись приказу Владыки Бездны Нуаденса Аргатлама Серебряной Руки. Дивиатрикс принес мрачному гиганту послание Повелителей Творения, некогда вынудивших Конана покинуть родную Киммерию и отправивших его на борьбу со злом в западной части мира. Помимо прочего, в послании этом говорилось и о некой пластинке, выточенной из неведомого камня, что был тяжел как жадеит, но цветом походил на пурпурные башни древней Валузии. Конан понял, что это за камень, хотя даже составители «Книги Склоса» не посмели сказать о нем ни слова.

Захмелевший Белый Друид говорил с Конаном целый час. Начиная светать. У шатра появились наследница зингарского трона дочь покойного короля Фердруго Хабела вместе со своим супругом, что хотели просить Конана о помощи в изгнании самозванцев и восстановлении в Зингаре законной власти. Принцесса Хабела, ее супруг Оливеро и их пышная свита стояли у шатра до самого рассвета. Конан слушал рассказ хмельного человечка, одетого в лохмотья.

Солнце еще не взошло, когда запели трубы. Шатры тут же были свернуты, и уже через полчаса аквилонские рыцари были готовы к походу.

Разговор с принцессой занял у Конана десять минут. С той поры, как он видел Хабелу, прошло уже лет двадцать. Тогда она была совсем юной, Конан же в ту пору служил капитаном зингарского капера. Он смог спасти от посягательств коварного стигийского мага Тот-Амона трон Зингары, которой до самой своей смерти правил старый король Фердруго.

За эти годы Хабела заметно располнела. Она все

еще была привлекательной, но уже начинала походить на матрону. Седовласый король Аквилонии поцеловал ее в щеку и справился о здоровье одиннадцати детей, но тут же прервал ее и подозвал к себе ее супруга. Приказав Оливеро встать на колени, Конан возложил на его плечи свой тяжелый меч и взял с него клятву в верности и послушании. После этого Конан во всеуслышание объявил Оливеро и Хабелу законными королем и королевой Зингары, сюзереном же их, естественно, становился правитель Аквилонии. Он тут же направил их в Кордаву, приказав небольшому отряду рыцарей следовать за ними в качестве охраны.

Конан потряс головой, пытаясь избавиться от сонливости, и взобрался на своего вороного жеребца. Над воинством, в котором было шесть тысяч воинов, считая всадников и пеших, взвился черный стяг с золотым львом. Войско направилось на юго-восток, к границе Аргоса. Конан шел войной на Стигию.

3. ПОХОД К СТИКСУ

Каждый переход длился не менее десяти часов. Армия могучих аквилонских именов двигалась так стремительно, что достигла пределов Аргоса прежде, чем до него долетела весть о том, что армия герцога Панто разбита наголову. Конан отправил послание второму сыну короля Мило юному Ариостро, который находился где-то на юге страны, собирая новое воинство. Конан извещал юного принца о том, что Зингара более не угрожает его стране и восшествию Ариостро на престол теперь не помешает ничто. В то же самое время король Конан испрашивал милостивого разрешения Ариостро на переход подвластных ему земель аквилонской армией, направляющейся в Стигию.

Король направил гонцов к своим вассалам Людовик-у Офирскому и Балардусу Кофанскому. Он просил их передать в его распоряжение армии числом не меньше двух тысяч человек, считая конников и пеших. Армии должны были встретиться на берегу Стикса у Бубастейского Брода.

Войско аквилонцев продвигалось все дальше и дальше на юго-восток. Вместе со всеми в скрипучей повозке, запряженной мулами, ехал и маленький друид. Главного своего глашатая герольдмейстера Черного Виверна Конан отослал в свою столицу Тарантию. Ни Просперо, ни Тросеро не понимали того, что же замыслил король, спрашивать же его об этом они не осмеливались, ибо прекрасно знали характер Конана.

Конан пронесся по Шему словно ураган. Страну зеленых пажитей войско прошло за неполных пятнадцать дней. Время от времени на их пути попадались города, обитатели которых тут же запирали все ворота и выходили на крепостные стены с оружием в руках.

Конану приходилось посылать вперед Тросеро, командовавшего отрядом герольдов, — старый граф был велеречив и хитер и потому легко справлялся со своей непростой задачей. Каждому князю он сообщал о том, что войско аквилонцев не собирается воевать с жителями Шема, одновременно он испрашивал княжеского соизволения пройти по его землям и тут же предлагал им деньги. Серебра он не жалел, и потому князьки тут же великодушно соглашались с ним и даже благословляли Конана.

Разумеется, войску аквилонцев ничего не стоило смести эти города с лица земли, но Конан предпочитал не затевать лишних свар и старался решать все вопросы миром. Мародеров он жестоко наказывал, — стоило кому-то из солдат утащить в кусты темноглазую уроженку Шема или разжиться где-то свежим мясом, как его брали под арест, с тем, чтобы повесить на виду у всех. В молодости Конан и сам был повинен в подобных грехах, но сейчас иного выхода у него попросту не было, — закон есть закон. Конан вел свое воинство на Стигию и потому старался сохранять тылы безопасными. Обычно города-государства Шема соседей своих не тревожили, ибо были заняты внутренними распрями и теологическими спорами. Объединиться они могли лишь пред лицом иноземно-

го вторжения. Конану приходилось воевать с жителями Шема, — как за них, так и против них. Крючконосые чернобородые ашурцы не уступали воинам других стран ни в силе, ни в доблести.

В полдень побелевшее от дорожной пыли войско Конана вышло на берег Стикса. Лагерь был разбит в ивовой рощице неподалеку от Бубастейской Переправы. Здесь воины провели полтора дня. За это время они успели отдохнуть и привести в порядок себя и свое оружие. В середине второго дня на берегу появились легионы, прибывшие из Кофа и Офира.

Утром в лагере появился и принц Конн, старший сын короля. С собою он привел табун лошадей. Мальчику было всего тринадцать, но он уже ничем не отличался от своего отца, почти не уступая ему ни ростом, ни силой.

Принц проехал земли Шема за десять дней, но, казалось, что он вернулся с утренней прогулки. Синие глаза его радостно поблескивали, на щеках играл румянец. Стоило принцу появиться в лагере, как поляна огласилась радостными криками. Воины любили его не меньше, чем короля, и отправились бы за ним хоть в ад.

Конн остановил коня перед королевским шатром и, спешившись, направился к своему отцу. Лицо Конана оставалось суровым, хотя сердце его ликовало. Он сухо ответил на приветствие сына и пригласил его в шатер. Стоило им скрыться от посторонних глаз, как Конан обнял сына так, что у того затрещали ребра.

— Как поживает твоя матушка? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил Конн, улыбаясь. — Когда она услышала о том, что я буду участвовать в сражении, она стала реветь как корова. Больше всего она боится того, что я промочу ноги.

— Что ты хочешь, — мать есть мать, — проворчал Конан. — Ты бы знал мою матушку... Но послушай меня, сын, — никогда не называй свою мать королевой! Это нехорошо!

Мальчик согласно кивнул, и глаза его засверкали вновь.

— Отец, мы что, — действительно переправимся через Стикс? И я действительно буду сражаться рядом с тобой?

— Клянусь Кромом, как же ты еще глуп! Разве иначе я смогу научить тебя воинскому искусству? Когда ты унаследуешь трон, тебе придется защищать его от врагов внешних и внутренних. Гимнастический зал сам по себе не плох, но будущему королю следует упражняться и на бранном поле. Но смотри, — ты должен делать только то, что я прикажу тебе, — ни в коем случае не бросайся на врага очертя голову, — слава богу, я тебя уже знаю! Ну да ладно, — скажи мне лучше, как поживают твои брат и сестра?

Конн стал рассказывать отцу о своем младшем брате семилетнем Тауресе и о маленькой сестричке Радогунде.

— Я рад это слышать! — сказал Конан, выслушав рассказ сына. — А жрецов ты с собой привел?

— Да. Они привезли маленький ларец, разрисованный странными знаками; что в нем — я не знаю...

Конан кивнул.

— Можешь считать, что в нем спрятано наше тайное оружие. Ну а теперь отправляйся спать. Мы должны оказаться в Стигии еще до рассвета.

4. ЗА РЕКОЙ СМЕРТИ

Темные воды Стикса разделяли земли Шема и Стигии. Кое-кто называл Стикс Рекой Смерти, ибо считалось, что от его вод поднимаются ядовитые испарения, а в глубинах его не может выжить ни одно живое существо. Последнее явно не соответствовало действительности, — всю ночь со стороны реки слышались рев крокодилов и тяжелое сопение бегемотов. На людей же река действительно оказывала губительное воздействие, — тот, кто хотя бы единожды окунался в воды реки Стикс, заболел мучительной неизлечимой болезнью.

Никто не знал, откуда берет начало эта река. Она терялась где-то за стигийскими пустынями, в джунглях Кешана и Пунта. Поговаривали, что на землю она

вытекает из самого Ада, дабы устрашать и губить людское племя.

Войско пришло в движение еще до рассвета. Первым на камни Бубастейской Переправы ступил вороной жеребец Конана. На противоположном берегу виднелись развалины древней крепости, некогда охранявшей брод. Восстанавливать ее стигийцы и не думали, — границы Стигии теперь охранялись конными дозорами.

Справа и слева от крепости тянулись поля пшеницы. Справа виднелась и крошечная деревушка, стоявшая на самом берегу. Сразу же за узкой полоской пальм и возделанных земель начиналась пустыня, поросшая зарослями верблюжьей колючки.

Бок о бок с Конаном ехали Тросеро, командовавший Черными Драконами, и Паллантид, помощник главнокомандующего. Отъехав подальше от берега, Конан развернул коня и стал наблюдать за тем, как проходит переправа. Аквилонцы шли по броду двумя колоннами. Стоило легионам выйти на берег, как командиры отдали воинам команду разуться. Приказ этот исходил от самого короля. Люди недовольно ворчали, не видя в этой странной процедуре ни малейшего смысла, однако Конан не обращал на это никакого внимания, — ему уже доводилось бывать в этих местах, и он знал, что означало промочить здесь ноги.

Король отправил в разведку взвод всадников. Покусывая ус, граф Тросеро подъехал к своему господину и обратился к нему с вопросом:

— Мой повелитель, может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями?

Конан уग्रюмо кивнул.

— Хорошо, друг мой, я и так слишком долго держал вас в неизвестности.

— Зачем мы приехали в эту чертову Стигию? — спросил Паллантид.

— В Стигии живет наш главный враг — колдун Тот-Амон.

Конн, сидевший неподалеку, тут же наострил уши.

— Тот-Амон? — изумленно воскликнул он. Тот

самый Тот-Амон, по приказу которого в прошлом году меня похитила похиольская ведьма?

— Разумеется. Есть только один Тот-Амон, — мрачно ответил Конан. — Клянусь Кромом, — как хороша была бы земля, если бы на ней не было этого мерзавца! Белый Друид поведал мне о планах стигийца.

— Вы говорите об этом тщедушном пьянчужке Диватриксе?

— Этот тщедушный пьянчужка — величайший белый маг нашего времени!

Тросеро испуганно замолк, вспомнив о том, как груб он был со старым друидом.

Конан продолжил:

— Оракул Великой Роши пиктов поведал мне о том, что действиями Панто руководил стигийский колдун. Тот-Амон либо подкупил Панто, либо смог завладеть его сознанием.

— Но зачем? — изумился Тросеро. Паллантид, съехав со склона, направился к воинству, — пора было двигаться дальше.

— Он хотел, чтобы я покинул Тарантию, — ответил старому графу Конан. — Стигиец знал, что я выступлю против зингарцев вместе с вами. Он надеялся на то, что на игры с Панто у нас уйдет никак не меньше пары недель, в течение которых о Тарантии мы и не вспомним...

— Тарантия! Неужели речь идет о королеве?

— Успокойся, дружище. Зенобии и ее детям ничто не угрожает. В Тарантии хранится то, чего Тот-Амон страдает сильнее всего на свете. Он надеялся завладеть этой вещицей в мое отсутствие. Для этой работы он нанял лучших воров мира — Гильдию Ариньона.

Но Тот-Амон сильно просчитался. Он не предполагал, что я разобью армию Панто так быстро, и не знал о том, что ко мне направлен Белый Друид, посланец самого Нуадвиддона. Он забыл и о том, что весенний разлив сделает перевалы Заморы недоступными, и во-в-о-в-о придется идти в Тарантию кружным путем.

Тот-Амон считает, что я все еще нахожусь на севере и охочусь за Панто в горах Пуантена. Он ни о чем не

подозревает, ибо не знает того, что мне ведомы его планы. Белый Друид сделал все возможное, чтобы наш поход остался незамеченным стигийцем. Если нам повезет, мы окажемся у стен его дворца прежде, чем он узнает о том, что наше воинство пересекло границу Стигии.

— Что же это за вещица, которой он так страждет? — спросил Тросеро.

— Я знаю, граф! — воскликнул мальчик. — Это...

Конна перебил внезапно подъехавший генерал Паллантид:

— Король, все снаряжение уже здесь! Люди готовы к походу!

Конан кивнул.

— Генерал, отдавай приказ к выступлению! Веди армию на восток, — милях в трех отсюда находится Бахр, там ты повернешь на юг и пройдешь вверх по течению еще полмили. Я догоню вас.

Повернувшись спиной к Стиксу, Конан обратил свой взор к мгlistым далям пустынной Стигии.

— Вот уже второй раз он посягает на мой трон, — еле слышно пробормотал он. — Ну что ж, — теперь мы сразимся на его земле. Быть может, здесь он сможет поразить нас своими чарами, но теперь и они не страшны нам, — ведь Боги Света на нашей стороне. Смерти я не боюсь, а против клинка моего, думаю, будут бессильны и бесовские чары!

Затрубили рога. Спустившись к реке, всадники поскакали вслед за удалявшейся армией.

5. ГОРОД МЕРТВЫХ

Казалось, что над Стигией довлеет какое-то страшное проклятие. Чем дальше в глубь этой пустынной страны продвигались аквилонские воины, тем тревожнее становилось у них на душе. В завываньях ветра им чудился чей-то шепот; то и дело откуда-то из-под земли звучали тихие голоса, от которых стыла кровь в жилах. Людей не оставляло ощущение, что за ними следят. Солнце нещадно палило, словно желая изгнать

непрощенных гостей. Никакой воды не хватило бы для того, чтобы утолить мучившую воинов жажду.

Они подошли к деревушке, состоявшей из крошечных домишек, что были сложены из необожженной глины. Смуглые ее обитатели при виде грозного воинства тут же пустились в бегство. Бахр оказался мутной илистой речушкой, на берегах которой лежало множество гигантских крокодилов, тяжело плюхавшихся в воду при виде людей.

Войско повернуло на юг и пошло в глубь стигийских земель, стараясь не терять речку из виду. То и дело людям приходилось продираться через густые заросли колючего кустарника. Воины сжимали в руках амулеты, ежеминутно поминая богов и читая мантры. Они направлялись к сердцу этой зловещей, обьятый потусторонним мраком земли.

Принц Конн взглянул на солнце и, прищиприв коня, догнал своего отца.

— Отец, мы ведь идем прямо на юг!

Конан пробурчал что-то невнятное.

— Но, — не унимался мальчик, — я всегда считал, что Тот-Амон живет в Оазисе Хаджар, который находится куда западнее!

Конан пожал плечами.

— Я рад тому, что тебя научили читать карты. Дело в том, что Тот-Амон покинул это страшное грязное место. Он избрал своей новой обителью Нептху.

— Нептху?

— Это древний полуразрушенный город на самом юге страны. Мы скоро подъедем к нему. Несколько лет тому назад Тот-Амон смог завладеть всей этой страной. Тогда же он стал верховным магом Черного Кольца, всемирного братства черных магов, тайный центр которого находится именно в этом городе. Он переехал сюда из Хаджара с тем, чтобы постоянно держать это нечестивое братство под своим контролем.

Однажды он уже терял свою власть. Его соперники, такие же колдуны, как и он сам, продали его в рабство. Именно тогда он и появился в Аквилонии...

— Так это он насылал на тебя демона, который не

растерзал тебя лишь потому, что на твоём лече был знак феникса?

— Кто же еще? Так уж случилось, что Тот-Амон вновь обрел свое кольцо власти и вернулся в Хаджар. В это время Братством Черного Кольца командовал его соперник — маг Тутотмес, избравший своей резиденцией Кеми. Сила Тутотмеса была заключена в талисмани, называемом Сердцем Ахримана.

На какое-то время Черное Кольцо распалось надвое — одни приняли сторону Тутотмеса, другие — Тот-Амона. Но не успели маги сразиться между собой, как на Тутотмеса напал отряд колдунов из Кхитая. Они убили его и, завладев его талисманом, стали охотиться за мной. Но смерть ждала и их. Сердце Ахримана попало ко мне и я вернул его в Тарантию.

Теперь, как я уже сказал, Тот-Амон единолично правит Черным Кольцом, пытаюсь вовлечь в него всех черных магов мира. Оракул поведал мне о том, что сейчас он находится в Нептху.

Конан закончил свой рассказ и задумчиво покачал головой. Внимательно слушавший его граф Тросеро спросил:

— Как охраняется этот город?

Конан пожал плечами.

— Об этом может знать только Митра. Я слышал о том, что этот давно покинутый жителями город превратился в руины. Быть может, маги отстроили его заново и залатали прорехи в его стенах. Но для нас, я думаю, это не имеет особого значения, — под моим началом десять тысяч воинов, — мы сможем взять город штурмом.

— Всяк может быть, — неожиданно раздался тонкий голосок друида, ехавшего вслед за ними на своей повозке.

Тросеро повернулся в седле и увидел, что друид снова пьян. Заставив себя улыбнуться, граф пробормотал:

— Ох и не нравится мне эта земля!

В ответ Конан не сказал ни слова; дальше они ехали молча.

Солнце уже клонилось к западу, когда разведчики вернулись в лагерь. Город Нептху был мертв.

Армия двинулась дальше, и вскоре воины увидели перед собой развалины древнего города. От огромной стены, некогда окружавшей город, осталось лишь несколько надвратных арок, покрытых резными изображениями щерящихся чудовищ.

Город был совершенно мертв, лишь несколько птишек летало над развалинами. Крыши домов были провалены, стены превратились в груды камня. Нигде не было видно ни огня, ни дыма очагов.

Жеребец Конана задел копытом круглый белый камень, что лежал на дороге. Неожиданно легко камень откатился в сторону, обратившись к людям провалами пустых глазниц. Это был человеческий череп, лежавший здесь с незапамятных времен. Все здесь было мертво. Единственными жителями этого города были скорпионы и песчаные гадюки.

— Что будем делать? — пробормотал граф.

— Разбиваем здесь лагерь. Воду можно брать в Бахре, — распорядился Конан. — О дальнейшем пока думать не стоит.

Скалящийся череп наблюдал за людьми. Казалось, что он усмехается.

6. КАМЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Они разбили лагерь за стенами разрушенного города. Конан прекрасно понимал, что на засыпанных песком и булыжником улицах древней стигийской столицы воины будут чувствовать себя не в своей тарелке. Древние руины — особое место, — они населены незримыми тварями и силами, что терпеливо ждут своего часа и околдовывают каждого, кто только посмеет приблизиться к пепелищу, некогда кипевшему жизнью. Стигия и так кишела всевозможной нечистью, это же место даже для нее было особым.

Пока солдаты ломали камыш на берегу Бахра, разведчики объехали окрестные земли. Вернувшись, они доложили своим командирам о том, что места эти

совершенно пустынные и необитаемы, — здесь не было ни дорог, ни поселений, единственным примечательным предметом на много миль вокруг была гигантская фигура каменного идола. Солнце уже клонилось к западу, когда Конан повел свой отряд к истукану. Стоило всадникам подъехать к каменному чудовищу, как огромный вороной жеребец короля громко заржал и испуганно завращал глазами.

— Кром, Митра и Варуна! — воскликнул Конан, изумленно разглядывая каменного колосса. Тросеро вслух выругался; Белый Друид же, помянув Нуаденса, Дану и Эпону, тут же приложился к фляге с вином.

Каменное чудовище сидело, припав к земле, — казалось, что оно готовится напасть на неведомую жертву. Оно было вырезано из блестящего черного камня похожего на базальт или гагат. Оно походило на сфинкса, но голова его была не львиной и не человеческой, — скорее она была похожа на голову собаки или шакала.

— Признаться, я считал, что черные маги этой страны поклоняются только Древнему Змею Сету, — сказал Тросеро. — Никак не возьму в толк, — что же это за чудовище?

Дивиаатрикс зажмурился.

— Клянусь рогами Кернуноса, это дьявольская гиена Хаоса, — пропищал он. — Вот уж не думал, что люди когда-нибудь изваяют ее в камне!

Конан разглядывал фигуру гиеноподобного сфинкса, изумляясь все больше и больше, — скульптор, изваявший ее, был гениален, — она выглядела настолько правдоподобно, что казалась живой. Пасть чудовища была слегка приоткрыта, так что видны были ее мощные острые клыки. Казалось, что гиена вот-вот зарычит и бросится на незваных гостей. От одной только мысли об этом у Конана по спине пошли мурашки.

— Я думаю, нам пора ехать назад, — сказал король, — иначе это чудовище явится нам во сне.

Закатные огни погасли; стигийские пустыни погрузились во тьму. Узкий серп луны на миг показался из-за горизонта, но тут же зашел вновь. Все небо было усыпано яркими мерцающими звездами. Многие созвездья были совершенно неизвестны аквилонцам.

Палаточный городок расположился в полумиле от стен древнего Нептху. Костры ярко горели, озаряя своим пламенем окрестные земли. Завернувшись в одеяла поплотнее, люди пытались уснуть. Стражи — на этот раз их было вдвое больше, чем обычно, — вышли в ночной дозор. Стояла мертвая тишина, однако в воздухе чувствовалось странное напряжение.

Утомленный многодневным походом Конан так и не смог уснуть. Было уже за полночь, когда он поднялся со своего ложа и приказал оруженосцу зажечь лампу. Он плеснул в кружку вина и сел на легкий походный стульчик. Спать совершенно не хотелось, напротив, — он чувствовал необычное возбуждение, которое обычно посещало его в минуты опасности.

Ругнувшись, Конан стал одеваться.

— Доспехи! — распорядился он. — Нет, нет — к черту латы, — неси кольчугу! Мы пойдем пешком.

Король отказался надевать всю амуницию, ибо, с одной стороны, это заняло бы слишком много времени, с другой — он стал бы слишком неповоротливым. Сапоги, шлем и перевязь — вот и все, что он надел на себя. Конан открыл обитый железом сундук и достал из него маленькую шкатулку, привезенную жрецами Митры из Тарантии.

Киммериец зашел в соседние шатры и разбудил Конна и Тросеро. Затем он отправился в палатку Белого Друида. Тот не спал, — завернувшись в одеяло, друид сидел возле жаровни. Казалось, что Дивиаатрикс был погружен в глубокий транс, — он едва заметно покачивался, глаза же его были слегка прикрыты. Друид напомнил Конану кхитайца, накурившегося мака.

— Вставай, друид! — громко сказал король. — Я чувствую опасность.

Лицо лигурийского жреца было бледным как смерть, глаза его смотрели куда-то в пустоту.

— Глаза, — прошептал друид, — зрячие тени... Где-то поблизости силы зла...

Конан потряс лигурийца за плечо.

— Вставай, жрец! Ты что, — снова пьян?

Дивиаатрикс едва заметно улыбнулся.

— Пьян? Клянусь грудью Матери Дану, король, —

выпитого мною вина хватило бы на то, чтобы свалить с ног все войско, я же трезв как стеклышко!

Конан вздрогнул и, распахнув полог палатки, выглянул наружу. Там никого не было.

7. ЗРЯЧИЕ ТЕНИ

Не мешкая больше ни минуты, Конан вышел под открытое небо. Удивленный друид, прихватив свой дубовый посох, поспешил за ним. Рядом с палаткой Дивиаатрикса стояли Тросеро, блиставший полной выкладкой, и позевывающий Конн. В следующее мгновение к ним присоединился Паллантид.

— Что случилось, мой господин? — недоуменно спросил генерал.

— Не знаю что, но что-то точно случилось, — проворчал король. — Разрази их Кром этих колдунов!

— Может быть, стоит поднять войско?

— Пока не надо. Пусть люди поспят хоть немного. Лучше усильте дозор. Я предлагаю переговорить с караульными, — возможно, они что-нибудь заметили. Паллантид, пришли-ка мне парочку ребят покрепче, что не побоятся ни человека, ни бога, ни самого дьявола!

Через несколько минут из темноты появилось два гандерландских воина, позвякивавших оружием и непрестанно зевавших. Это были рослые кражистые парни с безмятежными словно у детей лицами. Взглянув на них, Конан одобрительно кивнул головой.

— Идем!

Они прошли меж рядами солдатских палаток и подошли к караульным. Тем не удалось заметить ничего подозрительного, однако Амрик, командовавший дозором, сказал:

— Все спокойно, Ваше Величество. Тишина полнейшая, вот только шакалы где-то воют. Правда, некоторые наши люди жалуются на, — как бы это вам сказать, — да, — жалуются на тени!

— Какие-такие тени? — грозно спросил Конан.

Кофанский воин почесал бороду.

— Да глупость это какая-то, Ваше Величество! Они говорят, что видят тени там, где их быть не должно, — в том смысле, что без предмета тени не бывает. Эти идиоты говорят, что тени наблюдают за ними!

— Зрячие тени! — воскликнул Дивиаатрикс. — Выходит, я не ошибся!

Конан стал нервно покусывать ус.

— Значит, говоришь, тени? Похоже, они скоро и мышей станут бояться! Ну что ж, сейчас мы посмотрим — так ли это.

Ослабив ножны, Конан повел свой небольшой отряд вокруг лагеря. Вместе с ним в дозор вышли Тросеро, Конн, старый друид и два воина-гандерландца. Сухой песок тихо поскрипывал под их сапогами. Факелы в руках солдат шипели и потрескивали. В свете пламени хорошо просматривалась вся округа.

Юный Конн внезапно замер и, схватив отца за руку, указал на что-то пальцем. Посмотрев в этом направлении, Конан ахнул от неожиданности.

— Следы! Выходит, за нами действительно следят! А они говорят мне о каких-то теньях! Чего-чего, а следов тень не оставляет...

Тросеро взял в руку рукоять своего меча.

— Мой господин, не пора ли нам поднимать армию?

— Из-за одного шпиона поднимать целое войско? Да это же смешно! Нет, — мы пойдем по этому следу и придем в их логово! Прежде чем мы их не выследим, будить людей не стоит. — Конан подозвал к себе одного из гандерландцев. — Отправляйся в лагерь и расскажи Паллангиду о том, что мы здесь увидели. Мы пошли по следу. Пусть он пошлет вслед за нами отряд отборных воинов. Если нам понадобится помощь, мы подадим им знак. Я хочу застать врага врасплох, от них же шума будет столько, что впору оглохнуть.

Киммериец поспешил по таинственному следу. Долгий переход истомил его настолько, что он и думать забыл об осторожности. Спутники едва поспевали за ним. Вскоре лагерь совершенно исчез из виду.

— Смотрите, Ваше Величество! — прошептал Тросеро, указывая рукою вперед.

Присмотревшись получше, Конан увидел далеко впереди человека в черной мантии, на голову которого был наброшен капюшон. Человек этот направлялся к Черному Сфинксу. Образ тут же померк. Конан протер глаза и вновь стал всматриваться во тьму.

— Вперед! — прошептал он и прибавил шаг.

8. НОЧНОЙ ПРИЗРАК

Звезды медленно кружили над головой. Конан и его спутники крались по следу таинственной тени. Как они не спешили, ни догнать, ни хорошенько рассмотреть эту темную фигуру они не могли, — словно призрак она маячила где-то впереди.

Через какое-то время они оказались у подножья гигантского монумента. Огромная каменная гиена смотрела на них своим немигающим взглядом. Фигура в плаще вошла в узкий проход меж лапами чудовища, поднялась к его груди и — исчезла.

— Кром! — прошептал пораженный Конан. Он был варваром и потому смертельно боялся всего сверхъестественного.

Однако вскоре загадка эта была разрешена. Стоило им подойти к каменной груди чудовища, как они заметили трещинку, что становилась все тоньше. Они стояли перед огромной, в два человеческих роста, дверью, что захлопывалась буквально у них перед носом.

Конан метнулся вперед и вставил в щель свой клинок. Гигантская дверь замерла. Напрягшись изо всех сил, так что пот выступил на его лбу, Конан попытался потянуть дверь на себя. Щель стала пошире, и он смог просунуть в нее пальцы.

Дверь со скрипом открылась. Конан поднял свой меч и, ни минуты не раздумывая, вошел внутрь. Остальным не оставалось ничего иного, как только следовать за ним. Последним в дверь вошел друид, видно было, что делает он это нехотя.

Воина-гандерландца Конан отослал назад, напутствовав его такими словами:

— Торус, слушай! Разопри дверь своей пикой и беги в лагерь. Пусть Паллантид ведет сюда все наше войско. Да смотри — нигде не задерживайся! Мы отправимся вперед — ждать вас мы не будем.

Они оказались в просторном коридоре с высокими сводами. Пламя факела тревожно затрепетало. Конан и его спутники осторожно двинулись вперед, боясь попасть в западню или засаду. По широкой каменной лестнице, которой заканчивался коридор, они спустились вниз и оказались под землей.

— Клянусь Митрой, — именно поэтому мы никого не встретили! — прошептал Тросеро. — Все колдуны спрятались здесь — в этом подземном лабиринте!

Это действительно был лабиринт. Подземные коридоры то и дело разветвлялись, образуя запутанную сеть. Чтобы не заблудиться, Конан при каждом повороте делал смолистым факелом отметку на стене. Они шли все дальше и дальше вперед, но коридоры оставались все так же пусты. «Где же скрываются эти проклятые колдуны?» — подумал Конан и сказал вслух:

Мы все идем и идем, а этим коридорам конца не видно! Если правы те, кто утверждает, что земля круглая, мы скоро окажемся на другой ее стороне!

Они вновь подошли к лестнице. Стоило им спуститься по ней, как Тросеро испуганно прошептал:

— Мой господин, может быть, нам все-таки стоит дождаться других?

— Может быть и стоит, упрямо ответил ему Конан. Но прежде я хочу хорошенько осмотреть это место. Воины скоро подойдут, нам же пока, как видишь, опасаться некого. Идем!

Они стояли в огромной круглой зале, схожей с амфитеатром. Повсюду виднелись каменные скамьи. Конан поднял факел высоко вверх, но так и не смог рассмотреть центра залы. Ему вдруг вспомнился огромный ипподром в его столице Тарантии.

— Интересно, — для чего им эта штука? — озадаченно пробормотал он.

Тросеро хотел было что-то ответить ему, но тут вдруг раздался совсем иной голос. Это был низкий, полный силы голос, в котором звучали торжествующие нотки.

— С помощью этой штуки, Конан Аквилонский, мы избавляемся от наших врагов!

Конан вздрогнул. Прежде чем он успел двинуться, вспыхнул холодный искусственный свет, который был едва ли не столь же ярок, как свет солнца, хотя и не имел видимого источника. Киммериец увидел, что на скамьях, стоявших по другую сторону залы, сидят сотни и сотни одетых в черное людей. Справа от них зияла огромная арка, что была ничуть не меньше той двери, через которую они проникли в подземелье.

Прямо перед ними на огромном троне, вырезанном из черного камня, восседал крупный человек, одетый в простую зеленую рясу. Видно было, что это чистокровный стигиец, — хищное лицо его казалось вырезанным из бронзы, темные глаза смотрели на людей едва ли не брезгливо.

— Добро пожаловать в мою империю, — усмехнувшись, сказал Тот-Амон.

Если бы Конан знал, что Торус, которого он послал за подкреплением, лежит, истекая кровью, в сотне метров от черного сфинкса, пронзенный стигийской стрелой...

9. ОРУЖИЕ СТИГИЙЦЕВ

Паллантид не успевал отдавать команды. Со всех сторон звучали трубы и гремели копыта.

Стоило Конану и его спутникам исчезнуть за каменной дверью, как дела приняли дурной оборот. Все началось с предательства кофанского и офирского легионов. Палатки их стояли на самом краю лагеря. Дозорные один за другим подбегали к генералу, докладывая ему о том, что все кофанцы и офирцы внезапно

покинули лагерь, то ли поддавшись панике, то ли заранее решив покинуть аквилонское воинство.

Паллантид принялся ругаться на чем свет стоит. Он отдал приказ поднять взвод кавалерии и нагнать предателей, но тут вдруг оказалось, что аквилонцы остались без коней, — на них бежали пешие легионеры Кофа и Офира.

В это время в лагере появился один из гандерландцев, который передал генералу приказ Конана о снаряжении отряда, что должен был направиться вслед за своим королем. Не успел Паллантид отправить людей, как к нему подбежал еще один запыхавшийся дозорный.

— К оружию, мой господин! Мы окружены! Стигийцы идут на нас со всех сторон!

Из-за барханов, окружавших лагерь, на поле выехало множество вражеских лучников. Понять сколько их было невозможно. Они с диким воем носились вокруг лагеря, засыпая его стрелами. Стигийцы стреляли наудачу, однако стрелы их тут же унесли с десятков жизней. Лагерь наполнился криками и стонами.

На вершине одного из барханов появился взвод лучников, стрелявших огненными стрелами. Подобно кометам прорезали они ночную темень. Одна за другой стали вспыхивать палатки.

Аквилонские воины по большей части уже не спали, — их разбудила суета, возникшая при известии об измене. Задыхаясь от дыма, они выходили из своих палаток, на ходу надевая шлемы и перевязи.

— Тушите огонь! — закричал Паллантид. — Сворачивайте налатки! Сenvульф! Где ты, черт бы тебя побрал?!

— Я здесь, — ответил стоявший рядом с ним капитан боссонских лучников. — Где король?

— Бог его знает! Он отправился по следу шпиона! Расставь своих людей вокруг лагеря и заставь их поупражняться в стрельбе. Пусть обратят особое внимание на тех, что стреляют огненными стрелами. Амрик!

— Я здесь, мой генерал!

— Пусть твои люди, вооружившись пиками, окру-

жат боссонцев. Надеюсь, брустверы они и без моей помощи выроят.

Тот-Амон зловеще улыбнулся.

— Слишком уж часто ты переходил мне дорогу, киммериец, — сказал самый страшный колдун Земли. — Впервые ты ступил на эти земли сорок лет назад. Я должен был раздавить тебя еще тогда, когда ты был немогущ и мал. Знай я тогда, с кем я имею дело, и я уничтожил бы тебя одним движением мизинца. Я мог это сделать в доме Кальяна Публико или в столице Зингары Кордаве, когда ты помешал мне стать ее правителем. Я мог убить тебя в крепости графа Валенсо, что стояла на самом берегу Западного моря, где я увидел тебя впервые. Мог я тебя уничтожить и в бытность свою рабом Аскаланта из Тарантии, — тогда ты только начинал править Аквилонией, — верно? Как видишь, просчетов я допустил немало, но ничего — это дело поправимое.

Конан отдал факел Тросеро и сложил на груди свои могучие руки. Лицо его оставалось бесстрастным, глаза же сверкали синим пламенем.

— Ты можешь говорить что угодно, стигиец. В конце концов каждый имеет право на свое мнение, — спокойно заговорил Конан. — И все же для того, чтобы заманить меня сюда, ты истратил едва ли не все свои силы, — верно?

Со скамей послышались шипение и полные возмущения крики. Тот-Амон сардонически рассмеялся.

— Ну ты и пес! Твое спокойствие восхищает меня так же, как моих собратьев возмущает твоя дерзость! Но поверь мне, — теперь тебе уже никто не поможет. Ты заслужил наказание — слишком уж часто ты мешал мне. Будем считать, что наша комедия подошла к концу. В ловушку попал не только ты, в ловушке оказалась и твоя армия. Пока мы любезничаем, мои воины сражаются с твоими людьми. Аквилонским рыцарям не устоять против наших сабель. Сегодня погибнет не только король, — вместе с ним исчезнет с лица земли и его воинство.

Конан пожал плечами.

— Как знать. Боюсь, мои рыцари изрубят твоих людей как капусту. В этом я несколько не сомневаюсь.

— Ты забываешь о том, что мы вооружены не только саблями...

Тот-Амон улыбнулся и щелкнул пальцами. Из пальцев его вырвалась изумрудная молния, пронзившая меч Тросеро. Сталь мгновенно раскалилась докрасна. Тросеро, вскрикнув, выронил меч из рук и сунул обожженные пальцы в рот.

— На нашей стороне и магия, — закончил Тот-Амон.

Конан смотрел на Тот-Амона так же бесстрастно.

— С магией возможно бороться магией. — тихо сказал он.

Крошечный человечек, стоявший рядом с Конаном, сбросил со своих плеч темный плащ, прикрывавший его белую мантию и дубовый посох. На трибунах поднялся переполох.

— Это Белый Друид из страны Пиктов! — громко сказал кто-то.

— Верно, — мрачно кивнул Тот-Амон. — Если мне не изменяет память, то это никто иной, как Дивиатрикс.

— Д и в и а т р и к с! — испуганно вскричали с трибун. Верховный маг жестом руки успокоил своих собратьев. На Конана и его товарищей устремились взгляды сотен глаз. Установилось напряженное молчание.

Конан почувствовал, как по спине его поползли мурашки. Сердце его стало наполняться смертельным холодом. Члены его онемели, зрение стало слабнуть, сердце билось все реже и реже. Юный Конн охнул и зашатался.

— Колдовство... — почти беззвучно прошептал Конан. Все вокруг него поплыло, — еще минута, и он должен был грохнуться наземь...

10. БЕЛЫЙ ДРУИД И ЧЕРНЫЙ МАГ

И тут друид рассеял колдовские чары. Он развел руки в стороны и взмахнул своим дубовым посохом. К изумлению Конана, посох вдруг покрылся нежной

лиственной. Дивиатрикс стоял в центре пульсирующей золотой сферы. В воздухе запахло молодой зеленью. Золотистый свет и благоуханье наполнили собою всю залу.

Маги Черного Кольца в страхе отвернулись. Иные из них вытирали с лица пот. Дивиатрикса стало пошатывать, — похоже, хмель все же ударил ему в голову. Однако не взирая ни на что этот маленький тщедушный человечек продолжал держать залу под своим контролем.

Тот-Амон уже не смеялся, — сведя брови, он пытался сконцентрироваться. Неожиданно он поднялся во весь свой рост и послал в сторону Белого Друида изумрудную молнию. Дивиатрикс отразил ее своим посохом, и она превратилась в сноп шипящих искр, которые тут же погасли.

Однако Тот-Амон не унимался — он метал в друида все новые и новые молнии. Воодушевленные примером своего предводителя, маги один за другим подымались на ноги, и вскоре на друида посыпался настоящий изумрудный ливень. Какое-то время золотой пульсирующий щит ауры защищал друзей, но чувствовалось, что Дивиатрикс уже начинает слабнуть. Все чаще и чаще изумрудные молнии впились в песок у самых ног Конана и его товарищей.

— Белой магии недостает силы, киммериец! — радостно воскликнул Тот-Амон.

— Значит, настало время прибавить ей сил!

Конан вынул из-за пояса маленькую шкатулку и достал из нее кроваво-красный кристалл, тут же наполнивший залу ослепительным сиянием. Конан передал камень Дивиатриксу, и тот схватил его так, как утопающий хватается за руку спасателя.

Стоило друиду взять камень, как золотая аура вспыхнула с невиданной силой, ослепив своим блеском колдунов. Крики ужаса раздались с трибун, — кто-то пытался бежать, кто-то, заслонив от света глаза, падал замертво. Белый Друид исполнился нечеловеческой силы, — теперь он казался огромным. Визг не затихал. Маги теснились в узких проходах, пытаясь поскорее покинуть залу.

Сердце! воскликнул Тот-Амон, смертельно побелев. В одно мгновение он превратился в дряхлого старика. Сердце Ахримана! вновь горестно возопил он.

Конан рассмеялся.

— Ты думал, что я приду в твоё логово без этого талисмана? Наверное, ты считаешь меня все тем же глупым юнцом, который сорок лет назад покинул Север и отправился скитаться по свету!

Все эти годы Сердце хранилось под сводами Митраума. Когда друид поведал мне о твоих коварных замыслах, я послал гонцов за ним и за старшим своим сыном. С этим амулетом старый Дивиа трикс сможет одолеть и тысячу твоих магов.

Я знаю, почему ты так жаждал заполучить его, — ты боялся, что кто-нибудь сможет использовать его против тебя. Именно для этого Боги Запада послали этого друида в пустынные стигийские земли. Никто, кроме него, не сможет устоять перед соблазном, исходящим от этого камня, — еще бы! Владеющий им подобен богу! Лишь Дивиа трикс, этот маленький пьянчужка, способен исполнить волю богов!

Лицо Тот-Амона искривилось гримасой боли, руки его безвольно повисли. Многие маги были уже мертвы, прочие носились по зале в поисках выхода, а золотое сияние становилось все сильнее и сильнее...

Однако Тот-Амон и не думал сдаваться. Конан, ужаснувшись, увидел, что мага стала завлакивать тьма, обнимавшая его огромными змеиными кольцами. Неужто сам Сет решил прийти на помощь своему верному слуге? Тяжело дыша, Тот-Амон пробормотал:

— Ты заставляешь меня прибегнуть к силе, киммерец...

Темные кольца вокруг него стали сгущаться; теперь были видны только его горящие глаза. Конана бросило в дрожь, когда он услышал страшное заклинание, слетевшее с уст мага. Странные и страшные эти словеса отразились эхом от каменных сводов.

Теперь все взгляды были устремлены на черный провал в дальнем конце залы. Тьма неожиданно пришла в движение. Тот-Амон радостно засмеялся.

11. ИСЧАДИЕ ТЬМЫ

Из провала медленно выходило что-то темное. Понять что это Конан не мог, ибо движущееся темное пятно казалось ему продолжением тьмы провала. Однако пятно это не было и тенью, ибо земля под ногами неведомого чудовища тяжело содрогалась.

— Кром! — прошептал потрясенный Конан. Товарищи его при виде этого чудовищного зрелища испуганно отступили назад.

— Да помогут нам боги! — простонал Дивиа трикс. — Это и есть то существо, которое люди изваяли в камне! Адские твари, подобные этой, слишком тяжелы для нашей земли. Подумать страшно. — сколько столетий оно ждало этой минуты! Теперь мы можем надеяться только на Владыку Света, — даже Сердце Ахримана не позволит мне совладать с этим Исчадием Тьмы, порождением самого Хаоса!

Конан обвел взглядом усеянные трупами скамьи. Все маги, включая самого Тот-Амона, покинули залу, убоявшись зверя, пробудившегося от многовекового сна.

— Скорее наверх! — прокричал Конан. — Тросеро, дай мне факел! Бежим! Бежим!

Они понеслись вверх по лестнице и вскоре уже бежали по разветвленным запутанным коридорам. Конан то и дело поглядывал по сторонам, надеясь обнаружить какой-нибудь узкий проход, в который не смогло бы протиснуться черное чудовище. Однако все коридоры были одинаково широки, похоже, лабиринт строился именно для чудища.

Надеяться им было почти не на что. Громоухая сапогами, Конан неслся по бесконечным коридорам, призывая на помощь бесстрастных богов своей холодной родины.

Вскоре вокруг лагеря выросли укрепления из песка и всевозможного скарба, которые хоть как-то защищали вооруженных острыми пиками гандерландцев, рыцарей Аквилонии и Пуантена и метких боссонских лучников. Стоило стигийской армаде приблизиться к лагерю, как лучники, поднимаясь во весь рост, осыпали их таким морем стрел, что стигийцы немедленно

отходили назад. Тяжелые аквилонские стрелы легко пронзали тонкие кольчуги врага, и вскоре возле укреплений лежали уже целые горы вражеских трупов.

Паллантид был настроен крайне мрачно. На востоке уже занимались сумерки, но грядущий день не сулил его армии ничего хорошего. Оставшиеся без конницы аквилонцы не могли нанести превосходящему их числом противнику ответного удара, — стигийская кавалерия тут же разгромила бы пехотинцев.

Свои позиции им пока удавалось отстоять, но с рассветом у стигийцев должен был появиться могущественный союзник — раскаленное солнце пустыни. Запасы воды подходили к концу, о том же, чтобы прорваться к берегам Бахра, не могло идти и речи.

Запаса стрел должно было хватить еще на час-другой. Даже при самом удачном стечении обстоятельств аквилонцы могли продержаться разве что до вечера.

И тут генерал увидел нечто странное. Стигийская армада, неистово кружившая вокруг лагеря, неожиданно стала отходить, — всадники поскакали в направлении Черного Сфинкса. Не прошло и получаса, как стигийское войнство скрылось за барханами.

Паллантид тут же послал вслед за ними известного своей проворностью воина. Тот взобрался на высокий бархан, стоявший поодаль, и вскоре уже был в лагере.

— Нет, генерал, — возвращаться они пока не думают. Все их войнство собралось у этой отвратительной статуи. Они слушают своих полководцев. Но, похоже, долго отдыхать нам не придется, — если я не ошибся, среди них появились всадники, одетые в черную броню.

Паллантид обернулся на свое войнство. Люди затракали как ни в чем не бывало.

— Возможно, мы и отобьем первую их атаку, — тихо сказал Паллантид Сenvульфy и Амрику. — Но я несколько не сомневаюсь в том, что за первой атакой последует и вторая. На передний край обороны мы должны выставить рыцарей, одетых в латы...

Генерал вдруг почувствовал всю безнадежность их теперешнего положения. Спасти их могло разве что чудо...

И куда же запропастился Конан?

12. ПИРШЕСТВО ЧЕРНОГО ЗВЕРЯ

Каменная дверь со скрипом отворилась. На пороге показался огромный Конан, державший в руках факел. За ним стояли принц Конн, граф Тросеро и друид Дивиаатрикс, сжимавший в кулаке Сердце Ахримана.

Свет звезд начинал меркнуть. Люди стояли в узком проходе меж лапами каменного чудовища, каждая из которых была высотой в два человеческих роста. Перед ними расстилалась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустиками верблюжьей колючки.

Впереди не было видно никого и ничего, однако с другой стороны — откуда-то из-за каменной лапы — слышались поскрипывание седел, бряцание оружия, пофыркивание верблюдов и человеческие голоса. Громче всех звучал голос стигийского генерала, призывавшего своих воинов не щадить врага, осквернившего своим появлением святые земли Стигии. Голос его отражался эхом от каменной громады.

Приложив ладонь к уху, Конан прислушался, — из подземелья послышались тяжелые шаги гиеноголового чудовища.

— Оно идет за нами, — прошептал он. — Вперед нам тоже идти нельзя, — похоже, Тот-Амон собрал здесь всю свою армию. Если мы попытаемся бежать, они тут же заметят нас...

Земля стала подрагивать. Где-то за Черным Сфинксом запели трубы и забили барабаны. Стигийское войнство пришло в движение.

Конан затушил факел и жестом пригласил спутников следовать за ним. Едва люди вышли из каменного коридора, как в темном проеме появилась чудовищная гиена. Остановившись на пороге, зверь стал принюхиваться.

— Смотрите, — там овражек! — прошептал Конан, указывая вперед. — Бежим!

Они метнулись в сторону и, скатившись на дно неглубокого овражка, залегли, боясь пошевелиться. Чудовище медленно пошло вслед за ними. И в тот же миг из-за левой лапы каменного истукана выехали

передовые колонны стигийцев. Чудище стояло в нескольких метрах от них.

Ночь наполнилась криками, полными ужаса. Град стрел и копий полетел в черного зверя.

Чудовище заревело и бросилось на стигийцев. Оно давило людей своими страшными лапами и рвало в ключья их коней и верблюдов, справляя свой ужасный пир. Кони, обезумев, сбрасывали с себя седоков, которые тут же оказывались в пасти черного зверя. Генерал попытался было остановить своих объятых паникой людей, но те уже не слышали его, — армия стигийцев пустилась в бегство...

Черный зверь носился по полю, давя людей сотнями. Он все убивал, и убивал, и убивал...

Едва над горизонтом показалось солнце, чудище поспешило в свое подземное логово. Каменная дверь с глухим стуком закрылась.

Конан и его спутники, все это время лежавшие на дне овражка, направились к лагерю. Аквилонцы, приготовившиеся к последнему бою, встретили их радостными криками.

Часть имущества сторела во время ночного пожара. От стрел стигийцев погибло несколько десятков воинов. Раненых же было куда больше.

Конан и Паллантис приказали своим воинам изловить коней и верблюдов, бродивших вокруг лагеря, и собрать брошенный стигийцами скраб. Армия готовилась к новому походу.

Белый Друид, так и не выпускавший из рук Сердце Ахримана, занялся исследованием духовного плана. Очнувшись от транса, он сообщил Конану, что Тот-Амон покинул Нептху и направился на юго-восток, в таинственное царство Зимбабве.

Армия была готова к выступлению. Рыцарские латы были заменены на легкие кольчуги, не обременявшие низкорослых стигийских лошадок своим весом. Части воинов пришлось пересесть на верблюдов.

Конан тоже сел на верблюда, обхватив его передний горб ногами.

— Еще бы я не знал, как это делается! — довольно посмеивался он. — Кто как не я командовал кочевниками Зуагира! Если с верблюдом обходиться по-доброму, он и коня переплюнет.

Прищурившись, он посмотрел на затянутый белой дымкой горизонт. Сидевший в своей повозке Дивиаатрикс блаженно улыбался. Он вновь был пьян.

— И все же Владыки Света нас не оставили, король! — громко воскликнул друид и, повернувшись к Конну, ехавшему на стигийском пони, попросил у него меч.

Конн передал Дивиаатриксу свой клинок, и тот указательным пальцем правой руки начертал на нем несколько рун, чудесным образом запечатлевшихся на его булатной стали.

— Что это? — изумился Конн, взяв меч в свои руки.

Дивиаатрикс хитро заулыбался.

— Ничего не спрашивай, мальчик. С тебя достаточно будет и того, что прошлой ночью мне посоветовали это сделать. Мне было сказано, что руны эти тебе помогут. Ну а теперь, позвольте мне откланяться!

К Конану подъехал его боевой генерал Паллантис.

— Армия готова к маршу, Ваше Величество! — доложил он.

— Чего же ты ждешь? Давай команду к выступлению!

— Позвольте узнать, — куда же мы теперь направляемся? — ехидно осведомился Тросеро.

Конан широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами.

— В Зимбабве, — куда же еще?! Если понадобится, то мы отправимся и на край света!

Над пустыней запели трубы.

1. ЗЕЛЕННЫЙ АД

Нуантенский граф Тросеро едва не вывалился из седла, когда его коренастая лошадка поскользнулась в очередной луже. Одной рукой он держал поводья, другой — отмахивался от назойливых moskitov, вьющихся роем над его головой. Граф еле слышно чертыхнулся. Позади раздалась отборная ругань, — конь Паллангида, командующего аквилонской армии, ехавший следом, поскользнулся в той же самой луже.

Тросеро с тоской во взоре посмотрел на низкие мрачные тучи. На небе не было ни просвета. С обеих сторон тропы стеною вставали заросли высокого — в два человеческих роста — тростника. Кони уныло месили грязь, то и дело увязая в зловонной жиже. В сезон дождей равнины Зимбабве превращались в сплошное непроходимое болото.

Дожди должны были прекратиться только через две недели. За пару дней солнце высушило бы болото, превратив его в выжженную пустошь, а грязь обратилась бы в плотную как камень корку. Однако все это должно было произойти только через две недели...

— Похоже, скоро дождь пойдет, — сказал Тросеро.

Генерал хмуро взглянул на небо.

— Ну у тебя и шутки, граф! — буркнул в ответ генерал. — Он идет уже десять дней кряду. У меня от него уже кольчуга заржавела! Интересно, — сколько же мы будем так идти?

Тросеро улыбнулся.

— Спроси у Конана. Осторожно, — змея!

Через тропу беззвучно ползла огромная, толщиной в ногу, болотная гадюка. Едва она скрылась в зарослях, кони тронулись с места.

— Это треклятое болото у меня вот где уже стоит! — проворчал генерал. — Жаль, нет с нами этого старикашки друида! Он бы нас в Старое Зимбабве по воздуху перенес, и мы не месили бы эту грязь своими ногами! Половина коней и верблюдов уже издохла, болотной лихорадкой заболел едва ли не каждый второй. Одного не могу взять в толк, — если мы даже и дойдем до Заповедного Города, то как же мы будем, черт его подери, сражаться?!

Тросеро пожал плечами. Поход длился уже больше месяца. Вначале войско шло вдоль восточных границ Стигии, следуя вверх по Стиксу. Затем река резко повернула на юг и они оказались на равнинах, населенных шемскими кочевниками заугирами, перегонявшими с места на место огромные стада овец и верблюдов.

Покинув пределы Стигии, войско оказалось меж землями Кешана и Пунта. Пустыня сменилась поросшими буйными травами саваннами; стали появляться и деревья. На юге Пунта берега Стикса обратились в непроходимые топи, и войску пришлось забирать далеко влево, чтобы обойти их. Теперь же они приближались к границам таинственного Зимбабве.

Тросеро то и дело поминал Белого Друида Дивиа-трикса, хотя был человеком образованным и в чудеса не верил. Там, в древней стигийской столице, этот старый пропойца смог справиться с доброй сотней магов. Если бы не он, песенка аквилонцев уже была бы спета. Черного Кольца больше не существовало, хотя Тот-Амону и удалось бежать в покрытое непроходимыми джунглями Зимбабве. Граф никак не мог взять в толк, чего ради Конан с таким остервенением преследует стигийца, — маг есть маг и совладать с ним могут только маги...

И все же Конан решил положиться на собственные силы, словно забыв о том, что там, в Нептху, его спасли от смерти Белый Друид и Сердце Ахримана.

Впрочем, Тросеро знал и о том, почему Конан отпустил Дивиатрикса.

Деканаватха, вождь суровых пиктов, погиб в сражении. Преемник же его Сагояга был полон честолюбивых замыслов, — он решил собрать племена пиктов и лигурийцев, дабы захватить западные провинции Аквилонии. Единственным человеком, способным остановить Сагоягу, был Белый Друид.

Дивиатрикс покинул аквилонское воинство еще в Стигии. С собою он захватил и Сердце Ахримана, с тем, чтобы отвезти его в Тарантию и вернуть жрецам великого Митраэума. Конан волшебником не был, и потому талисман этот вряд ли смог бы помочь ему.

Прежде чем покинуть аквилонцев, друид с помощью волшебства смог узнать, где же скрывается Тот-Амон. Северные союзники мага — гиперборейское братство Белой Руки — были уничтожены аквилонцами за год до этого. Восточный Алый Круг со смертью своего правителя Пра-Юна, царствовавшего в легендарном Ангоре, также распался.

Заповедный Град Зимбабве был единственным местом на Земле, куда мог отправиться Тот-Амон. Городом этим правил страшный Ненаунир, жрец Дамбаллы, под началом которого было три миллиона черных варваров. Туда-то и бежал Тот-Амон. Туда же направлялся и Конан.

2. ЧЕРНЫЕ КРЫЛЫ СМЕРТИ

Как и предполагал Тросеро, Конан объявил о привале лишь с наступлением сумерек. К счастью, неподалеку от тропы высился зеленый холм, и воинам не пришлось вновь ночевать на болоте. Лагерь решено было разбить на его вершине.

Вскоре на склонах холма уже весело потрескивали костры. Усталые, опухшие от укусов москитов аквилонские воины, чертыхаясь, чистили своих лошадей и пытались высушить у костров раскисшие сапоги. У подножья холма расхаживали дозорные. Отовсюду

слышался скрежет и лязг оружия, люди пытались очистить его от ржавчины.

Черный шатер короля стоял на самой вершине. Королевский штандарт свисал с шеста темной сырой тряпкой.

Внутри шатра над чашей с горячей водой стоял Конан, пытавшийся смыть с себя пот и ввевшуюся в поры грязь.

Владыке Аквилонии было уже под шестьдесят, однако возраст и известная праздность его нынешней жизни почти не сказались на нем. Время смогло разве что посеребрить его темные волосы и усы, да покрыть морщинами его загорелое обветренное лицо, мышцы же его при этом ничуть не утратили своей былой силы. Пока король вытирал досуха свое тело, пажы накрыли на стол ужин, предназначавшийся для него и принца Конна. Ужин этот состоял из вареного мяса и черствого хлеба. Запасы вина давно уже вышли, и воины, и король утоляли жажду водой из болота. Конан, памятуя о совете старого мудреца Алхемида, заставлял своих воинов пить только кипяченую воду. Воины недовольно ворчали, однако не смели ослушаться своего короля.

Набросив на плечи просторную мантию, Конан отпустил пажей и приступил к трапезе. Бесконечное путешествие по знойным пустыням, непролазным джунглям и бескрайним болотам уже начинало утомлять и его. Впрочем, усталость эта никоим образом не влияла на его решимость раз и навсегда покончить с заклятым своим врагом.

Помимо прочего, в путешествии этом Конан, как ни странно, отдыхал душой, — он оставался все тем же бродягой, пиратом, искателем приключений, которого тяготили и утомляли жизнь во дворце и дворцовые увеселения.

В шатер вошел принц Конн. Конан промывчал что-то невразумительное и жестом пригласил мальчика к столу.

— Как наши скакуны? — взявшись за следующий кусок мяса, спросил Конан.

— Я их уже почистил, отец. Твой верблюд едва не укусил меня.

— Значит, ты чем-то его обидел.

Принц Конн вздохнул.

— Как жаль, что с нами нет вороного Имира.

— Конечно жаль. Но ничего, — когда мы вернемся назад, я его непременно отыщу, пусть даже для этого мне придется прочесать и Коф, и Офир.

Аквилонцы потеряли своих коней у стен Нептху, — дезертиры из кофанского и офирского легионов увели их с собой. Воинам Конана пришлось пересест на стигийских лошадок и верблюдов; кроме того, несколько десятков верблюдов было куплено у зуагиров.

Конан любовно смотрел на сына, — мальчик походил на него буквально во всем. Он был не только похож на него, но и перенял все его манеры. Конн был уже выше большинства взрослых аквилонцев, хотя отцу своему все еще был по плечо.

Во время зингарской кампании мальчик оставался со своей матерью в Тарантии. Когда же Конан понял, что ему придется идти войной на Стигию, он послал в свою столицу гонцов, что вернулись назад с магическим талисманом, носившим имя «Сердце Ахримана», с его старшим сыном, принцем Конном.

С тех самых пор Конан не отпускал от себя мальчика ни на шаг, хотя советники и корили его за это, говоря, что тем самым король подвергает неоправданному риску своего наследника. Конан не придавал их словам никакого значения, ибо считал, что будущий король Аквилонии должен вырасти настоящим мужчиной, но никак не изнеженным слонтяем, способным разве что помыкать другими. Военскому же искусству следовало учиться именно на поле боя, а не в стенах дворца.

Покончив с трапезой, Конан предложил сыну пройти. Король хотел убедиться в том, что воинству его ничто не угрожает. Он сбросил с себя мантию и надел промасленную кольчугу прямо на голое тело. Надев начищенные до блеска сапоги и кожаную перевязь, Конан вслед за сыном вышел из шатра. Не успели они

сделать и пары шагов, как в лагере поднялся невообразимый шум.

Запели трубы, заржали кони, послышался топот сотен ног. Но заглушало все эти звуки странное гудение, доносившееся неведомо откуда. Так гудели паруса галеона, когда они наполнялись настоящим ветром, — звук этот был знаком Конану со времени его морских походов с барахскими флибустьерами и зингарскими пиратами.

Над горизонтом, обаятым туманной дымкой, уже стоял месяц. На небосводе одна за другой загорались звезды. Прямо же над их головами кружили огромные крылатые тени, похожие на гигантских летучих мышей.

3. ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

Конан замер от изумления. Лучники, стоявшие рядом с ним, целили в небо. Прямо на них несло черное чудовище с телом большим как у льва, изогнутой длинной шеей и змеиной головой. Чудище раскрыло пасть усеянную острыми как иглы зубами; глаза его полыхали адским пламенем.

Сложив крылья и выпустив когти, чудище падало прямо на людей. Боссонцы выпустили в него свои стрелы, и крылатая тварь, хрипло закричав, вновь взмыла в небо. Человек, сидевший на ней, упал у самых ног Конана. Это был высокий мускулистый негр. Его набедренная повязка была сделана из обезьяньей шкуры, на плечи был наброшен плащ, сшитый из шкур леопардов. Из груди негра торчала пара боссонских стрел.

— Клянусь кровью Крома, — они смогли приручить этих тварей! — воскликнул пораженный Конан. — Метьте в седоков!

На них летело сразу несколько монстров, и на спине у каждого было по черному седоку. Черные наездники стали метать в аквилонцев копья. Одна из тварей схватила в свои когти насмерть перепуганного

коня, но тут же в нее вонзился десяток стрел, и она, выпустив из лап добычу, полетела, тяжело махая крылами, куда-то в сторону.

Паллантид едва успевал раздавать команды. Часть людей обороняло лагерь, прочие же пытались успокоить обезумевших от страха коней и верблюдов.

Конан неотрывно смотрел на небо. Об этих крылатых тварях ему доводилось слышать и раньше. Они жили еще в ту эпоху, когда землей правили ящеры. Об этих же тварях говорилось и в древних мифах, — там они назывались драконами.

На них, широко расставив свои страшные лапы, неслась еще одна крылатая тварь. Издав боевой крик, Конан неожиданно сбил с ног своего сына и, взявшись за рукоять меча обеими руками, взмахнул им с такой силой, что едва не перерубил шею гнусной твари. Зловонная кровь хлынула из раны рекой. Сбив Конана своим огромным крылом, монстр пролетел еще несколько десятков метров и камнем рухнул прямо в костер, разметав горящие уголья по всему лагерю. Животное забилося в предсмертной агонии, седок же его, едва успев соскочить со змеиной спины, тут же упал наземь, пронзенный десятком стрел.

Поднявшись на ноги, Конан наблюдал за агонией дракона. Так вот откуда берет начало легенда о крылатых воинах Зимбабве! Путники, побывавшие в этом краю, рассказывали ему и о высоченных башнях заповедного города, что не имели ни дверей, ни окон, с которых войны и слетали, словно птицы.

Жителям Зимбабве как-то удалось приручить этих тварей, что заменили им коней. Черные воины были почти неуязвимы, — разве могли сравниться с ними те, кто был прикован к земле?

Крылатые чудовища одно за другим слетали к земле и тут же вновь взмывали в небо, унося в своих лапах людей и животных. Луна скрылась за горизонтом, и в наступившей тьме драконов не могли поразить даже боссонские лучники.

С именем киммерийского бога на устах король

Аквилонии принял командование на себя. Но не успел он отдать и пары команд, как что-то налетело на него сзади. Драконьи лапы сомкнулись у него на спине и оторвали его от земли.

Удар был столь сильным и неожиданным, что Конан выронил меч из рук. Он попробовал нащупать рукой кинжал, обычно висевший у него на поясе, но тут же вспомнил о том, что тот так и остался на столе в его шатре. В спешке он и не вспомнил о нем.

Конан посмотрел вниз и тут же понял, что теперь ему не помог бы и меч. Он был уже высоко над землей. Оставалось благодарить Крома хотя бы за то, что он не забыл надеть кольчугу.

Снизу раздался хриплый голос Амрика:

— Не стрелять! Не стрелять!

Конан вновь посмотрел вниз, и тут же голова его пошла кругом. Под ним парил дракон, сжимавший в когтях его сына, принца Конна.

— Король! — раздался снизу крик сотен воинов.

Лагерь остался позади, теперь они летели над объятиями тьмой землями. Второй дракон поравнялся с первым, и теперь они летели бок о бок. На спине у крылатого чудовища сидел черный воин в головном уборе из страусиных перьев. Одной рукой он держал поводья, в другой сжимал огромное копье.

Конан перевел взгляд на сына. Заметив это, тот помахал ему рукой. Конан помахал ему в ответ.

Драконы летели все дальше и дальше. Похоже, чудовище, сжимавшее в своих когтях Конана, стало выбиваться из сил, — несколько раз оно пыталось спланировать на землю. Но каждый раз раздавался громкий окрик его седока, и дракон вновь послушно взмывал ввысь.

Конана стало клонить в сон. Разумеется, драконьи лапы были не лучшим местом для отдыха, однако нельзя было сказать и того, что они уж слишком досаждали киммерийцу. Годы скитаний приучили Конана к тому, что при любых обстоятельствах следует довольствоваться тем, что есть, а не страдать того,

что могло бы быть, — подобные терзания приводили бы лишь к ненужной потере сил. Силы еще могли ему пригодиться, судьбу же свою он доверил богам.

4. БАШНИ ЗАПОВЕДНОГО ГОРОДА

Конан проснулся от того, что ритм, в котором размахивал своими широкими крылами дракон, как-то изменился. На востоке уже занималась заря.

Саванны сменились густым тропическим лесом, окутанным лиловыми сумерками. Прямо под ним петляла небольшая речка, поблескивавшая узкой темной ленточкой. За ней виднелись возделанные земли, за ними же вставала громада сказочного города.

Город был обнесен высокой каменной стеной, над которой поднималось с десятков высоких башен странного вида, походивших на огромные печные трубы. Присмотревшись внимательнее, Конан заметил, что у башен этих действительно не было ни окон, ни дверей. Более того, у них не было и крыш, — на их месте зияли черные провалы.

Конану стало как-то не по себе. Когда в руках его был меч, он не боялся никого и ничего. Сверхъестественное же во всех его проявлениях наполняло его душу страхом, ибо противник этот был неуязвим и неизъясним.

За долгие годы скитаний по миру, он прошел его и вдоль, и поперек. Он бывал и в покрытом вечными снегами Асгарде и в черных королевствах, лежавших к югу от Куша, он смотрел на великое Западное Море с пиктских берегов и бродил по просторам легендарного Кхитая, лежавшего далеко на востоке. Лет двадцать тому назад он побывал и в Зимбабве. Тогда он пришел в северную столицу королей-близнецов, чтобы отправиться на север вместе с караваном торговцев. Однако в заповедном Городе или Древнем Зимбабве ему так и не удалось побывать, — иноземцев туда не пускали.

Ни единожды он слышал о Заповедном Городе, затерянном в джунглях где-то на юге страны. Поговаривали, что тамошние жители поклоняются Древнему Змею Сету, именуемому ими Дамбаллой. Черные ал-

тари Дамбаллы были залиты человеческой кровью. Слышал он и о том, что в ночь жертвоприношения луна тоже становилась алой, напиваясь кровью тех, кого приносили в жертву Древнему Змею.

Дракон стал медленно снижаться, описывая широкие круги над городом. Ни один из людей Запада не смог бы сказать, когда же был построен этот город. Вне всяких сомнений строился он много тысяч лет назад, в ту пору, когда, возможно, на Земле еще не было людей. Легенды говорили о том, что краеугольный камень Древнего Зимбабве был заложен жителем Валузии, полулюдьми-полузмеями, что были детьми Сета, Йига, чернокожего Хана и змеебородого Биатиса, правившего лесами и болотами древнего мира. Великий герой Кул, положивший начало роду Конана, сокрушил змеиный народ, который вымер окончательно в эпоху Атлантиды и Валузии. С той поры уже минула целая вечность.

Впрочем, сейчас Конана это нисколько не заботило. Он думал о другом, — о том, что он вновь попал в тенета магов. Лучшего обиталища Тот-Амон не мог и придумать, — не случайно он пришел зализовать раны именно сюда.

«Похоже, — подумал Конан, — пришел час решающей битвы».

5. ТРОН ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧЕРЕПОВ

Они стали приближаться к вершине холма, на которой располагались разделенные вымощенной камнем площадью королевский дворец и храм Дамбаллы.

Площадь была взята в кольцо дюжими черными стражами, вооруженными щитами, обтянутыми кожей носорога, и копьями со стальными наконечниками. На их головах покачивались перья страусов, ибисов и фламинго. Поднятый драконовыми крылами ветер грозил сорвать с их голов эти пышные уборы, взвихривая клубы желтоватой пыли.

Крылатые ящеры опустили своих пленников наземь и, повинаясь командам своих седоков, тут же взмыли

в небо. Долетев до верхушек двух башен, они скрылись из виду. Не сводя глаз с драконов, Конан поднялся на ноги и помог встать своему сыну. Только теперь он понял, что странные эти башни были стойлами крылатых коней Зимбабве.

Король и принц стояли посередь площади, разглядывая стоявших плотным кольцом черных стражей с бесстрастными лицами, походившими на маски, вырезанные из эбенового дерева.

— Ну что, пес киммерийский, — услышали они насмешливый голос. — Вот мы и снова свиделись.

На Конана смотрели темные, горящие ненавистью глаза его заклятого врага.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал, — мрачно ответил киммериец.

Тот-Амон стоял возле огромного трона из человеческих черепов, сцепленных между собой темной смолой. Стигийский маг выглядел так же грозно, как и прежде, однако пытливые глаза Конана заметили в нем явные признаки старения. Лицо его покрылось густой сетью морщин; складки в уголках рта свидетельствовали не просто об усталости, но о крайнем изнурении. Некогда недвижные кошачьи глаза его теперь лихорадочно поблескивали. Могучее тело мага, скрытое изумрудной мантией, стало дряхлеть, — он стал горбиться, на животе же у него появилось небольшое брюшко.

Неужели силы Тот-Амона стали иссякать? Неужели он лишился той чудовищной энергии, что питала его вот уже много десятилетий? Казалось, что сатанинские силы, которым поклонялся колдун, оставили его после того, как Белый Друид с помощью Сердца Ахримана справился с Черным Кольцом. Впрочем, все это можно было объяснить и иначе, — похоже, срок, отпущенный Тот-Амону, уже подходил к концу, — ему пора было расставаться со своей брэнной земной оболочкой. Во всяком случае казался он теперь стариком.

— Последняя, говоришь? — вновь раздался злове- щий голос стигийца, говорившего по-аквилонски с

едва заметным акцентом. — Ну что ж, — я не стану с тобой спорить. После этой встречи в живых останется только один из нас. В том же, что умереть суждено тебе, я нисколько не сомневаюсь. Сказать нам друг другу уже нечего. Я убью тебя и твоего детеныша прямо на этом месте. Армию же твою, лишившуюся командующего, разгромят наши доблестные черные воины. Как видишь, Западу все же суждено пасть. Когда я сяду на аквилонский трон, миром станет править один владыка. И имя этого владыки — Сет! Ну а теперь готовься к смерти.

И тут раздался хриплый, полный возмущения голос.

— Клянусь Дамбаллой, стигиец, — похоже, ты забыл, кто здесь правит!

Конан перевел взгляд на Трон и только теперь заметил, что на нем сидит человек. Это был Ненаунир, верховный колдун Зимбабве, последний союзник Тот-Амона. Мускулистая намащенная маслом черная грудь Ненаунира поблескивала в лучах рассветного солнца. Глаза его холодно смотрели на людей.

Стигиец заметно смутился и — как показалось Конану — слегка побледнел. Конан почувствовал, что ма- ги меж собой не слишком-то ладят. Теперь, когда черного братства Тот-Амона уже не существовало, ко- варный стигиец не мог рассчитывать ни на прежнюю роль, ни на бывшее влияние.

Стигиец смущенно забормotal:

— Конечно, конечно, брат! Главный здесь ты. Но, — но планы-то у нас общие! Когда мы захватим мир, ты станешь править Югом, а я — Западом. Мы разделим мир и поднесем его к ногам отца нашего Сета...

— К ногам Владыки Дамбаллы, чьим пророком и наместником я являюсь! — проревел черный колдун. — Помни о своем месте, стигиец. Боги уже отступились от тебя. Твое время ушло, и делить с тобой власть я не намерен. Если ты будешь вести себя

хорошо, ты вправе будешь рассчитывать на место управляющего в одной из моих провинций. И помни — ты должен подчиняться мне во всем! Ну а с этим белым демоном я разберусь и сам.

Ненаунир говорил на одном из диалектов шемского языка, принятом у торговцев Юга. Стоило ему замолчать, как черные воины дружно ударили оземь древками своих копий.

Верховный колдун Зимбабве перевел взгляд на Конана. Аквилонский король стоял, сложив на груди свои могучие руки; рядом с ним, гордо подняв голову, стоял его старший сын.

— Белый пес, — прохрипел черный колдун, — как ты посмел ступить на мою землю? Мы уже встречались с тобой в замке Лахи. Тогда ты смог спастись лишь потому, что Лахи хотела одолеть с твоей помощью стигийца и, тем самым, захватить черный престол. Она просчиталась и погибла от твоей руки. Затем ты лишил сил стигийца, уничтожив его великое братство. Если ты думаешь, что я буду повторять их ошибки, то ты заблуждаешься. Тот-Амон мне не страшен, более того — он мне даже не нужен. Здесь все решаю я. Бежать же отсюда тебе не удастся.

Конан молча смотрел в ледяные глаза черного мага.

— Последняя наша встреча состоится в Ночь Алой Луны, — продолжил Ненаунир. — Когда твоя кровь потечет к подножью алтаря Великого Змея, она напитает собою луну, душа же твоя исчезнет в пасти великого Дамбаллы!

— И когда же это произойдет? — спокойно спросил Конан.

Ненаунир отвернулся от него и громко позвал:

— Римуш!

— Слушаю вас, Ваше Величество!

Из-за трона выскочил маленький человечек в одеждах астролога. Судя по всему, он был уроженцем Шема.

— Когда наступит Ночь Алой Луны?

— Согласно моим вычислениям она наступит через двенадцать ночей, Ваше Величество!

— Ты все понял, белый пес? Ну а теперь бросьте их в темницу!

6. ЗАСТЕНКИ ЗИМБАБВЕ

Темницы древнего Зимбабве находились глубоко под землей. Отряд черных воинов вел Конана и мальчика бесконечными коридорами, тускло освещенными чадающими промасленными факелами. Глядя на странную форму сводов и диковинные пропорции подземных переходов, Конан лишней раз убеждался в том, что старые сказания были правдивы, — древний Зимбабве возводился не людьми, — его могло создать только змеиное племя. Подобные строения он видел только дважды: первый раз на зеленых равнинах Куша, второй — на Безымянном Острове, лежавшем в стороне от морских путей, в южной части великого Моря Запада, где не бывали ни купцы, ни пираты.

Камера, предназначавшаяся для них, была сырой и узкой. По черным, разьеженным временем камням стекали капли воды. Пол был устелен грязной гнилой соломой. Из-за решетки с громким писком выскочила огромная крыса.

Пленников бросили в камеру, и тут же тяжелая бронзовая решетка захлопнулась, зловеще залязгав запорами. Офицер запер дверь огромным ключом, и вскоре бесшумно ступавшие босые воины исчезли в полумраке.

Стоило стражам удалиться, как Конан принялся ощупывать стены и пробовать на крепость позеленевшие от времени прутья решетки. Окон здесь не было, единственным источником света был факел, горевший в самом конце коридора.

Юный Конн, выбрав местечко посуше, сел на пол. Жажда и голод мучили его, но он старался держаться достойно, пытаясь во всем походить на своего отца. Тринадцатилетний принц больше всего на свете боялся того, что отец заподозрит его в малодушии.

Осмотрев всю камеру и убедившись в том, что

бежать отсюда невозможно, Конан сгреб солому в угол и, позевывая, разлегся рядом с сыном, положив руку ему на плечо.

Помолчав с минуту, Конн спросил:

— Отец, что они с нами сделают?

Конан пожал плечами.

— Я знаю лишь о том, что они собираются с нами сделать, — о том же, что произойдет на деле, ведают разве что боги. Не забывай о том, что добрая половина аквилонского войска сейчас направляется сюда. Представляю, как Паллантид их гонит! Пройдет целых двенадцать дней, прежде чем наступит Ночь Алой Луны. За это время произойти может многое.

Конн прошептал:

— Они хотят принести нас в жертву Сету?

— Да, им этого очень уж хочется, — ответил Конан. — Но эти черные скоты забывают, что это не в их власти, — подобные дела решаются богами или, как утверждают некоторые философы, всемогущей Судьбой, равно повелевающей и богами, и людьми. Что касается меня...

— Что ты хотел сказать, отец?

— Что касается меня, то сейчас я хочу спать, — что-то я прошлой ночью не выспался. — Конан зевнул и улегся поудобнее.

Мальчик вздохнул и улыбнулся. Пока отец был рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Отца его вряд ли можно было назвать оптимистом, — просто он привык не терзаться без надобности. Если обстоятельства складывались так, что он не мог ничего с ними поделать, он как-то приноравливался к ним, дожидаясь более благоприятного их стечения. Не прошло и минуты, как Конан уже мирно похрапывал.

Конн лег рядом с отцом, положив голову ему на плечо. Вскоре заснул и он.

Киммерийца разбудили тяжелые стоны, доносившиеся откуда-то из-за решетки. Он тут же пришел в себя и напрягся словно лесной зверь, внезапно почувший добычу.

Осторожно убрав голову мальчика со своего плеча,

он поднялся и бесшумно подошел к двери. Вновь раздалась полная отчаяния стоны. На этот раз от их звука проснулся и Конн. Мальчик лежал, боясь шелестеть, — он понимал, что вести себя следует тихо.

Прямо напротив них находилась камера, к дальней стене которой был прикован огромный негр. Нагое тело его было покрыто глубокими рубцами, оставленными плетью; широко раскинутые в стороны руки пленника придавали ему вид распятого на кресте.

Негр вновь тяжело застонал, мотая головой из стороны в сторону. В свете факела мелькнули белки его глаз. Насколько мог понять Конан, человек этот был близок к смерти.

— Почему они с тобой это сделали? — тихо спросил киммериец по-шемски и тут же повторил свой вопрос на языке страны Куш.

— Кто это? — раздался в ответ еле слышный голос.

— Такой же пленник, как ты. Я — Конан, король Аквилонии, — ответил киммериец, не видя в обмане никакого смысла.

— Я — Мбега, король Зимбабве, — прозвучало в ответ.

7. ИСТОРИЯ ДВУХ КОРОЛЕЙ

Негр был замучен до полусмерти, однако Конану каким-то чудом удалось разговорить его, и тогда тот поведал ему свою историю.

Черные воины Зимбабве, судя по всему, были потомками народа кчака, изгнанного со своих земель соседями и рассеявшегося впоследствии по всему черному континенту. Зимбабвийская ветвь кчака, отправившаяся на восток, обнаружила в джунглях развалины древнего города. Поселение решено было устроить именно здесь. Племена, жившие по соседству, считали эти места проклятыми и потому избегали их. Поселенцы чувствовали себя здесь в полной безопасности и вскоре выстроили на древних развалинах новый город, получивший название Зимбабве.

Единственными их врагами были драконы, приле-

тавшие сюда с гор, лежавших на Востоке. Отважный вождь народа Зимбабве смог выкрасть из гнездовья этих крылатых ящеров несколько огромных яиц. Оказалось, что драконы легко приручаются, и вскоре они уже заменили зимбабвийцам лошадей. Эти крылатые ящеры позволили племени существенно расширить границы своих владений, — именно тогда и возникло королевство Зимбабве.

У вождя, носившего имя Лубемба, был брат-близнец; отличить братьев друг от друга было совершенно невозможно. Лубемба сподобился откровения, в котором услышал о том, что отныне зимбабвийцами должны править близнецы. Он не мог нарушить волю богов и с той поры правил страной вместе с братом.

Закон этот соблюдался и впоследствии. Если один из пары правителей умирал, второй кончал с собой или навсегда покидал страну. Преемниками их становилась новая пара близнецов, выбиравшаяся жрецами и обычно не связанная кровными узами со своими предшественниками.

Все шло хорошо, пока на трон не взошли Ненаунир и Мбега. Ненаунир сошелся с колдунами, черное братство которых существовало вот уже три тысячи лет. Демон Сет, или Дамбалла, как его называли негры, соблазнил Ненаунира, обещав ему все богатства мира за то, что он, Ненаунир, покончив с культом племенных богов, заставит зимбабвийцев поклоняться Скользящему Богу — Великому Змею Сету.

Страна и народ раскололись надвое: одни сохраняли верность Мбеге и старым богам, другие же приняли сторону Великого Сета и его земного наместника Ненаунира. Большая часть вождей и воинов приняла новую веру. Вот-вот должна была начаться страшная братоубийственная война. Не желая раздела страны и кровопролития, Мбега отказался от трона в пользу своего брата Ненаунира. Сторонники его стали подвергаться жесточайшим преследованиям, — Ненаунир не щадил никого.

И тогда Мбега с горсткой верных ему людей взбунтовался. Бунт этот был слишком уж запоздалым, — к

этому времени силы были явно неравными. Войско Мбеги было разбито наголову, сам же он попал в плен.

Перед Ненауниром встала неразрешимая проблема. Казнить своего брата ему ничего не стоило, но тогда в соответствии с законом ему пришлось бы лишить жизни и себя самого или навеки оставить свои владения. Ненаунир знал о том, что многие зимбабвийцы сочувственно относятся к его брату и свято чтут древние законы, — отступи он от них, они тут же низвергли бы его с трона. Он и так еле держал их в узде, ибо Дамбалла требовал все новых и новых жертв, что вызывало всеобщее недовольство.

Он решил пожизненно заточить Мбегу в темницу и выставлял его на всеобщее обозрение лишь во время дворцовых церемоний. Решение это было мудрым, ибо, сделав Мбегу заложником, Ненаунир покончил и с мятежниками.

Брата своего он люто ненавидел. Во время последнего королевского выхода Мбега должен был публично покаяться и призвать к тому же своих людей. Однако вместо этого он на виду у всех плюнул в лицо Ненауниру. Теперь же его денно и ночно истязали.

Дока жизни Мбеги ничто не угрожало, — Ненаунир был не настолько силен, чтобы нарушить идущие от века законы предков. Искалечить его тоже не могли, ибо, в согласии с теми же законами, короли могли появляться пред своим народом лишь вместе и скрыть это было бы невозможно.

Негр закончил свой рассказ. Глаза его пылали гневом. Теперь он походил на могучего бесстрашного гладиатора.

— Скажи мне, Мбега, — много ли у тебя осталось сторонников? — спросил киммериец.

Черный король кивнул.

— Мои люди остались верны мне. От Ненаунира же многие отвернулись, — он слишком жесток, он нарушает законы наших предков, он умерщвляет наших людей на своем поганом капище. Если бы я смог бежать отсюда, за один час я собрал бы такую армию, пред которой не устояли бы и воины Ненаунира. Но

что толку болтать языком? Бежать отсюда невозможно...

— Поживем — увидим, — сказал в ответ Конан и загадочно улыбнулся.

8. КЛОАКА

Паллантид полз по заросшему высокими травами берегу реки. От земли исходило отвратительное зловоние. Извиваясь словно змея, аквилонский генерал пробирался к деревьям, под которыми укрылся граф Тросеро. Услышав шум, пуантенец обернулся. Лицо и седая борода его были перепачканы грязью. По лицу ручьями тек пот.

— На стенах стоят дозорные, — прошептал Тросеро. — У каждой башни по взводу солдат. Так просто их не возьмешь.

Задумчиво покусывая ус, Паллантид стал рассматривать крепостные стены. Осада такой крепости могла занять не один месяц. Нужны были и тараны, и лестницы, и катапульты...

Свет солнца внезапно затмился огромной тенью. Генерал замер. Над головой его проплыла одна из тех крылатых тварей, что атаковали их на болоте. С той поры минуло уже десять дней. Дракон стал кружить над городом. На спине его сидел чернокожий воин. Паллантида едва не вытошнило от омерзения.

— Клянусь кровью Дагона! — проворчал он. — Если он с тварями этими смог совладать, то с людьми-то уж как-нибудь справится!

Подлетев к одной из высоких башен, дракон присел на ее край и тут же скрылся из виду.

— Так вот оно в чем дело! — отозвался Паллантид. — Мы должны думать не о них, а о наших короле и принце!

— А ты уверен, что они здесь?

— Клянусь когтями Нергала, — это так же точно, как то, что у меня есть задница! — сердито прошипел генерал. — Ненаунир — единственный союзник Тот-

Амона. Ты думаешь почему эти твари утащили именно короля и принца? — А-а... Вот то-то и оно!

— Как ты думаешь — живы ли они?

— Пока мы не окажемся за этой стеной, этого мы не узнаем.

Тросеро вздохнул.

— Не знаю как тебе, а мне эти стены кажутся неприступными.

— Для войска — да, но для человека — нет.

Тросеро удивленно посмотрел на генерала.

— У тебя что, — есть какой-то план?

Генерал почесал бороду.

— Ты помнишь этого зингарского вельможу Мурзио?

— Этого тщедушного прохиндея? Еще бы мне его не помнить!

— Так-то оно так, — прохиндей он конечно изрядный, — но не забывай и о том, что королю нашему он служит верой и правдой, да и фехтовальщик он отменный! Я и сам понимаю, что никакой он не дворянин, но это дела не меняет. Конан помнит о том, что сделал для него отец Мурзио в ту пору, когда наш король еще был пиратом, и потому он благоволит к нему. Помнишь, года три назад Конан принимал во дворце своего старинного приятеля Нинуса?

— Ты говоришь о монашке? Конечно помню! У короля нашего друзья право слово странные! Этот же будет похлеще всех прочих!

Паллантид усмехнулся.

— Что верно, то верно! Днем он ходил по дворцу важный как патриарх, ночами же таскался по борделям и питейным лавкам! Так знай же, — Нинус и Мурзио — воры, каких поискать. Конан решил сделать из Мурзио шпиона и попросил Нинуса о том, чтобы тот научил своего сына всяким там воровским штучкам. В науке этой Мурзио преуспел настолько, что едва ли не превзошел своего учителя. Когда Конан отослал его в Шем, Мурзио как-то смог провести о заговоре, готовившемся офирским королем и несколькими шемскими царьками. Более того, он смог похитить документы, изблечившие заговорщиков!

За это Конан даровал ему рыцарское звание. Так что Мурзио благодарен ему теперь по гроб жизни и ради короля своего пойдет на что угодно.

— Ну а теперь объясни мне — какое отношение имеет Мурзио к Старому Зимбабве?

Сощурив брови, Паллантид прошептал:

— Одни из ворот этой крепости не охраняются, — я говорю о сточных трубах.

— Сточных трубах?! Да ты никак рехнулся! На кой черт сточные трубы этим варварам?

— Им-то они конечно ни к чему. Но ты забываешь о том, что крепость строилась не ими. Видишь решетку на южной стене? А видишь, что оттуда течет?

— Ты, похоже, прав...

— Думаю, сюда стекают нечистоты со всего Зимбабве. Скорее всего сеть подобных труб проходит под всем городом. Негры вряд ли додумались бы до этого, — похоже, над системой этой трудились прежние обитатели города. Теперь скажи мне, — кто кроме Мурзио сможет пролезть между этими прутьями? Правильно, — никто. Он же сделает это в два счета.

Тросеро почесал свою позеленевшую от ила бородку и задумчиво произнес:

— Кажется, я начинаю тебя понимать. Он эдаким червем заберется внутрь, перережет охрану и откроет перед нами городские ворота. Я тебя правильно понял?

— Ну конечно, граф! Что мне особенно здесь нравится, так это сточные трубы! При одной мысли о том, что этот разборчивый длинноносый зингарец перепачкается в дерьме с ног до головы, у меня голова кругом начинает идти! Уж кого не люблю, так это зингарцев, особенно с той поры, как застал свою жену в объятиях зингарского трубадура! Вернее, бывшую жену...

Тросеро ухмыльнулся.

— Ну что ж, тогда вернемся в лагерь и известим благородного Мурзио о том, что волею судеб ему суждено стать спасителем короля!

— Только смотри, — об этом я скажу ему сам!

Через несколько часов, когда стены и башни Зимбабве уже объяли вечерние сумерки, из леса вышел

человек. Бесшумно переплыв через реку, он пошел вверх по зловонному ручейку, вытекавшему из трубы. Добравшись до решетки, он на миг замер, но тут же скрылся из виду, исчезнув в трубе.

Трудно было сказать, благородная ли кровь текла в жилах Мурзио, но единожды присягнув на верность королю, он готов был служить ему до самого конца.

9. АЛАЯ ЛУНА

Улицы Древнего Зимбабве осветились призрачным лунным светом. Город не спал, ибо настала Ночь Алой Луны. Дождавшись зловещего преображения ночного светила, король Ненаунир должен был приступить к призыванию своего страшного бога, алтарь которого был обагрён кровью сотен жертв.

Факельная процессия шествовала по узким улочкам старого города. Гремели барабаны. Звучали странные песнопения.

Опустив голову, Конан мерил камеру шагами. Принц Конн задумчиво смотрел на своего отца. Он тоже вел счет дням и ночам, проведенным ими в застенке. Стигийское воинство погибло в ночь новолуния. С той поры прошло почти полтора месяца или, если быть точным, сорок один день. Настала ночь полнолуния. Рассчитывать фазы Луны Конна научили его наставники, хорошо понимавшие, что будущему королю знать такие вещи просто необходимо. Отец же говорил ему о том, что лунные затмения могут происходить лишь в такие ночи.

Этой ночью их должны были принести в жертву Дамбалле.

Гром барабанов был слышен даже в камере. Где-то над головами пленников тысячи последователей Ненаунира распяли себя, готовясь к кровавому действу.

Конан то и дело подходил к решетке, пытаясь разогнуть ее прутья. От напряжения руки его стали дрожать, глаза налились кровью. Эти толстые, дюймовые прутья не смог бы разогнуть и сказочный великан, — строители темницы потрудились на славу.

И тут Конан увидел какую-то тень. Он замер и стал вглядываться во тьму. Прямо перед ним появилось лицо, — знакомое лицо.

— Мурзио, — неужели это ты? — прошептал Конан.

— Конечно я, мой господин, — ответил ему зингарец.

— Именем Крома, — скажи, — откуда ты взялся? Что с нашими людьми? Где они? И почему от тебя так скверно пахнет?

Зингарец устало улыбнулся и рассказал о том, как он попал в подземелье.

— Трубы оказались столь узкими, — печально добавил он, — что мне пришлось ползти по ним. В нескольких местах они заканчивались колодцами, выходящими на городские улицы. Однако оказалось, что все эти колодцы охраняются. Я нашел вас, но не сумел выполнить приказа. Открыть городские ворота я так и не смог...

Конан на миг задумался.

— Может быть, не все еще потеряно, — наконец сказал он. — У тебя есть отмычка? Сейчас для нас главное — выйти из этой чертовой камеры.

Мурзио вынул из кармана кусок проволоки и принялся возиться с замком. На лбу у него выступили капельки пота. Слышно было только хриплое его дыхание и тихое поскрипывание замка.

Минута проходила за минутой, но замок никак не поддавался. Мурзио растерянно посмотрел на Конана.

— Мой господин! Его не смог бы открыть и сам Нинус! Похоже, он заговорен!

— Наверное, это действительно так, — согласился Конан. — Этот стигийский шакал обычным замкам не доверяет. Слушай, — попробуй-ка открыть соседнюю камеру! Там наш друг.

Мурзио стал колдовать над замком соседней камеры. Прикованный к стене негр бесстрастно наблюдал за происходящим. Неожиданно замок с лязгом открылся. Конан вздохнул с облегчением.

Мурзио вошел в камеру Мбеги и вскоре освободил

черного короля от оков. Пошатываясь, Мбега вышел из камеры и стал растирать онемевшие члены.

Мурзио вновь стал биться над замком камеры Конана. Сам же Конан еще раз приложился к решетке, — на этот раз ему помогали Мбега и Конн. Решетка не поддавалась и на этот раз.

— Ну у вас и камеры, — вытирая со лба пот, сказал киммериец. — Ну что ж, не можешь исправить — терпи.

— Но ведь тебя ждет смерть, — прохрипел Мбега. Конан усмехнулся.

— Со мной такое не впервой.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Мурзио.

— Дай-ка мне свой кинжал. Эти варвары раздели меня почти донуга, а вот сапоги зачем-то оставили. — Конан опустил длинный клинок в правый сапог.

— Ну а теперь помоги выбраться отсюда Мбега. Впрочем, может он и сам знает, где здесь выход... Мбега, — это твой последний шанс. Твои друзья должны открыть южные ворота до начала жертвоприношения.

Мурзио, — я не знаю, чем для меня закончится эта ночь, но я благодарю тебя. Ты отважный и преданный воин. Если мы доживем до утра, ты станешь бароном Кастрии. Удачи тебе! Пусть Митра и Кром всегда будут рядом с тобой!

Мурзио и Мбега скрылись во тьме. Конан хлопнул Конна по плечу.

— Не вешай носа, сын, — громко сказал он. — Такие, как Мбега, друзей не предадут.

Послышалось шарканье босых ног. Наступал решающий час, что мог стать для них последним. Либо свершится месть Тот-Амона, либо падет царство Ненаунира, — третьего не дано.

10. ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ

Стражники связали пленникам руки и повели их по бесконечным подземным коридорам. Они вышли прямо на городскую площадь, по одну сторону от которой

стоял королевский дворец, а по другую — храм Дамбаллы. Серебристый диск полной луны сиял высоко в небе.

Вокруг площади стояли высокие каменные столбы, на которых были начертаны непонятные, неведомые Конану символы. Сказать, кому они принадлежали, — зимбабвийским колдунам или их предшественникам, — было невозможно.

Перед храмом Дамбаллы высилась мрачная фигура каменного идола. Он был вырезан из черного базальта и высотой своей не уступал каменным столбам. Огромный черный конус в три человеческих роста высотой изображал свившегося кольцами змея. С вершины его на Конана смотрели красные змеиные глаза, выточенные из огромных рубинов, что поблескивали и переливались в свете факелов.

Конан едва заметно вздрогнул. Сет или Дамбалла с незапамятных времен был олицетворением зла и мрака. Киммериец стал бормотать молитву. Равнодушный киммерийский бог Кром редко вмешивался в дела людей и не требовал от них поклонения; но теперь, когда на Конана взирали налитые кровью глаза демона Адской Бездны, надеяться ему было больше не на кого.

Алтарь Дамбаллы походил на огромную чашу черного мрамора, стоявшую перед идолом. К чаше этой были прикреплены бронзовые кольца. Конана и Конна завели на ее дно и приковали их так, что они не могли отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Конан оценивающе посмотрел на наручники и цепи, — судя по всему, сделаны они были совсем недавно, — разорвать их было невозможно. Кольцам же, торчавшим из чаши, была уже не одна сотня лет, — они были проедены насквозь.

Заковав пленников, черные жрецы Сета покинули чашу. Установилась полная тишина; лишь ветерок пошвыстывал меж камней. Рубиновые глаза, холодно взиравшие на них, казались живыми.

На противоположной стороне площади стояли король Ненаунир и стигийский маг Тот-Амон. Черный владыка был одет в длинную пурпурную мантию. На

лице его была маска змеи. В правой руке, поблескивавшей золотыми браслетами, он сжимал ритуальный посох со змеиной головой на верхушке.

Тысячи глаз взирали на небо, ни на мгновение не отрывая глаз от лунного диска. Толпа вдруг дружно ахнула. Взглянув на небо, Конан увидел, что на луну стала ложиться красноватая тень.

Неожиданно забили барабаны. Казалось, что это бьется огромное сердце страшного исполина. Глаза Великого Змея вспыхивали и гасли в такт его ударам. Красноватая тень становилась все больше. Церемония началась.

Конан потянул на себя свою правую руку. Тысячи чернокожих воинов бесстрастно наблюдали за ним. Мышцы его напряглись, однако кольцо никак не поддавалось. Он на мгновение расслабил руку и тут же резко дернул цепь на себя. Кольцо со звоном лопнуло.

За вторую цепь он схватился уже обеими руками. Собравшись с силами, он резко рванул ее, и второе кольцо покатилося по мраморной чаше. Теперь он был свободен.

Он стал озиаться, ожидая, что черные воины нападут на него. Однако они смотрели на него все так же бесстрастно. Конан повернулся к своему сыну. Тень ползла все дальше, теперь ею был объят едва ли не весь лунный диск. Барабаны забили чаще. Забормотали тысячи голосов. Началось заклинание.

Конн вслед за отцом попытался освободить себя от оков, но сил его для этого было явно маловато. Конан бросился помогать сыну и в тот же миг почувствовал ледяное дуновение. Пот на его спине мгновенно застыл.

Глазам киммерийца предстала странная картина. Часть лунного диска все еще была свободна от тени. Над площадью же происходило что-то немыслимое. С небес на него неслись клубы морозного тумана, сплетавшегося в кольца, уплотнявшиеся с каждым мгновением, — на него летел огромный извивающийся змей.

Ужас охватил Конана. Теперь он понимал и то, почему алтарь имел форму чаши, и то, почему жертвы

должны были стоять прямо. Его тела коснулось ледяное кольцо вихря.

На Землю низошел сам Дамбалла.

11. ЛУНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Не обращая внимания на смертельный холод, киммериец вырвал из мраморной чаши последнее кольцо, приковывавшее к алтарю его сына.

Кольца сходились вокруг него все плотнее. Они обволакивали его члены зыбкой густой пеленою; они сдавливали ему грудь, не давая дышать. Отчаянным усилием Конан заставил себя достать из сапога кинжал, и тут же погрузил его в полупризрачное тело змея.

— Отец! — вскричал Конн, увидевший вдруг демона, вызванного Ненауниром из бездн, лежащих по ту сторону мира.

— Беги, сынок! — едва смог выговорить Конан. — Попытайся открыть ворота!

Вновь и вновь киммериец погружал свой клинок в сгущавшееся тело. Демон же словно не замечал его ударов. Конан зашатался, — на плечи его легла чудовищная тяжесть. Над ним покачивалась огромная голова змея; алые холодные глаза пристально смотрели на него. Во взгляде их было что-то чудовищное, — пред Конаном раскрылись хладные бесконечные пространства, безмерная тоска и ненасытный вселенский голод. Конан содрогнулся. Вот уже миллион лет демон этот боролся с его расой, пытаясь вернуть ее в подвластную ему пучину.

Тело киммерийца начало стын timer. Теперь кольца были уже плотными, и тяжесть их была непомерной даже для него. Онемев, рука его разжалась, и кинжал со звоном упал в мраморную чашу. *

Конан не сдавался; но теперь уже не плоть сражалась с плотью, а воля боролась с волей. Мир неожиданно преобразился, — Конану стало казаться, что его воля, душа и разум стали продолжением его тела.

Клинком воли он пытался поразить объявшее его тело тьмы.

Собственного тела он уже не чувствовал, хотя и понимал, что продолжает стоять на ногах. Сердце его билось все реже и реже, кровь в его жилах стыла, однако где-то внутри он был так же силен, как и прежде. Жизнь горела в нем непогасимым пламенем, затушить которое не мог и этот всесильный демон.

Но силен и коварен был Великий Змей. Страх и сомнение были его оружием. Этим оружием Дамбулла уничтожал целые народы, обращая героев в изменников, а праведников в подлецов.

Этот ненасытный демон знал о том, что со временем он погубит землю и погасит солнце. Пока же он боролся с человеком. Пред ним, Пожирателем Миров, не могла устоять ни одна тварь.

Сознание Конана помрачилось, лишь воля к жизни заставляла его бороться с мороком, затягивавшим его все глубже и глубже в пучину, исполненную пустоты. Послышался громкий смех Ненаунира. Конан вздрогнул и ухнул в темную бездну.

12. СМЕРТЬ В НОЧИ

Внезапно смертельный холод, сжимавший в своих объятиях его тело, отступил. Исчезло и ощущение тяжести. Конан медленно приходил в себя. Он лежал в мраморной чаше, глядя на небо. Площадь была залита серебристым светом луны.

Киммериец попробовал подняться на ноги, но тут же упал. Он был еще слишком слаб. Он поднял голову, и глазам его предстала удивительная картина. В нескольких десятках метров от мраморной чаши лежало тело поверженного Ненаунира. Рядом с ним лежал кинжал Мурзио, которым Конан пытался поразить демона. Здесь же стоял и убийца колдуна, — насмерть перепуганные негры держали его за руки.

Это был принц Конн, растрепанный и взъерошенный. Мальчик смотрел на своих стражей зверем. Он не послушался своего отца и не покинул площади, —

вместо этого, схватив выроненный отцом кинжал, он понесся к торжествующему Ненауниру. Все присутствующие были слишком увлечены борьбой, происшедшей в чаше, для того чтобы обращать внимание на мальчишку. Лишь Тот-Амон смотрел на него во все глаза.

Благоразумие боролось в нем с гордыней. Этого мгновенного замешательства стигийского мага было достаточно для того, чтобы Конн вонзил свой кинжал в черное сердце Ненаунира, земного наместника Дамбаллы. Истекая кровью, колдун рухнул наземь. Чары, удерживавшие на земле Дамбаллу, мгновенно распались, и Великий Змей вновь превратился в облачко тумана, выпустив Конана из своих объятий.

Схватившие Конна негры еще не успели решить, что же они должны сделать с убийцей их короля, когда вдруг на площади появилось грозно ревущее огромное воинство, окружившее послушников Дамбаллы со всех сторон. Люди Ненаунира пытались скрыться бегством, но бежать им было уже некуда; они не могли и смешаться с рядами нападавших, ибо их выдавали головные уборы из перьев.

Над площадью запели трубы, Конан заулыбался, — в город вошли аквилонцы. Вскоре белые воины были уже на площади.

С крыши соседнего здания спускался отряд, состоявший из сотни отборных черных воинов. Командовал им сам Мбега. Люди Ненаунира, побросав оружие, пали наземь, моля короля о пощаде. Мбега носился по площади, пытаясь остановить ненужное кровопролитие.

К Конану подбежал его сын, тут же заключивший отца в объятия. Киммериец ласково потрепал его по плечу и, буркнув что-то невразумительное, стал искать взглядом Тот-Амона.

Стигийского мага нигде не было. И тут киммериец услышал хлопанье крыльев. С одной из башен Древнего Зимбабве слетел дракон, на спине которого сидел человек в зеленой мантии. Сделав круг над городом, крылатая тварь полетела на юг. Видел ее один только Конан. Король недоуменно нахмурил брови. Дальше к

югу начинались непроходимые тропические леса, за которыми лежало море. Южный берег считался крайней оконечностью мира, — за ним ничего не было. Тот-Амон потерял своего последнего союзника и утратил расположение страшного своего бога. Бежать ему теперь было некуда.

Прежде Конан считал, что последняя его битва с магом состоится именно здесь, в стенах Древнего Зимбабве. Теперь же он понимал, что в последний раз они сойдутся на Краю Света.

Прижав к себе сына, разразившегося вдруг слезами, Конан выбрался из каменной чаши и, улыбаясь, стал ждать, когда к нему подойдут Паллантис и Тросеро.

Бои закончились еще до рассвета. Конан собственноручно одел на голову Мбега королевскую корону и объявил его единственным законным правителем Зимбабве. Армии предстоял недолгий отдых, — она должна была собраться с силами для нового похода.

Конан широко улыбнулся, чувствуя, как к нему возвращаются былые силы. Видит Кром, — лучше жизни на свете ничего нет!

1. СМЕРТЬ АСТРОЛОГА

Римуш, придворный предсказатель Зимбабве, бросил в тлеющие уголья сердце ибиса, запекающую бычью кровь и раздвоенное жало змеи. Комната стала наполняться зеленоватым дымом.

В тусклом свете угольев лицо аквилонского короля походило на бронзовую маску, Мбега же казался древним истуканом, вырезанным из эбенового дерева.

Стояла почти полная тишина, слышалось лишь шипение и потрескивание угольев да бормотание сухопарого шемского чародея. Римуш был одет в выцветшую мантию астролога, расшитую таинственными знаками. Его недвижимое лицо с седой бородкой казалось мертвым, однако глаза его лихорадочно поблескивали и бегали из стороны в сторону.

Конан зашевелился. Магия и колдовство вызывали у него неприязнь. Вера его была проста, ибо суровый киммерийский бог Кром требовал от своих послушников только одного — бороться со злом и его слугами, полагаясь не на богов, но лишь на собственные силы.

— Пора кончать этот маскарад! — прорычал киммериец, обратившись к Мбеге. — Дай мне своих воинов, и я найду Тот-Амона сам!

Огромный негр легко коснулся плеча Конана и кивком головы указал на старика-астролога. Тело предсказателя стало подергиваться, глаза его остеклели, уставившись в одну точку. От угольев повалили густые клубы зеленоватого дыма, сплетавшегося в прихотливые формы.

— Уже скоро, — прошептал Мбега.

Бессвязное бормотание сменилось внятным шепотом:

— На юг... На юг... Крылья в ночи... над огромным водопадом... теперь на восток, в страну, из которой не возвращаются... к горам великим... к Черепу Каменному...

Лицо прорицателя искривилось гримасой боли; на миг он замолк, но тут же заговорил вновь:

— Вы найдете его на краю света, в тех землях, которыми прежде правили змеи. — Астролог неожиданно дернулся и повалился на пол.

— Кром! — прошептал Конан, внутренне напрягшись. Мбега склонился над бездыханным стариком. Брови его нахмурились.

— Что случилось? — шепотом спросил Конан.

— Он мертв, — тихо ответил Мбега. — Его словно змея укусила.

Паллантид не желал и слушать своего господина, — впрочем, такое бывало с ним уже не раз. Отчаянно ругаясь, старый генерал поднялся со своего ложа. Левая его нога была перебинтована.

— Клянусь головой Нергала, мой господин, — я не отпущу вас в джунгли без взвода аквилонских солдат! Как вы можете доверять этим черным варварам? Они же вас живьем съедят, едва провиант закончится! Если уж я не смогу идти, то ехать-то верхом я в состоянии!

Положив свою тяжелую руку на плечо генералу, Конан силой усадил его обратно.

— Клянусь кровью Крома, дружище! Мне и самому все это не очень-то нравится, — проревел он. — Но что есть, то есть, и чему быть, того не миновать! Мои аквилонцы и так уже вымотались вконец. Каждый второй ранен, прочие же мучаются лихорадкой. Я же ждать не могу. Король Мбега пообещал дать мне взвод своих воинов. С ними я и отправлюсь. Если я потеряю время, Тот-Амон сбежит в свою Стигию, если не отправится еще дальше — В Вендию или Кхитай. Ты и сам знаешь о том, что у этого старого колдуна сил еще хватает.

— Но послушайте меня, мой господин, — эти черные варвары...

— Они прекрасные воины, Паллантид! Кому как не тебе знать это! — раздраженно перебил своего генерала Конан. — Я жил среди них, я сражался против них и с ними, пока они не назвали меня «черным королем с белой кожей». Отважнее их нет никого. Мой старый товарищ Юма играючи справился бы с тремя нашими лучшими воинами! Ты вспомни хотя бы об амазонках!

Паллантид что-то буркнул себе под нос, понимая, что с королем спорить бесполезно. За две недели до этого к стенам древнего Зимбабве подошли послы королевы Нзинги, пришедшие сюда для того, чтобы выразить новому королю свое почтение. Возглавляла отряд амазонок их принцесса — двадцатилетняя дочь королевы Нзинги. Эта огромная смуглая дева была хороша собой и изящна словно пантера. Она была на полголовы выше самого высокого аквилонца.

Паллантид знал о том, что лет двадцать тому назад, в бытность свою пиратом, Конан побывал в стране амазонок и сподобился ласк черной королевы. Судя по всему, принцессе он считал своей дочерью (кстати говоря, ее, так же как и мать, звали Нзингой).

Услышав о планах Конана, собиравшегося достигнуть южной оконечности мира, юная Нзинга вонзила к его ногам свое копье и предложила себя ему в союзники. Конан тут же согласился.

Паллантид решил зайти с иной стороны.

— Мой господин, вы, похоже, забываете о том, что в этих краях никто не бывал. Может статься, что идти вам придется дольше, чем вы предполагаете. Даже сам Мбега понятия не имеет, где это.

Конан ухмыльнулся.

— Может быть, ты и прав, да вот только идти мы не собираемся! Мы полетим на драконах — я, Конн и воины Мбеги. Остальные же — я говорю об амазонках Нзинги и гвардейцах Мбеги, которыми будет командовать Тросеро, — отправятся вслед за нами пешком. Мы разведем пути и найдем тот Каменный Череп, о котором говорил астролог; затем мы вернемся назад и

уже вместе с войском нападём на эту последнюю твердыню мага — мы с воздуха, а войско — с земли!

Паллантид стал нервно покусывать бороду.

— Но ведь вы не умеете управлять драконом!

Конан вновь улыбнулся.

— Ничего, Паллантид, — я научусь. Мне доводилось ездить и на слонах, так что, думаю, и с драконом мне совладать удастся!

2. ПОЛЕТ ДРАКОНОВ

Вскоре Конан смог убедиться в правоте слов Паллантида. Огромные птеродактили, выдрессированные черными воинами, оказались куда более норовистыми, чем он предполагал. Они были непослушны, злобны и вдобавок ко всему глупы. Едва заведя на земле что-нибудь живое, они тут же забывали о своем седоке и начинали преследовать жертву. Помимо прочего, драконы ужасно смердили.

Конан презрительно фыркнул, когда улыбающиеся негры стали привязывать его к седлу и крепить над его головой бамбуковую раму, стянутую кожаными ремнями. Однако именно это и позволило ему остаться в живых, когда во время первого же полета, дракон неожиданно спикировал вниз, устремившись за газелью.

К седлам зимбабвийцы привязывали тяжелые дубинки, сделанные из тикового дерева, с помощью которых они и понукали своевольными тварями, заставляя их слушаться своего хозяина. Колотить дракона приходилось так часто, что у Конана даже разнылась рука. Куда проще ходить по земле, думал киммериец, ни на минуту не выпускавший дубину из рук.

Впрочем, все эти неудобства сполна возмещались, — драконы передвигались с такой скоростью, что за ними не смогло бы угнаться ни одно существо. Пока черные воины прокладывали путь по непролазным джунглям, летающие всадники разведывали для них путь. Однажды они заметили на земле отряд черных воинов, явно поджидавших пеших соратников

Конана. Стоило драконам атаковать их с воздуха, как они в ужасе бежали.

Через какое-то время джунгли сменились саваннами, и пеший отряд стал передвигаться куда быстрее. Однако даже теперь ему было далеко до драконов, что летали много быстрее самого лучшего скакуна. Конану доводилось слышать о том, что в этом краю лошади так и не смогли прижиться, — они тут же заболели какой-то болезнью и быстро издыхали.

Каждый новый день начинался с того, что Конан улетал далеко вперед, разведывая пути для своего войска; затем же он возвращался к амазонкам Нзинги и воинам Мбеги, что казались ему черными муравьями, медленно ползущими по земле. Тросеро не мог угнаться за своими воинами, и потому большую часть времени его несли на носилках дюжие зимбабвийцы.

Конан сгорал от нетерпения и то и дело раздражался громкой бранью, глядя на то, как медленно ползет по земле цепочка людей. Впрочем, он прекрасно понимал, что за людьми этими не смогли бы угнаться и его доблестные аквилонцы.

Тиран Ненаунир был свергнут в ночь полнолуния. Конан отправился вслед за Тот-Амоном далеко не сразу, — луна к этому времени уже превратилась в узкий серебристый серп.

С той поры миновало уже два новолуния. Луна была в первой четверти, когда Конан увидел на западе цепи высоких гор, заслонявших собой горизонт.

Под ним земля была изрезана множеством оврагов и балок. Среди сухих трав кое-где стояли одинокие мертвые деревца, покрывавшиеся листвой лишь в сезон дождей. Равнина сменилась холмами. Судя по тому, что сказал погибший таинственной смертью Римуш, скоро они должны были достигнуть огромного водопада.

Сердце киммерийца радостно забилося, когда, наконец, он увидел перед собой объятую туманом гору. Он подлетел поближе, и взору его предстал водопад. Бурная горная река падала с высоты лишь вдвое меньшей, чем та, на которой находился он сам.

Отряд Конана остался далеко позади, но он решил не возвращаться к нему, не осмотрев земель, лежащих к востоку, — именно о них говорил шемский астролог. Он должен был вернуться назад еще засветло.

Конан натянул поводья, и дракон послушно повернул налево. Принц Конн и люди Мбеги летели вслед за ним.

Конан обернулся и посмотрел на сына. Лицо мальчика светилось радостью, на губах его играла лучезарная улыбка. Конан довольно ухмыльнулся.

Нет, он не зря взял его с собой. Сначала эта война в стигийской пустыне, затем переход через джунгли, застенки Зимбабве и, наконец, это путешествие на спинах крылатых драконов. Вряд ли всему этому его смогли бы научить книги и ученые наставники. Достойного преемника можно было воспитать только так.

Вскоре холмы сменились широкими плато, над которыми возвышались отроговые вершины. Видимо, это и была та Страна, Откуда Нет Возврата, о которой говорил старый Римуш. Конан решил перелететь через ближайшую горную цепь и найти перевал, который был бы доступен его пешим воинам, и только затем вернуться назад. Солнце уже клонилось к горизонту; времени у них оставалось немного.

Слева от него зашумели крылья. Конан повернулся и увидел, что теперь Конн летит вровень с ним. Лицо мальчика горело от возбуждения, он указывал рукой на запад.

Конан перевел свой взгляд туда же и увидел вдали белоснежную гору, на одном из склонов которой было вырезано нечто, отдаленно напоминавшее человеческий череп.

Конану тут же стало не по себе, — варварская его душа страшилась подобных зрелищ, предпочитая им реальность самую что ни на есть обыденную. Это и был тот Каменный Череп, о котором говорил Римуш!

Конан, прищурившись, стал разглядывать это чудовищное изваяние. Земля пред ним была мертва и пустынна. Над черной пастью портала были вырезаны зубы. Еще выше пустыми глазницами чернели два

огромных круглых проема. Выглядело это изваяние жутко.

И тут стало происходить что-то ужасное!

Тело Конана неожиданно обмякло. Чувства его припустились, а сердце сковало странною тяжестью. Казалось, что он вдруг попал в гибельное облако, напитанное смертельным ядом.

Та же странная сила овладела и его драконом, — слегка покачиваясь, он стал стремительно терять высоту, не в силах воспротивиться неведомой воле...

3. СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ

Конан дернул поводья так, что едва не вывернул дракону челюсть. Тот ответил вялым движением крыльев, однако и этого было достаточно для того, чтобы падение сменилось достаточно плавным спуском.

Сонная рептилия шумно уселась на землю. Конан торопливо распустил ремни, пристегивавшие его к седлу, и, прыгнув наземь, затряс головой, пытаясь разогнать невесть откуда взявшуюся сонливость. «Да, — подумал он. — Похоже, мы действительно попали в ядовитое облако».

Он задрал голову вверх. Со спутниками его происходило то же самое. Один за другим они стали быстро спускаться вниз. Первый, летел дракон Конна. Мальчик безвольно болтался в седле, лицо его заливала смертельная бледность.

Теперь киммериец испугался уже не на шутку. Обливаясь холодным потом, он промывчал что-то нечленораздельное и зачем-то погрозил кулаком небу.

И тут мальчик пришел в себя. Он приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на стремительно приближающуюся землю. Из всех сил он потянул за поводья, и задремавший было дракон проснулся и, развернув крылья, неловко, но достаточно мягко приземлился рядом со своим собратом.

Конан облегченно вздохнул. Подбежав к сыну, он

помог расстегнуть ему ремни, вынул мальчика из седла и тут же заключил его в объятия.

Удача сопутствовала далеко не всем. Двум воинам Мбеги так и не суждено было проснуться, — драконы их словно камни рухнули на голую землю. К счастью, всем остальным все же удалось благополучно посадить своих крылатых ящеров.

Конану неожиданно стало казаться, что с ними происходит что-то донельзя странное. Конн, тоже чувствовавший себя не в своей тарелке, изумленно ахнул и стал протирать глаза.

Сверху равнина перед Каменным Черепом казалась совершенно мертвой. Теперь же они стояли среди пышных трав, доходивших им до колена. На лугу, пестревшем яркими цветами, безмятежно паслось стадо длиннорогих антилоп. Поодаль, там же, где и прежде, белела каменная громада. Однако теперь и камень этот казался другим, — на месте огромного черепа стоял великолепный белоснежный дворец. Тонкие пилястры поддерживали широкий архитрав, покрытый лепными изображениями нимф, сатиров и многоголовых богов. Выступавший вперед тенистый портик заканчивался высоким порталом, ведущим во дворец.

Конана стали мучать сомнения, — он никак не мог понять, что же было иллюзией — каменный череп, который они видели сверху, или этот блистательный дворец, у стен которого они теперь стояли. Быть может, иллюзия эта тоже была вызвана гибельным газом?

За его спиной воины Мбеги один за другим покидали свои седла и спускались на землю.

Конан недоверчиво коснулся рукой травы и глубоко вздохнул. Воздух был наполнен ароматом цветов и запахом свежей травы.

Он вновь посмотрел на дворец. В лучах заходящего солнца беломраморный фасад порозовел. Каждая деталь была видна четко, то здесь, то там поблескивали кварцевые прожилки.

Он пожал плечами. Либо на них действительно влияют ядовитые испарения, порождающие все то, что они видят вокруг, либо видение их только сейчас

прояснилось, и они смогли узреть то, что существует реально... Впрочем, ломать себе над этим голову можно было до бесконечности. Конан же привык разрешать все проблемы практически.

Едва он шагнул вперед, как позади раздалось: «А н г а л и а!» Это кричал Мквава, командовавший черными гвардейцами. Воины взяли копья наизготовку.

От дворца к ним направлялось несколько женщин. Это были юные смуглые девы, в длинные косы которых были вплетены крохотные хрустальные колокольчики, издававшие нежнейшие звоны. Легкие накидки, сшитые из тончайшей ткани, не могли скрыть прелести их молодых упругих тел.

Мквава вопросительно посмотрел на Конана. Король нахмурился и пожал плечами.

— Наши бедные звери в себя еще не пришли, — наконец, сказал он. — Пусть они хоть немного отдохнут. Мы же тем временем попробуем узнать что-нибудь у этих дев, которых, я полагаю, бояться нечего. Половина людей пойдет вместе со мной, остальные же пусть охраняют наших драконов. Пошли кого-нибудь и назад, — иначе, боюсь, наши люди нас потеряют.

Черный командир стал отдавать приказы. Конан, Конн и дюжина гвардейцев направились ко дворцу, стоявшему на склоне горы. Конан задумчиво крутил ус. Лицо его казалось совершенно безмятежным, однако, сомнения его так и не покидали. Кто знает, — быть может, все это — вражья происки? Конан никогда не страдал излишней подозрительностью, но он не привык и к тому, чтобы мир менялся в мгновение ока.

4. ЗОЛОТИСТОЕ ВИНО

Настал вечер. Вот уже третий день Конан и его спутники жили во дворце, который скорее был целым городком, вырубленным в скалах. Городок этот назывался Ян-Йога. Все это время королева Лилит готовилась к пиру, устраивавшемуся в честь почетных гостей. Пир должен был состояться этим вечером.

Празднество проходило в большой зале, стены и полы которой были выложены белыми мраморными плитами. Конана усадили на почетное место рядом с королевскими министрами и прочей придворной знатью. Сидевший на высоких, обшитых шелком подушках киммериец то и дело наполнял золотистым медовым вином свой кубок. Варвар чувствовал себя на удивление спокойно. Насытив себя изысканнейшими яствами, он услаждался холодным, слегка терпковатым вином, наполнявшим его сладкой истомой. В другом конце залы пировали его спутники.

Юный Конн в гордом одиночестве возлежал на мягких подушках, глядя на танцующих для него юных дев, чью наготу прикрывали лишь узкие полоски жемчужных ожерелий, надетых на чресла. Снисходительно улыбаясь, Конан наблюдал за сыном. Уже не за горами было то время, когда мальчик должен был стать мужчиной. Конан и сам был немногим старше его, когда он впервые познал женщину. Едва это произошло, от его киммерийского пуританства и следа не осталось. Именно тогда он и отправился в скитания...

Королева пещерного дворца Лилит сидела отдельно от всех. Ее трон стоял на помосте, вырезанном из оникса. За эти три дня Конан не единожды беседовал с нею, но, похоже, она действительно не знала о том, что дворец ее может походить на череп. Слова Конана несказанно рассмешили ее. Подобные иллюзии, говорила она, в ее стране не редкость, — они вызываются ядовитым газом, выходящим из-под земли вместе с паром гейзеров.

Объяснение это Конана вполне удовлетворило, хотя сомнения его так и не рассеялись.

Услышал он от Лилит и рассказ о том, как она и ее подданные оказались в этом месте. Несколько веков тому назад могущественный царь Вендии, снарядив караван купеческих судов, отправил его в Иранистан. Поднявшаяся внезапно буря отнесла корабли далеко на юг и выбросила их на берег неподалеку от того места, в котором они сейчас находились. На берегу этом жило племя желтокожих людей. Вендийцам удалось покорить этот народ, и с той поры они распоряжа-

лись аборигенами как рабами. Купцы взяли в жены привезенных ими вендийских рабынь и решили остаться в этих землях навсегда. Именно они и их потомки вырезали в податливых известковых скалах прекрасную Ян-Йогу.

Конану дворец этот представлялся слишком уж роскошным, — пышности киммериец предпочитал строгость и простоту. Даже огромный тарантийский дворец, построенный его предшественником Нумедидом, казался ему слишком вычурным. Едва став королем, Конан приказал убрать из своих покоев все ковры и гобелены и застелить полы тростником, как это было принято в Киммерии.

Ян-Йога походила на дворцы, виденные им в молодости в восточных землях, — в Аграпуре, где тогда царствовал Илдиз Туранский, в Шамбале, лежавшей за дикими гирканскими степями, в столице далекого Кхитая Кушане. Так же как и там, стены, двери и своды были покрыты затейливой резьбой. Конан вспомнил о том, как его пленили в таинственной Шамбале, Городе Черепов. Он предался внезапно нахлынувшим на него воспоминаньям, что уносили его все дальше и дальше...

Киммериец задремал. Заметив, что отец стал клевать носом, Конн поднялся со своего ложа и беззвучно покинул залу.

Ни он, ни его отец не заметили высокого человека в зеленой мантии, что наблюдал за происходящим, стоя за колонной. Человек этот постарел так, что узнать его было почти невозможно, однако Конан тут же признал бы в нем своего заклятого врага Тот-Амона.

Конн был молод и горяч, кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести глаз от одной из танцовщиц, что была немногим старше его. Мальчика чаровали и ее нежное тело, и ее грациозные движения, и ее глаза, полные неги...

Едва закончился танец, она отбежала к дальней стенке и, встав спиной к колонне, стала смотреть в его сторону. Заметив, что Конн не сводит с нее глаз, она томно облизнулась и погладила себя по чреслам.

Сердце Конна готово было выскочить из груди. Теперь или никогда, решил принц и, поднявшись со своего ложа, отправился вслед за юной девой.

Нельзя было сказать, что никогда прежде женщины не трогали его. Служанки принца то и дело пытались завладеть его вниманием и, надо сказать, им это обычно удавалось. Мальчик отвечал на их поцелуи, чувствуя, что от него хотят чего-то большего, он неуклюже пытался ласкать их, но они выскальзывали из его объятий и, смеясь, убегали... «Но должен же я когда-то стать мужчиной!» — думал Конн, пересекая залу.

Дева так и стояла у колонны. Руки его обвили ее нежную талию, но она вдруг засмеялась и отстранила его от себя.

— Не здесь, — зашептала она. — Ты забываешь о королеве...

— Но где же? — прошептал принц.

— Идем...

Взяв Конна за руку, дева вывела его из залы и повела по сумеречным коридорам, направляясь к дальним покоям дворца. Мальчик, забыв обо всем на свете, покорно шел за ней.

Один за другим пирующие покидали залу. Вскоре в ней остался лишь Конан, мирно дремавший на своем мягком ложе. Белый мраморный пол был залит золотистым вином, здесь же валялся выскользнувший из руки киммерийца огромный рог буйвола.

Зала наполнилась смутными слугами. Они бесшумно скользили по полу, подбирая оставленные черными воинами копья, топоры и дубины. Подойдя к спящему киммерийцу, они вынули из ножен его огромный меч и острый, как бритва, кинжал.

Королева Лилит, улыбаясь, наблюдала за своими слугами. Время от времени она отдавала им приказы, но говорила она теперь совсем на другом языке, походившем скорее не на человеческую речь, а на змеиное шипение.

Лилит спустилась с помоста и, легко ступая, подошла к мирно похрапывающему Конану. Она взяла у слуги острый аквилонский кинжал и, посмотрев на

киммерийца, усмехнулась, лишний раз поразившись его доверчивости.

Взяв кинжал поудобнее, Лилит занесла руку для удара, метя Конану в сердце.

5. ДЕТИ ЗМЕЯ

В комнате стоял полумрак. Конн прикрыл дверь и стал осыпать горячими поцелуями шею и плечи красавицы. Дева легла на широкий диван, покрытый шелковым покрывалом, и рукой поманила его к себе.

Принц сбросил с себя перевязь и принялся расстегивать ремни своей кирасы. Латы его были отполированы до зеркального блеска. Они были малы ему и слегка давили в боках, но это было не удивительно, — королевские оружейники ковали их год назад, и за это время он уже успел подрасти. Это были его первые настоящие доспехи. Мальчик гордился ими и едва ли не ежедневно начищал их до блеска.

Нагая дева стала тихонько постанывать. Конн, наконец-таки, покончил с ремнями и снял кирасу с груди. Осторожно, боясь поцарапать или помять ее блестящую серебристую поверхность, он опустил ее на пол.

И тут на полированной поверхности своих доспехов он увидел отражение девы. Лишь теперь ему предстал ее подлинный облик.

Тело ее было человеческим, хотя оно и сильно отличалось от того прекрасного девичьего тела, которое представляло ему до этого. Голова же у этого тела была змеиной! Он ясно видел холодные змеиные глаза, щерящуюся пасть, усыпанную острыми как иглы зубами, и трепещущее раздвоенное жало.

Конн не раздумывал ни секунды. Одного взгляда на эти бездушные глаза было достаточно для того, чтобы в нем проснулся идущий от века инстинкт.

Мальчик прыгнул к кушетке, на которой лежала его перевязь, и выхватил из ножен стальной клинок. Побелевший от ужаса Конн вонзил его в змеиную грудь.

Из раны хлынула темная кровь, мальчик же все рубил и рубил бьющееся в агонии тело.

Змееголовую деву убить было не просто. Она стала метаться по дивану, пытаясь уйти от смертельных ударов. На человека она походила все меньше и меньше — теперь уже не теплая человеческая кожа, но холодная блестящая кожа змеи покрывала ее. Конн отвел глаза в сторону и нанес последний удар. Тяжело дыша, он бросил клинок на пол и, пошатываясь, подошел к стене. Его стало тошнить.

Ему тут же стало легче. Сознание его прояснилось. Только теперь он понял, что же происходило с ними все это время. Зачаровав людей, девы-змеи развели их по разным углам, чтобы покончить с ними. Стоило людям попасть в их объятья, как змеи впивались в них своими острыми, налитыми ядом зубами. Люди же умирали, так ничего и не поняв.

Быть может, лишь ему одному удалось спастись от их чар, что были не властны над отражениями. Призраки могли скрывать реальность, лишь наложившись на нее обманчивым покровом, что не мог отразиться поверхностью зеркала.

От ужаса у него закружилась голова. В древних мифах о змеином племени было сказано немало. Богом аквилонцев был Светоносный Митра, сумевший сразить Древнего Змея Света. Однако реальность, подлежавшая этой легенде, представилась Конну куда более страшной.

Не мечом всесильного бога, но мечами обычных людей был повержен Змей Вечной Ночи. Они воевали с шипящими ордами Сета вот уже миллион лет. Появившись на Земле, люди тут же оказались во власти змей, но уже на заре истории первые герои стали поднимать свой народ на борьбу с адскими тварями. Долгой и трудной была эта борьба, страшной ценой доставались победы. И все же людям удалось победить.

Древние сказания говорили о том, что змеиное племя было вновь послано на землю всесильным Сетом, омрачившим сознание людей настолько, что те перестали отличать змей от себя. Остановить новый

натиск Змея смог только великий Кулл, правивший древним Валузийским царством, — увидев, что змеи живут в городах рядом с людьми, смешиваются с ними и порождают себе подобных, он повел против них решительную борьбу, которая закончилась его победой.

С той поры прошло уже столько времени, что даже легенды о змеином народе стали забываться. И тут вдруг оказалось, что змеиное племя еще живо. Оно затаилось в высоких горах на самом краю света.

Мальчик часто замигал. Из всех людей Земли об этом знал только он.

6. ЧЕЛОВЕК С ЛИЦОМ МЕРТВЕЦА

— Стой! — прогремело в зале.

Кинжал застыл в паре дюймов от груди Конана.

Королева Лилит обернулась и увидела перед собой сгорбленного старика, одетого в выцветшую зеленую мантию. Губы ее искривились злобой, обнажив белоснежные зубы и подрагивающий словно змеиное жало розовый язык.

— Кто здесь командует, стигиец? Ты или я?

Тот-Амон не мигая смотрел в темные глаза королевы. Он стал стремительно стареть еще в Нептху, когда Конан уничтожил братство Черного Кольца. Тогда стигийцу едва удалось бежать, — прибежищем он избрал Древний Зимбабве, которым правил последний его союзник — б о к к о р Ненаунир. Но недолгим был отдых Тот-Амона — киммериец, шедший за ним по пятам, уничтожил черного тирана, и ему, великому магу, вновь пришлось скрываться бегством. На земле Тот-Амон прожил уже не одну сотню лет, но лишь теперь годы стали брать свое, — каждое поражение все больше и больше отдаляло его от Великого Змея, лишая стигийца божественной поддержки. Тело его стало слабым и дряхлым, лицо посерело и покрылось густой сетью морщин. Взор его, однако, был исполнен прежней силы, да и голос не утратил своей мощи, что опиралась на незыблемую, твердую как камень волю стигийца.

Древние змеи, в логовище которых он теперь жил, были его последними союзниками. В течение нескольких веков он удерживал змей в Ян-Йоге, то подкупая, то околдовывая их. Они, так же как и он, поклонялись Великому Сету, но он не хотел делить с ними власть над миром, — Землей должен был повелевать только он. Среди людей союзников у него уже не было, и потому ему оставалось одно — искать помощи у змей. Не сострадание и не дружеские чувства двигали ими, когда они позволили ему остаться в их дворце, — подобные чувства им были неведомы, — с его помощью змеи надеялись восстановить свою власть над миром людей.

Над слугами Сета Тот-Амон был уже не властен, но упускать из своих рук Конана Аквилонского он не хотел.

— Он мой, Лилит, — упрямо произнес стигиец. — Распоряжаться жизнью киммерийца могу только я.

Женщина-змея косо посмотрела на него и прошипела:

— Тебя, стигийский шакал, я вижу насквозь. Ты хочешь принести в жертву Отцу Сету сильнейшего из слуг Митры, чтобы вновь расположить к себе Великого Змея. Но и у меня есть виды на киммерийца...

Договорить она не смогла.

От сильнейшего удара в спину королева зашаталась. Из груди ее показался окровавленный бронзовый наконечник копья. Зашипев, Лилит рухнула на пол и забилась в предсмертной агонии. Подняв глаза, Тот-Амон увидел, что в зале появилось несколько огромных амазонок.

— Клянусь дубиной Мамаджамбо! — воскликнула принцесса Нзинга, пытаясь выдернуть свое копьё из корчащегося тела. — Мы пришли сюда вовремя!

В залу вбежали седобородый Тросеро и его черные воины. Едва увидев генерала, Нзинга закричала:

— Это место заколдованное! Издали скала эта казалась черепом, стоящим посереде мертвого поля, когда же мы подошли поближе, то оказалось, что идем мы не по камням, а по зеленому лугу, и не каменный череп перед нами, а прекрасный дворец! Я как увиде-

ла, что эта тварь хочет убить белого короля, тут же ее и прикончила. Теперь же я стою и думаю, — может быть, все это тоже неправда? Может быть, нам все это только кажется? Тут еще и старик какой-то...

— Да это же сам Тот-Амон! — изумленно воскликнул Тросеро.

— Вот уж никогда бы не подумала, — удивленно пробормотала амазонка и перевела взгляд на извивавшееся у ее ног тело со змеиной головой. А это что еще за чертовщина?

— Змея, которая умеет говорить, — еле слышно ответил ей внезапно побледневший Тросеро.

Схватившись за рукоять меча, принцесса сделала шаг назад.

— Как у тебя только язык повернулся, старик! Ты хочешь сказать, что они существуют на самом деле?

— Посмотри на нее повнимательнее, — тихо ответил аквилонец. — Смотри! Она меняется прямо на глазах!

Амазонка перевела взгляд на пол, но тут же зажмурилась. Ничего более омерзительного она еще не видела.

И тут из-за колонн раздалось шипение. В залу вползали десятки змей. Теперь внимание аквилонского генерала и амазонки было приковано только к ним.

Бой обещал быть жестоким и долгим. Сразив очередную змею, генерал окинул взглядом залу и остолбенел. Ни Конана, ни Тот-Амона в зале не было, — они как сквозь землю провалились.

7. НА КРАЮ СВЕТА

Конан неожиданно проснулся. Он пробуждался легко, словно кошка, почувствовавшая приближение врага. Эту способность он унаследовал от предков, и выручала она его уже не единожды.

Он лежал совершенно недвижно, пытаясь понять, где же он находится. Воздух пах морем, где-то совсем рядом шумели волны.

Он слегка приоткрыл глаза. Небо было усыпано мириадами звезд. Ярko сияла луна, и в свете ее хоро-

по были видны темные скалы и бесконечная ширь неведомого края. Казалось, что он лежит на самом краю света и созерцает океан вечности...

Конан резко вскочил на ноги и стал озираться. На скале, возвышавшейся над ним, стоял человек. В свете луны мантия его казалась серой. К своей костлявой груди он прижимал неведомый талисман, поблескивавший изумрудным светом.

— Мы снова встретились, киммерийский пес! — раздался голос Тот-Амона.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал! — проревел в ответ Конан.

Он не спешил нападать на стигийца, понимая, что голыми руками одолеть всемогущего мага он не сможет. Конан был озадачен, — пока он спал, Тот-Амон мог убить его, но вместо этого маг почему-то приказал своим демонам перенести его на этот дикий берег.

Словно услышав его мысли, Тот-Амон тихо заговорил. Он говорил долго; голос его постепенно креп и в нем начинали звучать знакомые Конану властные нотки. Киммериец безмолвно внимал ему, сложив на груди свои могучие руки.

— Богам было угодно, чтобы ты стал ловцом, а я твоей добычей. Ты охотился за мной по всему миру. Ты лишил меня союзников. Вместе с пьяным друидом ты уничтожил великое братство Черного Кольца. За год до этого ты смог повергнуть всемогущую Белую Руку. В Зимбабве боги вновь были на твоей стороне. После этого идти мне было уже некуда.

Конан безмолвствовал. Маг вздохнул и продолжил:

— Здесь, на краю света, живут те, кто до прихода человека правили этим миром. Именно здесь находится последняя цитадель древнего змеиного племени. Появившись на Земле, люди тут же стали воевать со змеями и истребили бы их, если бы те не прибегли к магии, позволившей змеям скрыть от людей свой истинный облик. Твой предок Кулл-Завоеватель поведал об этом, и тогда змеиный народ был истреблен окончательно. И все же нескольким змеям удалось уцелеть.

Я давно знал о том, что они скрываются именно здесь, на краю света. Я знал и о том, что они все еще

хранят надежду отвоевать у людей то, что, как они считают, должно принадлежать им по праву. Именно они даровали мне знание, позволившее мне стать наместником Сета на Западе. Я должен был низвергнуть всех ваших богов и вернуть в мир истинную веру. Место Митры, Иштар и Асуры должен был занять Великий Сет. Произойди это, и я стал бы правителем всего этого мира, мои учителя змеи этому уже не смогли бы помешать.

Все шло как нельзя лучше, пока не появился ты. Я до сих пор не понимаю того, как тебе удалось сорвать мои планы. Ты не жрец, не пророк и не волшебник. Ты всего-навсего грубый невежественный варвар, каким-то чудом оказавшийся на самом гребне судьбы. Впрочем, возможно, твои западные боги и не столь примитивны... Я не знаю, что за сила стоит за тобой, но тебе удалось не только лишить меня власти над миром, но и обратить меня, величайшего мага Земли, в жалкого беглеца...

Но не все еще потеряно! Я принесу твою бессмертную душу в жертву Великому Сету. Ты не представляешь себе, сколь грандиозна эта жертва! Великий Змей тут же вспомнит о своем преданном слуге и вернет ему свое расположение! И тогда я соберу змеиное войнство и пойду войной на презренное царство людей!

Конан взревел и, в два прыжка достигнув вершины скалы, схватил мага за горло. Они упали вниз, на плотный влажный песок.

Странной и страшной была эта битва воина Света и воина Тьмы. В эту минуту на Краю Света решалась судьба мира.

8. РЕКВИЕМ ПО ЧАРОДЕЮ

Бросок Конана застал стигийца врасплох. Тело его было старым и дряхлым, ответить силой на силу он уже не мог. Но у него было оружие совсем иного рода.

Едва пальцы киммерийца легли на его шею, маг легко коснулся лба Конана сверкающим камнем.

Лба киммерийца коснулось легкое прохладное дуновение, и тут же ледяная игла впилась ему в сердце. Он стал терять сознание, чувствуя, как коченеет его тело. Холодные волны тьмы увлекали его за собой. Эти черные беспросветные воды поглотили его тело и теперь боролись с его душой, кружившей во мгле таинственным вихрем.

Однако Конан так и не разжал своих рук, сошедшихся на шее его заклятого врага в мертвой хватке. Душа стигийца тоже покинула тело и погрузилась во тьму. Но борьба продолжалась и здесь, пусть у противников уже и не было тел. Мир погрузился в серую дымку; где-то вверху кружили черные звезды, источавшие холодные флюиды.

Стигиец представлялся Конану туманным вихрем. Сам же он выглядел точно так же. У противников не было даже определенной формы и все же они как-то боролись друг с другом.

Здесь все решала некая неизъяснимая сила, которая лежала в самом основании человека и была его сутью, придававшей ему в проявленном мире ту или иную форму, делавшей его тем или иным.

Тот-Амон все наступал и наступал, разя хладом огненный вихрь киммерийца. Чем слабее становился Конан, тем сильнее становился он сам. Отчаянным усилием киммериец удерживал себя от полного развоплощения, ни на миг не выпуская мага из своих бесплотных объятий, — они все кружили и кружили по серому миру.

Конан вдруг почувствовал, что вражий вихрь распадается. Тот-Амон беззвучно закричал. Крик этот был исполнен отчаянья и муки. Вихрь его бесследно растаял, смешавшись с холодной серой дымкой.

Конан скользил по серому миру, с каждой минутой становясь все сильнее и сильнее. Он знал, что жизненной силы Тот-Амона больше не существует.

Через какое-то время он пришел в себя.

Он лежал на песчаном берегу у самой кромки безымянного моря. Рядом сидел его сын. Мальчик горько плакал. Обеими руками Конан сжимал шею мертвого стигийца. Поодаль лежал меч, по рукоять испачканный черной кровью. Этот меч он подарил Конну в день его тринадцатилетия. Именно на нем Белый Друид Дивитрикс начертал Охранный Знак Владыки Света Митры — Крест Жизни!

Так закончилась Последняя Битва. Сорок лет Конан Киммерийский и Тот-Амон Стигийский преследовали друг друга по миру. Дуэль их наконец была закончена.

— Он тебя убил, отец! Я ударил его и вдруг смотрю — ты лежишь тихо-тихо и даже не дышишь, как будто ты умер! — вскрипывая, говорил ему мальчик.

Конан обнял его.

— Ты не ошибся, мой мальчик, — я стоял перед самыми Вратами Смерти. Но не мне, а другому суждено было войти в них! Смотри!

Он кивнул на мертвое тело стигийца. Оно на глазах у них превращалось в прах. Вскоре от него остался лишь голый череп, однако через пару минут и он превратился в мельчайшую пыль. На песке осталась лишь выцветшая зеленая мантия.

Конан поднял с песка талисман мага и зашвырнул его далеко в море.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь эту штуку вряд ли кто-нибудь найдет!

9. МЕЧИ ПРОТИВ ТЕНЕЙ

— И тут эта дева превратилась в змееголовое чудовище. Если бы не моя кираса, я бы с тобой уже не разговаривал, — рассказывал Конану сын. — Я зарубил ее и побежал в залу, чтобы рассказать об этом тебе. Ты спал, а над тобой стояли Тот-Амон и королева. В этот же миг в залу вбежали амазонки, и принцесса тут же пронзила Лилит копьем. Я же продолжал стоять за колонной. Тот-Амон подозвал к себе

слугу и вместе с ним потащил тебя к стене. Ох и странный это был слуга! Голова у него была рогатая, а здоров он был словно бык! Самым странным было то, что никто, кроме меня, их не видел, — стигиец людей словно околдовал!

В стене была потайная дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий к берегу моря. Я видел, что в залу стали вползать змеи, но решил, что амазонки и воины Тросеро справятся с ними и без меня, и поспешил вслед за магом. Я вышел на берег, но сразу найти тебя не смог, — ты ведь помнишь, — там кругом скалы. Потом я увидел, что ты и маг лежите на песке. Мне даже показалось, что вы заснули...

Конан то и дело кивал, понимая, что мальчику надо выговориться. Они возвращались в Ян-Йогу. Мальчик быстро нашел вход в подземелье. Из-под земли доносились шум и лязг оружия — сражение все еще продолжалось.

Конан заулыбался. После потусторонних битв в мире, где и звезды черны, звон клинков казался ему сладчайшей музыкой.

Где-то там Нзинга и Тросеро сражались со змеиным племенем. Воинов под их началом было немного, но зато это были настоящие воины! Змеи же, проводившие в этих землях не одну сотню лет, должны были уже позабыть ратное дело, к тому же они лишились и своих предводителей, — вряд ли кто-либо из них мог сравниться с королевой или Тот-Амоном. Бой предстоял трудный и упорный, в этом сомнений не было, но Конан был даже счастлив сразиться с этими старыми как мир врагами человека. «С главным своим врагом я покончил, — подумал вдруг Конан. — Боюсь, теперь мне будет его не хватать...»

— Слушай, — а где же твой меч? — спросил он у сына.

— Я оставил его там, на берегу.

— Дай мне свой кинжал и беги назад, — я тебя здесь подожду.

Конан стал шарить рукой по земле и нащупал

округлый булыжник размером с человеческую голову. Он поднял его с земли и, оценив на вес, остался им доволен. Им он будет проламывать этой нечисти головы.

Конан знал, что змей убивать непросто, — они живучи на удивление. Но и они смертны.

Через несколько минут к нему подошел Конн. В руке его поблескивал меч. Отец и сын вошли в темный тоннель и поспешили на помощь своим друзьям, что вели последний бой с древнейшими врагами человека.

...Он глухо зарычал, словно тигр, в котором сила зверя сочетается с разумом демона.

Бальзак

Пролог: МЕЧ

Двое, обнаженные, с отметинами на телах, оставленными голодом и искусством палача, стояли на дне каменного колодца и смотрели вверх. На площадке перед дверью у верхней ступени лестницы, ведущей в подземную темницу, четверо глядели на них в ответ. Трое из них носили бороды; двое были в кольчугах и шлемах. На двоих были длинные широкие одежды, а на одном — странный головной убор. У троих на бедрах висели спрятанные в ножны мечи, а четвертый держал в гладкой, без морщин руке меч.

Молодой человек в странной феригийской шляпе и длинной розовато-лиловой мантии оторвал взгляд от стоящих внизу пленников и обратился к тому, на ком были разноцветные одежды:

— Ты получил от этих двух пленников все, что тебе требовалось, господин Хан? Теперь ты хочешь, чтобы их убили?

Человек с жирными черными волосами, закрученными в локоны, с выступающим животом и в то же время с недурной наружностью, — этот человек в подпоясанной серебряным поясом, окаймленной золотом мантии, переливающейся разными красками, приподнял брови.

— Да, — сказал он, — однако ты, конечно же, не собираешься сам спуститься туда и исполнить роль палача?

Один из двух солдат ухмыльнулся под своим заостренным кверху бронзовым шлемом на чехле из кожи поверх губки. Он издал слабый звук, и человек в

мантии и с мечом в руке бросил на него хмурый взгляд. Однако тут же на его квадратном лице появилась слабая улыбка, и он снова обратил взгляд к хану.

— Нет, мой господин. Я прошу только, чтобы ты подождал некоторое время и посмотрел. Совсем недолго, мой господин.

Неподалеку от них низкая железная жаровня на кривых ножках прижималась к земле, словно черный демон, чья голова была пламенем, отбрасывавшим жутковатые отблески на стены темницы. По обе стороны от человека в мантии стояло по ведру: в одном был песок, в другом — вода. Присев на корточки, этот человек с квадратным, чисто выбритым лицом положил меч наземь, острием от себя. Лезвие было прекрасной работы, длинный, смертоносный лист сияющей стали, а черенок исчезал в серебряной рукояти, изображающей шею и поднятую голову дракона. Поперечная перекладина, или гарда, образовывала его крылья, а топазовая головка эфеса венчала голову дракона, словно сверкающим желтым золотом.

Что-то бормоча, сидящий на корточках человек высыпал меч грязью из ведра с землей. Он испачкал таким образом клинок, рукоять, гарду и головку и позаботился о том, чтобы оружие было покрыто грязью все целиком. Тот солдат, что был постарше, явно не одобряя его действий, смотрел в землю, и лицо его было утрюмым. Так обращаться с оружием, сделанным с подобным искусством и трудом, конечным продуктом тения какого-то мастера-ремесленника!

Перевернув меч, маг — ибо он совершенно очевидно был магом — повторил свои действия. Все это время он продолжал непрерывно бормотать свои чародейские заклинания.

Не обращая внимания на то, что темная, как вино, мантия, туго натянулась на его обращенных кверху ягодицах, маг встал на четвереньки, словно поклоняясь клинку. Но на самом деле он продолжал бормотать, одновременно выдувая мощную струю воздуха поверх

оружия. И снова он постарался покрыть меч целиком, на этот раз невидимым образом, своим дыханием.

Земля зашевелилась, потом слетела, когда маг поднял меч и трижды рассек им воздух этой молчаливой, душной комнаты. Сам воздух застонал, разрезаемый этим острым клинком.

Обнаженные, покрытые шрамами пленники пристально глядели снизу вверх на эти обряды. Они обменялись взглядами, полными недоумения и опаски, и вновь обратили глаза вверх. Оба могли узнать волшебство, когда видели его, ибо их родной Иранистан, расположенный еще дальше к Востоку, вряд ли можно было назвать свободным от присутствия магов и гостей из пространства, расположенного между измерениями.

Так же пристально смотрели хан и оба солдата, и они тоже чувствовали, как волосы шевелятся у них на затылках и слегка перехватывает дыхание. Они знали, что наблюдают за колдовством. Они могли только спрашивать себя, какую цель оно преследует и какого результата добьется здесь, в этой холодной и мрачной темнице.

Маг окунул руку в ведро с водой. Снова и снова он окроплял меч и окунал руку, и опять окроплял меч — и все время бормотал. Все это, совершенно очевидно, шокировало того же старшего из охранников; этот человек повидал на своем веку сражения и относился с большим уважением к хорошему оружию. Любой мог купить топор, но меч был произведением искусства и большого мастерства. Ветеран долго собирал деньги, чтобы купить тот меч, который сейчас висел у него на боку. Он обращался с ним с большим уважением и заботой, чем со своей женой, которая, в конце концов, обошлась ему не так дорого. Плотнo сжав губы, он наблюдал, как согнувшийся маг покрывает клинок худшим врагом хорошего лезвия, сделанного из стали: водой.

Теперь солдат, возможно, несколько смягчился: подняв меч вверх, с которого капала вода, маг продол-

жал говорить певучим, гортанным голосом. Едва шевеля губами, он пронес лезвие сквозь пламя, танцующее над жаровней.

Металл зашипел, словно охваченный сверхъестественным гневом. Перевернув его, маг повторил свои действия и, надо полагать, слова своего проклятия или колдовского призыва.

Наконец, все еще бормоча невразумительные заклятия, маг поднялся на ноги. Без всякого предупреждения и почти не целясь, он метнул меч, как копьё, в стоящих внизу обнаженных пленников. И теперь заклинитель заговорил громко, и все поняли слова:

— Убей его.

Меч все еще был в воздухе — полоска серебра, когда маг произнес эти слова ужасающим тусклым голосом, полным угрозы и злобы, которые были словно смертоносные споры, заполняющие чашечку Черного Лотоса из накрытых тенью рока джунглей Кхитая. Солдат и хан не отрывали глаз от меча — так же, как и двое иранистанских пленников внизу. Один из них, покрытый шрамами, с ввалившимися щеками и животом, попытался увернуться от клинка, летящего к нему острием вперед. Тогда послышались голоса, бормотание губ, не принадлежащих магу; свернул ли летящий клинок за долю секунды до того, как погрузился в грудь уклоняющегося человека... чуть-чуть влево от центра?

Пораженный таким фантастическим образом, которым с охотой пользуются более беспечные рассказчики и сочинители историй, прямо в сердце, иранистанец резко содрогнулся; потом испустил предсмертный вздох и упал. Он не замер сразу же, но задержался в предсмертных судорогах. Меч погрузился глубоко. Он вздрагивал над поверженным телом.

— Просто замечательный бросок, Зафра, — удивленно сказал хан после того, как смог вырваться из уз цепящего шока. — Мне и в голову не приходило, что ты...

Внизу второй пленник схватил дракона-рукоять ме-

ча, торчащего, как тонкий могильный знак из серебра и стали, над трупом его товарища. Он вытащил меч, выпустив ручеек крови, и посмотрел наверх, на наблюдавших за ним четверых пленивших его врагов. Все мысли и чувства читались в его ввалившихся, блестящих от голода глазах: хан! Сам хан, всего в нескольких локтях, а у иранистанца в руках меч...

Неторопливыми, размеренными шагами обнаженный чужеземец подошел к основанию лестницы. Его взгляд был прикован к хану. Кровь капала с меча в его руке.

За спиной мага мечи со скрежетом вылетели из отделанных сверху деревом ножен, — два наемника приготовились защищать своего правителя. Разделаться с иранистанцем, ослабевшим от пыток и недостатка пищи, будет делом нескольких секунд. Без сомнения, охранники недолго прожили бы, если бы их хан был убит, ибо он был сатрапом Турана, а Империя Турана была могущественной и ревнивой, как жеребец, для которого только что миновала пора юности.

Молодой маг поднял руку, останавливая охранников, и спокойно сказал:

— Убей его.

Иранистанец поставил ногу на вторую ступеньку, когда меч ожил в его руке.

Дракон изогнулся, потом изогнулся еще раз; он вырвался из руки узника, пальцы которого разжались от удивления.

Меч быстро повернулся и стремительно бросился на иранистанца, словно клинком управляла могучая невидимая рука. Пленник машинальным, защищающимся жестом выбросил вверх руку — и клинок почти прошел через запястье. Кисть руки повисла на лоскутке кожи, кусочке мышцы и осколке расщепленной кости. Меч немедленно изменил направление удара и погрузился в грудь человека — чуть слева от середины.

Иранистанец, отброшенный назад силой вонзающегося клинка, зашатался и упал навзничь. Так он и остался лежать — одна босая пятка на нижней сту-

пеньке лестницы. Его ноги судорожно дергались. Меч торчал из его тела и вздрагивал, словно увенчивающий рукоять серебряный дракон был живым и яростным.

Маг повернулся и взглянул на своего хана коричнево-гранатовыми глазами, холодными, как само целомудрие. Его квадратное, безбородое лицо под высоким головным убором не выражало ровным счетом ничего: ни торжество, ни ожидание не освещали его черт. Теперь он совершенно не обращал внимания на двоих охранников, чьи сердца были словно заполнены страшной стужей, холодной, как сталь, — заколдованная сталь.

— Впечатляюще, волшебник!

Маг поклонился в ответ на слова своего хана. И когда его лицо таким образом на мгновение исчезло из поля зрения остальных, он улыбнулся, ибо был молодым магом, только что вышедшим из подмастерьев, и не часто получал похвалы, и его будущность и богатство были еще под сомнением. Теперь он знал, что и то, и другое ему обеспечено более прочно, чем самому хану. Он был теперь не подмастерьем, а волшебником, которому Актер-хан знал цену.

— Заколдуй так тысячу мечей, — продолжал правитель, когда маг выпрямился, — и у меня будет армия, не требующая никакого содержания и почти не занимающая места, — и непобедимая!

— Ах, мой господин, — осмелился возразить юный маг, — я показал тебе нечто ужасное и впечатляющее, и ты немедленно думаешь только о том, чтобы получить больше!

Один из солдат судорожно сглотнул воздух. Однако, когда его правитель заговорил, он понял, что отныне с этим вызывающим содрогание демоном в человеческом облике придется обращаться с осторожностью и уважением, — вместе с его феригийской шляпой, змеиными глазами и всем остальным.

— Не посчитай меня неблагодарным, волшебник... хотя я не потерплю наставлений от тебя.

Глаза хана сместились в орбитах по направлению к

двум стражникам. Это было молчаливое напоминание, что пленники стали теперь трупам.

— Я сожалею, но только два клинка могут быть заколдованы одновременно таким образом, мой господин, — сказал маг. Возможно, хан отметил, что он не извинился; но никаких комментариев не последовало.

— Почему?

Взгляд мага переместился на солдат; затем снова пристально уставился на хана.

— Сейчас здесь не от чего нас охранять, — сказал хан. — Подождите за дверью.

После минутного замешательства, когда солдаты раскрыли было рты, но закрыли, оставив слова не произнесенными, они удалились. Их повелитель не взглянул им вслед; он продолжал смотреть в лицо мага, который доказал, что если ему чего-то и не хватает, то только лет.

— Почему? — повторил хан.

— Это закон Склоса, откуда происходят те чары, которые я наложил на клинок, господин Хан. Необходимо употребить верные древние слова именно нужным образом и в нужном тоне и использовать четыре стихии именно в нужном порядке и пока произносятся некие особые слова заклития; стихии, охватывающие все предметы: землю и воздух, воду и огонь.

— Очень жаль. Однако... великое деяние, и я поражен и очень доволен, волшебник. Ты будешь носить это.

Кольцо с огромным солнечным камнем перешло с пальца на ладонь, с ладони — к ожидающей руке и оттуда — на палец мага. Его поклон был не очень низким, и он ничего не сказал.

— Я возьму этот меч.

— Я так и думал, что мой хан пожелает этого. И мне пришла в голову другая мысль, и потому я хотел, чтобы стражники здесь не присутствовали. Может быть, мне лучше наложить чары на клинок, уже принадлежащий моему мудрому господину?

Хан положил руку на украшенную драгоценностями

рукоять кривого меча, поднимающуюся над его левым бедром.

— Да! Клянусь потрохами Эрлика — да!

— Меч должен быть омочен в крови сразу же после того, как будет наложено заклинание, мой господин.

— Да, я думаю, мы сможем найти кого-нибудь, кто отдаст свою никчемную жизнь, чтобы его хана защищал подобный клинок, волшебник! Действуй!

И сатрап Замбулы вытащил меч с драгоценной рукоятью и подал его своему магу Зафре.

1. КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Высокий юноша сжал коричневый локоть девушки и сильно шлепнул ее по задку. Она танцующим шагом выскользнула из-под удара, встряхивая длинными волосами цвета гривы чалой лошади, и одарила юношу взглядом, сочетающим в себе упрек и ласку. Сегодня ночью он ее бросил. Позвякивая сделанным из монет поясом, девушка пошла своей дорогой, а парень пошел своей.

Она поторопилась дойти до хорошо освещенного квартала, потому что здесь был самый худший район Города Грешников. Глотки быстро перерезали в этих темных узких улочках местности, известной под названием Пустыни, и еще быстрее — в темноте переулков, скользких от отбросов и блевотины.

Высокий юноша сделал не более четырех размеренных шагов, прежде чем повернуть и войти как раз в такой узкий переулок. Даже на дне колодца видимость не могла быть намного хуже. Больше всего света было на углу улицы за спиной — его давала пара ламп, выполненных в форме львов, у входа в шумную таверну. Этот свет некоторое время следовал за юношей, но вскоре померк.

Запах бросился в ноздри и попытался поразить обоняние миазмами разлагающегося мусора, застарелого вина, прокисшего в бурдюках, сырой земли, вывернутой рядом с домами; а темнота попыталась в то

же самое время погасить пылающие голубые глаза юноши. Отсутствие морщин на лице этого человека позволяло заключить, что он молод. Но нечто сродни твердости оружейной стали в его глазах опровергало такое заключение. Более внимательный наблюдатель заметил бы, что этот черноволосый гигант, которому явно не исполнилось еще и двадцати лет, многое повидал, многое пережил и вынес... и восторжествовал над всем. Никто не мог быть настолько глуп, чтобы поверить, что этот кинжал и меч в потертых, старых ножнах из шагреневого кожи не были смочены кровью.

Все это, и его размеры впридачу, придавали юноше уверенность; он повернул в переулок, почти не замедляя шага.

Его самоуверенность была непринужденной самоуверенностью молодости, самонадеянностью волка среди собак. Он избавил мир от двух кошмарных оживших мертвецов, этот силач, рожденный на поле боя; он воровал, пока спящая жертва лежала всего на расстоянии пары футов от него; он убил двоих волшебников, добивавшихся его смерти, и еще высокорожденного владыку Кофа; и он разбивал чары и отправлял в мир иной так много людей, владеющих оружием, что потерял им счет, — и все это несмотря на свои невеликие годы. Это были всего лишь собаки, лающие на волка, и волк был более крупным, и более быстрым, и более жестоким и злобным, чем они, он излучал уверенность, придаваемую умением, как свеча создает сияющий нимб вокруг своего пламени.

Волк свернул в переулок, и собаки ждали.

Один шаг сделал поджарый, гибкий, как кошка, человек, вышедший из черной тени у стены, острие его меча смяло тунику на мускулистом животе юноши.

— Стой спокойно и убери руку с рукояти меча, Конан, иначе я налягу на меч, и у тебя появится второй пупок.

Холодные голубые глаза свирепо взглянули на человека, стоящего по другую сторону обнаженного клинка. Тот был среднего роста — это означало, что

добыча была выше его на целый фут. На нем был длинный темный плащ с поднятым капюшоном; во мраке переулка даже зоркие глаза молодого киммерийца не смогли разглядеть заговорившего с ним. Конан стоял неподвижно, и его мозг посылал всему его большому телу сигнал расслабиться. Очень медленно и осторожно он перенес одну ногу назад. А потом вторую; и когда давление на переднюю часть его туники прекратилось, он выпятил вперед покрытые мускулами ребра, чтобы удержать острие меча и заставить противника поверить, будто он находится на пару дюймов ближе, чем на самом деле.

— Клянусь Белом, богом всех воров, — сказал Конан, — что это за идиотские выходки? А как насчет Кодекса Бела, приятель: воры не грабят воров?!

— Просто... стой спокойно, Конан, если тебе дорого твое брюхо.

— Я никогда не двигаюсь, если меч пытается пороть мою тунику, — сказал Конан, и в тот момент, когда он договорил эту ложь, за его спиной послышался шорох ткани.

Пора было прекращать дальнейшую игру. Конан был не из тех, кто позволяет проткнуть или оглушить себя из-за спины только потому, что существует угроза спереди. По крайней мере, он мог видеть клинок человека в плаще; клинок же за спиной мог оборвать его жизнь, и он бы так его и не увидел. «Если мне повезет сегодня ночью, — думал Конан, — противник вперед сделает выпад машинально и проткнет того коварного подлеца, что стоит за моей спиной!» Темнота, как говорили восточные мудрецы, мешает не только честным людям, но и бандитам. Конан не стал задумываться над тем, что здесь все были бандитами.

Он уже опускался на корточки и не перестал двигаться, чтобы подождать возможного удара поверху головы; за долю секунды до того, как его ягодицы соприкоснулись с узловатыми икрами, он нырнул в сторону. В тот же миг его рука метнулась поперек тела к рукояти меча.

Он услышал в воздухе завывание и по этому звуку понял, что стоящий сзади человек замахнулся отнюдь не мечом: сопротивление воздуха было слишком сильным. Вырывая свой собственный меч из ножен, Конан увидел, что в руках у нападавшего дубинка. Это была палка пяти футов длиной и толщиной с женское запястье. Конан заметил также, что человек в капюшоне не нанес удара мечом.

«Странно, — думал Конан, не прекращая двигаться. — Если один держал меня на острие меча, то почему второй пытался оглушить меня сзади — и почему тот, что с мечом, не проткнул меня или, по крайней мере, не ранил, когда я шевельнулся?»

Поднимаясь в боевую стойку с чуть согнутыми коленями, он выбросил вперед свой собственный клинок. Человек в капюшоне предпочел отскочить назад, а не отражать подобный удар своим мечом. Двигаясь, все время двигаясь, Конан продолжил выпад — и острие меча поднялось под безошибочным углом и вспороло глотку человека с дубинкой. Тот отшатнулся назад, и только теперь Конан заметил моток веревки в его левой руке.

Раненый наткнулся спиной на стену и стоял, пока жизнь вытекала из его горла вместе с алым потоком крови. Конан, сохраняя боевую стойку и обнажая зубы в кровожадной ухмылке, повернулся лицом к другому противнику... который упал на колени. Меч звякнул среди отбросов, покрывающих землю.

— Не убивай меня, Конан. Пожалуйста. Я не пытался убить тебя. Я не стал бы этого делать. Веришь мне? Я не вооружен. Видишь? Ты ведь не станешь убивать безоружного человека?

— Я мог бы, — сказал Конан, скрывая удивление. — Встань.

Человек в длинном темном плаще повиновался.

— Повернись. Сними этот капюшон и иди передо мной, туда, где есть хоть какой-нибудь свет.

Человек в плаще стоял и никак не мог решиться повернуться спиной.

Волк рывкнул:

— Шевелись!

— Я... я... пожалуйста...

— Шевелись, черт бы тебя побрал. Я не наношу ударов в спину. Если бы я собирался убить тебя, я сделал бы это лицом к лицу. Мне было бы приятно посмотреть на выражение твоих глаз и на то, как кровь, булькая, вытекает из твоего рта, словно выbleванное вино.

Человек в плаще, казалось, зашатался от намеренно устрашающих слов киммерийца. Он откинул назад капюшон, и Конан мог видеть блеск его глаз, застывших от ужаса. Он увидел также, что по лицу бандита проходит шрам, разделяющий пополам его бороду. Пленник издал звук, похожий на всхлипывание, и повернулся, весь дрожа. Конан на мгновение присел на корточки, чтобы вытереть клинок о тело другого бандита, который теперь упал и лежал неподвижно, не дыша. И еще Конан подобрал упавший меч нападавшего.

Он встал и сделал шаг. Человек в плаще услышал и заспешил торопливым шагом, но не бегом, впереди киммерийца к выходу из переулка.

В Пустыне Шадизара, куда не заходил никто из стражников, люди улетучились с улицы в тот же самый миг, когда появился перепуганный человек, за которым следовал другой, огромного роста, несущий в руках не один, а два обнаженных меча. Человек в плаще шагнул в круг света от масляного факела, пылающего в скобе над дверью, покрашенной в красный цвет.

— Стань прямо здесь, — сказал Конан. — Дверь публичного дома — как раз подходящее для тебя место. Как твое имя?

— Явуз, — сказал бандит, наблюдая за тем, как гигант осматривает меч, острие которого так недавно потревожило складки его открытой спереди туники, но не его душевное равновесие.

— Мы вовсе не собирались тебя убивать, — добавил Явуз умоляющим тоном.

— Нет, — сказал Конан. — И вы знали меня. Вы ждали именно меня, а не просто любого прохожего. Вас послали за мной. Тот человек, что нанял вас, одолжил тебе этот меч, не правда ли? Я нужен был ему живым, да? Меня должны были ударить сзади, пока ты сделал так, чтобы я стоял тихо и смиренно, словно вол, тупо встречающий молот мясника. Та веревка, которую держал твой приятель, предназначалась для того, чтобы меня связать.

Конан поднял взгляд. Глаза Явуза расширились еще больше.

— Клянусь Белом... откуда ты все это знаешь? Я был обманут?

— Ты обманулся только мыслью, что такая жалкая тварь, как ты, продажная душа, может меня схватить. Некий человек из Иранистана нанял тебя, чтобы ты доставил меня к нему, живого, но связанного, словно необъезженного жеребца... так, чтобы он мог мне задать несколько вопросов.

В глазах Явуза Конан прочел подтверждение своим словам.

— Во имя Митры — этот иранистанский пес послал нас за колдуном, да?

— Конечно, — улыбаясь, сказал Конан и взвесил на руке меч Явуза. — Этот клинок происходит с гор Ильбарса. Я видел один такой раньше в руке человека из Иранистана. А теперь — куда вы должны были доставить меня? Говори, или...

— Ты ведь не собираешься убить меня?

— Я не вижу для этого причин. А ты?

— Нет! Ни одной!

— Сними свой левый башмак.

— Мой... левый башмак?

— Да. Поторопись! У нас не вся ночь впереди. Я нетерпелив, а твой наниматель потеряет терпение прежде, чем мы с ним встретимся.

— А! Ты хочешь, чтобы я отвел тебя к нему, да?

Видя, что его жизнь продлится на время, необходимое для того, чтобы отвести предполагаемую добычу к чужестранцу, который его нанял, — и что может представиться возможность нырнуть в какой-нибудь переулок и дать деру, — Явуз присел на корточки. Он торопливо развязал шнурки на одном из своих коротких мягких башмаков. Это меня не задержит, думал он; я покажу этому могучему, свирепому гиганту, как надо бегать, с босой ногой или обутому!

— Стань в дверях, — приказал Конан, пряча меч в ножны и перенося ильбарский клинок в правый кулак. Кулак этот выглядел достаточно большим, чтобы свалить быка.

Явуз повиновался. Конан присел и, не отрывая от него угрожающего взгляда, принялся ощупывать плотно утопанную землю, пока его пальцы не наткнулись на кость.

— А!

Кость, которую Конан нащупал на мостовой этого грубого и не признающего законов квартала Шадизара, была костью от ножки цыпленка, и он поднял ее. Ухмыляясь по-волчьи и абсолютно без всякого юмора уставившемуся на него Явузу, он бросил кость в башмак, потом поднялся и ногой подтолкнул короткий башмак его владельцу.

— Надень его. Завяжи шнурки.

Явуз закусил губу, отчего его разделенная шрамом борода дернулась. Было видно, что он дрожит.

— Это... колдовство?

— Да. Попытайся только убежать, когда мы с тобой пойдем на встречу с твоим клиентом, и эта кость убьет тебя.

Явуз, трясаясь, натянул башмак и завязал шнурки из сыромятной кожи. Потом он выпрямился, перенес тяжесть тела на эту ногу и вздрогнул от боли. И понял — ему не убежать.

— Ты видишь? Как я и сказал. Попытайся только скрыться, и кость замедлит твой бег, заставив тебя хромать, — а я убью тебя. Колдовство. А теперь отдай

мне свой плащ, чтобы, когда я буду идти рядом с тобой, держа этот клинок в руке, никто не увидел его под плащом. Ты пойдешь рядом со мной, Явуз, а не впереди, как пленник. И не отставай.

— Но... моя туника порвана на спине.

Конан продемонстрировал ему в ухмылке свои зубы и зловеще глянул холодными голубыми глазами из-под черных бровей.

— Прекрасно. Ночь не холодная, а ты, похоже, весь вспотел в таком плаще. Давай, снимай его!

Несколько минут спустя Конан надел длинный темно-коричневый плащ — предварительно сильно встряхнув его в надежде избавиться от всяких маленьких шестиногих обитателей, — и одеяние сразу стало казаться коротким. Край его заколыхался где-то выше его икр, когда он зашагал рядом с более низкорослым Явузом, который, однако, был совершенно обычного среднего роста. Ни один случайный наблюдатель не заметил бы, что плащ ни разу не отлетел в сторону от правого бока высокого юноши; он придерживал его там двумя пальцами, чтобы прикрыть длинный меч, который нес в руке.

— Мы направляемся к базару, — заметил Конан.

— Да, — прихрамывая, сказал Явуз. — Иранистанская собака устроилась в хорошей таверне, за границами Пустыни.

— Не называй его собакой, собака; ты на него работал! Покажи-ка свой кошелек.

Рука Явуза машинальным защитным жестом схватилась за квадратный кошель, который он носил на поясе, на двойной бечеве; Явуз опасался воров.

На его руке сомкнулась ладонь Конана. Его глаза расширились, когда пальцы сжались сильнее. Очень быстро он почувствовал боль. Наемник чужестранца с далекого Востока знал, что в этой большой руке осталось еще много силы. Явуз одной рукой отвязал кошелек и передал его идущему по другую сторону Конану. Мощная, как тиски, хватка отпустила его руку. Явуз опустил глаза и увидел на коже четыре отчетли-

вых белых отметины; у него на глазах они покраснели, когда кровь хлынула обратно в кисть руки. Кулак, достаточно большой, чтобы свалить быка, подумал Явуз. Как же, этот парень-переросток мог бы того быка задушить!

— О Митра, — пробормотал Явуз.

— Нет, Кром, — сказал Конан.

— Что?

— Я употребляю для ругательств имя Крома.

Богов в Шадизаре было множество, и некоторые из них были непонятными, а другие — непристойными, а их обряды и того хуже.

— Ну, тогда Кром, — сказал Явуз и подумал про себя: «Кто такой Кром?»

— Хлам, — добавил Конан, роясь в кошельке своего пленника. — Хлам... неплохое колечко. Украдено так недавно, что у тебя не было времени продать его скупщикам, да? И несколько медных монет... а это что такое? Два золотых! Хо-хо, держу пари, они все еще теплы от руки иранистанца! Скоро я их верну. Ты ведь их не заработал. Держи; весь остальной этот хлам мне не нужен.

— Хлам!

— Да. Изумруд в этом латунном кольце настолько мал, что на вырученные с него деньги ты не сможешь прокормиться и двух дней.

— Латунном!

— Вытащи его снова и поиграй им, пока мы идем. Вот увидишь, когда мы дойдем до места назначения, твои пальцы позеленеют. Далеко еще?

Явуз снова привязал кошелек к поясу двойной бечевкой и не стал открывать его, чтобы «поиграть» кольцом.

— Нет... не очень далеко, — сказал он. — Ты, отдающий назад медные монеты и кольцо, о котором ты знаешь, что оно украдено... хорошо идти с человеком такого размера. Никто тебя не останавливает. Все уходит в сторону.

Конан ухмыльнулся.

— Тебе случайно не нужен наемный убийца, а? С ловкими руками, спокойный, умеющий держать язык за зубами?

— Вряд ли. Кроме того, ты калека.

— Я хожу так, потому что ты положил кость в мой башмак! Я в прекрасном состоянии, как золотая монета Турана!

— Что ж, сейчас ты в Заморе. Иди, Явуз. Я хочу поговорить с иранистанцем, а не с отмеченным шрамом хромым из выгребных ям Шадизара!

— Ты не собираешься убить меня, ведь правда, Конан?

— Возможно, и нет. Но я начинаю терять терпение.

Несмотря на хромоту, Явуз прибавил ходу. Они свернули на одну из улиц в квартале от базара, который отмечал начало более приличной части Шадизара. Двое одетых в форму солдат из городской стражи, неторопливо идущих им навстречу, взглянули на эту парочку, не прерывая своего негромкого разговора. Сказать, что Конан не любил подобных людей, было бы преуменьшением. Однако в эту ночь он совершенно определенно не собирался искать неприятностей с людьми, следящими за соблюдением законов Шадизара. Он сделал большую уступку, заскрипев при этом зубами, — ступил на середину улицы, чтобы позволить стражникам пройти ближе к домам. Они сделали это и пошли дальше.

На скрипучих старых цепях покачивалась вывеска; на ней была изображена голова рычащего льва. Голова и грива были выкрашены в алый цвет.

— Здесь, — сказал Явуз.

— Загляни внутрь. Посмотри: видно ли того, кто нам нужен.

Явуз на секунду взглянул за дверь и торопливо шагнул назад. При этом он наступил на кость в своем башмаке и сморщился от боли.

— Да. Он здесь. Сзади слева, рядом с бочонком, одет в зеленую каффию.

Пальцы Конана вновь стиснули руку Явуза, пока киммериец заглядывал в таверну.

— Угу, — он обернулся. — Твой плащ будет висеть завтра утром на крючке сразу за дверью, Явуз. Тебе нужно будет только назвать свое имя хозяину.

— Но...

— Сейчас не холодно, а мне он понадобится, когда я пойду к столу этого шакала, — чтобы скрыть его клинок у меня в руке.

— Митра! — сказал Явуз и поправился: — Кром! Ты не собираешься просто войти и прирезать его?

— Сделаю я это или нет, тебя не касается, маленький Явуз, очень маленький Явуз. Ты свободен и жив. Я приказываю тебе исчезнуть отсюда и зарыться поглубже.

Явуз, получивший свободу и подобный приказ, не стал тратить время на удивленные взгляды или выражение благодарности за сохраненную жизнь. Он, хромая, поспешно скрылся.

Конан вошел в таверну под знаком Красного Льва.

2. ХАССЕК ИЗ ИРАНИСТАНА

Человек, сидящий в одиночестве в дальнем углу «Красного Льва», был довольно красив. Его усы и короткая, остроконечная борода были черными, и почти такими же были его глаза. Он носил головной платок на восточный манер; зеленая ткань закрывала его макушку и спускалась с трех сторон на плечи. Шнур, сплетенный из перевитых по спирали полосок желтой и черной ткани, удерживал этот головной убор на месте. Рубашка с длинными рукавами была желтой, а широкие, свободные шаровары — красными; таким же был и пояс на талии. Широко расставленные глаза смотрели на Конана с узкого лица, на котором выделялись большой длинный нос и выступающая вперед челюсть.

Киммериец подошел прямо к его столу. Руки киммерийца вынырнули из-под темно-коричневого плаща

Явуза и выложили перед сидящим две золотые монеты и трехфутовый «ножик», сделанный высоко в горах Ильберса.

— Эти золотые монеты я забрал у человека с бородой, разделенной шрамом. Их недостаточно, чтобы заплатить такому человеку, который мог бы меня схватить.

Левая рука его собеседника продолжала охватывать глиняную кружку цвета хны; пальцы правой лежали на виду на ближайшем к нему углу стола. Он глядел снизу вверх на очень молодого человека, возвышающегося над ним. Молодой или нет, но этот парень был опасен; это мог видеть каждый — каждый, кто знал, на что смотреть.

Он был необычайно высок и массивно сложен. Копна черных волос была ровно подстрижена на лбу над голубыми глазами. На нем была короткая туника из хорошей зеленой ткани, надетая на голое тело, и ее необычно глубокий треугольный вырез выставлял напоказ рельефные пласты мускулов на могучей груди. Меч и кинжал свисали со старого, изношенного кожаного пояса, низко опущенного на узкие бедра. На груди юноши на кожаном шнурке был подвешен племенной амулет — жалкое подобие «ювелирного изделия»: довольно длинная капля красно-коричневой глины, усыпанная кусочками желтоватого стекла, которые совершенно определенно не были самоцветами. Возможно, это было что-то имеющее отношение к его религии, какой бы она ни была, или талисман против болезни или дурного глаза. Помимо амулета, единственным украшением было красивое золотое колечко на мизинце левой руки. В него был вделан небольшой изумруд, и оно не было похоже на мужской перстень.

От этого юноши исходило ощущение, почти аура, едва сдерживаемой свирепости, постоянной готовности к насилию. Он заговорил снова:

— Некогда я знал другого человека из Иранистана. Мы встретились с ним в доме некоего человека, наделенного некоей силой. По чистой случайности мы

оказались там в одно и то же время, как-то вечером. Вместе мы сражались со стражниками, которые не были... обычными людьми. Потом из панели в одной двери выползли две змеи: гадюки. Обе укусили человека из Иранистана. Он умер у меня на глазах, и я ничего не мог сделать, чтобы помочь ему.

Стоя рядом со столом, Конан снял плащ Явуза, наблюдая при этом за тем, как иранистанец прикидывает в уме, знает ли Конан о том, кто он такой, и выбирает, притворяться ему или нет. Когда иранистанец решился заговорить, его слова были сравнительно искренними, принимая во внимание, что каждый знал, кем был другой и почему оба находились здесь. И в то же самое время он сохранял некоторую осторожность:

— Его звали Юсуфар?

— Тебя интересуют разговоры? Даже несмотря на то, что я не связан?

— Может быть.

— Тогда подожди, пока я отдам содержателю таверны этот плащ. Он принадлежит Явузу, которого я не убил.

Сидящий иранистанец слегка нахмурился.

— А другой...

— Он хотел ударить меня сзади. Я увернулся и ударил сам. Он не смог увернуться. Если бы я знал, что он хотел только захватить меня живым, я, может быть, не стал бы распарывать ему горло своим мечом.

Его собеседник кивнул:

— Глубоко?

— Он мертв, — сказал Конан и прошел среди столов к хозяину таверны.

— Этот плащ мне одолжили сегодня вечером, — сказал он этому большеглазому человеку, — одолжил один хороший друг. Его зовут Явуз, и у него на лице шрам, который разделяет бороду вот в этом месте, — Конан коснулся своего чисто выбритого лица. — Я сказал ему, что оставляю плащ вот на том крючке у самой двери.

— Он может исчезнуть, если ты сделаешь это сейчас. Я знаю Явуза. Лучше отдай плащ мне; я повешу его там, когда открою таверну утром.

— Хорошо. Мне бы очень не хотелось, чтобы он пропал. Как-то один человек попытался надуть моего друга Явуза, и теперь его зовут трехпалым. Я пойду с иранистанцем. Принеси ему еще одну порцию, а мне — кружку твоего лучшего вина. Там на столе — золото.

Хозяин взглянул.

— Хм. А вот еще меч. Его придется убрать с глаз. И ты бы лучше мне отдал свой меч тоже, до тех пор, пока не соберешься уходить.

— Я уберу свой меч, чтобы его никто не видел. Я телохранитель этого богатого иранистанца, и не могу расставаться со своим оружием.

Не давая хозяину времени для ответа, Конан повернулся и снова подошел к столу. Не садясь, он сказал:

— Прислони свой нож-переросток к стене вон там, слева от тебя.

Улыбка почти совсем исчезла с лица иранистанца, когда он выполнил это; юноша заметил, что иранистанец левша и не сможет быстро выхватить меч, прислоненный к стене с этой стороны. Конан сел лицом к нему.

— Звали ли его Юсуфаром, того, другого человека из Иранистана, которого ты случайно встретил в доме некоего человека, обладающего некоей силой?

— Мы оба знаем, что нет, — сказал Конан. — Его звали Аджиндар. Он сказал мне, что поблизости находится еще один человек из его страны, шпионящий за ним. У Аджиндара был такой же клинок, как тот, что я отобрал у двоих наемников — похитителей, не убийц. Один из них мертв, а другой, наверно, все еще бежит. Ты сохранил свое оружие и свое золото, и я здесь. Почему ты хотел, чтобы меня привели к тебе?

Левая рука иранистанца отпустила кубок и нырнула под стол.

— Оставь кинжал в покое, — посоветовал Конан. —

Я проткну тебя своим раньше, чем ты успеешь как следует схватиться за рукоять.

Покачивающая бедрами молодая женщина, одежда которой состояла из двух украшенных бусинками кусков алой ткани, сшитых зеленой ниткой, появилась рядом с Конаном и поставила на стол вино для обоих. Ни один из мужчин не взглянул на нее. Она отошла с поджатыми губами, отмечая, насколько эта пара казалась поглощенной друг другом. Она повидала всяких.

— Ты — Конан, киммериец.

— Да. Ты из Иранистана, очень, очень далеко отсюда. Ты проследил мой путь сюда от Арэнджуна. Как твое имя?

— Вас, киммерийцев, называют варварами. Как же получилось, что ты приходишь и спрашиваешь мое имя, а не ждешь за дверью, чтобы убить меня, когда я буду выходить?

— Мы, киммерийцы, еще и любопытны, и умеем уступать своим капризам. И, кстати, если бы мы в Киммерии слышали об Иранистане, мы бы называли варварами вас, потому что вы не киммерийцы.

Иранистанец усмехнулся и откинулся назад.

— Меня зовут Хассек. Аджиндар действительно умер так, как ты сказал?

Пристально глядя прямо в глаза Хассеку, Конан сказал:

— Да.

— Ты знаешь... Чтоб меня Кром побрал, если я тебе не верю!

— Кром! Ты клянешься мрачным Владыкой Могильного Кургана?

Хассек улыбнулся.

— Я узнал о Киммерии все, что смог.

— И обо мне. Разыскивая меня. Готовясь допросить меня.

— Да, Конан. Я даже заключил бы с тобой сделку. Вы с Аджиндаром оба искали некий... трофей. Я считаю, что он у тебя.

— Естественно, я не знаю, о чем ты говоришь, — Конан сделал глоток вина. — Кстати, платишь ты. Эта штукавина, которую ты ищешь, имеет какую-то ценность там, в Иранистане?

— Ты знаешь, что это так, Конан.

— Почему?

Группа людей, сидящих в углу зала, наискосок от них, разразилась громким смехом. Хассек долго смотрел на Конана, потом наклонился вперед и со стуком опустил оба локтя на стол.

— Я думаю, — произнес он, — что я скажу тебе.

— Назови тот трофей, о котором ты упоминал, — мягко сказал Конан. — Драгоценный камень?

— Несколько, — ответил Хассек. — Они образуют амулет тораздо, гораздо большей ценности, чем твое кольцо и этот кусок глины со стекляшками у тебя на шее, Конан. Если бы амулет, называемый Глазом Эрлика, оказался в руках моего хана, ты бы мог носить на шее украшение из золота, усыпанное рубинами... если только ты не предпочитаешь изумруды.

— Глаз бога?!

— Это только название амулета.

— Возможно, один или два желтых камня?

Зная, что Конан высказывает не просто случайную догадку, Хассек только кивнул.

Конан вертел в руках кружку с вином.

— Действительно, ценный амулет. И он даст мне другой, столь же ценный, твой хан.

— Более ценный для тебя. Послушай, Конан-киммериец. Этот амулет очень важен для хана Замбулы. Ты, возможно, знаешь об этом. Замбула лежит между Шадизаром и Иранистаном. Ты бывал там?

Конан потряс головой.

— Я всего лишь юноша из горной страны, — не принужденно сказал он.

— Который носит тунику, сделанную, как мне кажется, в Хауране.

— Ты действительно многое узнал, Хассек. Нет, я не был в Замбуле, и еще около месяца назад я даже

не слышал об Иранистане. Ты говоришь, что он лежит за Замбулой? Это очень далеко.

— По-моему, ты знаешь, где он лежит. Иранистан не собирается воевать с Замбулой или причинять вред ее правителю, сатрапу могущественного Турана. Однако если мой хан завладеет Глазом Эрлика, он сможет заключить гораздо более выгодное торговое соглашение с Замбулой. Это наша цель.

— Возможно, — сказал Конан. — Поскольку ты думал, что амулет находится в руках одного мага, и поскольку Аджиндар искал его там... Возможно, это чародейская вещь; вещь, которая поможет твоему правителю мучить или убить достойного хана Замбулы на расстоянии.

— Конан, это не чародейская вещь, — так же, как хан Замбулы вовсе не достойный человек. Однако если бы даже это было и так... тебя это волнует? Говорю тебе, тебя ждет богатая награда, если ты поможешь мне передать Глаз Эрлика в руки моего хана.

— Через два месяца!

— У тебя есть срочное дело в Шадизаре, Конан?

— Ты прав, — сказал киммериец и пожал плечами. — Здоровье сатрапа Замбулы волнует меня не больше, чем торговые соглашения Иранистана. Или то, кому принадлежит некий амулет. Глаз! — он покачал головой. — А что, у Эрлика не хватает одного глаза?

Хассек кивнул.

— А теперь давай предположим, что он у тебя или что ты знаешь, где его можно найти. Если мы оба вернемся с ним в Иранистан, нас обоих ждет награда. У тебя есть какие-нибудь другие идеи?

— Иранистан так далеко, — сказал Конан, продолжая поддразнивать Хассека.

— Это правда. Я прошел такой долгий путь не для того, чтобы вернуться без амулета, и я не вернусь без него. Что держит тебя здесь? Я знаю, что в Арэнджуне тебя... все еще ищут.

— Ехать так далеко с человеком, который заплатил

двум другим, чтобы они оглушили меня дубиной и схватили только для того, чтобы он мог поговорить со мной? Без сомнения, ты собирался, если понадобится, пытать меня, чтобы узнать об этом Глазе. Глаз!

— Не стану этого отрицать. Откуда мне было знать, что ты окажешься разумным человеком? Я думал, что ты убил Аджиндара.

— А теперь ты так не думаешь?

— У меня такое чувство, что ты сказал мне правду — об этом, — со значением добавил иранистанец.

Конан весело хмыкнул.

— Я сказал ее. Итак, после того, как ты уверился бы, что я ничего не знаю об этой штуке, которую ты ищешь, ты бы убил меня.

— Это я отрицаю. Как только я узнал бы, где ты спрятал Глаз Эрлика, я забрал бы его и со всей возможной скоростью отправился бы в Иранистан. Я не видел необходимости убивать тебя — если, конечно, я не был бы вынужден. Это не в наших обычаях, Конан, и не в моих привычках. Поедем со мной теперь, и я буду чувствовать то же самое. Единственная моя забота — отдать этот амулет в руки моего нанимателя.

Хотя у Конана действительно был Глаз Эрлика, ради которого ему пришлось пойти на очень, очень большие жертвы, он подумал теперь, что, без сомнения, было нечто такое, чего он еще не знал обо всем этом деле. Например, станет ли человек называть своего правителя «мой наниматель»?

— Этот амулет более важен для моего правителя, чем моя жизнь, Конан, — сказал Хассек, глядя прямо в глаза киммерийцу. — Если бы я знал, что ты везешь его хану, я был бы счастлив. Если я буду знать, что ты этого не сделаешь, мне придется сразиться с тобой.

— Тогда мне лучше убить тебя здесь и сейчас.

— Убить меня теперь было бы очень глупо. Четыре человека из городской стражи только что вошли в таверну. А вот уйти отсюда могло бы быть мудрым решением.

Только у стражников Аренджуна могли быть причины схватить его — живым или мертвым, размышлял Конан. А здесь, в Шадизаре... что ж, лучше бы ему было не покидать относительной безопасности Пустыни, которая была шадизарским эквивалентом аренджунской Свалки.

— Почему? — спросил он с абсолютно невинным лицом. — Иностранец здесь ты. Мне нечего бояться местных стражников.

— С ними королевский драгун, и они кого-то ищут.

— Я, вне всякого сомнения, не ссорился с королем Заморы!

— Хм-м. Если только он не получил жалобу из Аренджуна. Я слышал, что там ты ранил двоих и опозорил еще одного — в Верхнем городе! — некоего бывшего сержанта стражи. Я рад, что ты не боишься тех друзей, которых он может иметь в Шадизаре, или жалоб, которые повелитель Аренджуна может прислать королю, потому что эти пятеро сейчас направляются сюда.

— В Аренджуне был еще и убит один человек, — сказал Конан. — Я нанес раны — а ответственность за убийство лежит на Аджиндаре...

— У одного из них арбалет. Хм... Конан... может быть, и правда, что я иностранец, а ты, конечно же, девяти футов ростом и с твоими голубыми глазами можешь сойти за уроженца Заморы... но стрела арбалета нацелена на тебя.

— Черт.

Хассек изумленно уставился на него.

— Ты... Аджиндар говорил это точно так же!

— Я знаю. Что еще можно сказать? Я пришел сюда, такой важный и самодовольный, чтобы припереть тебя к стенке. Я забыл одну важную заморанскую поговорку: «Когда хочешь войти, подумай сначала, как ты сможешь снова выйти». Надо всегда придерживать правила: «Никогда не сиди спиной к двери!» Что это за шарканье?

— Большинство завсегдатаев торопится к выходу.

Вот они идут, люди короля впереди. Кстати, в Иранистане мудрецы говорят: «Когда ты хочешь куда-то войти, проверь, есть ли там вторая дверь».

— Разумно, — Конан начал подниматься.

— Не двигайся, киммериец! Ты не сможешь увернуться от стрелы арбалета, нацеленной тебе в спину, и три меча уже покинули ножны.

Говорящий обошел Конана кругом и встал, усмехаясь, лицом к нему, с той стороны, где сидел Хассек. Он был невысок и худощав, хотя его лицо выдавало некоторые признаки роскошной жизни. Его глянцево-каштаново-черные волосы были аккуратно подстрижены челкой и слегка завивались вниз на лбу. Большой золотой медальон на груди поверх расшитой золотом голубой туники — шелковой, как заметил Конан, — был украшен гербом короля Заморы, пьяницы, во всем подчинявшегося одному колдуну из Аренджуна. «Этот ублюдок должен быть мне благодарен за то, что я избавил его от Яры», — угрюмо подумал Конан. Представитель короля улыбнулся, и его идеально подстриженные темные усики слегка дернулись. Конан заметил у него во рту блеск золота. Искусственные зубы, Кром его побери, — а ведь парню едва исполнилось тридцать!

— Конан из Киммерии, с недавних пор проживающий в Аренджуне: именем короля, ты — мой пленник. Пойдешь ли ты спокойно?

Конан смотрел на него во все глаза. Красивые, хорошего качества синие штаны; начищенные, туго обтягивающие ногу черные сапоги. Изящный, искусно выделанный пояс, поддерживающий ножны, из которых торчала украшенная драгоценными камнями рукоять кинжала и эфес меча с навершьем, изображающим львиную голову, и сделанным, вне всякого сомнения, из серебра.

Конан взглянул на Хассека. Тот сидел рядом с возвышающимся над ним представителем короля и с потрясенным видом смотрел на Конана. Киммериец оглянулся вокруг. Он увидел почти опустевшую тавер-

ну — и форменные мундиры. Мечи — обнажены. Да, и еще арбалетчик, который медленно придвигался, наставив острие своей грозной маленькой стрелы на Конана.

— Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что этот человек — преступник?! — воскликнул Хассек. — О!

Королевский драгун взглянул на него сверху вниз, предварительно приподняв брови.

— Ты разве не его друг?

— Едва ли! Я здесь по делам королевы Кофа.

— Коф! Ты похож на одного из этих... у тебя такая внешность, словно ты родился далеко на Востоке, а не на Западе!

Хассек тяжело вздохнул.

— Это правда. Моя мать была рабыней из Аграпура.

— Аграпур! — снова изумился разнаряженный королевский агент.

— Да, — Хассек печально вздохнул. — В юности она была похищена странствующим торговцем оружием из Кофа. Ну, он и забрал ее с собой туда. И боги так пожелали, что к тому времени, как они добрались до Кофа, он обнаружил, что любит ее. Родился я. Он дал мне образование. Теперь — что ж, теперь я здесь и представляю саму королеву! А что касается этого вот парня — он показался мне чистоплотным, и когда он так смело вошел в эту хорошую таверну, — ведь это хорошая таверна, не так ли, мой господин?

Польщенный заморанец улыбнулся:

— Да. В Шадизаре есть и получше — но есть и намного хуже. Представитель королевы, ты сказал?

— Э-э... господин Ферхад... — начал один из стражников.

Драгун дернул головой и уставился на провинившегося испепеляющим взглядом.

— Потом! Не смей мешать человеку, исполняющему повеление короля!

— В общем, он предложил мне то кольцо, которое

ты видишь у него на руке, сказав, что оно принадлежало его матери, — сказал Хассек.

Конан в это время гадал, к чему была вся эта хитроумная байка и куда она должна была их всех завести.

— И бросил на стол эти золотые монеты, чтобы показать, что он не нищий, — продолжал Хассек. — Он дал мне этот странный меч в знак своих честных намерений и сказал, что ему нужны еще два золотых, чтобы добраться до Немедии...

Как и следовало ожидать, господин Ферхад воскликнул:

— Немедия!

— Так он сказал. И теперь... теперь, о господин... возможно ли, чтобы этот человек пытался продать краденый товар мне, мне — личному поставщику украшений и косметических принадлежностей для королевы?

— Вполне возможно, — сказал Ферхад. — Этот тип — отчаянный и не признающий законов человек. На нем лежит вина за немалую долю злодейств там, в Арэнджуне, — и он осмеливается бежать сюда, в саму столицу, и искать здесь убежища!

Ферхад снова устремил львиный взгляд на Конана; он стоял, выпрямившись во весь рост, с высоко задранной подбородком, смотрел вверх своего внушительного носа и чувствовал себя гораздо более внушительным теперь, когда у него была такая изысканная аудитория, состоящая, правда, из одного человека: личного поставщика украшений и косметических принадлежностей для королевы Кофа!

— Вмешиваться в дела людей из городской стражи в любом месте нашего королевства — значит нанести оскорбление королю, варвар! А теперь поднимайся медленно, и пошли отсюда — в некие апартаменты, которые, боюсь, тебе понравятся не так сильно, как эта прекрасная таверна, где ты пытался ввести в заблуждение высокопоставленного чужеземного гостя!

— Да, — ворчливо сказал Хассек, — и заberi с собой этот ужасный меч!

Он полуобернулся и поднял огромный ильбарский нож. Мгновение спустя он стоял за спиной Ферхада, держа его правой рукой поперек груди, а левой смуглой кистью прижимая кинжал к его горлу.

— Никому не двигаться! Господин Ферхад, отдай приказ, чтобы все мечи и этот арбалет были сложены вон на том столе справа от тебя!

— Ч... чт... ты не можешь... отпусти ме... а! Осторожно с этим кинжалом, приятель!

— Да, он наточен, как бритва, потому что у меня нежная кожа, и я им бреюсь каждый день. Приказывай, Ферхад!

Ферхад отдал приказ. Арбалетчик указал на то, что его оружие взведено и представляет опасность. Хассек посоветовал ему выпустить стрелу в стену, под самый потолок, и Ферхад подтвердил приказ. Вскоре стрела, тренькнув, вонзилась в цель и осталась там, высоко над полом, лишь слегка подрагивая, — как сувенир для хозяина «Красного Льва».

— Конан, — сказал Хассек, — убеди нашего хозяина показать свой подвал.

— Подвал! — эхом проскулил Ферхад, и его адамово яблоко дернулось рядом с холодным клинком Хассекова ножа. Пытаясь не сглатывать слюну, Ферхад выпрямился и застыл, как солдат-новобранец, не произнося больше ни слова.

3. ПРОЩАЙ, ШАДИЗАР

Имраз, большеглазый хозяин «Красного Льва», поднял квадратную крышку люка в полу своей кладовой. Четверо солдат из городской стражи Шадизара один за другим, ворча, спустились в темноту. Каждый из них бросил последний мрачный взгляд на громадного варвара, который стоял над ними и ухмылялся лишь самую малость; он опирался на меч — меч их сержанта.

— Мой дорогой господин Ферхад, — сказал Хассек. — Я чрезвычайно огорчен, но не вижу другого выхода из этого положения, кроме как просить тебя присоединиться к солдатам внизу.

— Внизу!

— Постарайся увидеть в этом хорошую сторону, — сказал Конан. — Может быть, наш хозяин Имраз держит там свои лучшие вина.

— Скорее, гнилую репу, паутину и плесень, — сдавленно сказал Ферхад, поскольку говорить как-то иначе с откинутой назад головой он не мог. — Почему бы вам не связать меня и не оставить тут, наверху? Сидеть взаперти в темноте с этими простыми солдатами...

— ...которые, без сомнения, знают множество занимательных историй, способных тебя развлечь, мой дорогой господин, — Хассек освободил своего пленника, осторожно вытащив при этом его красивый меч. — Спускайся, и я желаю тебе доброго-доброго вечера.

— Я тоже, — сказал Конан и, когда причудливо разодетый щеголь неуверенно поставил ногу на верхнюю из семи старых деревянных ступенек, ведущих вниз, в пахнущую землей темноту, ловко выдернул сверкающий самоцветами кинжал Ферхада из его ножен.

— Вы оба очень, очень об этом пожалеете, — пообещал Ферхад, спускаясь.

— Ну что ж, приезжай в Бритунию, и мы поговорим об этом, — любезно отозвался Хассек.

— Бритуния!

Хассек пинком закрыл люк.

— На замок не закрывается, ведь так? — пробормотал он и, подняв взгляд, увидел, что владелец «Красного Льва» медленно пятится назад.

Конан сделал четыре быстрых шага.

— Нет-нет, Имраз, не надо убегать сейчас. Иди, будь другом, помоги нам передвинуть этот большой, заполненный доверху бочонок на крышку люка!

Слегка побряхтев, трое мужчин перетащили и уста-

новили бочку на место. Конан глянул в открытую дверь кладовой и увидел несколько лиц, заинтересованно глазающих на них от входа в таверну.

— Эй! — крикнул он. — Поддай-ка мне этот арбалет!

Лица исчезли, и Хассек легко пробежал через всю таверну, захлопнул дверь и запер ее на засов. Когда он вернулся обратно, его брови были нахмурены.

— До меня только сейчас дошло... Имраз! Где эта твоя служанка?

Хозяин заморгал.

— А что... я не знаю...

— Черт! Выскользнула через заднюю дверь, чтобы привести еще более бравых солдат — на этот раз из личной гвардии короля, я в этом почти не сомневаюсь. Конан...

— Мы заберем все эти мечи и кинжалы, а также арбалет, — сказал Конан. — Его мы возьмем с собой, — он кивнул на хозяина таверны. — Мы выйдем через заднюю дверь, а потом побежим!

— Сомневаюсь, что Имраз сможет в одиночку откатить эту огромную бочку с люка, — сказал Хассек, подхватывая арбалет.

— Нет, но он может открыть переднюю дверь и впустить остальных, чтобы они помогли ему!

— Да, это верно. По-моему, я перестал мыслить четко. Если бы только ты принес обратно веревку, что я дал тем двум типам вместе с золотом и моей маленькой колючкой! Идем, Имраз, — тебе придется проводить нас немного.

Пока на лице хозяина таверны отражалась глубокая неохота, а его большие скорбные глаза становились еще больше, Хассек развязал кошель и вытащил еще пять золотых монет.

— Две монеты все еще лежат на столе, а вина мы выпили не больше, чем на несколько медяшек. Вот, возьми это. Подумай, насколько это забавно — увидеть, как расправляются с таким напыщенным фатом, как Ферхад; и еще подумай обо всех тех клиентах,

которых привлечет эта замечательная история о возмездии, постигшем королевского драгуна! О, посетители будут слетаться, как мухи. Идем же.

Имраз молча пошел за ними. Конан побросал пять мечей и четыре кинжала в небольшой пустой бочонок, пока владелец этой бочки-малютки с еще большей расторопностью прятал свои пять золотых. Имраз вывел их через дверь в переулок, который сильно отличался от переулков Пустыни, и они заторопились прочь, шагая бок о бок, как три друга.

— Направо, сюда, — пропыхтел Конан, обеими руками обнимая свой бочонок; и они повернули направо; на следующем перекрестке он пробормотал: «Налево».

— Ты слегка похож на деревенщину с этим своим арсеналом в бочонке, — заметил Хассек. — Ты думаешь, нам это действительно понадобится?

— Оружия не бывает слишком много, — заверил его Конан и продолжал идти, выгнув спину и выпятив вперед живот под тяжестью бочонка, прижимая его к себе, словно медведь. Содержимое бочонка дребезжало и позвякивало.

После очередного поворота они распрощались со своим бывшим хозяином и заторопились дальше, а Имраз повернул обратно.

— Что это ты сказал насчет Бритунии? — спросил Конан.

— Я назвал ему несколько мест...

— Я заметил!

— ...ни одно из которых не является нашей целью, — терпеливо закончил Хассек. — Пусть он гадает. Кто сможет узнать иранистанца по внешности? Мы идем в одно и то же место, Конан, ведь так?

— Мы неподходящая пара, — заметил Конан.

— Трио: не забудь свой бочонок с клинками. Но это не так, не так. Мы оба — очень умные парни, которые попытались бы убить всех этих пятерых типов, если бы я не оказался еще умнее, и если бы с Ферхадом не удалось так легко справиться; и мы оба знаем это. Конан... тебе не пришло в голову также, что

за то время, что ты таскаешься с этим бочонком, я вполне мог бы воткнуть в тебя парочку кинжалов?

— Мы все больше углубляемся в Пустыню, Хассек. Допусти, что за нами наблюдают, хоть ты и не видишь никого. У меня здесь есть друзья. Меня они не считают чужестранцем.

— Хм-м. А у тебя случайно нет нескольких верблюдов, а?

— Ненавижу этих животных. У меня есть целых четыре лошади. Верблюдов нет. Почему бы тебе не понести некоторое время этот бочонок?

— Нет, спасибо.

Конан неохотно поставил свою ношу наземь, а потом перевернул ее. Он отделил украшенный драгоценностями кинжал Ферхада и засунул его себе за пояс. Три хороших удара мечом одного из стражников по рукояти меча Ферхада испортили хороший клинок и оставили на ладони у киммерийца изящную серебряную львиную голову. Он, улыбаясь, подбросил ее в воздух и снова поймал.

— Ну, как ты думаешь, это похоже на верблюда?

— Возможно, она всего лишь посеребренная, — сказал Хассек.

Конан нахмурился.

— Этот подонок! Вечно мне везет — не хватало только, чтобы самоцветы на этом кинжале оказались фальшивыми! А кстати, как насчет тебя — разве у тебя нет лошади или верблюдов? Ты приехал издалека.

— У меня есть кое-какая хорошая одежда, — сказал Хассек со скорбным вздохом, — несколько смен; и красивое кольцо, и две лошади — большую часть пути сюда я шел с караваном. И еще у меня в комнате, в таверне — в «Красном Льве», не забудь, — осталось двадцать золотых монет Замбулы.

— Двадцать! — киммериец изумленно уставился на него, и его рот и глаза начали соревноваться друг с другом в том, что откроется шире. — Митра, Кром и Бел, приятель, — почему же ты не слетал наверх и не забрал их прежде, чем мы покинули таверну?

Лицо Хассека стало еще более печальным.

— Я вроде как забыл о них. Боюсь, что теперь они достались казне Заморы.

— Зрочки Иштар! — горевал Конан. — Двадцать золотых монет!

— Посмотри на это с другой стороны, Конан: я спас тебя от заточения и, без сомнения, от чего-нибудь гораздо худшего.

— Нам все еще грозит и то, и другое, — глухо прорычал Конан, — если мы не уберемся из этого города — и этого королевства.

Они стояли в одиночестве на погруженной во тьму улице; у ног их лежал перевернутый бочонок и беспорядочно разбросанное оружие. Темные глаза Хассека вглядывались в угрюмые голубые глаза варвара.

— Мы? — спросил Хассек.

Конан повернулся и зашагал прочь; Хассек пристроился к нему сбоку.

— Черт, — спокойно, задумчиво сказал Конан. — Аджиндар был хорошим человеком, он сразу мне понравился. Он был предан своему хану и своей миссии до такой степени, что готов был ради них рисковать жизнью: он пытался убить меня даже после того, как увидел мое искусство и мою силу! И после того, как я только что спас его шкуру. Немного вероломен, но все ради своего правителя. Теперь ты тоже рискуешь своей жизнью, чтобы помочь мне, Хассек из Иранистана... потому, конечно, что ты не знаешь, где находится этот амулет. Все для твоего хана! Мне бы хотелось встретиться с ханом, внушившим такую преданность двум таким хорошим людям.

— Он тоже будет заинтересован в том, чтобы встретиться с тобой, мой друг с кулаками размером с окорок! Что ж, хорошо. Двое таких людей, как мы, без сомнения, смогут выбраться из Шадизара, даже если все трое ворот будут охраняться. Давай займемся этим.

Они углублялись все дальше в Пустыню Шадизара.

— Э-э... Конан. Амулет у тебя?

Конан усмехнулся.

— Я знаю, где он. Я закопал его между Шадизаром и Замбулой, в пустыне.

— Черт, — сказал Хассек и убрал руку с рукояти кинжала.

* * *

Несколько часов спустя трое стражников, охраняющих шадизарские Врата Черного Трона, наблюдали за приближением верховой пары. Женщина и ее юный сын сидели на двух красивых лошадях и вели в поводу двух других, тяжело нагруженных. Она придержала лошадь и уставилась сверху вниз на человека в мундире, стоящего у колеса, — оно поворачивало канат и тяжелую цепь, которые поднимали огромный засов, перекрывающий обе створки ворот.

— Ну, открывай. Нет смысла сторожить с этой стороны. Я хочу выйти, а не войти.

— Дорогая моя, — произнес чей-то голос, и она посмотрела вверх, на еще один мундир. Его владелец выглядывал сверху из узкого стрельчатого дверного проема дозорной башни. — Я человек чувствительный и впечатлительный, и стал бы плохо спать, если бы не предостерег тебя от того, чтобы покидать город в такой час.

— Спасибо. Ты добрый человек. Мы едем. Это святая миссия.

— Паломничество?

— Да. Мы с сыном служим храму Святого Хосатры Хела, Восстановленного в Правах и Дважды Признанного, Владыки Всего Сущего, Отца Митры, Иштар и Бела.

— Занятой и, без сомнения, достойный уважения бог, дорогая моя, но... конечно же, благоразумный человек подождет бы по крайней мере до рассвета. Может быть, тогда вы сможете присоединиться к другим таким же благочестивым паломникам, а возможно, даже к каравану, который обеспечил бы вам наилучшую защиту. Здесь вы находитесь в лоне столицы могущественной Заморы. Там, за стенами...

Он умолк, показав жестом, что вне Врат Черного

Трона, в Шадизаре, нет ничего, кроме опасностей и трудов.

Облаченная в плащ женщина, которую вряд ли можно было бы назвать плохо сложенной, решительно сказала:

— Я боюсь внешнего мира, и даже пустыни, гораздо меньше, чем этого города воров, и мучителей женщин, и порочных, порочных культов, посвященных богам, о которых никто никогда не слышал и не хочет слышать! Пропусти нас, прошу тебя. Мы покидаем этот город.

— Хотел бы я иметь власть удержать тебя от столь чреватого опасностями шага, — сказал начальник стражи ворот.

— Что ж, я ценю это. Но у тебя ее нет, и я уезжаю, и мой сын со мной, и у меня уже затекает шея от того, что я гляжу на тебя снизу вверх. Если ты не собираешься открыть ворота, то будь так добр, скажи мне, куда я могу обратиться с жалобой.

— До рассвета осталось лишь немногим более двух склянок...

Женщина вспыхнула:

— Что я должна сделать или сказать, чтобы выйти отсюда?

Человек в башне вздохнул:

— Открой ворота.

Стражник закричал, цепь лязгнула и засов поднялся. Ворота заскрипели. Решительная женщина, ее молчаливый сын и четыре лошади выехали из Шадизара. Она не стала подгонять лошадь и даже не встряхнула поводом. Все лошади тяжелым, размеренным шагом ушли прочь, в темноту. Начальник стражи облокотился на узкий подоконник дозорного окна своей башни и следил взглядом за женщиной, пока она не слилась в единое целое с темной ночью на восходе луны. Наконец он выпрямился, тряхнул головой, обернулся и крикнул вниз:

— Они не собираются возвращаться. Закрывай ворота.

Ни он, ни его люди и не подозревали, что в это самое время два человека взобрались на восточную стену на значительном расстоянии от их ворот, спрыгнули с нее наружу и торопливо углубились в ночь.

Несколько часов спустя, сразу после рассвета, та же самая женщина и ее сын вернулись в Шадизар. Хотя на них не было ни царапины, их лошади и груз исчезли без следа; даже плаща на женщине, и того не было. Имя, которое она назвала, оказалось вымышленным, и позже никому не захотелось прочесывать Пустыню, чтобы разыскать ее. Не знал покачивающий головой страж ворот, пропустивший ее внутрь, и того, что она была верной подругой некоего огромного горца-северянина, которого в эту минуту усердно разыскивали по всему городу, и что этим утром она была значительно богаче, чем накануне днем.

Прочь от Шадизара, имея под собой и ведя в поводу тех же самых четырех лошадей, двигались киммериец Конан и Хассек из Иранистана.

— Прекрасно удавшаяся хитрость и встреча, Конан, — сказал Хассек.

— О, Хафиза хорошая женщина и хорошая подруга, Хассек. А после того, как ты добавил этот симпатичный мешочек с жемчугом к серебряному эфесу Ферхада, она вдвойне была рада помочь.

— Втройне, — сказал Хассек. — После этого она оказалась в гораздо более выгодном положении.

— Да, и подверглась риску, чтобы заработать свою награду. Твой наниматель, Хассек, снабдил тебя всем необходимым в дорогу. Все эти деньги, которые ты потратил, и двадцать золотых, которые ты оставил в «Красном Льве», и этот жемчуг... мы все еще богаты?

— Мы — нет, мой друг. Я провел здесь больше месяца, разыскивая тебя в Арэнджуне и Шадизаре, и мы будем бедны или еще того хуже к тому времени, как достигнем Иранистана. Но как только мы окажемся там...

— Хм-м. Как только мы окажемся там, — проворчал Конан. — Да.

«И что я делаю, — раздумывал он, — направляясь таким манером в путь, который продлится месяцы? А, ладно... почему бы и нет? Это большой мир, и, как я говорил Хаштрису в Хауране... мне еще многое нужно в нем повидать, прежде чем я осяду на одном месте!»

4. ЧУДОВИЩА

— Твой меч готов, мой господин.

Хан усмехнулся своему волшебнику, но только после того, как скосил взгляд на меч в манере, присущей скорее торговцу, в чью лавку только что забрел какой-то деревенский олух с толстым кошельком, или крестьянскому ребенку, разглядывающему накрытый для пиршества стол короля.

— Готов, — пробормотал он, этот сатрап Империи Турана, правивший Замбулой от имени могучего Илдиза, восседающего на резном троне. Он боялся за свою жизнь, этот хан Замбулы, и за трон, который мог и не перейти к его сыну Джангиру; и он был прав. Он был уверен в том, что люди организуют заговоры. Он не сомневался в том, что где-то существует Глаз Эрлика.

— Да, — сказал Зафра. — Если не считать того, что, как я уже сказал, его необходимо омочить в крови, чтобы завершить заклятие.

Он глянул вниз, потому что и правитель, и маг не подумали о том, что они были одни в мрачной полукруглой галерее, нависающей над еще более мрачной подземной темницей.

— Можно пожалеть, что мы не... сберегли одного из иранистанских шпионов.

Слегка склонив голову на сторону, хан взглянул на более стройного, более молодого человека поверх внушительного костистого гребня своего орлиного носа. Уголки его рта подергивались; это был чувственный рот. Внезапно хан резко и решительно кивнул головой.

— Да, — пробормотал он сам себе, и его отделанный красным, расшитый золотом плащ из тонкого,

как паутина, шелка взметнулся и затрепетал, чуть шурша, когда он быстро повернулся к двери.

С этой стороны, стороны узников, дверь представляла собой массивный лист железа толщиной в палец девушки и достаточно тяжелый, чтобы заставить пошатнуться даже слона из укрытых ночью южных земель. И ее темная поверхность не оживлялась никаким признаком ручки или замка. Сжав левую руку в кулак, правитель Замбулы ударил по железной плите и отступил в сторону. Дверь издала глухой звук и не подалась ни на дюйм, а Актер-хан несколько раз сжал и разжал левую кисть.

Дверь отворилась внутрь. Старший из двух охранников вопросительно взглянул на хана.

— Девушка, которую эти шанки подарили мне две недели назад, Фаруз: приведи ее сюда.

— Мой господин, — Фаруз все же колебался.

— Ты знаешь ту девицу, о которой я говорю, Фаруз?

— Да, мой господин. Я... я должен привести ее как пленницу, мой господин?

— Нет, нет, Фаруз. Скажи ей, что ее господин и хозяин хочет сделать ей подарок. Но приведи ее сюда сейчас же!

— Мой господин!

Солдат отрывисто, по-военному кивнул головой в знак готовности выполнить приказ, отступил на минимально требуемые два шага и, резко повернувшись, заторопился прочь по вымощенному яркими плитками, хорошо освещенному коридору, маскировавшему вход во второе по омерзительности место проклятых владений хана, самым омерзительным из которых был Переулок Захватчиков — позор даже для проклятой Замбулы, — построенный стигийцами и населенный мулатами с разным цветом кожи, которыми управляли гиркане.

Актер-хан снова повернулся к Зафре и почти улыбнулся; по крайней мере казалось, что он доволен собой.

— Маленькая дрянь! Этот суматошный пес Ахи-мен-хан, вождь тех жирноголовых кочевников пустыни, привел ее мне как дар и подношение, очаровательное двенадцатилетнее дитя, совершенно нетронутое и сложенное, как сама чувственная стигийская Деркетто!

Зафра кивнул. Он видел ту девушку, чье имя хан немедленно отбросил и называл ее вместо этого Деркетари, в честь любящей наслаждения богини Стигии. Ее формы и большие темные глаза могли бы пробудить вожделение даже у статуи, видит Хануман... видит Деркетто!

— И она вела себя так, словно боялась и ненавидела всех мужчин, эта обманчиво сложенная, проклятая маленькая змея! Она и сжималась в комок, и вскрикивала, когда ее привели в мою потайную комнату — в ту же самую ночь! Какая честь для глупой, недоразвитой дочери бархан, у матери которой, без сомнения, выросли усы к тому времени, как ей исполнилось восемнадцать. Она...

Хан не стал продолжать.

Он не рассказал бы молодому магу Зафре или кому бы то ни было другому, как, столкнувшись с ее испугом, ее хныканьем, и мольбами, и выкриками, он, привыкший к готовым угождать, даже активно идущим навстречу женщинам, которые гордились и почитали за честь, что их призвал к себе сам хан, — он опозорил себя и не смог проявить свою мужественность. Актер-хану хотелось ее избить, схватить двумя руками ее прелестную шею и задушить ее!

Вместо этого он отослал от себя рыдающую девушку, а она была слишком глупа, чтобы чувствовать себя опозоренной. Он призвал к себе свою аргоссианку Чиа. Ее он назвал Тигрицей, и с ней он проявил себя мужчиной и ханом. Наутро он приказал своей Тигрице подготовить и обучить девушку-шанки — глупого ребенка! И в течение целой недели она казалась счастливой и была прекрасной — прекрасной. Гибкая, как бескостная змейка, она отличалась в танцах, которым

эти дважды проклятые кочевники начинали учить своих девочек, едва тем исполнялось три года. Она была воплощением соблазна и носила выданные ей одежды, радующие глаз мужчины, так, словно она в них родилась, будто она была влюблена в них; она покачивала бедрами; казалось, что доставить удовольствие мужчине было ее единственным желанием. И все же Актер-хан заставил себя ждать целую неделю, а потом еще один день, чтобы обострить свой аппетит. Потом он оказал ей честь разделить с ним как нельзя более интимный ужин и был с ней добр и мягок. Даже заботлив, как с неловкостью вспоминал он теперь. А затем... как только он возбудился, и его глаза сказали ей о его чувствах и совершенно нормальном намерении, она снова стала испуганно закрывающимся, хныкающим, умоляющим и даже вскрикивающим ребенком.

Но даже тогда он не отправил ее назад к отцу с позором. Но, видит Тарим и сам Владыка Черного Трона... сколько же человек может вынести?

«Человек? Хан, клянусь камнями Ханумана!»

Хан и маг ждали в молчании; каждый был занят своими мыслями, и только одного интересовали мысли другого. Между ними лежал меч; меч Актер-хана, с рукоятью, украшенной драгоценными камнями, и, хоть этого и не было видно, с выгравированными на черенке рунами. Внизу, в темнице, распластавшись, лежали два иранистанца, коченеющие в смерти. Меч Зафры торчал из груди одного из них и не дрожал, но стоял над ним подобно часовому смерти.

Актер-хан обеими руками стащил через голову серебряную цепь, поддерживающую на его груди большое, окаймленное жемчугом кольцо; в него был вставлен многогранный рубин значительных размеров, окруженный в виде шестиконечной звезды двенадцатью ярко-желтыми топазами.

— Отнеси вниз это и мой меч, — приказал он магу, который так недавно был подмастерьем и кото-

рому не исполнилось еще и тридцати лет. — Воткни меч в землю. Это не повредит залятию?

— Нет, мой господин.

— Тогда повесь это, — сказал Актер, коротко кивнув, — на его гарду и принеси наверх второй меч.

Зафра, не задавая вопросов, взял меч и медальон. Он подхватил левую полу своей мантии, спустился, переступив через труп убитого вторым иранистанца, и остановился, не дойдя одного шага до другого трупа. С первой попытки ему не удалось закрепить клинок сатрапа в полу, образованном плотно уграмбованной черной землей, так долго цементировавшейся человеческой кровью. При второй попытке он использовал обе руки, и меч остался стоять. Маг повесил цепь и медальон своего повелителя на поперечную перекладину, и они красиво обвили ее и засверкали, покачиваясь в воздухе и с легким звоном ударяясь о клинок, — желтое золото на серебристой стали.

Обе руки и некоторые усилия потребовались, чтобы выдернуть другой меч из тела его жертвы, настолько глубоко засело это беспощадное оружие. Зафра помедлил, чтобы нагнуться и заботливо вытереть клинок о длинные черные волосы мертвого человека. Они были грязными, но удалили кровь и заодно смазали клинок жиром. Позже кто-нибудь из слуг займется им как следует.

Молодой маг поднялся по ступенькам. Приближаясь к площадке, которая справа расширялась и переходила в полукруглую галерею, он заметил, что в дверях появилась девушка. За ее спиной даже из невыгодного положения, в котором находился Зафра, можно было целиком видеть некрасивое, увенчанное шлемом лицо Фаруза, — настолько маленькой была эта прекрасная дева двенадцати лет.

Актер-хан повернулся, услышав, как у нее перехватило дыхание.

— А, — сказал он. — Мой прелестный цветок пустыни! Входи же, очаровательная Деркетари, и посмотри, что я приготовил для тебя.

Он протянул руку к ее руке.

Красавицы в двенадцать и ошеломляющие красавицы в тринадцать — так говорили о дочерях песков; и матери в пятнадцать, и ошеломляюще уродливые старухи в двадцать и пять. А этой девушке было двенадцать.

Зафра не мог не глядеть на нее во все глаза. Он впитывал в себя и массу сверкающих черных волос, перевитых жемчугом, так что они казались ночным небом, окропленным звездами; и нежное овальное личико и подобный луку стрелка-всадника рот, накрашенный блестящей темно-красной помадой; и прекрасные, огромные круглые глаза — словно глядящие в колодезь ночью, через мгновение после восхода луны. И, по крайней мере, с нее сняли эти просторные темно-красные одежды, которые носят шанкийские женщины!

Ее нагрудные чашечки были из золота, и с каждой свисали тоненькие золотые цепочки, так что подвешенные на них самоцветы танцевали перед ней в воздухе и мягко ударялись о ее плоский живот при малейшем движении. Ее пояс, спущенный гораздо ниже пупка, состоял всего лишь из трех полосок парчи, сплетенных в шнурок, который был не толще ее мизинца. С него, мерцая, спадал вниз на длину руки кусок белоснежной кисеи, нашитой бледно-голубыми нитками на белый шелк; это подобие юбки в ширину не превышало длины ее ладони. Ткань была подрублена на высоте ее лодыжек, а полоска сзади была лишь чуть короче. Парчовые ленты, перекрещиваясь, поднимались по ее прелестным ножкам от мягких маленьких башмачков, доходящих ей до щиколотки и сшитых из красного фетра, украшенного жемчугом, и завязывались под самыми коленями этого очаровательного ребенка.

Она могла бы, размышляя Зафра, быть одной из тех нежных юных девственниц, чьей кровью были написаны заклинания на определенном сорте пергамента, сделанном из змеиной кожи; заклинания, кото-

рые Зафра прочитал и запечатлел в памяти без ведома своего учителя.

На двенадцатилетнем подарке шанки было только два украшения: племенное ритуальное кольцо, украшенное гранатами и сделанное из верблюжьего волоса, переплетенного с одним локоном из ее собственных кос; и маленькая серебряная подвеска, украшенная опалами, с которой ее доставили к сатрапу. Достаточно изящная серебряная цепочка удерживала подвеску в центре легкой выпуклости груди девушки.

Она смотрела широко раскрытыми глазами мимо Зафры — на два распростертых внизу тела. Казалось, она не замечала, что ее господин взял ее руку в свою волосатую длань.

Поднявшись на площадку, Зафра вложил свой собственный меч в руку Фаруза, чтобы убрать его за пределы темницы. Потом он отступил и словно слился со стеной у верхней ступени лестницы.

— М... мой господин! В такое место?.. Эти люди! — голос девушки шанки дрожал, как и она сама.

— Возрадуйся! — приказал ей хан. — Они иранистанцы, шпионы, засланные к нам королем, все помыслы которого направлены на завоевание! Однако один из них был провидцем и сделал благоприятное предсказание: что от тебя вскоре родится прекрасный мальчик, который, став взрослым, будет править не только Замбулой, но и всей величественной Империей Турана!

Она взглянула на него черными глазами, обведенными черной краской. Ее рука продолжала лежать в его руке, и она раздумывала, словно зачарованная его словами, покорная их власти. За ее спиной Фаруз тихо прикрыл огромную дверь, обшитую снаружи деревом.

— Внизу стоял мой же собственный меч, символ моего могущества. Я был так переполнен радостью, что снял с себя свой медальон из золота, и жемчуга, и топазов, с рубином величиной с голубиное яйцо, который носила на груди моя мать; этот медальон я повесил там. И в эту минуту шпионы бросились на

меня, и моим верным стражам пришлось убить их. Это были люди, которые привели тебя сюда, — ибо я положил руку на эфес и дал обет: та, что принесет мне Замбулийский Драгоценный Камень, будет первой среди всех женщин Замбулы и окружающих ее земель, чтобы был подготовлен путь к восшествию на престол плода ее чресел.

Пока хан так разглагольствовал, взгляд этих огромных темных девичьих глаз покинул его лицо и был теперь устремлен на мерцающий медальон, который свисал, словно трофей, ожидающий победителя, с украшенной драгоценными камнями рукояти стоящего внизу меча.

— П-поща... мой господин... я... я не могу спуститься туда!

— Но Деркетари... лотос пустыни, обожженной поцелуями солнца, ты должна! Неужели пророчество мертвеца должно будет оказаться напрасным? Неужели гордые шанки — обитатели шатров — не будут возвышены над всеми остальными и осыпаны милостями великого будущего правителя, в чьих жилах будет течь кровь шанки?

Девочка посмотрела вниз, на свисающий с меча медальон. Потом снова взглянула на стоящего рядом с ней человека с орлиным носом. Теперь он придержал свой медоточивый язык. Она еще раз поглядела на оба трупа и опять на медальон. Он висел, молчаливо подзывая ее к себе переливами драгоценных камней, вспыхивающих и сверкающих в мерцании дымного огня факелов. Она обвела языком полную нижнюю губку.

Она слышала. Она слышала каждое слово. Хан и маг знали, что она думала о своих бедных, живущих в пустыне соплеменниках, которым не успевало исполниться четыре десятка лет, как их лица и руки уже покрывались морщинами от солнца; о гордости и надеждах своего отца — и, вне всякого сомнения, о ярости, вызванной позором, если бы он узнал, что она лишила его и его народ, а заодно и себя, великой

славы и высокой чести из-за детских страхов; всего-навсего темница. Всего-навсего два мертвых человека, к тому же недавно умерших. Среди людей пустыни не было таких, кто не видел бы хоть одного покойника задолго до того, как им исполнялось двенадцать лет. Большинство по меньшей мере раз в жизни видело трупы в самом ужасном состоянии: раздувшиеся под солнцем, усвоенные мухами и расклеванные падальщиками.

— Уф, — пробормотала себе под нос девочка, которую звали не Деркетари, — я видела мертвецов и раньше. Уф!

И Актер, усмехаясь, взглянул на нее поверх своего выгнутого, как у падальщика, носа. Он отпустил ее руку в тот момент, когда почувствовал, что она начинает вытягивать ее, и вытер ладонь о свою многоцветную мантию, потому что ее ладонка была мокрой от пота.

Почти королевским движением она чуть согнула колени и подхватила одной рукой обе полы своей «юбки», протянув полоску белой ткани назад между ногами. Она медленно начала спускаться. На каждом шагу ее пути вниз было заметно, как она заставляет себя держаться твердо.

Глаза хана встретились со взглядом мага поверх площадки лестницы. Хан заговорил спокойным, тихим голосом:

— Твое заклятье нужно завершить, не так ли?

Девочка продолжала спускаться, не оглядываясь назад. Лестница насчитывала двадцать и пять каменных плит-ступеней; девочка поставила обутую в фетровый башмачок ножку на девятнадцатую.

— Да, мой господин.

Актер взглянул вниз на дар шанки. Она поставила левую ногу на двадцать первую ступеньку.

— Тогда заверши его, волшебник, и моя жизнь будет вдвойне счастливой, а для тебя... хочешь ли ты принять у себя этой ночью настоящую тигрицу, За-

фра? Тигрицу из Аргоса, чьи когти спрятаны в шелковые ножны?

Внизу обе ступни девушки стояли на двадцать четвертой ступеньке, потому что она остановилась здесь в нерешительности, пытаясь как-то обойти, а не перешагнуть обнаженный труп человека, который, хотя она того и не знала, был почти невероятно мужественным и отчаянным.

— Да, мой добрый господин, — сказал Зафра, и его глаза, казалось, блеснули, когда он посмотрел вниз, на спину девушки, а потом на украшенный медальоном меч, стоящий над полом темницы, словно памятник двум жестоко убитым людям.

«Трем», — подумал Зафра и сказал очень тихо, едва шевеля губами:

— Убей его.

Земля и вода, огонь и воздух умастили меч в то время, как над ним произносились древние слова. Золото соскользнуло со стали, когда меч Актер-хана высвободился из земляного пола. Не колеблясь, он повернулся в воздухе и, словно стрела, выпущенная мускулистой рукой искусного лучника, устремился к маленькой дочери пустыни.

Она, как и следовало ожидать, взглянула на него, когда услышала звон металла о металл, — так же, как Актер-хан взглянул на Зафру, когда услышал местоимение, которое употребил молодой маг. Ее горло сжалось от трепетного ужаса; горло хана — нет.

— Его? — спросил он.

— Даже волшебный меч не различает рода, мой повелитель. К тому же те, против кого мой господин вскоре применит его, почти наверняка будут мужчинами.

Внизу зарождающийся крик девочки прервался страшным вскриком, когда заколдованный меч доказал, что не разбирается ни в родах, ни в местоимениях. Он погрузился между ее золотыми нагрудными чашечками — и чуть слева от центра.

Хан сделал глубокий долгий вдох через ноздри, а потом шумно выпустил воздух через рот.

— Да, подумать только, что она умерла девственницей, — сказал он, словно произнося надгробную речь, — и ради такого великого дела! Но ее народ об этом не узнает, потому что только через месяц мы с печалью пошлем им известие, что она умерла от лихорадки, которая также чуть не унесла жизнь ее возлюбленного господина... — хан кашлянул, — ...и была похоронена с почестями и скорбью на Кладбище Королей; без сомнения, нося во чреве сына королевского происхождения, которого забрала с собой... в ад!

Даже Зафра нервно сглотнул.

Еще так недавно подмастерье волшебника, посвятивший себя изучению омерзительных чар, происходящих из старинной Книги Склоса и дурно пахнущих томов Сабатеи, украшенных золотым павлином и написанных отравленными чернилами; вызывающий к Сету, и мрачному Эрлику, и даже к Детям Йила, которым поклонялись пикты и о которых эти дикари знали меньше, чем он... и недавно убивший своего хозяина; всем этим был Зафра, и еще чем-то большим, ибо грезил о власти и об обширном будущем царстве, где ему будут подчиняться ханы, а он не будет называть «господином» никого из людей... и все же он нервно сглотнул — при звуках неприкрытой злобы в ядовитых словах его хозяина, а может, и при виде убийства красоты и невинности.

«Злодей, — думал Зафра. — Так люди будут называть меня в грядущем — и никто не будет знать, что некогда я служил величайшему злодею, живущему на земле с тех пор, как три тысячи лет назад в Хоршемише умер Тугра Хотан!»

Актер-хан, отомстивший за свое мужское достоинство, монотонно продолжал тем же неумолимым голосом:

— Этот меч будет висеть на новых золотых крюках на стене за моим тронном, Зафра, и мне придется сдерживаться, чтобы время от времени не подвергать

его испытанию. А ты, о гений, впредь будешь именоваться Волшебником Замбулы, советником хана, будешь жить во вторых по значению покоях дворца, и служить тебе будут любой из моих собственных слуг по твоему выбору и девушка, которую я выберу лично. И... сегодня ночью... тебя посетит Тигрица!

— Мой господин, — с внезапной маслянистостью в голосе сказал Зафра, — чрезвычайно щедр.

Хан взглянул на него, и его глаза над носом, похожим на орлиный клюв, были блестящими, как у орла.

— Недостаточно щедр, Зафра, Волшебник Замбулы. Недостаточно — пока ты служишь мне.

Зафра поклонился одним из своих едва обозначенных поклонов.

— Я твой преданный слуга, Хан Замбулы!

— Хорошо. Теперь принеси мне мой замечательный новый меч! Потом пойди в город и найми двух головорезов за золотую монету, пообещав им еще три — каждому — за час работы. Пусть эту девку разденут, изуродуют и вынесут отсюда в кожаных мешках — нескольких. Мешки пусть оставят в Перелке Захватчиков. После того как дело будет сделано, эти двое должны будут вернуться к тебе, сюда, за дополнительно обещанными монетами.

Хан какое-то мгновение пристально смотрел на мага, потом добавил:

— Твои новые покои будут примыкать к тронному залу, Зафра.

Раздетая, изуродованная до неузнаваемости, — а потом разрубленная на куски, словно туша! Зафра едва смог удержаться, чтобы снова не сглотнуть подступившую к горлу тошноту, — ибо в эту минуту хан смотрел на него.

— Мой господин — я понял. И их наградой будет не золото, а сталь?

— Возможно, они отметят дело кружкой вина, щедро сдобренного пряностями.

— Я понял, мой господин. У меня есть такие пряности.

— Никто, кроме нас с тобой, не будет знать, что произошло здесь, Волшебник Замбулы, потому что сейчас, когда я буду уходить, я заберу охранников с собой. Ты последуешь за нами через некоторое время; им дадут понять, что ты сам проводишь в ее комнаты ту дрянь, которую я оскорбил именем трижды чувственной Деркетто! Потом, маг, отправляйся в свои старые покои, пока для тебя готовят новые, и смотри, принеси мне известия о Глазе Эрлика прежде, чем я сяду за ужин!

Зафра кивнул и спустился, чтобы вырвать обремененный заклятием клинок из сердца девушки.

5. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ВОЛШЕБНИКАХ

С начала Конан и Хассек скакали прямо на восток, чтобы как можно скорее пересечь границу Заморы. Они обсудили возможность продолжить путь в этом направлении и пересечь таким образом степи и узкую полосу земли, которая и была собственно Тураном; так они могли бы достичь берега и сесть на корабль, идущий на юг по морю Вилайет. Мудро или нет, но они решили отказаться от этого плана. Путешествие на юг посуху обещало быть долгим и нелегким. И все же оно было несколько более надежным, чем путь по морю.

Итак, едва покинув Замору, они сориентировались по солнцу и повернули к югу. Они не стали приближаться к восточной границе Хаурана, маленького южного соседа Заморы, а направили своих лошадей на юг, через степи. Взгляды путников постоянно блуждали по сторонам, ибо в этой земле жили кочевники, а среди них были такие, которые постоянно совершали набеги и очень по-собственнически относились к своим территориям в этих холмистых степях.

— Конан... — начал Хассек, слегка покачиваясь в седле крупной чалой лошади, которую он называл Железноголовый. — Однажды ночью Аджиндар отправился грабить дом Хисарр Зула, и надо же тебе было,

к несчастью, выбрать ту же самую ночь. Аджиндар так и не появился больше, живым, я имею в виду; его тело было найдено несколько дней спустя в сухом русле реки за пределами Аренджуна. Он и в самом деле умер от укусов змей. Только мне пришлось в голову, что он был укушен не тогда, когда бродил по этому сухому руслу. Примерно в то же самое время некто Конан, киммериец, исчез из Аренджуна. Теперь, почти два месяца спустя, я нашел тебя в Шадизаре. А что касается Хисарр Зула... несколько недель назад его дом сгорел. Это была твоя работа?

— Я расскажу тебе эту историю, — сказал Конан. — Я был вором в Аренджуне. Я ничего не знал о Хисарр Зуле. Я совершил пару удачных краж и жил в таверне в верхнем городе — где мне было не место. Теперь мне кажется, что все это было так давно! Столько всего случилось с той ночи, когда это началось; каким юным кажется тот Конан! Девушка, которую я обхаживал в той таверне в Аренджуне, как оказалось, была любовницей префекта стражи, — ну, вообще-то говоря, помощника префекта, — и он был очень ревнив. Он ворвался в таверну со своими людьми и, уверяю тебя, очень старался меня спровоцировать. Некто Кагуль. Наконец я услышал скрежет его меча — на него самого я не обращал внимания, — и начал действовать. Их было четверо. Кагулю слегка досталось, и паре других тоже. И вот тогда какой-то человек, которого я не знал, убил одного из них и помог мне бежать, потому что услышал, что приближаются еще несколько стражников. Это был Аджиндар. Я вылез через окно и оттуда на крыши; мы, киммерийцы, неплохо умеем лазать поверху.

— Ты был ранен?

— Ни царапины.

— Вы, киммерийцы, умеете не только лазать поверху.

— Угу. И вот так, случайно, я услышал, как двое агентов разговаривали в одной из верхних комнат таверны; агентов хана Замбулы. Карамек и Испара-

на — женщина, и какая женщина! — планировали ограбить некоего волшебника. Хисарр Зула. Когда я услышал их разговор о том, какую ценность для Актерхана имеет нечто, называемое Глазом Эрлика, и о том, что оно находится у Хисарр Зула, я остановился послушать. Узнав, что они собираются ворваться в дом мага через две ночи, я покинул эту крышу — обещая себе, что проберусь туда следующей ночью и перехвачу у них добычу.

На следующий день я все разведal и составил план. В ту ночь я без особых трудностей проник в замок Зула. Там я нашел Аджиндара, который сражался с кошмарными созданиями Хисарр Зула — колдун украл у них самые их души и заключил в зеркала, которые затем разбил. Это были тупые, пустоглазые твари, созданные волей волшебника; глупые сторожевые псы с мечами. Я узнал Аджиндара; он помог мне предыдущей ночью. Было бы умнее оставить его отвлекать этих «людей», пока я искал амулет, но... я спас его. Мы очень мило разрезали несколько этих существ на куски и, я думаю, оказали им этим большую услугу! Когда мы с Аджиндаром назвали друг другу свои имена и он обнаружил, что я тоже охочу за Глазом, он, к моему потрясению, напал на меня без всякого предупреждения. Если бы он не поскользнулся в крови одного из этих мертвых бездушных чудищ, он поразил бы меня первым же своим внезапным ударом! Мы только что разговаривали; мы спасли друг другу жизнь, и мы были друзьями, кровными братьями!

Конан потряс головой и некоторое время ехал с угрюмым лицом, в задумчивом молчании.

— Он поскользнулся, как я уже сказал, и налетел на дверь. От толчка в ней открылось потайное отделение, и оттуда в тот же миг выскользнули две гадюки. За какие-то секунды они укусили его несколько раз — в лицо.

Хассек спросил:

— Это все?

— Нет, это не все. Он уже раз пытался убить меня. Теперь, хотя он узнал, что должен умереть через несколько минут, он сделал еще одну попытку: он швырнул в меня этих проклятых гадюк! К тому времени я уже выхватил меч, и удар моего клинка разрубил их обоих в воздухе. Потом мне оставалось только наблюдать за тем, как Аджиндар распухает на глазах, и чернеет, и умирает. Он немного рассказал мне о Глазе, пытаясь завербовать меня для завершения своей миссии: отвезти амулет в Иранистан. И умер. Хассек, я был опечален вдвойне. Этот человек мне нравился, я уважал его способности и его понятие о чести. А он пытался убить меня без предупреждения, внезапным ударом. И теперь умер не достойной, а глупой и отвратительной смертью.

— Аджиндар заслуживал лучшего, — сказал Хассек.

— Я пошел искать Глаз. Двое замбулийцев проникли в эту комнату раньше, чем я. Он был у нее — Испараны. Какая женщина эта Испарана! Карамек, ее напарник, вступил со мной в бой, а она бросилась бежать, и к тому времени, как я разделался с ним, она успела выскочить в дверь и запереть ее перед моим носом.

— К этому времени, — задумчиво сказал Хассек, — были мертвы и несколько бездушных приспешников Хисарра, и Аджиндар, и Карамек. Все, так или иначе, от твоей руки или из-за тебя.

— Да, — равнодушно отозвался Конан. — Я отскокил от этой двери и бросился к окну — и попал в ловушку, которую Хисарр устроил для тех, кто мог влезть через это окно! Я оказался там зажат в железных челюстях. Я сломал меч и несколько ногтей, пытаясь освободиться, но не смог этого сделать. Мне оставалось только ждать, когда придет Хисарр. И он пришел, торжествующий, злорадный, и сказал мне, что я должен буду отобрать Глаз у Испараны и отдать ему. Уф! Я согласился бы плясать целую неделю или слетать в Кхитай и принести ему дракона и бороду императора впридачу — лишь бы выбраться из его крепости и не попасть в тюрьму. Но он был слишком

хитер для этого. С помощью какого-то порошка он лишил меня сознания. Когда я очнулся, оказалось, что он... забрал мою душу! Он показал ее мне — маленького меня в зеркале. Если зеркало разобьется, сказал он, я навсегда останусь без души — как те, бывшие некогда людьми, что служили ему. После этого я согласился и отправился за Испараной — ради Хисарр Зула.

Хассек услышал скрежет и, взглянув на Конана, увидел, что тот так сжал зубы, что его челюсть побелела.

— Ты... ты забрал свою душу обратно, Конан?

— Да. Она была возвращена мне меньше двух недель назад королевой Хаурана.

— Хаурана! Значит, ты был там, пока я обыскивал Шадизар? Но почему ты вернулся, если у тебя есть такой друг в Хауране?

— Она умерла, — сказал Конан и снова некоторое время ехал в молчании.

— Я спас ее и Хауран от чародейского заговора, целью которого было отдать их во власть Кофа, — пробормотал он наконец, — и, делая это, я... обрек ее на смерть.

Хассек ничего не сказал и продолжал ехать вперед. Ну и приключения были у этого юноши-северянина! В центр каких заговоров он попадал или влезал сам — и выпутывался из них, проливая кровь! Аджиндар был мертв, Карамек был мертв. И королева Хаурана... и, без сомнения, некоторые другие участники этого «чародейского заговора», о котором так коротко упомянул киммериец. Хассек знал, что и Хисарр Зул был мертв. Ему хотелось бы знать насчет этой Испараны...

— Продолжай, Конан. Итак, ты отправился за Испараной.

— Да. Один, в пустыню, с одной-единственной лошадиной. Я был глупцом, и мне везло. У первого же оазиса, где я остановился, на меня напали двое людей.

— И это было везением?

— Да... таким образом я заполучил их лошадей и

их припасы. Иначе пустыня, несомненно, убила бы глупого мальчишку из Киммерии.

— О, — спокойно сказал Хассек, — а эти двое...

— Мертвы.

— Конечно.

И пусть кто-нибудь другой попытается назвать тебя «мальчишкой»! Хассек оглянулся и увидел, что его спутник внимательно вглядывается в него.

— Не смотри на меня так пристально, Конан. Ты же знаешь, у тебя действительно есть склонность оставлять за собой кровавый след.

— Кром, бог Киммерии, — сказал Конан, глядя прямо перед собой, — в момент рождения киммерийца вдыхает в его душу способность сражаться и убивать. После этого он нас не замечает. Мы — мужчины.

— Ты... сражаешься — и убиваешь.

— Да.

Конан помолчал немного, пока лошади мерно шагали вперед, потом сказал:

— Я редко ищу неприятностей, Хассек. Они выслеживают меня, преследуют меня, разыскивают меня.

Он выпрямился в седле, и Хассек, оглянувшись через плечо, смог с расстояния в несколько футов, разделявшего их лошадей, насладиться видом того, как раздувается эта могучая грудь.

— Я не бегу от них, — сказал Конан, обращаясь ко всему миру.

— Мудрецы в моей стране говорят, что «нужно идти по той дороге, которая ждет», — сказал Хассек. — Это хороший совет. Храбрый и в то же время разумный человек вряд ли станет делать что-либо иное. Ты догнал Испарану?

— Да, в конце концов, — безрадостно отозвался Конан и больше ничего не говорил на протяжении многих миль.

Хассек позволил своему более молодому товарищу погрузиться в размышления. Степная трава попадалась все реже и реже. Они приближались к великой пустыне. Если ехать по ней прямо на юг, то там, у самой

границы песков, вздымались к небу стены, и башни, и купола дворцов Замбулы. К югу и востоку от Замбулы, у подножия цепи могучих гор, распластался Иранистан. Он был очень, очень далеко. Хассек спрашивал себя: куда заведет их дорога, которая ждала, теперь, когда они пошли по ней? Он подумал, что, возможно, Конан размышлял о том же самом.

— Глубоко в сердце пустыни, — внезапно начал Конан, и Хассек физически вздрогнул при звуках этого голоса, раздавшегося слева от него, — я встретил нескольких солдат из Самары. Это были неплохие ребята, которые без особого интереса выслеживали парочку воров, направлявшихся на север. Ворами оказались те двое, которые пытались ограбить и меня. У меня с собой была большая часть их добычи и их лошади — с верблюдами я справиться не смог.

— А кто может? — с улыбкой спросил Хассек.

— О, теперь я могу! Во всяком случае, эти добрые парни тоже оставили мне несколько вещей из добычи тех, кого они преследовали. И отправились своей дорогой, предупредив меня, чтобы я держался подальше от некоего перевала.

— Ущелье Песчаного Чудовища!

— Вот именно. К несчастью, я заметил Испарану в нескольких милях впереди и знал, что этот перевал позволит мне подобраться к ней гораздо ближе, чем если бы я поднялся верхом на один из тех проклятых Драконовых Холмов, и спустился с него, и повторил бы то же самое снова и снова. Я выбрал Ущелье Песчаного Чудовища.

— И остался в живых!

— И остался в живых, Хассек. Оно напало на меня. С ним было невозможно сражаться, и мои лошади унеслись обратно, туда, откуда мы пришли. Сами пещки поднялись мне навстречу. Они образовали что-то вроде смутно похожей на человеческую фигуру, которая постоянно перемещалась вместе с кружащимся в вихре песком, — и она схватила меня. Я был беспомощен, как ребенок; я задыхался. Я услышал голос, ее

голос — она требовала сказать ей, не был я Хисарр Зулом! Этот голос каким-то образом разговаривал внутри моего мозга, и я каким-то образом ответил ему. «Нет, — сказал я чудовищу, — я хочу убить Хисарр Зула, потому что это могу сделать только я один».

Конан взглянул на своего спутника:

— Это небольшое преувеличение, поставщик благовоний для королевы Кофа.

Хассек без улыбки кивнул.

— Значит, мы оба умеем лгать, — задумчиво промормотал он, спрашивая себя, сумел бы он сохранить присутствие духа, чтобы солгать какому-то песчаному демону, если бы тот в эту минуту усердно пытался задушить его!

После этого песчаное чудовище отпустило его, продолжал Конан, и рассказало ему свою историю: оно было безглазым духом умершего здесь десять лет назад брата Хисарр Зула, и за все эти годы оно сумело подчинить своей воле сами пески. И так оно убивало всех, кто пытался пройти через перевал. Слепо разыскивая своего убийцу, Хисарра, оно нападало на всех путешественников и расправлялось с ними. Похожий на лощину перевал был усеян костями, клочками одежды и оружием. В течение многих лет по этому долгому кратчайшему пути через сводящие с ума Драконовы Холмы шли только глупцы или те, кто ничего не ведал о стонущем песчаном кошмаре, который обитал здесь.

Хисарр и его брат — это были Тосия Зул, Песчаное Чудовище — много лет изучали древние науки, тайные знания давно умерших волшебников. Они познали секреты, не известные больше никому из тех, кто живет среди людей: демоническое учение о бесформенных кошмарах, таящихся вокруг холмов этого мира и в самой черноте между мирами, в темных пещерах, куда не ступает нога человека, и даже в вечно перемещающихся пустынях, превращенных палящим солнцем в вечность. Хисарр и его брат искали власти. В своем доме в Замбуле они заговаривали всякие мерзости; и хан узнал об этом и послал людей схватить их. Они

бежали, прихватив с собой мешки всякого добра, но оставив свои познания, — так думал Тосия Зул. Он даже рискнул своей жизнью, чтобы вернуться и спасти Хисарра. Они бежали, оставив позади бесценные сокровища древних знаний. Они бежали в ночь, как псы, — богатые псы!

Хисарр солгал своему брату. В Драконовых Холмах Тосия обнаружил, что Хисарр прихватил с собой некоторые из старинных рукописей. Они поссорились. Ночью Хисарр убил своего брата и выжег ему глаза раскаленными добела монетами, чтобы он не смог увидеть дорогу в следующий мир. А сам продолжил путь в Арэнджун.

— Там он усовершенствовал способы похищения людских душ, как я узнал к своему смятению, — хуже, чем смятению! Понимаешь, он хотел использовать это, чтобы подчинить своей власти некоторых чиновников, и таким образом вскоре овладеть всем городом. А потом и страной — и все это путем угрозы душам, находящимся в его власти. После этого... — Конан пожал плечами. — Еще одна страна, я думаю, и потом, возможно, другая. В течение десяти лет Песчаное Чудовище, которое было Тосия Зулом, испытывало мучения и убивало всех, кто пытался пройти мимо него. Шакалы сожрали его плоть, и, хоть он и был мертвым, он знал это — и чувствовал! Чудовище оплакивало десятилетие, которое оно провело в муках — мертвое и в то же время не мертвое, — и даже само заявило, что я должен понять: оно не может больше быть в своем разуме! О, я-то очень хорошо это понимал!

— Ты стоял и разговаривал вот так... с песком? Ты видел этого мертвого волшебника?

— Я видел все время меняющий свою форму столб песка. Голос говорил внутри моей головы. Он рассказывал мне, как я могу заполучить обратно свою собственную душу: я должен был помешать разбить зеркало, ибо это обрекло бы меня навеки. И, однако, я должен был сделать так, чтобы оно было разбито —

человеком, носящим корону. Чудовище сказало, что у всех, кто правит, есть сила; сила, которую они сами не сознают. Однако сначала я должен был захватить обратно зеркало. Потому что, видишь ли, у меня почти не было сомнений в том, что стоит мне привезти Хисарр Зулу амулет, и он сразу же проявит все свое вероломство. Я не верил, что он вернет мою душу и отпустит меня на свободу. Песчаное Чудовище рассказало мне, как я смогу освободить тех бездушных тварей, созданных его братом.

Киммериец начал описывать жуткие средства, которые должны были дать покой этим нелюдям, и Хассек, взглянув на него, увидел, что его профиль превращается в суровый лик каменной статуи какого-то мрачного бога, и тут же понял, что Конан совершил это: необходимо было отрубить голову волшебнику, набить череп, и уши, и ноздри землей, а потом сжечь эту голову всю без остатка.

— А-а. И замок Хиссар Зула сторел вместе со всем содержимым. Это была твоя работа, Конан?

— Да, — сказала статуя с прищуренными глазами. — Пламя распространилось от его головы, после того, как сама кость превратилась в известь и пепел.

— Но как тебе удалось одолеть его?

— Дух Тосии рассказал мне о нескольких способах сделать это, и все, кроме одного, были слишком ужасными, чтобы их можно было принимать в расчет. Я...

— Расскажи мне, — попросил иранистанец, руки которого покрылись мурашками, — о тех нескольких средствах, которые даже для тебя были слишком ужасными, чтобы их можно было использовать против такого ужасного человека, как Хисарр Зул!

— Я помню их, — безжизненным голосом сказал Конан. — Я никогда их не забуду. Как сказало мне чудовище, после смерти своего брата оно наконец смогло бы получить свободу от этой жизни-после-смерти, смогло бы покинуть ущелье и отправиться... туда, куда отправляются подобные злые души после смерти. Оно сказало мне, что я должен сделать, и я

спросил, есть ли еще способ, а потом еще. И хотя оно каждый раз впадало в ярость, я напоминал ему, что я для него — средство добыть свободу, уничтожить Хисарр Зула.

И Конан спокойно, монотонным голосом перечислил эти способы.

Хисарр Зула можно было убить, удавив его волосом девственницы, погибшей от бронзового оружия и ставшей женщиной после смерти и после того, как волос был удален. Конан сказал, что когда он услышал это, его чуть не вырвало, — так же, как сейчас Хассека. Какая мерзость! Или же Хисарра можно было убить водами реки Зархебы, ибо они истекали ядом; проблема заключалась в том, что Зархеба была очень, очень далеко, в юго-западном Куше. Или его можно было убить железом, выкованным в Стигии над костром из костей, потому что из этой темной, исполненной колдовских чар земли, обители злобно скалящихся демонов и магов, пришла большая часть заклятий, выученных двумя волшебниками.

— Боги и кровь богов! — сказал Хассек, не пытаясь скрыть содрогания.

— Да. В конце концов он сказал мне также, что Хисарр Зула можно одолеть, обратив его собственное колдовство против него. Мне это показалось невозможным — но в результате я именно это и сделал.

— Как?

— Я не скажу тебе, — невозмутимо ответил Конан, и Хассек не стал спрашивать снова.

У Конана не было ни средств передвижения, ни припасов. Тосия Зул разрешил эту проблему — ради себя самого; киммериец интересовал его постольку, поскольку был оружием, которое дух мог обратить против своего брата. Началась песчаная буря. Она подняла Конана в воздух; ветер подхватил его и унес на много миль к югу — к одному оазису, куда, как думал дух, направлялся Хисарр Зул; Конан знал, что на самом деле туда приближалась Испарана, потому что

теперь он обгонял ее на том пути, по которому она шла со своими верблюдами.

— Волшебник дал мне безобидную копию амулета. Я смог подменить его так, чтобы Испарана об этом не узнала. Потом... ну, по разным причинам, — это действительно такая женщина, Хассек, что только держись, и к тому же прекрасно владеет мечом и вероломна, как... как Хисарр! Как я говорил, по разным причинам нас нагнал караван. Он был из Хорезма, и эти люди были работорговцами. Вскоре мы с Испараной вновь оказались попутчиками и вновь пошли на север — прикованные к цепи вместе с другими невольниками.

— Тебя, помимо всего прочего, еще и обратили в рабство?

— Да, — спокойно сказал Конан. — Но уверяю тебя, не без того, чтобы я убил несколько человек из тех, кто охранял караван.

«И оставил за собой еще несколько трупов», — подумал Хассек и ничего не сказал.

— Все из-за этой проклятой Испараны! Она тогда как раз пыталась убежать от меня. Они схватили ее. Они приковали нас обоих к веренице рабов. И мы оба зашагали на север — в цепях. У каждого из нас был амулет — она не видела моего и не знала, что ее амулет был не настоящим, не имеющим никакой ценности для Хана Замбулы.

— Но как, во имя Эрлика и Друда, ты смог бежать из хорезмийского работорговческого каравана — посреди пустыни... в цепях?

— Друд — это бог, который мне не известен, — сказал Конан, кажушееся спокойствие которого просто бесило его попутчика.

— Самый древний из богов, которому все еще поклоняются в Иранистане, — коротко объяснил Хассек.

— Признаюсь, — сказал Конан, — что я вовсе не бежал. Я упоминал уже о пятерых солдатах из Самарры, которых встретил раньше. Мы встретили их снова; они возвращались назад. Я кричал без передышки, и

капитан Арсиль из Самарры сделал так, чтобы нас освободили. Поскольку я слишком добр для своего же собственного блага, я потребовал, чтобы Испарану освободили тоже, — он усмехнулся. — В последний раз, когда я ее видел, она направлялась на юг, и ее «сопровождали» в Замбулу Арсиль и его люди — которые ничего не знали о нашей настоящей цели, Испараны и моей, — в то время, как я ехал на север с ее верблюдами и лошадьми.

Хассек рассмеялся вслух.

— И, значит, она отвезла фальшивый Глаз Эрлика обратно к Актер-хану, который, без сомнения, носит его в настоящую минуту, веря, что это его собственный, колдовским образом изготовленный защитный талисман! Потому что это амулет, особо и исключительно настроенный только на него, Конан, при помощи колдовских чар.

Конан покачал головой.

— Нет, — сказал он, и Хассек в изумлении уставился на него. Неужели было что-то еще?

— Чтобы удостовериться, что амулет, который я принес ему, действительно настоящий, Хисарр Зул сотворил заклинание, которое растопило копию и превратило ее в бесформенный кусок шлака. Я сожалею об этом. Даже для Испараны я не желал бы таких страданий или, если она после них останется в живых, такого шрама от ожога между грудями. Они были очень красивыми.

Хассек, как до него и его соотечественник-иранистанец, от которого Конан перенял свою привычку, ответил на эту досадную новость одним-единственным словом:

— Черт!

Конан взглянул на него, и в кои-то веки раз эти пламенные голубые глаза были почти безмятежными.

— Да, — сказал он.

Они ехали дальше, и здесь уже начиналась пустыня. Даже солнце казалось теперь более горячим. То там, то сям из желто-белой почвы вырисовывались чахлые

растения, упорно цепляющиеся за землю и за жизнь. Солнце и небо стали ярче, словно отражая все более участки местности под копытами лошадей.

— Конан, — сказал Хассек, — ты... случайно не знаешь также о разрушении некоей могущественной башни, принадлежавшей человеку по имени Яра, жрецу из Аренджуна?

Конан усмехнулся, несмотря на легкую дрожь, пробежавшую по его телу при воспоминании об этом поединке с колдовскими чарами, случившемся всего четверть года назад.

— Возможно, Яра прогневал бога, которому служил, и тот поразил его сияющую, как драгоценный камень, башню ударом молнии, Хассек.

— Возможно. А может быть, я еду в компании поистине великого вора — и погибели для волшебников.

Конан только усмехнулся, но по мере того, как они ехали дальше, задумался. Погибель для волшебников? Это правда, что у него было несколько интересных приключений с несколькими волшебниками и продуктами волшебства... и что он остался в живых, а волшебники — нет. Он размышлял над этим, пока они ехали на юг, в глубь сверкающих песков.

6. ВОЛШЕБНИК ЗАМБУЛЫ

Далеко-далеко к югу от Конана и иранистанца, в той же самой пустыне и, в общем-то, всего в нескольких днях пути к северу от Замбулы четверо солдат из Самарры, проснувшись, обнаружили, что один из их числа исчез. Исчезла и «гостья», которую они сопровождали. Самаррский капитан ударил себя кулаком по ладони.

— Гром и молния! Я бы поручился за Сариду своей правой рукой! Клянусь бородой Тарима — эта проклятая ведьма...

— Да, капитан, — сказал один из его людей. — Сарид таращил на нее глаза с самого начала, когда мы

освободили ее и киммерийца из хорезмийской вереницы невольников. Правду сказать, Сарид сам себя назначил ее охранником. Никому из нас и в голову не приходило обращать на них внимание или прислушиваться к словам, которыми они обменивались, пока мы ехали, и стояли лагерем, и ехали снова.

— А теперь эта потаскуха уговорила его ускакать вместе с ней! Саид! Он предал нас... предал долг и короля... из-за этой вероломной замбулийки! Тарим бы побрал тот день, когда мы позволили этому киммерийцу навязать ее на наши головы!

— Может статься, она умрет от этого ожога...

— Который мы ей смазывали бальзамами и перевязывали с такой нежной заботой! Хм! Нам этого не дожидаться, Салик. Такие, как она, живут вечно.

— Капитан Арсиль... она все время клялась, что служит Хану Замбулы. И что животные и припасы, которые забрал киммериец, принадлежали ей. И еще она не переставала утверждать, что он увез амулет, принадлежащий ее хану. А тот, что был у нее... — самаррский солдат с дрожью в голосе оборвал свою речь, сделал оберегающий знак и пробормотал имя какого-то бога.

Голова капитана дернулась.

— А ким... Конан сказал, что все наоборот. Теперь я не знаю... они с Саридом поскаки на север, Камбур?

— Похоже, да, — сказал третий солдат.

— Так. Она поворачивается спиной к Замбуле, а ведь мы уже почти там. Несомненно, чтобы попытаться выследить киммерийца Конана! Может быть, этот мошенник со странными глазами все-таки солгал нам. Признаюсь, он мне понравился... Все ради амулета, а? Камбур, я готов побиться об заклад, что бедный глупый Сарид не доживет до новой луны. Этот киммериец достаточно велик, чтобы сожрать его целиком. Ах, бедняга! Клянусь Таримом, я надеюсь, что Конан разрубит эту проклятую ведьму и бросит ее в пищу собакам!

— Арсиль... капитан... мы... последуем за ними?

— Нет! Клянусь Таримом, нет! Я не собираюсь провести остаток жизни в этой пустыне или задерживать вас здесь. Украденный товар, за которым нас посылали, — у нас... большая его часть... и я без особого удовольствия представляю себе, как буду рассказывать той Саридовой девушке о том, что с ними случилось, — капитан Арсиль застонал. — И его матери... и командиру!

— Э... может, им всем было бы лучше — и нам тоже, — если бы мы объявили, что Сариду убили. Как героя. А потом...

— Чтобы он каким-нибудь образом объявился в Самарре на следующий день, или в следующем месяце, или в следующем году? О нет, Камбур, и ты никогда не станешь сержантом, если у тебя в мыслях будет такая неразбериха. Нет! И... Камбур.

Красивое загорелое лицо Арсиля приняло задумчивое выражение.

— Лучше будет, если мы ни словом не обмолвимся ни о Конане из Киммерии, ни об этой проклятой Испаране, пока будем проезжать по замбулийской территории.

Камбур, иранистанец на службе Самарры, кивнул. Арсиль был прав, и его мысли были мудрыми, — хотя Камбур побился бы об заклад на свои сапоги, что этот громадный парень с прямым носом и глазами цвета неба обдурил их всех. Камбур не собирался так уж сильно скучать по Сариду... хотя ему было жаль, что Испараны больше с ними не было. Он со спокойной душой оставлял ее на попечение Сариду, зная, что у того дома есть девушка и что их помолвка была оглашена и зарегистрирована. Камбур сам лелеял кое-какие идеи и надежды по поводу замбулийской чаровницы, которую они нашли рядом с Конаном в хорезмийском невольничьем караване.

«Так, значит, Арсиль боится за Сариду?» Камбур встряхнул покрытой шлемом головой. К черту Сариду! Пусть этот верзила-варвар остерегается! Испарана в

достаточной степени женщина, в достаточной степени искусительница, чтобы даже его поставить на колени! А уж как она ненавидит этого киммерийца!

* * *

Предметы, загромождающие просторную комнату, были самыми разнообразными: от обычных, повседневных до странных, от экзотических до зловеще-таинственных и поистине ужасающих. Молодой маг, находившийся в этой комнате, был странен только тем, что был молод. Он разглядывал что-то в глубине хрустального шара и улыбался при этом. Его коричневый головной убор был странно высоким; кроме этого, на нем была простая длинная белая туника, надетая поверх коричневых штанов. На его груди висел медальон, покачивающийся в такт его движениям. Этот медальон представлял собой большое кольцо, усыпанное по краю жемчужинами; в центре сверкал многогранный рубин, окруженный двенадцатью солнечными топазами, образующими шестиконечную звезду. Медальон был подарком хана, так же, как и одно из двух колец, которые носил маг.

С улыбкой, которая не открывала зубов и не смягчала выражения лица, он отвернулся от своего волшебного шара; потом, мягко ступая ногами, обутыми в красный фетр, пересек комнату и подошел к высокой, обшитой панелями двери. Он дважды постучал в нее костяшкой одного пальца и, насвистывая, вернулся к шару.

Через несколько минут дверь открылась и появился еще один человек. Он был отчасти лыс, и хотя волосы сбегали с двух сторон вниз по его щекам, к линии челюсти, в середине они были сбиты и открывали подбородок с ямочкой. Рисунок из переплетенных лоз, вышитых алыми стежками, украшал его темно-коричневую мантию на подоле, манжетах и у шеи. На груди у него шуршала серебряная цепь, и он тоже был обут в красный фетр. Запястье вошедшего охватывал медный браслет.

Ни он, ни маг не произнесли ни слова. Он придержал дверь, и маг прошел мимо, даже не бросив на

него взгляда своих холодных и жестких, словно камень, карих глаз.

Молодой волшебник вошел в широко раскинувшийся, высокий зал под потолком, на котором было изображено небо и который поддерживали резные колонны, имитирующие деревья акации. В зале прежде всего бросалось в глаза возвышение у задней стены, а на этом возвышении — большое сиденье из фруктового дерева с гравировкой из серебра. Человек, сидящий на нем, не был ни красив, ни уродлив, ни толст, ни тонок, хотя у него и было брюшко. Поверх его длинной желтой мантии была надета еще одна, из травчатого синего шелка, совершенно очевидно привезенная с большими издержками из далекого Кхитая. Она была интересно скроена и прорезана так, чтобы выставить напоказ нижнюю одежду цвета шафрана.

Приблизившись к трону, молодой маг сделал скупое, едва заметное движение.

Человек на троне мгновенно отреагировал на знак:

— Оставь нас, Хафар.

Тот из вошедших, что был постарше, оставил открытой дверь в комнату мага и, шурша коричневыми одеждами, пересек просторный тронный зал. Он вышел через небольшую дверь в противоположной стене и закрыл ее за собой.

Человек на троне не отрывал от мага взгляда темных-темных глаз.

— Господин Хан, Глаз Эрлика снова движется из Аренджуна на юг.

— Что? Хорошо!

— Я увидел в хрустальном шаре, что он находится в руках одного иранистанца и того самого человека, который отобрал его у Хисарр Зула... и у Испараны.

Лицо Актер-хана частично утратило румянец.

— Иранистанец! Да сохранил нас Эрлик! Зафра — у кого из них Глаз?

Волшебник стоял теперь перед троном, у подножия платформы, на которую вели ступеньки, покрытые ковром того же синего цвета, что и верхний халат, или

платье хана. Взгляд мага перенесся на стену сзади и слева от трона. Там висел меч в ножнах; кроме него, на стене ничего не было. На его рукояти сверкали самоцветы. Ножны опирались на две скобы, которые были золотыми — или позолоченными. Холодные змеинные глаза мага встретились со взглядом его хана.

— Увы, мой господин, мои возможности не беспредельны. Эти двое путешествуют вместе, и я могу быть уверен только в том, что амулет путешествует с ними. Только если они разделятся, я узнаю, у кого из них Глаз.

— Тебя здесь хорошо содержат, Зафра, — сказал Актер-хан. — Твоя комната примыкает к самому тронному залу. По твоему сигналу я выслал отсюда всех и по твоему знаку отпустил своего визиря! Ты здесь ни в чем не испытываешь недостатка. Мне нужно больше сведений.

Зафра почувствовал, что ему следует поклониться, — пусть коротко и не очень низко.

— Ни один человек в мире не мог бы сказать тебе столько, сколько я уже сказал, господин Хан Замбулы. В этом я клянусь своей бородой и своей властью! Глаз Эрлика распространяет вокруг себя некую ауру, потому что это предмет, созданный с помощью колдовских чар. Однако, если бы он находился среди трех человек, или даже десяти, то даже наиболее сведущий из этих прославленных волшебников покрытой сенью демонов Стигии не смог бы сказать, в чьих руках он находится, до тех пор, пока этот человек не отделился бы от других. Я определил местоположение амулета, господин Хан. Я могу следить за ним по мере его приближения. Я это сделаю. Сейчас он далеко от нас. Кто бы из этих двоих ни владел им, мы сможем легко отобрать его, как только они подъедут на достаточно близкое расстояние. А пока что, Актер-хан, — они приближаются к нам, и нам не нужно ничего предпринимать. Я буду наблюдать.

— Если только они не свернут к востоку, чтобы обойти Замбулу стороной по пути в Иранистан!

— Я буду поддерживать наблюдение, мой господин. Я считаю, что сейчас они находятся к югу от Дороги Королей. Однако, если они повернут на восток, к морю, наши люди все равно никаким образом не доберутся туда раньше них.

Пальцы Актер-хана забарабанили по покрытому серебряной резьбой подлокотнику трона; его ногти стучали по дереву.

— Наблюдай за этими двоими, Зафра, и докладывай мне три раза в день, не реже. Даже чаще, если они изменят направление или если ты установишь, кто из них везет Глаз.

— Да, Хан Замбулы. Конечно. По крайней мере, теперь мы знаем, что амулет снова держит путь в нашу сторону.

— Или в сторону Иранистана. Этого не должно случиться!

— Они в неделях пути от нас, господин Актер. Мы узнаем. Моему господину не нужно волноваться. Я буду держать тебя в курсе.

— М-м-м. И до сих пор не знаем ничего о Карамеке и Испаране. Чума заberi... Хафар! Хафар! Лучше, если я сделаю еще одно подношение храмам Эрлика и Йога, потому что, без сомнения, какой-то бог сердит на меня, и я не могу поверить, что это Хануман! Хафар!

Когда Хафар вошел, маг Зафра уже покидал зал, а Хан Замбулы извернулся на троне, чтобы посмотреть на висящий на стене меч. Он делал это по нескольку раз в день, и Хафар постоянно гадал, что означал меч для его господина и каким был источник влияния Зафры.

Зафра тем временем закрыл за собой дверь и приклонился спиной к панелям, пристально глядя на ожидающую его женщину. В тот момент, когда он запер дверь на засов, женщина улыбнулась и позволила своему единственному одеянию упасть амегистовой горкой у ее ног.

— Чиа, — выдохнул он. — Тебе не следовало

приходить сюда. Я что, должен начать запира́ть дверь в коридор?

Она лениво улыбнулась и повела бедром, на котором лежала тонкая золотая цепочка, опоясывающая снизу изгиб живота с голубой ямкой пупка. Это было все, что на ней было надето, если не считать колец, которые, как и медальон Зафры, были подарком ее господина — хана.

— Но кто может держаться в стороне? — мягко спросила она. — Иди сюда и заставь свою Тигрицу мурлыкать.

Человек, которому оказывал предпочтение Хан Замбулы, подошел к женщине, которой оказывал предпочтение тот же самый хан.

7. ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ

— Спокойно, Железноголовый; мы уже снаружи, ребятки. Как ты и сказал, Конан. Мы прошли через весь этот населенный призраками перевал и не увидели даже следов духа или песчаного чудовища. Я прошу прощения за то, что сомневался в тебе. Да что там, ты герой! Это сократит путь от Замбулы до Заморы на целый день, а то и больше.

Конан кивнул, покачиваясь в такт движениям своей лошади. Он чувствовал себя героем, очень кстати забывая о том, что два месяца назад его погнало через этот перевал смерти чистое безрассудство и не поддающееся никакой логике упрямство. Выбросил он из головы и тот факт, что только везение или какой-то другой всеоправдывающий бог не дал ему стать просто очередной жертвой духа, который так долго рыскал в ущелье, прорезающем Драконовы Холмы.

— Сначала, — сказал он, — нужно будет убедить путников в том, что этот перевал безопасен. Я считаю, что нам лучше пока держать при себе то, что мы знаем, Хассек. Замбулийцы могут задать слишком много вопросов.

Иранистанец, едущий чуть впереди и слева от него, согласно кивнул.

— Я понимаю. Амулет. Я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы ты показал мне его, Конан.

Из горла киммерийца вылетел короткий смешок; напомнивший его попутчику покашливание льва.

— А я бы чувствовал себя более спокойно, если бы мог поверить, что тебя устроит, чтобы мы оба привезли его твоему... нанимателю, Хасс! Ты же видел, как я уходил в пески, чтобы откопать амулет. Он у нас.

— Конан, ты мне нравишься. Ты боец, и ты довольно благоразумен, и я думаю, что ты честный юноша. В...

— Если бы у меня было больше благоразумия, я, вне всякого сомнения, был бы менее честным, — сказал Конан, лицо которого потемнело при слове «юноша».

— Я не верю в это. В любом случае, я знаю своего господина. Я знаю, что он вознаградит нас обоих. У меня нет причин желать тебе зла или пытаться отобрать у тебя амулет. Даже если бы мы были врагами, я предпочел бы лучше пересечь пустыню с тобой, чем в одиночку!

Конан резко рассмеялся.

— Я могу назвать человека, который желает мне зла и у которого к тому же есть причины попытаться отобрать у меня амулет... предпочтительно сняв его с моего трупа!

— Та замбулийка.

— Да!

— Ты считаешь, что амулет был на ней, когда Хисарр Зул расплавил его, превратив в каплю желтого металла.

— С утопленными в ней тремя самоцветами. Я не думаю, что она сняла бы его. Бедная Испарана! Хорошая воровка, и так умна — и на нее так приятно смотреть, Хасс.

— Хорошая награда за ее воровство, я так считаю, — сказал Хассек, игнорируя тот факт, что он сам,

посланный для того, чтобы украсть амулет для человека, который не был его владельцем, ехал теперь в компании вора. — И она не была твоей.

— Нет.

— Ц-ц. А теперь эта ее красивая грудь может быть покрыта шрамами от ожогов.

— Может.

— Ты, похоже, э-э... не слишком огорчен, мой друг.

Лошади шли на юг, оставляя позади Ущелье Песчаного Чудовища и Драконовы Холмы. Две выючные лошади шагали позади, несомненно, оскорбленные тем, что их каждый второй день превращают из верховых скакунов в рабочий скот. Только прекрасное животное под Конаном, казалось, узнавало свое прозаичное имя; Хассек называл «Железноголовым» любую лошадь, на которой он ехал в данный момент. По крайней мере, как сказал он Конану, именно таким было значение иранистанского слова, с которым он обращался к животному.

— Она пыталась убить меня, Хасс. А вообще-то потом еще раз: три раза! И оставила меня умирать или быть убитым этими хорезмийскими работоторговцами. И учти, это после того, как я спас ее от них! Только потому что она свалила меня таким предательским ударом, мы оба провели годы в этой их веренице невольников.

— Годы!

— Так мне казалось, — прорычал Конан. — День без свободы — год для киммерийца.

— Конан... насчет Глаза. Раз Хисарр сделал так, чтобы компоненты копии, соединившись, уничтожили ее, — значит, он должен был видеть оригинал, — Хассек поправил ширинку своих мешковатых шаровар. — Я имею в виду, в то время.

— Это было поручение, которое я должен был выполнить для него, — сказал Конан. — Он ограничил меня во времени; мне пришлось отнести ему Глаз. Конечно, он его видел. Он просто его не получил.

— Мне больно за него. Но в таком случае... Конан...

мне кажется странным, что после того, как ты вернулся с амулетом в Арэнджун, и показал его Хисарру, и убил Хисарра... кажется странным, что ты потом снова оставил Арэнджун и поехал в пустыню, чтобы закопать там Глаз.

— Сомневаешься в моем слове, а, Хасс?

Хассек слегка потянул левый повод и оглянулся через плечо на своего попугайчика, который поправлял повязку на лбу. Хассек был не так уж далеко впереди; правый бок Железноголового практически терся о нос лошади Конана. Киммериец дал этому гнедому животному имя Гнедыш. Оно вполне выполняло свое назначение. Другую лошадь он называл Лошадь.

— С большой осторожностью отношусь к этому, ты, сын киммерийца, потому что ты едешь у меня за спиной!

Конан улыбнулся, потом засмеялся.

— Ну ладно. Если бы мой рассказ был ведром, то в нем было бы столько дыр, что там не задержались бы и две капли воды. Я не закапывал Глаз Эрлика в пустыне.

— Ты спрятал его в Арэнджуне? — Хассек хлопнул себя по лбу. — Вместе с лошадьми!

Конан покачал головой.

— Он все это время был при мне, Хассек.

Хассек выругался — на двух языках и упоминая четырех разных богов. Конан ухмыльнулся и кивнул со знанием дела. Человеку полезно ругаться, а способность разнообразить языки может здорово помочь.

— Но почему...

— Мне показалось неплохой идеей позаботиться о том, чтобы мы оба оставались беглецами и выбрались из Шадизара — и проехали мимо Арэнджуна, — прежде чем я сообщу тебе, что эта штукавина у меня, Хасс. Когда мы с тобой наедине, я думаю, я могу с тобой справиться.

— Хитрый варвар с холмов! — иранистанец усмехнулся.

— Коварный нехититель с гор! — Конан тоже ус-

мехнулся и покачал головой. А лошади размеренно шли вперед, все время на юг. За крупами выючных животных линия острого хребта холмов, называемых Драконовыми, словно съеживалась, сжималась, уменьшалась в размерах.

— Эй! Подержи мою лошадь!

Хассек перебросил поводья вперед через голову лошади так, что они волочились по земле, и, махнув ногой вверх и назад, соскочил с седла. Он побежал, и в его руке сверкнул кинжал; Конан наблюдал за тем, как он метнул его. Покинутая лошадь стояла и глядела в пустоту. Кинжал полетел точно в цель, и Конан кивнул и поджал губы. Ему лучше не забывать о том, что Хассек умеет бросать нож!

Иранистанец вернулся, ухмыляясь и скрипя сапогами по песку. В руке он нес добычу: маленькую уродливую ящерицу.

— Свежее мясо на обед, — объявил он.

— Уф, — отозвался Конан.

— Ну тогда обедайся этой проклятой солониной, — сказал Хассек и просунул ящерицу в петлю на голенище сапога, прежде чем вскочить в седло с высокой задней лукой и удобно в нем устроиться.

Конан ничего не сказал; он знал, что когда они поджарят эту ящерицу над парой верблюжьих «лепешек», подобранных по дороге, она будет пахнуть так же хорошо, как самая лучшая говядина, и он съест ее с превеликим удовольствием. Они ехали дальше. Солнце глядело на них сверху вниз огромным пылающим глазом. Нос Конана облупился уже несколько дней назад. А вчера облупился еще раз.

— Конан, — насчет этой Испараны. После всего, что, как ты сказал мне, она сделала — вероломная дрянь! — ты все-таки освободил ее из рабства и передал своим... самаррским друзьям.

— Я не желаю рабства никому, Хасс. Она служила своему господину, а я был ее соперником, ее врагом. Я имею в виду, что я и сейчас ее враг! Она пыталась служить ему хорошо. В моей власти было освободить

ее или обречь на рабство. Я вовсе не настолько ее ненавижу, поэтому я сделал то, что должен был сделать.

— Что ты считал, что должен был сделать.

Конан стянул с головы повязку и выжал из нее пот.

— Для киммерийца это одно и то же.

Он, моргая, вернул повязку на место.

— Я бы не освободил ее, — задумчиво признался Хассек. — Для иранистанца это не одно и то же.

— Я буду помнить об этом, Хассек из Иранистана.

— Конан! — голос Хассека звучал обвиняюще, с притворным упреком.

— Просто держись чуть впереди, где я могу видеть тебя, Хассек, друг мой.

* * *

Много дней, сверкающих, раскаленных солнцем дней спустя Конан все еще не ответил на расспросы Хассека о местонахождении амулета; Хассеку казалось, что он догадался; и он все еще скакал чуть впереди, когда они выехали из длинной «ложбины», образованной двумя барханами. Запасы воды были на исходе, и оба путника, наконец, признались в своей озабоченности.

Иранистанец первым встретился с парой, едущей навстречу. Все трое — и две лошади — были очень удивлены и сбиты с толку. Руки напряглись и дернули поводья, послышалось звяканье сбруи и скрип кожи.

Конан, выглядывая из-за спины иранистанца, увидел солдата с раздвоенной бородой, в остроконечном шлеме, и рядом с ним и чуть сзади — всадника поменьше ростом, закутанного в джеллабу, капюшон которой прикрывал его лицо. Первые слова донеслись со стороны этого невидимого лица.

— Сарид! Это он — Конан!

— Какого... — Хассек, произнося это слово, уже протягивал руку к противоположному боку, чтобы выхватить клинок. Его лошадь нервно перебирала ногами. Желтые грязные широкие шаровары иранистанца слегка трепетали на слабом теплом ветру.

Сарид выхватил меч первым, подстегнутый словами своего попутчика.

Ильбарсский нож иранистанца еще не совсем покинул ножны, когда клинок меча Сариды нанес удар с оттяжкой через лицо Хассека. Тот что-то пробормотал, захлебываясь хлынувшей кровью, и дыхание, образующее слова, которые он не мог выговорить, превратило кровь в красную пену. Куски языка и губы соскользнули вниз по груди его кафтана.

Он отшатнулся назад; обратный удар Сариды с чмокающим звуком вбил лезвие клинка сбоку в голову иранистанца.

Сариду пришлось торопливо высвободить свой меч, когда Хассек качнулся назад и в сторону и вывалился из седла. Его лицо было ужасающим образом разворочено, рот искромсан первым ударом, а одна сторона головы — вторым. Он ударился о песок со звуком, похожим на тот, что издает мешок с зерном, упущенный неосторожным грузчиком и плюхнувшийся в лужу. Хассек бил руками по земле, извивался, издавал отвратительные хлюпающие звуки.

Прошло всего несколько секунд. Сухой теплый ветер трепал одежды. Конан был уверен, что Хассек не будет страдать долго, и знал также, что никогда не оставит его жить с таким лицом.

Лошадь Хассека, стоящая в устье небольшого прохода между двумя барханами, взвилась на дыбы, когда Сарид попытался рвануться вперед. Он нанес удар Хассеку, услышав крик своего попутчика, и нанес его, не думая; теперь опытный солдат увидел истинную цель. Испарана рассказала ему все об этом громадном собачем сыне из Киммерии. Сарид попытался проскочить мимо поднявшейся на дыбы лошади без всадника. Она попятилась на лошадь Конана. Киммериец выругался, вцепился в поводья и быстро выхватил меч. Вспомнив о поводе, к которому были привязаны выючные лошади, он протянул руку назад и сдернул его с высокой задней луки своего седла. Кожаный ремень упал на землю; животные остались стоять на

месте, хотя и беспокойно переминались с ноги на ногу.

— Проклятая тупая скотина, убирайся... прочь! — бушевал Сарид, стараясь объехать потерявшего всадника Железноголового. Лошадь заржала и снова поднялась на дыбы.

За спиной Сариды Испарана сбросила свой капюшон. Она теперь тоже сжимала в кулаке меч; костяшки ее пальцев побелели, туго обтянутые кожей. На земле извивался Хассек. Его лошадь по-прежнему разделяла Конана и Сариду у самого въезда в лощину.

Пронеслось еще несколько секунд. Слегка перегнувшись в седле, Конан ударил лошадь Хассека; в самый последний момент он вывернул запястье так, что меч с громким хлопком плашмя ударился о круп Железноголового.

С почти человеческим криком животное, не разбирая дороги, ринулось вперед. И поэтому его плечо ударило лошадь Сариды чуть позади выгибающейся, покрытой длинной гривой шеи, — а Железноголовый продолжал двигаться. Он силой пробил себе дорогу, и его плечо, а потом седло почти оторвали Сариду ногу. Солдат закричал таким же высоким и нечеловеческим голосом, как до него лошадь.

Потом Железноголовый пронесся мимо Испараны, а Сарид уже не мог справиться ни с лошадыо, ни с собой; он шатался в седле, его лицо искажалось гримасами, и Конан ударил своего скакуна обоими каблукми, а потом плотно прижал их. На ногах киммерийца вздулись мускулы.

Его лошадь дернулась вперед, вслед за животным, которое она знала и за которым следовала всю дорогу от Шадизара. И Конан нанес удар — справа, над шеей Гнедыша, мимо собственной груди и в левую руку Сариды.

Клинок вошел глубоко. Обе лошади в это время двигались в противоположных направлениях. Лезвие меча застряло, погруженное в мышцу и кость. Рука Конана оказалась переброшенной через его грудь и

прижатой к ней. Его лошадь продолжала двигаться. Конан заворчал, и его тело изогнулось. Лошадь неуклонно продвигалась вперед. Конан, уже потерявший равновесие, наконец в отчаянии выпустил меч — слишком поздно. Он упал.

Левое заднее копыто высокой гнедой лошади Сариды просвистело в двух пальцах от головы киммерийца.

Гнедой пошел рысью — теперь его ничто не сдерживало, ибо левая рука Сариды была наполовину отделена от тела, и бьющая из нее кровь сверкающим потоком окружала клинок, торчащий из раны. Потом гнедой понесся галопом мимо выючных лошадей Конана, которые все еще стояли в узком проходе между барханами. Места было недостаточно; гнедого это не волновало. Сариды вышибло из седла выступающим в сторону тюком. Он тяжело упал наземь. Меч, торчащий из его руки, стал словно бы короче.

Сарид изменил своей присяге солдата Турана из желания обладать Испараной, побуждаемый к лихорадочному безумию похотью, лстивыми речами и обещаниями награды, затмевающей даже ее соблазнительную особу. Он пошел в бессмысленную атаку, убил Хассека, который был ему совершенно незнаком... и потерял левую руку и способность владеть левой ногой.

А теперь шарахающаяся в панике выючная лошадь наступила ему на грудь и вдавила ребра внутрь.

Конан тем временем тяжело шлепнулся на песок. Извернувшись в момент столкновения с землей, он был на ногах через две секунды. Он потерял и лошадь, и меч, а другая лошадь чуть было не наступила на него. Он был зол до такой степени, которая граничила с безумием. Обернувшись туда, откуда он приехал, он уставился на круп лошади Испараны. Длинный черный хвост животного развевался сзади, как знамя, как маянщий вымпел.

Огромный киммериец зарычал и совершил безрассудный поступок. Он схватился за этот длинный

струющийся хвост обеими руками и уперся ногами в землю.

Через мгновение его каблуки глубоко утопали в песке, а конский волос резал ему пальцы.

Животное взвизгнуло, дернулось так резко, что женщина в седле покачнулась, и остановилось. Оно напрыгло все мускулы, всхрапывая, — и Конан устоял!

Всадница, повернувшись над высокой задней лукой седла, сделанного из кожи, натянутой на деревянную основу, откинулась назад, чтобы рубануть Конана своим мечом, который был изогнут на восточный манер: клинок, способный нанести резаную рану. Хвост ее коня был роскошно длинным, и Конан, тянущий за него, стоял на довольно большом расстоянии. Он был как раз вне досягаемости острия ее меча. Она сделала еще одну попытку.

То, что она перенесла вес назад, вместе с ее резкими движениями и дергающим за хвост Конаном заставило животное взвиться на дыбы, перебирая передними ногами в воздухе.

Конан, по-волчьи ухмыляясь, разжал руки в тот самый миг, когда Испарана кубарем свалилась на него. Они покатались по земле, мужчина и женщина в длинных одеждах. Оба сыпали проклятиями. Пострадавшая лошадь оглянулась назад, сверкая белками больших вращающихся глаз, которые, казалось, отражали ее оскорбленные чувства. Потом она отвернулась и обменялась взглядами с вялыми животными. Одно из них — то, у которого правое переднее копыто было в крови, — негромко фыркнуло. Конь Испараны фыркнул в ответ. В нескольких ярдах от него Конанов гневной оглянулся назад и качнул головой; его сбруя зазвенела. Он тоже издал это негромкое мягкое фыркание, потом поднял морду и заржал. В четверти мили от этой сцены Железноголовый услышал его и, замедлив бег, остановился. Потом он повернулся, поглядел туда, откуда прискакал; качнул головой; громко заржал.

Испарана и Конан барахтались и катались по песку. Когда они остановились на мгновение, она была свер-

ху. Она вскочила и уселась ему на грудь; мелькнули колени в желтых шароварах; ее меч взлетел вверх. Ненависть и жажда убийства сделали ее глаза безобразными, а солнце высекало из них искры, так же, как и из ее изогнутого полумесяцем клинка.

Конан увидел блеск этих ненавидящих, безумных глаз, однако сверкание ее меча представляло гораздо более безотлагательный интерес. Он выбросил вверх руки в тот самый момент, когда она ударила.

Ее запястье упало в его правую ладонь, словно весло в уключину. Вся ее рука содрогнулась от столкновения и застыла, словно налетела на камень. Рука Конана держала, останавливала ее руку, и его ладонь сомкнулась. Потом сжалась.

Другая его рука вытащила ее кинжал.

Испарана почувствовала, как кости ее запястья трутся друг о друга и пальцы разжимаются против ее воли; она застонала, и ее скимитар отлетел прочь. Она увидела, как ее собственный кинжал, сверкая, метнулся к ней, и закричала: «Нет!» — и в это время Конан нанес удар — удар, распоровший ее джеллабу снизу доверху.

Под этой одеждой пустыни на ней не было ничего, кроме льняной нагрудной повязки и низко опущенных на бедра, завязывающихся шнурком шаровар с прорезьями. И то, и другое было ярко-желтого цвета, красиво контрастирующего с ее золотисто-коричневой кожей. Конан не увидел на двух полусферах ее груди никаких шрамов. Он отбросил в сторону кинжал и притянул ее к себе. Она упала ему на грудь, и он перекатился через нее. Теперь он был сверху и заглядывал ей в глаза. Она укусила его за руку, и он разжал другую на достаточно долгое время, чтобы дать ей пощечину.

— Нет, будь ты проклят! — крикнула она и начала бешено извиваться.

Хассек из Иранистана лежал неподвижно, и Сарид, туранский солдат из Самарры, лежал неподвижно; а Испарана из Замбулы извивалась, тяжело дыша, и вскоре Конан увидел на ее бедре уродливый шрам от

ожога. Равнодушное солнце пустыни с сияющей улыбкой смотрело на них сверху вниз, и скоро капли пота окропили песок, и через некоторое время проклятия Испараны перешли в стоны и тихие вскрикивания, а еще несколько мгновений спустя они зазвучали по-иному, ибо она не была девушкой.

8. СТРАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мужчина и женщина ехали по пустыне на юг. Со всех сторон вокруг них поднимались низкие барханы, образуя небольшие лончины; а сияющее сверху солнце было врагом, превращающим небо в медный котел. Их лошади шагали медленно, опустив головы. К задней луке седла женщины был привязан длинный повод, на котором шли еще четыре лошади; две были оседланы и, в дополнение к этому, навьючены; вьюки на другой паре были еще более объемистыми.

Мужчина совершенно определенно был мужчиной, хоть и очень молодым. Высокий, крепко сложенный, с массивными плечами, распирающими надетый на него белый бурнус, он бы мог быть борцом. Никто не назвал бы его красивым — однако, пока его лицо было спокойно, его нельзя было назвать и уродливым. Желтая льняная повязка окружала его голову над бровями и сдерживала гриву его черных волос. Его лицо было загорелым, как и руки, хотя длинный клинообразный участок груди, виднеющийся в вырезе его туники, имел более светлый оттенок. Он ехал, высоко закатав на бедрах штанины широких шаровар, обычных для жителей пустыни; теперь, решив, что на его мускулистые ноги попало достаточно солнца, он опустил серовато-коричневые штаны на сапоги. Глаза, глядевшие с этого потемневшего от солнца лица под смолисто-черной шапкой волос и кричаще-яркой повязкой, были странными для пустыни на юге широко раскинувшейся империи Турана; они пылали раскаленной голубизной, похожей на выжженное солнцем небо.

День был жарким, как жарким был каждый день. Еледный песок отражал свет злого солнца мириадами сверкающих, как алмазы, искр, так что мир пустыни казался еще более жарким и более ярким от этого сияния. Лошади шли размеренным шагом. Мужчина и женщина ехали, расслабившись в седлах, сжав губы и устремив взгляды вперед. Одежда прилипла к их телам, покрытым пленкой пота.

Женщина совершенно определенно была женщиной, и была старше мужчины. Ее лицо было удлинненным, с рельефными скулами, пристальными темными глазами и слегка выгнутым носом над пухлыми губами и подбородком с круглой ямочкой в середине. Никто не мог бы назвать ее истинной красавицей; только другая женщина назвала бы ее менее чем хорошенькой, и это было бы неправдой. Ее раздувающиеся шаровары, или «сирваль», — желтые, испачканные грязью и песком, покрытые пятнами пота, — были прорезаны с одной стороны и порваны. Капюшон, отпоротый от джеллабы, лежал у нее на бедрах, поскольку грязное белое платье было искромсано и разорвано вдоль и поперек и заканчивалось гораздо выше колен. Широкие шаровары-сирваль были заправлены в красные сапоги, поднимающиеся выше ее довольно округлых икр. Великолепная масса вьющихся черных волос отливала синевой и пурпуром в свирепом сиянии солнца; кудри закрывали ее лицо, выбиваясь из-под ее грязной старой повязки, которая раньше принадлежала мужчине. Ничем не стесненные полушария ее груди прыгали, как беспокойные зверьки, под располосованной джеллабой, почти не скрывающей их изгибов; ткань, которая раньше стягивала их, стала теперь повязкой на голове мужчины.

Золотисто-коричневая кожа женщины, по его безжалостному замечанию, была привычной к солнцу и не должна была обгореть. Она была разъярена этими словами, а потом удивлена тем, что он помог ей сменить повязку на бедре, там, где шафрановый сир-

валь был сильно прожжен, образуя дыру с черными, неровными краями.

— Мне печет грудь, собака!

— Она не обгорит, — сказал он, мирно покачиваясь в седле справа от нее. — По крайней мере, обгорит не сильно, — добавил он, и она поджала свои полные губы.

— Зачем вообще было брать меня с собой? Почему ты не оставил меня умирать в пустыне, варвар, истерзанную, плохо одетую и беспомощную?

— После всего того, что мы перенесли вместе? Испарана, Испарана! Я чувствую ответственность за тебя, женщина! И кроме того... разве ты не собиралась доставить Глаз Эрлика в Замбулу?

Она уставилась на него сверкающими глазами; ее блестящая от пота полуобнаженная грудь начала вздыматься сильнее. Ее голос был почти шепотом:

— Д-да-а...

— Правильно, — Конан пожал плечами. — Хасек — которого я любил, черт бы тебя побрал, — умер. Замбула гораздо ближе, чем Иранистан, и я ничего не должен той далекой земле. Ты выполнишь свою задачу, Испарана. Ты вернешься в Замбулу вместе с амулетом. Просто я, не ты, буду везти Глаз. Веди себя со мной по-дружески, и я буду счастлив сообщить твоему нанимателю, что ты убедила меня отвезти амулет ему в твоей компании.

Испарана заморгала, пристально глядя на него, но ничего не сказала. Кончик ее языка высунулся, увлажняя губы, пока она обдумывала, размышляла, без сомнения, озадаченная его словами и его проклятой непредсказуемостью горца. Испарана поступила мудро, не сказав ничего. Этот громадный пес-варвар, по всей видимости, был из тех, кто остается в живых; к тому же он был могучим воином, а также хорошим товарищем, — а еще, черт бы его побрал, искусным любовником.

Кроме того, они действительно направлялись к Замбуле, и он заверил ее, что амулет у него, хотя,

похоже, все, что он носил, была эта уродливая, дешевая глиняная штукovina, висящая на ремешке у него на груди.

После полудня она попыталась пожаловаться на скудость предоставленного ей наряда. В ответ она получила дружеский шлепок по бедру и уверения в том, что в таком виде она менее опасна. Он снова повторил, что поскольку ее кожу с самого начала вряд ли можно было назвать белоснежной, она не подвергается опасности быть обожженной солнцем.

— Если на нас нападут, — сказала она, — у меня даже нет оружия!

Конан бросил на нее мрачный и очень серьезный взгляд.

— Если на нас нападут, — ответил он, — оружие тебе не понадобится.

В ее груди поднялась теплая волна, и ей не понравилась эта реакция. Испарана продолжала мудро молчать, плотно сжав губы и глядя перед собой. Они ехали на юг, к Замбуле.

* * *

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда, когда я занят работой, — сказал Зафра. — И еще мне не нравятся эти низкопробные благовония, которые ты упорно жжешь, и эти ароматические свечи. Это мое рабочее место. К тому же оно примыкает к тронному залу. Мне совсем не нравится, что ты здесь! Если он узнает...

— Он! — женщина так выплюнула это слово, как будто оно было бранным. — Как он может узнать? Балад совсем запугал нашего бедного Актер-ханчика! Балад жаждет получить трон, и я думаю, он его получит, Зафра! Актер нервничает и держит своего сына под постоянной строгой охраной — строжайшей. И в то же самое время наш господин хан боится приказать войскам открыто выступить против претендента на трон Балада, — вдруг люди предпочтут Балада!

Она прошла от ложа к столу, где стоял хрустальный шар Зафры, плавно скользя в своем наряде, который

состоял из нескольких унций шелка и фунта самоцветов и жемчуга. Она извивалась при ходьбе, как изящная гибкая кошечка, эта женщина из Аргоса, которую Актер-хан называл Тигрицей. И было за что. Чиа была великолепно, хоть и не пышно сложена и двигалась быстро и грациозно, как кошка; ее окружала аура чувственности, способная возбудить и восьмидесятилетнего старца. Буйные золотисто-каштановые волосы рассыпались по широким плечам цвета янтаря, а ее глаза, большие, окруженные угольно-черной чертой, с подсиненными веками, были серого цвета, приводящего в смятение. Рабыня из далекой Аквилонии расчесывала эту гриву по многу минут в день — столько, сколько нужно было, чтобы тень на солнечных часах прошла половину расстояния между точками, разделяющими два часа. Как только она заканчивала эту процедуру, ее хозяйка преднамеренно растрепывала волосы, чтобы сохранить свой небрежный, чувственный облик.

Несмотря на то, что Зафра хорошо знал ее, несмотря на все те часы, что они провели вместе, он по-прежнему зачарованно и чутко наблюдал за ее движениями и чувствовал возбуждение просто при виде того, как она ходит.

Она была рождена, чтобы искушать, думал он; женщина, достойная императора — или мага, который в последующие годы будет править, и править гораздо большим государством, чем маленькая, расположенная среди пустыни Замбула. Чиа из Аргоса заслуживала доверия настолько же, насколько ее хищная тетка из джунглей, а ее мораль была такой же, как у кошки во время течки. Она была изнеженной, и она была воплощением эстетства и упадка, и Зафре было приятно, что он сделал ее своей, ее, которая принадлежала прежде Актер-хану. Правда, хан не знал, что она ему уже не принадлежит!

Только прошлой ночью Актер призвал ее к себе, и, конечно же, она пошла, пока Зафра скрипел зубами и строил мрачные планы насчет будущего, управляемого

колдовством; управляемого Зафрой, который станет Зафра-ханом.

Устремив на Зафру глаза, в глубине которых, словно в куске слюды, мерцали искры, она продолжила ленивым, презрительным голосом:

— Актер верит, что с помощью этого Тотрасмека — юного жреца, едва ли больше, чем прислужника, — он держит под надзором Балада, который хотел бы стать Балад-ханом... а Балад платит Тотрасмеку, этому мальчику-жрецу, и диктует ему сообщения для нашего благородного хана!

Ее презрительный смех не был красивым. Не было красивым и ее лицо, когда она издавала гортанные звуки, выходящие из широкого, чувственного рта с полными губами, рта, уголкам которого удавалось слегка приподниматься с пренебрежительным высокомерием даже тогда, когда она улыбалась, — одной стороной рта, ибо она не была совершенством; у нее был испорченный зуб с левой стороны.

Зафра повернулся, чтобы еще раз взглянуть в хрустальный шар, и улыбнулся; его улыбка была такой же несовершенной, как и у нее, — в его улыбке никогда не участвовали глаза. Да, эти двое продолжали свой путь и были теперь еще ближе к Замбуле, хотя по-прежнему глубоко в сердце пустыни.

— А что касается Актера, — продолжала говорить Чиа, — много ты знаешь о нем, Зафра! Он начинает впадать в сонливость от выпитого вина даже раньше, чем заканчивает ужин каждый вечер, а закончив его, через час уже бывает пьян. Все вечера! Его брюшко растет с каждым днем! Он не хан! Он ужасный болван, Актер-Болван... или Заколотый Бык, как все чаще и чаще называют его солдаты.

Наклоняясь над своим захламленным столом, Зафра повернул голову и посмотрел на нее через плечо долгим взглядом.

— Чиа... ты поддерживаешь контакты с Тотрасмек-ком?

Она взглянула на него.

— Я? Я что, похожа на тех, кто общается с людьми, отдавшими свое мужество богам?

Зафра почти усмехнулся.

— Что ж... найди способ заставить его задуматься, правда ли та девчонка-шанки, подарок нашему господину Хану... заставь его и этого Балада задуматься, на самом ли деле она умерла от болезни или... от чего-то другого.

— О! Это так и было?

— Откуда знать простому магу, Чиа, к тому же такому молодому? Просто присмотри за тем, чтобы эта мысль дошла до ушей тех, кто передаст ее Баладу.

— О, что ж, это проще, чем иметь дело с этим честолюбивым маленьким жрецом, любовь моя. Моя собственная дорогая Митралия — шпионка Балада!

— Твоя рабыня? Эта хорошенькая белокурая аквилонянка? Почему ты не сказала мне этого раньше?

Чиа склонила голову в сторону и поглядела на него из-под густых ресниц.

— Я только что это сделала. А ты говоришь мне все, что знаешь, моя колдовская и тщеславная любовь?

Она с улыбкой, неторопливо зевнула и потянулась, напрягая и расправляя свое медно-золотистое тело ради глаз мужчины, который, как она знала, любил его. Ее зачаровывал этот странный, не похожий на других человек в диковинном головном уборе. Ханский любимец, которому оказывалось наибольшее доверие в этом расползающемся городе; маг, но не старый и не лысый; молодой человек, обладающий познаниями из Книги Склоса, и более полными, чем у пиктов, знаниями об их собственных омерзительных Детях Йила, и еще знаниями из зловонных томов Сабатеи с золотым павлином; без сомнения, такими же полными знаниями, как те, которыми обладали колдуны-стигийцы в своих склепах, укрытых во мраке ночи.

Чиа знала, что через год, или даже меньше, если Актер-хан удержится на троне, Зафра вполне может оказаться здесь правителем. А если Баладу удастся

совершить задуманное... что ж, у нее были кое-какие планы в этом направлении.

Она знала, что Зафра был очарован ею, словно она, а не он, была магом. И однако, она была так же очарована им, его непохожестью на других, его бесстрашием... и его властью и перспективами еще большей власти. И, конечно же, Чиа из Аргоса знала, что рано или поздно он ей надоеет — если только, возможно, он не сохранит и не укрепит свою власть и не добьется еще большей!

— Едва ли можно сказать, что Балада никто не поддерживает, — сказала она, выгибая брови и опуская ресницы, тяжелые от краски, сделанной из угля, смешанного с душистой мазью. — И его... разговорчивые сторонники занимают высокие места в Аграпуре, столице.

Она всегда называла этот город не просто «Аграпур», а «Аграпур, столица», и Зафра знал, что ей страстно хотелось туда: в центр Империи.

— Добавь: «столице Турана, сатрапией которого является наша Замбула», — сказал он, — и я сверну твою очаровательную шейку.

Лениво улыбаясь и умышленно приводя в беспорядок те скудные одежды, что на ней были, она сказала эти слова.

— Ах, ведьма, — промолвил Зафра, — ведьма!

И в эту же минуту решил сделать ей на щеке бородавку. Очень маленькую, просто чтобы она задумалась.

— Кто может быть лучшей супругой для мага, — отозвалась она, лениво усмехаясь, — мага, который водит дружбу с демонами!

— Едва ли. А теперь послушай, Чиа...

Она гибко потянулась, позируя перед ним; великолепные тигриные мышцы заиграли под янтарной кожей, натянутой, как днище барабана.

— Называй меня Тигрицей, Зафра, Тигр!

— Так тебя называет он, Чиа. Слушай же, или я продемонстрирую тебе кое-какие свои способности!

Знаешь ли ты, что мне достаточно сделать то-то и то-то, и ты упадешь на колени, распластаться на животе и будешь ползать и пресмыкаться, подобно змее?

Она вцепилась в край стола, заставленного колбами и ретортами, банками и сосудами со странным содержанием. Она выгнула спину, выпятила зад и покачала бедрами из стороны в сторону, не отрывая от него кошачьих глаз.

— О? Ты бы хотел этого? Ты бы хотел, чтобы я это делала, маг? Я сделаю, стоит тебе только попросить, моя колдовская любовь! Не нужно зря переводить твои заклинания!

Он сжал кулаки, спрашивая себя, издевается ли она над ним, или боится его и пытается скрыть это — или говорит серьезно.

— Ах! — в отчаянии вырвалось у него. — А боль — допустим, я причиню тебе боль, такую, от которой ты будешь молить о пощаде и о том, чтобы выслушать мои приказания?

Она обнажила грудь и медленно провела языком по губам.

— Тебе бы хотелось причинить мне боль и увидеть, как я извиваюсь, мой колдовской возлюбленный? Избей меня!

— Чиа.

Глаза Зафры стали тусклыми, змеиными; его голос был таким же тусклым. И теперь в нем звучало предупреждение, за которым скрывалась угроза. Чиа поняла, что ему надоели ее поддразнивания. Она заговорила мягко и нежно:

— Любовь моя?

— Я должен пойти и сказать хану, что его посланница Испарана направляется к Замбуле в сопровождении того, в чьих руках находится Глаз, обладать которым наш одурманенный господин жаждет с таким отчаянием. Я предложу ему подумать о том, чтобы послать... почетную охрану, которая встретит и проводит их к нам.

— Как ему повезло, что у него есть ты и что ты вечно заботишься о нем! А почему ты не убережешь для него Балада?

— Я сказал ему, что я над этим работаю и что Балада защищают могучие чары. А теперь... ты должна не шевелиться, Чиа, и сидеть тихо, пока я буду проходить через эту дверь. Ибо если ты этого не сделаешь, ты погубишь нас обоих.

— Я буду сидеть тихо, как маленькая мышка, — отозвалась она и, раздевшись всего несколькими быстрыми движениями, улеглась на полу в непринужденно-непристойной позе. Тигровый глаз, подвешенный на тонкой золотой цепочке, мерцал у нее на животе.

Зафра, скрипя зубами, пошел к высокой, обшитой панелями двери, чтобы сделать доклад своему хану. «Какое великолепное животное, — думал маг, лицо которого было сосредоточенным, а глаза — тусклыми и жесткими. — Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем мне придется избавить этот мир от нее?»

9. СМЕРТЬ СРЕДИ БАРХАН

Людей в зеленых одеждах и более темных шарфах, скрывающих нижнюю часть их лиц, было шестеро, и их вожак устремил взгляд своих пылающих глаз на Конана и сказал ему, что все, что им было нужно, — это Испарана.

— Я не понимаю, — сказал Конан, решая в это время, что ему делать. — Моя сестра не продается.

— Мы не собираемся покупать ее, безмозглый мул! — сказал человек в зеленых одеждах, и двое его товарищей рассмеялись.

— О, — сказал Конан. — Испарана, эти люди хотят немного тобой попользоваться. Ты ведь не против? И тебе бы лучше отцепить повод выючных лошадей от своего седла.

Он надеялся, что до нее дойдут произнесенные слова: «и будь готова скакать быстро и ничем не обремененная».

Глаза над темно-зеленым шарфом переместили свой взгляд на женщину. Правая рука Конана метнулась к противоположному боку. Его пальцы сомкнулись на рукояти меча, и он рывком вернул руку обратно, повторив ее взмах в обратном направлении, — так, что это стало одним непрерывным движением. Острие его меча уничтожило пылающие пристальные глаза.

В то же самое время он ударил лошадь пятками и плотно прижал их.

Его собеседник закричал, бесполезно поднимая руки к окровавленным глазницам. Двое его товарищей испустили вопль, а еще один выругался. Третьего, который уже начал поднимать меч, ударило плечо Конановой лошади — так сильно, что он вылетел из седла. Его скимитар отлетел в сторону. Остальные мечи со скрежетом покинули ножны, а Испарана в это время освободилась от выючных лошадей.

Вращая мечом над головой, чтобы усилить удар, Конан понесся к тому из людей в зеленом, что был чуть в стороне от остальных. Под просторными одеждами этого неудавшегося насильника, как оказалось, были крепкие мускулы: его клинок с ужасающим лязгом и скрежетом встретил клинок Конана и остановил его.

Четвертый из «джазихим», бандитов-кочевников, остановился вплотную к Конану за его спиной, и его меч взлетел над широкой спиной киммерийца. Конан в это время блокировал удар, одновременно пиная лошадь своего противника так сильно, что, несмотря на сапоги, расшиб себе ногу. Его меч рассек правую руку бандита у самого запястья. Услышав позади себя странный булькающий звук, Конан вбил каблуки в бока лошади и низко пригнулся. Гнедыш рванулся вперед, и его всадник оглянулся, удерживаясь обеими ногами.

Было легко понять, что этот человек собирался нанести ему удар сзади и что ему это удалось бы, если бы ему не помешали; эта помеха приняла форму

небольшого, семидюймового кинжала. Испарана метнула его с достаточной силой, чтобы пробить левое плечо бандита. Легкая рукоять и половина клинка торчали из плоти между бицепсом и трицепсом. Бандит забыл про Конана и каблуками развернул лошадь, чтобы броситься к женщине.

— Спасибо, Спарана, — прокричал Конан. — Скачи, Спарана!

С двух сторон на него бросились три человека, хотя один из них был ранен в правую руку. Конан заставил своего коня проскочить между ними и уклонился от удара ближайшего к нему бандита, хоть и не смог нанести ответный удар. Он увидел, что Испарана увернулась от раненного ею человека и мчится на юг со всей возможной скоростью.

Поскольку ни у одного из кочевников не было лука и, следовательно, они могли только пуститься в погоню, Конан рывком развернул Гнедыша и понесся вслед за ней.

За его спиной не меньше шести человек закричали от ярости и разочарования. Двое были ранены; трое нет. Яростно вопя, эти пятеро бросились в погоню. Шестой, их ослепленный вожак, спотыкаясь, брел по песку, выкрикивая их имена. Его лошадь заржала и поспешила догнать остальных.

Восемь лошадей галопом скакали по пустыне на юг, растянувшись в длинную линию.

Четыре выючные лошади смотрели вслед остальным. Одна из них заржала и ударила копытом в песок. Вторая устремилась вперед. Первая позволила ей повести себя на поводу. Все четыре перешли на рысь и поскакали по следам остальных восьми.

Ослепший человек, шатающийся, спотыкающийся, вскрикивающий, случайно оказался у них на пути. Первая лошадь обогнула его. Вторая и третья сбили его с ног. Четыре выючных животных Конана и Испараны рысили вслед за своими хозяевами, и все двенадцать лошадей торопились по пустыне на юг, вы-

строившись в линию почти в лигу длиной. Слепой человек перестал вскрикивать.

Железноголовый и Гнедыш бежали хорошо. Оба коня провели много времени в пустыне и были привычны к этой странной почве, уходящей из-под копыт при каждом их ударе. Конан оглянулся, чтобы посмотреть на вопящих преследователей-джазихим. Они неслись так, что их зеленые одежды хлопали по ветру; их вращающиеся над головой мечи сверкали на солнце. Киммериец скакал, пригнувшись к шее лошади, чтобы лучше распределить свой вес и сделать более обтекаемым свое массивное тело, и вновь и вновь выкрикивал имя замбулийки.

Глупо было бы ожидать, что она приостановится, чтобы он мог догнать ее, думал Конан, поскольку ее лошадь шла с отрывом и несла меньший вес. И все же ему хотелось бы, чтобы Испарана была вооружена. Он был бы рад иметь возможность передать ей длинный клинок, прицепленный у него за седлом; горский нож, который раньше принадлежал Хассеку.

И все же ей удалось сохранить кинжал и спрятать его — и с его помощью спасти Конану жизнь, в то время, как она могла бы ускакать — вооруженной. Может быть, у нее есть еще один кинжал, думал Конан. Ему внезапно пришло в голову, что он так и не проверил, не спрятаны ли в ее сапогах ножны. Все остальные детали ее одежды и тела были ему знакомы.

— Эй, прекрати это! — запротестовал он, когда Гнедыш легко перескочил длинный гребень, образованный нанесенным песком, и приземлился так, что у его всадника лязгнули зубы.

Хвост коня струился позади, словно золотисто-коричневый стяг, а его развевающаяся грива больно хлестала Конана по лицу. Его одежды вздувались и хлопали на ветру. Он не оглядывался. Не было оснований предполагать, что преследователи смогут догнать его. Все, что ему нужно было делать, это продолжать галоп...

Вечно?

Вряд ли. Возможно, в течение нескольких часов, а может, и меньше. В конце концов Железноголовому и Гнедышу придется замедлить бег. Конечно же, они были менее свежими, чем кони людей в зеленом, которые, должно быть, жили или разбили свои шатры неподалеку. Тогда Конану и Испаране придется встретиться со своими врагами лицом к лицу или быть разрубленными на куски из-за спины. Хорошо было бы наткнуться на нагромождение камней или одну большую скалу, на которую он смог бы взобраться и отражать удары даже более чем пяти нападающих.

Закусив губу, Конан поднял голову — достаточно, чтобы окинуть все вокруг прищуренным взглядом. Он увидел только поднимающиеся и опускающиеся песчаные барханы, и длинные высокие песчаные склоны были только песком или, возможно, песком, нанесенным к подножию каменистых холмов, поверхность которых под ним стала совершенно гладкой.

Гнедыш с трудом поднимался сейчас по одному такому длинному склону. Конан оглянулся назад, когда конь достиг вершины. Преследующий его квинтет не доскакал еще до подножия бархана. Конан увидел, что один бандит нетвердо сидит в седле. То отродье, чью правую руку он разрубил, слабеет от потери крови, решил киммериец.

Гнедыш, взбрыкивая, тяжело спускался по песчаному склону. Внизу и впереди Испарана скакала галопом к гораздо более высокому бархану или холму, еще не стертому с лица земли шершавым, вечно пересыпающимся песком. Она направляла Железноголового так, чтобы подниматься наискосок и поберечь силы коня. Конан принял решение, характерное для варвара, так же, как тогда, когда атаковал вожака шестерых бандитов, у которого были все основания считать его легкой добычей.

Гнедой скакун всхрапнул, когда левый кулак его хозяина напрягся и натянул подобранный повод. Спускающейся вниз лошади не очень-то хотелось поворачивать влево, однако она сделала это. Ее копыта про-

скальзывали по песку. Конан висел на ее спине, пытаясь отклоняться влево, в сторону вершины холма, и продолжая тянуть повод в этом же направлении. Гнедыш, более чем неохотно, сопротивляясь, снова поднимался теперь в гору. Конан почти выпадал из седла, и мышцы его икр вздулись от усилия удержаться на лошади. Потом они будут подрагивать еще целый час.

Но теперь...

Теперь Гнедыш снова поднялся на вершину, и Конан беззвучно ослабил хватку ног, вбил каблучки в бока лошади и прижал их снова.

Гнедыш оскорбленно всхрапнул и ринулся вниз, под уклон, на несколько локтей левее следов своего подъема.

Беги, и тебя поймают, думал Конан. Повернись, пока преследователи не могут тебя видеть, и упав на них сверху, пока они будут в невыгодном положении, на подъеме, и, без сомнения, можно увеличить свои шансы с помощью совершенно неожиданной атаки. Как только он проскачет вниз мимо джазихим, их делом будет решать, преследовать ли его, позволить ли ему преследовать их или вообще отказаться от этой затеи.

Один человек ринулся вниз по склону, чтобы атаковать пятерых.

— Хараг! — проревел один из них; или что-то в этом духе; возможно, он крикнул: «О, Йог!» Он увидел, как преследуемая ими добыча несется на них сверху со скоростью лавины. Невозможно было не распознать в этом человеке мрачную решимость, какой бы безумной она ни была. Остальные бандиты тоже взглянули вверх. Глаза и рты раскрылись от удивления.

У джазихим практически не было другого выхода, как только придержать своих лошадей. Один из них повернул в сторону под углом к другим; хотя несущийся вниз противник был один, этот жалкий субъект в зеленых одеждах инстинктивно попытался удрать.

Гнедыш, прыгая, поскальзываясь, съезжая вниз и снова бросаясь вперед, удерживался на ногах только

благодаря своей все увеличивающейся скорости. Он летел вниз, словно орел, камнем падающий на увиденную добычу. Конан направил его в узкое пространство между сбившейся в кучу четверкой и джазихим-одиночкой, который поворачивал прочь от своих товарищей и был справа от киммерийца.

Конан рубанул по ноге одного из бандитов, находящихся слева от него, и в ту же минуту почувствовал, как острое чье-то меча царапает ему щеку. Он тут же рванул повод — опять влево.

Как он и ожидал, круп лошади дернулся вправо и ее правый бок с такой силой ударил лошадь джазихим, словно та налетела на огромный валун. Ее задние ноги соскользнули вниз на несколько футов, она безуспешно попыталась восстановить равновесие и упала. Ее всадник, из плеча которого торчал кинжал, упал вместе с ней. То, что его нога, без сомнения, была сломана не в одном месте, почти не имело значения, потому что лошадь перекатилась через него.

Гнедыш каким-то образом удержался на ногах, продолжая свой безумный бег под гору. Левая рука Конана по-прежнему была в напряжении, заставляя животное все время отклоняться влево, делать длинный разворот на склоне холма. Он не чувствовал жалости к лошади, у которой к этому времени наверняка был разорван рот с одной стороны. Ее слюна стекала вниз по ноге Конана.

Только когда фыркающее, задыхающееся животное снова начало подниматься, Конан оглянулся через плечо, чтобы посмотреть на результаты своей безумной внезапной атаки.

Лошадь без всадника, взвизгивая, скользила и съезжала на крупе вниз, под уклон. Еще одна карабкалась вверх по стороне бархана. Двое бандитов были на земле; один еще шевелился. А трое в потрясенном молчании глазели на киммерийца. Их вожак за какое-то мгновение был ослеплен ударом меча; другой их товарищ был ранен в плечо брошенным кинжалом и теперь раздавлен своей собственной, бьющейся на зем-

ле лошадыю; третий лежал ниже по склону, зажимая обеими руками глубокую рубленую рану на бедре. Шестеро попытались ограбить и изнасиловать женщину, идущую с одним мужчиной; трое остались в живых и сохранили своих лошадей, и один из них был ранен в правую руку. И теперь он шатался в седле, а полы его одежды были залиты кровью.

— Сюда, шакалы! — проревел Конан. — Встретьте меня на вершине этого подъема, и я уложу вас всех, как бродячих псов, какие вы и есть на самом деле! Вас уже стало вдвое меньше, а на мне нет ни царапины.

В то самое время, когда он так громко выкрикивал эти слова, по его щеке струйкой стекала кровь и капала на джеллабу, но Конан не считал эту царапину царапиной. Его гнедой, с ходящими ходуном боками, отфыркиваясь и цепляясь за песок копытами, поднимался в гору.

Трое джазихим обменялись взглядами, посмотрели через плечо на своего мертвого товарища, потом на раненого, на Конана и снова друг на друга.

— Месть! — рявкнул один и, взмахнув мечом, послал своего скакуна вверх по склону. Его зеленые одежды хлопали и развевались вокруг него, а изогнутый клинок сверкал огнем на солнце.

«Черт, — подумал Конан, — они могли бы бросить эту затею, если бы не тот болван с большой пастью».

Испарана была теперь далеко впереди, а он уменьшил число их преследователей — и в то же время значительно подорвал силы своей лошади. И трое противников скакали вверх по склону параллельно с ним, по всей видимости, ничуть не уstraшенные. Он решил дать коню спуститься вниз, начать подниматься на следующий холм и снова развернуться и атаковать сверху.

В ту самую минуту, как он начал поворачивать голову гнедого, громкие крики привлекли его внимание и внимание его преследователей. Все оглянулись назад, туда, откуда они прискакали, — и увидели группу из семи всадников, скачущих галопом по их следу...

и на всех были темно-зеленые шарфы и более светлые одежды того же цвета.

«Мне не следовало останавливаться», — подумал Конан.

«Ну, вот и оно, — мысленно добавил он потом. — Это смерть. Что ж, я буду удирать от них, а потом вступлю в бой. Им придется убить меня в схватке, — будь я проклят, если дам им возможность захватить меня в плен и развлекаться, пытая меня, пока я не умру! Нет, я буду бежать так долго, как только смогу, и посмотрим, сколько этим не имеющих матери шакалов пустыни мне удастся забрать с собой в ад!»

Гнедыш, усердно работая копытами, добрался до гребня и перемахнул на другую сторону, а потом заскользил под гору. Конан висел на его спине, позволяя ему действовать по-своему; на этот раз животное не бросилось вниз, а съезжало по склону, барахтаясь в песке. Возможно, таким образом Конан мог обеспечить ему хоть несколько минут отдыха.

— Вытащи меня из этого, — пробормотал Конан, — и я дам тебе лучшее имя!

Ему не нужно было смотреть влево, чтобы проверить, где находятся преследователи; они спускались параллельно его курсу в двадцати футах от него и начинали заворачивать в его сторону. Правая рука последнего всадника была засунута в вырез его одежды, и он ехал, согнувшись и цепляясь за седло левой рукой.

Конан глянул вперед и увидел, что Испарана как раз поднимается на вершину другого, более высокого холма, закрывавшего горизонт дальше к югу.

Почему она стала придерживать лошадь?

Гнедыш достиг основания холма. Он споткнулся и дал понять, что с большой радостью поскачет галопом вправо, по ровной местности. Конан показал ему, что все будет совсем наоборот. Лошадь споткнулась, попыталась тряхнуть головой, задохнулась и, пошатываясь от слабости, с очевидной неохотой начала подниматься по длинному склону более крутого холма. Конан заста-

вил животное подниматься под углом, чтобы ему было легче, и выбрал направление, противоположное также поднимающимся под углом следам Испараны.

Его преследователи были теперь ближе и надвигались с воплями. Они тоже увидели идущее им на помощь подкрепление и, совершенно очевидно, надеялись спасти свое лицо, уничтожив этого одинокого всадника прежде, чем подспеют их приятели.

Конан решил дернуть повод гнедого в другую сторону. Испарана сможет сама позаботиться о себе, а он повернется к противнику правым боком. Однако он тут же понял, что если он это сделает, ему немедленно будет грозить опасность вступить в бой на скаку или еще что-нибудь более худшее, ибо всадники в зеленых одеждах были теперь достаточно близко для этого.

Именно в эту минуту сверху внезапно раздался разноголосый хор воплей и боевых криков, и Конан поднял глаза.

Испарана остановила своего нервного скакуна на самом гребне, а по обе стороны от нее двумя вереницами неслись вниз верблюды за верблюдом. На каждом из них человек в развевающейся на ветру белой каффии и белом бурнусе кричал, вопил и размахивал мечом. Эти неуклюжие скакуны тяжело бежали под уклон на своих больших ногах, специально приспособленных для пустыни. Песок взлетал вверх бледно-желтыми клубами. Высокие седла поскрипывали над этими смешными одиночными горбами.

Со стороны преследователей Конана послышались крики ужаса. Бандиты забыли о своей жертве и повернули лошадей обратно под гору. Семеро их товарищей, ведя за собой выючных лошадей Конана, спускались по склону противоположного холма. Конан с мрачной и уродливой ухмылкой наблюдал за тем, как один из трех упал с коня. Человек, чью правую руку он разрубил, в конце концов не вынес потери крови, усугубившейся тем, что ему пришлось преследовать своего противника и управлять лошадьёю на нескольких склонах.

Верблюды пронеслись мимо Конана, и их всадники едва удостоили его взглядом.

Последние двое бандитов из тех, что напали на него вначале, были сбиты на землю ударами мечей прежде, чем им удалось достичь короткого участка ровной местности между двумя барханами. Около полдюжины всадников на верблюдах, продолжая вопить, ринулись вверх по противоположному склону. Конан подумал, что все эти жители пустыни производят очень уж много шума, когда нападают друг на друга. Потом он вспомнил крикливых киммерийцев, которых сопровождал в Венариум, и выбросил эту мысль из головы.

Всадники в зеленых одеждах тоже вопили — и бежали. Шестеро направили своих скакунов — которые наполовину скакали, наполовину скользили, — вниз по склону, на запад; седьмой, которого жадность заставила поверить в то, что он умнее всех, схватил повод, к которому были привязаны четыре выючных лошади Конана, и повернул на восток.

Конан с рыком оскорбленного собственника ударил коня каблуками и послал его вслед за грабителем. Четверо всадников на верблюдах тоже пустились за ним в погоню; остальные свернули на запад, десять верблюдов за шестью лошаадьми. Эти люди в белых бурнусах, задумался Конан, должно быть, свирепые воины! При соотношении десять к шести шестеро, если они настоящие мужчины, обычно оказывают сопротивление.

Джазихим в зеленых одеждах, ведущий за собой лошадей с навьюченными на них припасами Конана, оглянулся, увидел погоню и бросил повод. Четверо животных замедлили бег и остановились. Рядом с ними пронеслись четыре верблюда, и лошади попытались брыкаться и вставать на дыбы. Конан снова повернул Гнедыша. В тот момент, когда он достиг своих выючных животных, перерезав им путь, чтобы собрать их вместе и остановить, он услышал, как их неудавшийся владелец вскрикнул и умер.

Конан едва удержался в седле, останавливая Гнеды-

ша и подбирая повод своих лошадей с припасами. Он остался ждать на склоне холма. Гнедыш тяжело дышал и отфыркивался; Конан похлопал его по мокрой от пота шее. Теперь, когда они стояли неподвижно, Конану стало ужасно жарко, — тем не менее он клялся себе, что никогда больше не будет скакать вот так, без своей замечательной кольчуги, купленной в Шадизаре за самоцвет из Хаурана!

Четыре человека на верблюдах поднялись к нему по склону и разделились. Конан, обливаясь потом, быстро заговорил:

— Я как нельзя более рад видеть вас, соколы пустыни! — поприветствовал он их на языке Турана, на котором, как он с надеждой предполагал, они говорили.

Они ничего не ответили; их вожак кивнул, не раскрывая рта. У всех четверых были густые короткие бороды, черные или темно-каштановые; обведенные черным глаза придавали их лицам странное, свирепое выражение.

— Это принадлежит мне и моей женщине, — сказал Конан, коротко указывая на Испарану, которая ждала на вершине более высокого холма. — Эти собаки в зеленых одеждах окружили нас, превосходя нас числом, но мы, прежде чем бежать, уложили четверых. Их вожак остался в нескольких лигах отсюда; я ослепил его.

Человек с большим носом и вьющейся бородкой, который был всего на несколько лет старше Конана, уставился на него с высоты своего дромадера.

— Кто вы? Куда вы едете? Почему женщина безоружна?

— Посмотри на его глаза! — сказал один из его спутников, едва подавляя возбуждение.

— Я Конан, киммериец, — сказал обладатель этих голубых глаз, незнакомых многим так далеко на юге. — Мы едем в Замбулу, где живет женщина. Вон там лежит человек, которого я сбил наземь, его раздавила его собственная лошадь, — добавил он, не

желая, чтобы они приписали себе все заслуги или подумали, что он ни на что не годен. — Он лежит рядом с другим, которому я разрубил ногу. Ее кинжал торчит в плече первого. А ее меч... — он тряхнул головой и легко солгал: — В нескольких лигах отсюда. Она потеряла его при нападении этих разбойников. Они враги вам?

— Они враги всем. А!

Всадники на верблюдах повернули головы к западу, откуда доносились вскрикиванья и лязг металла. Их товарищи нагнали людей в зеленом и, по всей очевидности, расправа с этим воровским отродьем, предпочитавшим бежать, а не сражаться, должна была быть короткой.

Человек с кудрявой бородой и необычайно глубоко посаженными глазами, окаймленными черной чертой, вновь обратил свой взор на Конана. Тот заметил у него на лбу шрам в виде маленькой, четкой буквы v.

— Вы двое едете одни? Я не знаю ни о какой... Киммерии?

— Киммерия — это страна далеко на севере, за королевством Заморы, — сказал Конан, гадая, знает ли это племя пустыни о Заморе. — Да, мы ехали одни. Нас было четверо, и двое были убиты очень далеко отсюда. Две из этих лошадей принадлежали им, они везут их оружие. Она хочет как можно быстрее доехать до Замбулы. А вы из Замбулы?

— Нет. Лежат ли в этих выюках также уши тех, кто убил ваших товарищей?

Конан покачал головой:

— Мы — э-э — не собираем ушей.

Четыре белых каффии повернулись друг к другу, и их владельцы ухмыльнулись. Один из них протянул к Конану темную ладонь, чтобы показать окровавленный трофей: только что отрезанные уши.

— А мы собираем.

— О! Ну что ж, можете забрать уши тех, которых я убил, — если только это не будет против законов чести, — довольно торопливо добавил он, увидев их

нахмурившиеся брови. Он заметил также, что еще у двоих были такие же клинообразные шрамы сразу же над внутренним углом правого глаза. Он не был уверен насчет четвертого, чья каффия была немного ниже опущена на лоб.

— Это будет против законов чести. Они твои.

— Хм-м. Ну что ж, раз мой народ не собирает уши, то, возможно, ваш вождь примет их от меня в подарок.

Конан почувствовал, что это предложение тоже не вызвало у них особой радости.

— Значит, вы не из Замбулы?

— Нет.

— Вы подданные империи Турана?

— Нет.

— Эти... э-э... это место находится внутри той территории, на которую Туран предъявляет права, ведь так?

Человек с кудрявой бородой пожал плечами.

— Мы не признаем сюзеренитета Турана.

«Похоже, у нас неприятности», — подумал Конан.

10. ШАТРЫ ШАНКИ

Высокие Врата Орла в Замбуле широко распахнулись. Из них важно выехали рысью всадники, колонной по два. Десять таких пар появилось перед глазами стражников, которые глядели вниз, на шлемы в виде луковиц, на острие каждого из которых развевалось три желтых вымпела. К каждому племени была прикреплена доходящая до плеча кольчужная сетка, сверкающая и струящаяся, как змеиная кожа, в свете утреннего солнца. Каждый такой воротник из стальных колец был окаймлен тремя рядами бронзовых звеньев, для оживления цвета и украшения. Двадцать сильных всадников-солдат Империи ехали вперед. Они не ожидали никаких столкновений и не носили других доспехов.

Свободные белые шаровары каждого были заправ-

лены в сапоги из коричневой кожи с малиновыми отворотами. Поверх шаровар на каждом солдате была малиновая туника до колен, с разрезом на спине, а поверх нее — белый кафтан-безрукавка с прорезами на спине и груди, украшенный золотым грифоном Турана. Две широких желтых ленты, одна вокруг бедер, другая от левого бедра через грудь и плечо к правому бедру, отчетливо выделялись на белом фоне. У десяти солдат были мечи, а с десяти седел с высокими задними луками свисали топоры в форме пузатых полумесяцев. У всех солдат были усы; у шестнадцати были также бороды. Шесть лошадей несли арбалеты, и каждый солдат вел в поводу сменную лошадь, везущую воду и съестные припасы.

С передней луки каждого седла свисала короткая труба с широким раструбом.

Они ехали все время на север и на пятый день растянулись в длинную-длинную линию. Каждый занял такую позицию, чтобы находиться как раз в поле зрения соседа. Актер-хан каким-то образом узнал, что мужчина-чужестранец и женщина из Замбулы приближаются к городу, пройдя через степи и пустыню по пути с далекого севера. Он послал двадцать человек им навстречу. Никто из них не знал, почему их хан придавал этим паломникам такое большое значение. Они были солдатами и должны были не знать, а исполнять. Они были эскортом. Паломникам нужно было помочь, указать дорогу, вежливо сопроводить — если только они не выкажут желания отправиться не в Замбулу, а в какое-то другое место. В таком случае необходимо было приложить все усилия, чтобы убедить их продолжить путь в город.

Если бы они стали упорствовать в своем нежелании посетить хана, их — вместе со всем, что им принадлежало, это было крайне важно, — надлежало доставить к хану любой ценой, живыми или мертвыми.

Солнце пылало, и пустыня мерцала, и двадцать солдат ехали на север, а позади них, в Замбуле, молодой маг смотрел в свое зеркало, чтобы наблюдать за

продвижением двоих, приближающихся к городу, и трижды в день докладывал своему хану. А еще он строил планы, как строили планы бунтовщик Балад и его последователи, пока Замбула мерцала и наливалась гноем, словно нарыв на теле южной пустыни.

* * *

У Конана и Испараны не было никаких неприятностей.

Они были гостями маленькой, расположенной в пустыне общины шанки, чья древняя религия предписывала им ездить верхом на верблюдах, а не на лошадях, и метить каждого ребенка маленьким клинообразным шрамом на лбу — над левым углом правого глаза у мальчиков и над правым углом левого глаза — у девочек.

Но, несмотря на это, когда они вернулись в свою общину в оазисе, они вели с собой восемнадцать лошадей. На двух сидели Конан и Испарана. Две принадлежали раньше Сариду и Хассеку. Две были выученыными лошадьми Конана и Хассека. Остальные двенадцать некогда были скакунами одетых в зеленое бандитов, которых шанки называли иоггитами, по имени их бога. Одно животное во время стычки было ранено. Его убили и оставили для крылатых или четвероногих падальщиков. Шанки ни за что не стали бы ездить верхом на лошадях, или носить их шкуры, или есть их мясо.

Солнце стояло низко, и небо было прочерчено кровавыми, топазовыми и перламутровыми полосами, когда воины на верблюдах и их гости достигли безымянной общины; это был дом шанки. Здесь высоко вздымались пальмы, и листья свисали с их верхушек, словно руки, раскачивающиеся над шатрами и небольшими круглыми кладовыми. Здесь мужчины носили белые туники с длинными рукавами поверх свободных шаровар или штанов желтого, или оранжевого, или красного, или сочного коричневого цвета, для достижения которого необходима была верблюжья моча; их женщины ходили в ярко-алом, и только юбки закры-

вали их тело и ноги. Замужние женщины закрывали голову так, что ни одного ее участка не было видно.

Хотя гостям сказали, что шанки живут в этом оазисе «сотни лет», единственными постройками были кладовые — зернохранилища из глины и навоза. Шанки жили в шатрах, как их предки-кочевники, и сохраняли все атрибуты и обычаи воинственного народа. Здесь жило меньше пятисот человек — оазис был домом, и население строго контролировалось, — и ими управлял человек, которого называли ханом.

Не кто иной, как Хаджимен, сын Ахимен-хана, возглавил атаку на старых врагов шанки, джазихим, называемых также иоггитами. Ахимену не было еще и четырех десятков лет; его сыну и наследнику было двадцать и четыре, и его старшая сестра жила в гареме Великого Хана в Аграпуре — она была даром Ахимена. Шанки жили внутри границ Империи Турана, но не принадлежали ей. Поскольку они патрулировали пустыню поблизости и время от времени соглашались охранять караваны, король-император из Аграпура в Туране позволял им оставаться здесь, не отбывая воинскую повинность и не платя налоги Турану.

Когда Ахимен и его сын сняли белые верхние одежды, которые они надевали, только выезжая за пределы своей общины, Конан увидел, что на них были свободные желтые кафтаны поверх алых рубаш и очень длинные свободные белые шаровары. На груди у каждого к кафтану была приколота черная пятиконечная звезда.

Жена Хаджимена, безликая, облаченная во все алое, увешанная и украшенная опалами, гранатами и серебром, увела Испарану, чтобы позаботиться о ее туалете. Ахимен пригласил Конана в свой шатер. У вождя шанки были потрясающие усы: они были смазаны жиром и маслом для блеска и закручены вверх толстыми жгутами, изгибавшимися дугой на его щеках и доходившими почти до нижних век. Знак шанки над его глазом был странно изогнут двумя вертикальными морщинами, прорезанными песком и ветром. Сорок лет в пустыне сделали его лицо лицом шестидесяти-

летнего. В его единственное кольцо был вставлен большой гранат, а на его груди на шнурке из сплетенного верблюжьего волоса висел опал в форме полусферы.

— Конан из Киммерии, добро пожаловать к шанки. Мы разместим твоих лошадей.

— Что делают шанки с захваченными лошадьми, Ахимен-хан?

— Шанки меняют их в Замбуле, — как нельзя более учтиво ответил тот, — на хороших верблюдов и те немногие вещи, в которых шанки нуждаются. Замбулийцы с радостью берут лошадей, а также опалы, из которых мои люди вырезают фигурки верблюдов и звезды или раскалывают и полируют их, придавая им форму идеальных полусфер.

— Я заметил у шанки много опалов, — сказал Конан, — и все они прекрасны. Вы настоящие художники. Шанки сегодня захватили восемь лошадей, а я — пять.

Ахимен склонил голову. Люди с почтением уступали им дорогу на пути к шатру вождя и изумленно смотрели на человека со странными глазами, возвышавшегося над их ханом, потому что киммериец был почти гигантом, а шанки не были высокими. Конан так и не узнал, откуда это племя появилось здесь.

— Мы уважаем право Конана потребовать себе всех этих лошадей. Однако я выслушал своего сына и признаю, что восемь лошадей причитаются нам, а пять принадлежат Конану по праву сражения и захвата. Одну из наших мы убили. Эй, наполни чашу этого человека! — ибо Конану подали большую чашу, сделанную шанки из глины и обожженного песка, через какое-то мгновение после того, как он соскочил с лошади.

Пока молодой воин, которому была оказана такая честь, наполнял чашу, Конан сказал:

— Я прошу хана шанки отобрать трех из пяти лошадей для себя, ибо без его людей я и моя женщина умерли бы сегодня.

Они вошли в шатер, который стоял в центре общи-

ны и был не крупнее, чем все остальные. Воин-шанки — на вид ему, как подумал Конан, было лет двенадцать, — не пошел за ними. Внутри были низкие столы, явно сделанные не шанки, и коврики, явно сделанные ими; они были из верблюжьей кожи или курчавого верблюжьего волоса, и некоторые были окрашены в красный или коричневый цвет, рецепт получения которого шанки держали в тайне.

При словах своего гостя Ахимен вновь склонил голову.

— Конан чересчур щедр, — как с лошадьми, так и со словами. Однако мне кажется, что могучий воин, на которого напали элестеры и который убил пятерых, не нуждался в нашей помощи!

Конан наклонил голову, что, как он чувствовал, было правильным среди этих свирепых воинов пустыни, восседающих на верблюдах, воинов, которые были такими учтивыми в пределах своей общины и которые не использовали прямой формы обращения. Он не стал ничего отрицать. Вождь шанки знал так же хорошо, как и киммериец, что его слова были преувеличением.

— Это были всего лишь иогтиты, — сказал Конан, зная, что сделает этим приятное человеку, которого он уважал; киммериец редко встречал таких людей. Он заметил, что Ахимен притворно сплюнул.

— Я приму одну лошадь как щедрый дар Конана, — сказал Ахимен.

Киммериец, ободренный этим торгом наоборот, нервно решился сделать широкий жест и притвориться щедрым до смешного.

— Ахимен-хан вызовет мое неудовольствие, если не примет пять лошадей.

— Возможно, я не вызову неудовольствия своего гостя, если приму трех лошадей, — вернулся к первоначальному предложению Ахимен-хан, — по его выбору.

— Это будут три лошади по выбору хана, — ответил Конан. Хотя мечтой его жизни было стать бога-

тым, он не мог представить себе, что это произойдет путем непрерывного приобретения скота или недвижимости.

— Для меня будет честью выбрать двух из пяти лошадей моего гостя.

— Я верю, что выбор хана будет наилучшим, хотя это всего лишь лошади, а не верблюды.

— Я доволен, — сказал Ахимен-хан.

— Я доволен, — сказал Конан.

— Наполните чашу нашего гостя! — сказал Ахимен.

Поскольку в шатре больше никого не было, он поднял кувшин и сам наполнил чашу. Конан поклонился. Хан, чей шатер был цвета песка и украшен двумя связками человеческих ушей — по одной с каждой стороны входа, — повернулся к перегородке, образованной плотной непрозрачной занавеской алого цвета, и дважды щелкнул пальцами.

Из-за перегородки вышли две тоненькие девочки, едва достигшие зрелости и достаточно похожие друг на друга, чтобы быть сестрами. На каждой из них были огромные, тяжелые бронзовые серьги, которые, без сомнения, со временем должны были оттянуть мочки их ушей ниже линии челюсти; на каждой был довольно широкий и толстый бронзовый ножной браслет; левое предплечье каждой было обернуто и обвязано сплетенными в косичку полосками верблюжьей кожи, затянутыми угрожающе туго. Больше ни на одной из них вообще ничего не было, и когда они упали на колени и низко поклонились, Конан попытался не смотреть на них во все глаза. Несмотря на их возраст, ему внезапно захотелось оказаться позади них.

Из-за их спин вышла и прошла между ними молодая женщина. Она казалась совершенно бесформенной в нескольких красных одеждах, надетых одна на другую и украшенных серебром и опалами. Один опал торчал из ее левой ноздри, которая, как понял Конан, была проткнута, а левый рукав ее одежды был плотно обернут темной кожей. К ее груди была приколота

черная пятиконечная звезда. Губы были выкрашены в черный цвет, глаза обведены — с очевидной тщательностью — непрерывной угольной чертой, так что зрачки казались огромными; а украшение из слоновой кости, свисавшее спереди ниже ее талии, было непристойным.

— Моя дочь Зульфи, — сказал Ахимен-хан.

Пока Конан рылся в мозгу, пытаясь отыскать слова, достаточно учтивые для шанки, Зульфи закрыла лицо руками и очень низко поклонилась. Конан происходил из воинственного племени и находился сейчас среди таких же воинственных людей, поэтому он чувствовал, что ему подобает стоять совершенно неподвижно. Если он нанесет этим оскорбление, то извинится и напомнит своему хозяину, что приехал издалека. Если это будет недостаточно, думал киммериец, то вечно эффективное решение проблемы висело у него на бедре.

— Ханская дочь Зульфи — красавица и делает честь его шатру и его чреслам, — сказал Конан, и эти необычные слова явно понравились и женщине с губами странного цвета, и ее отцу.

В этот момент появилась еще одна женщина; она, казалось, не имела лица и даже головы под алой вуалью, украшенной золотыми арабесками и свисающей до пояса, который был сделан из серебряных дисков и опускался ниже ее широкого, крепкого живота. Диски, как разглядел Конан, были монетами, и он понял, что эта женщина носит на себе немалый их вес.

— Моя жена Акби, — сказал Ахимен.

Ее поклон, как заметил Конан, был не таким глубоким, как у ее дочери.

— Мне оказана честь и... удовольствие в том, что я лишен созерцания, без сомнения, ослепительной красоты матери прекрасной Зульфи и такого красивого сына, как Хаджимен.

«Еще несколько подобных речей, — кисло подумал Конан, — и мое пиво может попроситься обратно».

Акби снова поклонилась. Она и Зульфи удалились в темный угол и уселись там; их плавные, струящиеся

движения почти не колыхали закрывающих все тело алых одежд. Ахимен щелкнул пальцами. Две обнаженные девочки неуклюже отползли назад и устроились по обе стороны от женщин.

— Дочери иоггитов, — сказал Ахимен и притворно сплюнул.

— Конечно, — сказал Конан, гадая, как долго пленниц держали обнаженными... и сколько времени могло пройти, прежде чем их левые руки высохнут и отомрут.

Хан повернулся к своей жене и дочери:

— Зульфи, ты будешь служить мне и этому гостю в нашем шатре. Женщина — заberi своих животных и приготовь нам пищу.

Конан отметил, что двое «животных», слегка прихрамывая из-за своих больших металлических ножных браслетов, вышли из шатра раньше своей хозяйки. Зульфи подошла к мужчинам и заглянула в их чаши. Обе были еще полны густого шанкийского пива. «Даже в пустыне, где каждое зернышко на счету, люди умудряются варить пиво!» — размышлял Конан. Или, может быть, шанки покупали его в Замбуле, в обмен на резные опалы из какой-нибудь местности с мягкой глинистой почвой и на лошадей, чьи хозяева были убиты.

Киммериец надеялся, что Ахимен не ждет от него никакого ответного жеста. Испарана благоразумно согласилась на то, чтобы называться среди этих примитивных воителей «женщиной Конана». Однако тот не мог и представить себе, чтобы такая гордая и умелая воровка и посланница хана выполняла роль служанки даже перед этим могущественным вождем целых пяти сотен людей. В то же самое время его заинтересовало, что с ней стало.

— Я хотел бы спросить, где моя женщина, Испарана.

— Она получит одежду, подобающую женщине, — сказал ему Ахимен-хан, — и будет наблюдать за тем, как вбивают колышки для шатра Конана, как и при-

личествует женщине, путешествующей со своим мужчиной.

— О-о! — сказал Конан.

— Наполни чашу этого человека!

Зульфи выполнила приказание; Акби была снаружи вместе со своими «животными»; Конан видел там раньше две плиты со стенками из глины и теперь ощущал запах жарящегося на жире чеснока.

— Мой гость не привычен к пустыне, — сказал Ахимен, гибким движением соскальзывая на колени и затем усаживаясь на коврик из верблюжьей шерсти, расстеленном на верблюжьей же шкуре, покрывающей землю. Он знаком показал, что Конану следует присоединиться к нему.

Конан так и сделал.

— Нет, — сказал он. — На моей родине, которую я покинул, нет пустынь, и в течение некоторой части года там бывает очень холодно.

Ахимен кивнул.

— Я слышал о холоде, — серьезно сказал он, хотя Конан прекрасно знал, что в пустыне по ночам может быть мучительно холодно. — И глаза Конана, имеющие странный небесный оттенок, не страдали от песчаной слепоты.

— Нет.

— Конана хранят боги. Сущее наказание — эта песчаная слепота. Мы носим на себе специальный камень, чтобы уберечься от нее. И, естественно, проводим углем черту под глазами. Зульфи, принеси нашему гостю блеск-камень.

Зульфи, шурша одеждой и позвякивая украшениями, скрылась за перегородкой, а Конан почувствовал, как у него заурчало в желудке: снаружи Акби готовила что-то невероятно аппетитное. Хлеб с чесноком, в этом он был уверен, но надеялся на большее. Он прекрасно понимал, что не следует отказываться ни от какого подарка... а потому, когда Зульфи вернулась с гранатом размером со сливу, он припомнил Ахименов торг на оборот.

«Только согласишься принять этот огромный камень, — подумал киммериец, — и будешь, как эти — тьфу — иоггиты!»

— Я приму в дар блеск-камень, в десять раз меньший, чем это сокровище.

— Ах! Теба выказывает неудовольствие, — сказал Ахимен, словно жалуясь какому-то богу, как предположил Конан, — имя было ему незнакомо. — Гость не хочет принять предлагаемый ему дар! Зульфи, защити нашу честь; принеси блеск-камень вполтину меньше этого!

— Я приму дар хана, — сказал Конан, в душе которого шанкийское понятие о долге и честь спорили с природной скупостью, — не больше, чем в одну двадцатую этого.

Ахимен вздохнул, словно в отчаянии.

— Наш гость согласен принять от нас в дар лишь третью часть того, что мы хотим ему дать. Принеси такой камень, Зульфи.

— Мне оказана слишком большая честь, — ответил Конан, пытаясь проглотить душившую его жадность и не выглядеть при этом огорченным. — Моя собственная честь не позволит мне принять столь богатый дар! Я могу принять всего лишь десятую часть того камня, что находится в прекрасных руках дочери хана.

— Наш гость сам оказывает себе честь своей скромностью, — отозвался Ахимен-хан, хлопая себя по лбу.

Потом, к потрясению Конана, он вытащил из-за широкого алого кушака, опоясывающего его талию под кафтаном, изогнутый нож и коснулся его острием своей груди, когда рука киммерийца уже начала двигаться, чтобы схватить и сдвинуть запястье хана.

— Если мой гость, который дарит мне множество лошадей, не примет в дар два камня в десятую долю этого, — который в действительности слишком велик, чтобы его можно было носить, так что я стыжусь своего предложения, — я убью себя в тот же миг.

— Пусть рука хана остановится, — ответил Конан,

которому хотелось расколоться. — Я скорее пролью собственную кровь и даже умру, чем навлеку на шанки роковой удар, позволив их великому хану получить хотя бы царапину.

Ахимен бросил взгляд на киммерийца. Конан не мог быть уверен, был ли это взгляд восхищения цветистостью ответной речи или некоторой горечи от того, что гость «сдался». Зульфи удалилась, шелестя и позвякивая.

— Позволительно ли мне поклониться дочери хана при ее возвращении?

Лицо Ахимена приняло шокированное выражение, и Конан почувствовал, что это не притворство.

— Каким образом я обидел Конана из Киммерии, что он хочет поклониться женщине, да еще в моем шатре?

Конан быстро подумал и вытащил маленький кинжал, служивший ему для еды.

— Я убью себя, — сказал он и начал импровизировать. — Среди некоторых народов это означает великую честь, если человек предлагает поклониться дочери другого.

— Ах! — рука Ахимена поднялась к его бороде и прочесала ее пальцами. — Захватывающая идея! Я вижу, что Конан хотел только почтить меня. Люди во всем мире так различны, не правда ли? Какие странные обычаи должен знать мой гость!

— Да, — торжественно сказал Конан, пряча кинжал в ножны и вспоминая о словах этого жителя пустыни о холоде: «Я слышал о нем», — сказал Ахимен.

— Да, — повторил киммериец. — Некоторые убеждают рабов принять их богов и обычаи и воспитывают их внутри своего племени. Потом эти рабы вступают в брак с членами захватившего их племени, и их дети ничем не отличаются от остальных.

Ахимен потряс головой; он выглядел так, словно его вот-вот вырвет.

— Без сомнения, в Киммерии обычаи не таковы!

— О нет, — сказал Конан.

Он узнал то, что ему хотелось знать. В течение сотен лет эта маленькая группа из пяти сотен человек

практиковала эндогамию, так что кровь шанки все время сохранялась в них, — откуда бы она ни появилась, — а обряды и обычаи с прошествием времени становились лишь более замысловатыми и строгими.

Зульфи вернулась с двумя гранатами, каждый из которых был достаточно большим, чтобы образовать головку рукоятки кинжала. Каждый был искусно и, без сомнения, с большими усилиями просверлен и подвешен на шнурке из сплетенного верблюжьего волоса. Конан вежливо принял дары, позаботившись не поклониться дочери Ахимена, хана пяти сотен человек.

— Да одарит Теба Конана из Киммерии орлиным зрением и защитит его от песчаной слепоты, — сказала она, и Ахимен повторил эти слова вслед за ней.

— Может ли гость, который боится нанести оскорбление, спросить: почему хан и его семья носят звезды из темной ткани, в то время, как на других шанки я их не видел? Это знак семьи хана?

— Нет, — сказал Ахимен, глядя на коврик между своими скрещенными ногами. — Мы носим траур, человек из Киммерии. Мои люди только что сняли черные звезды Смерти, пронесив их месяц. Мы будем носить свои звезды целый год, и к концу этого времени звезды будут приколоты к телам двух рабов, а эти рабы — сожжены.

Мысли Конана обратились к двум маленьким обнаженным рабыням, но он не был потрясен. Эти люди были воинственным племенем. Иоггиты были их смертельными врагами, а обычаи есть обычаи. И к тому же Конан жил в Шадизаре, где в храмах, посвященных многим странным богам, исполнялись как нельзя более отвратительные и ужасающие обряды, как с животными, так и с людьми, и кровавые жертвоприношения, которые были такими же древними, как и сама его раса — раса самых жестоких животных во всем мире.

— Гость погружен в траур вместе с хозяином, — сказал Конан, опустив взгляд на свой коврик. — У хана шанки был другой сын, который теперь потерян для него?

— Нет. Дочь. Я послал ее, в знак почести и боль-

шой дружбы, хану замбулийцев. Она была девой в расцвете юности, несорванная белая роза скал. Среди этих людей, живущих за стенами, дочь пустыни зачахла и умерла. Нам сообщили об этом. Хан замбулийцев послал известие, что она ожидала ребенка, без сомнения, сына; хан хотел почтить нас, положив ее тело рядом с телами своих предков и своих женщин. Мы прощаем ему это, ибо он не мог знать, что она не хотела бы быть вот так заточенной в земле. Ее следовало, конечно же, вернуть в пустыню, которая была ее домом, где ее сожгли бы и прах развеяли по ветру, чтобы он соединился с песками.

— Конечно, — отозвался Конан.

— Я опечален этими мыслями, — сказал Ахимен, — а так не подобает вести себя в присутствии гостя-воина! «Отдай горю время, отведенное для горя, — говорит нам Теба, — и радости — время для веселья, и всегда радушно принимай гостя в шатрах шанки». Зульфи! Наполни нам чаши! — Ахимен обратился к Конану пылающий страстью орлиный взор. — Мы напьемся вместе, воин из Киммерии!

«А утром я отправлюсь в Замбулу с распухшей головой, — подумал Конан. — Надеюсь, нам не придется напиваться до того, как мы поедем!»

Им не пришлось, хотя блюдо из приправленных пряностями овощей, сваренных в пиве, и куски, оторванные от широких, плоских лепешек маслянистого, начиненного чесноком хлеба из цельной пшеничной муки, не показались пиршеством человеку с холмов Киммерии, который ел мясо практически с рождения, — несмотря на всю аппетитность подсолненных яств Акби.

А вот жажду они вызвали.

* * *

— Ты... ты так красива, — сказал Конан Испаране утром, даже не пытаясь скрыть свое изумление. Он открыл глаза, лежа на спине, и обнаружил, что она сидит рядом с ним.

Ее брови были со знанием дела выщипаны, чтобы придать им определенную форму, и смазаны жиром;

ее губам, хоть они и были выкрашены в жутковатый черный цвет, как у женщин шанки, была с помощью косметики придана форма и блеск; глаза, обведенные углем, казались огромными, а с ресниц уголь прямо-таки сыпался; ногти были накрашены лаком. Ее покрывали алые одежды шанки. Большой белый опал на цепочке из сплетенного верблюжьего волоса, сверкая розовыми и зелеными искрами, тяжело покачивался между ее грудей, подчеркивая их выпуклость.

Конан приподнялся и сел в шатре, в который он не помнил, как заходил, и увидел, что ногти на ногах Испараны тоже накрашены лаком. У нее были очень красивые ступни, и кожа на них была не темнее, чем у него.

— Ты... отвратителен, — бесстрастно сказала она. — Тебя почти втащили сюда намного позже восхода луны; ты был пьян, бормотал что-то, и от тебя воняло чесноком и их пивом — и сейчас еще воняет!

Он ухмыльнулся, отмечая при этом, какой тяжелой кажется его голова, и гадая, будет ли она выражать протест, если он перейдет к активным действиям.

— И ты меня не убила.

— Убить тебя? Зачем мне тебя убивать?

— Ну как же, Спарана, — сказал он, опуская свою очень большую ладонь на ее бедро, — мы с тобой соперники и заклятые враги, разве ты не помнишь?

— Я помню. А еще я бросила кинжал, который спас тебе жизнь, помнишь?

— Помню. Я благодарен тебе. Значит, мы союзники. И ты даже не обыскала меня.

Она посмотрела на него.

— У тебя с собой кинжал, два неплохих граната на шнурах из верблюжьего волоса — к удаче, по поверьям этих лунатиков, — неплохое кольцо, спрятанное в кошельке, и этот хлам, от которого несет чесноком, у тебя на шее.

Конан ухмыльнулся — он предусмотрительно натер глиняный «амулет» со вставленными в него стекляш-

ками шанкийским хлебом, когда почувствовал, что вот-вот отключится. Значит, она его обыскала!

— А если бы Глаз Эрлика был спрятан на моей прекрасной персоне?

— Ну, я бы распорол заднюю стенку твоего шатра твоим же кинжалом, дорогой Конан, а потом воткнула этот кинжал под твои воняющие чесноком ребра и была бы теперь за много лиг к югу отсюда!

— Ах, Спарана, Спарана! Какой мерзкой каргой ты хочешь быть! Как повезло нам обоим, что ты не нашла драгоценный амулет своего драгоценного хана.

И он притянул ее вниз к себе.

— Уф, — пробормотала она. — Пиво и чес...

Лицо Конана выразило протест, и он приказал ей убираться прочь и помалкивать.

11. ШПИОНЫ ЗАМБУЛЫ

Факелы мигали. От них клубами поднимался вверх маслянистый дым, который добавлял густоты зловещей черноте балок, соединяющих каменные стены, поднимающиеся от темного, твердого земляного пола. Жертва свисала с одной из этих балок, и ее ноги едва касались пола.

Человек в черном капюшоне еще несколько раз обернул ужасно тонкую веревку вокруг ее запястий и бездушным рывком завязал надежный узел. Ее тело качнулось, и пальцы ног напряглись, чтобы не оторваться от пола. Она — очень белокурая, и юная, и обнаженная, если не считать рубцов, — судорожно втянула в себя воздух, и тело ее содрогнулось от вырвавшегося у нее долгого стога. Ее руки были связаны так крепко, что в кисти не поступала кровь. Человек в капюшоне затягивал веревки, пока они не начали сдирать кожу, впиваясь в запястья и предплечья. Теперь она совсем не чувствовала своих рук, только покалывание в них. Она спрашивала себя — обреченно, словно речь шла о ком-то другом, — были ли они темно-красными, или пурпурными, или уже почернели.

Странно, но она ощущала жар в руках; так подтянутые кверху, они должны были бы мерзнуть. Она сделала еще одну попытку вырваться, но убедилась, что это бесполезно. Она была связана так, что была совершенно беспомощна и не могла сделать ни малейшего движения. Ее пятки чуть-чуть не доставали до пола... так что она касалась его только пальцами и подушечками ступней. Человек в черном капюшоне был высок, и у него были длинные руки.

Булькающие, горловые, резкие звуки вырвались из ее пересохших губ, которые она никак не могла сомкнуть.

Двое людей в мантиях наблюдали за ней. Один из них сказал:

— Вверх.

Она вскрикнула, услышав этот приказ. Она знала, что он означает. Веревки тянулись от ее запястий вверх и были перекинuty высоко над ее головой через балку, обернутую кожей.

Человек в черном капюшоне подтянул ее вверх так, что ее ноги оторвались от пола. Ее вопль был ужасным. Двое мужчин в мантиях наблюдали за ней в молчании, и факелы мигали. Человек в черном капюшоне начал поднимать и опускать веревку вместе с подвешенным над ней грузом, словно звоня в огромный колокол. Его большой живот напрягся от усилий.

Болтающаяся на веревке жертва, подскакивая вверх и падая вниз, начала беспрестанно стонать; ее ребра, казалось, пытаются прорваться сквозь плоть. Ее вытянутое, обмякшее тело крутилось и раскачивалось, как маятник, и в то же самое время веревка дергала его то вверх, то вниз. Пот лился с нее ручьями. Она всхлипывала с каждым, трудно дающимся ей вздохом.

— Говори!

Она услышала голос; она заскулила, и слезы показались по ее щекам, но она не произнесла ни слова.

— Я не вижу, к чему продолжать это. Используя раскаленное железо.

— Не-ет... — пробормотала она, и ее голова упала на грудь.

Человек в черном капюшоне закрепил конец веревки так, что только пальцы ног жертвы касались земляного пола, и вытащил из-за пояса перчатку. Он натянул ее, шагая к жаровне, зловещей черной твари с огненными волосами, присевшей на своих трех ногах. Из нее торчали деревянные ручки двух тонких прутков из черного железа. Он вытащил один из них; конец прута был раскален добела. Он пожелтел, пока человек в черном капюшоне неторопливо возвращался к своей жертве, которая широко раскрытыми глазами следила за его приближением. Она снова пробормотала «нет» этим едва слышным голосом, и он поднял прут.

На глазах у наблюдающих людей в мантиях он твердо, безжалостно прижал прут к ее телу, которое извивалось и дрожало от ужасного предчувствия. Из ее горла вырвался крик; ее голова дернулась вверх и назад, и новые струйки пота, блестя, покатались по ее телу. Люди в мантиях услышали резкий шкворчащий звук и почувствовали запах горелого мяса.

— Хватит.

Человек в капюшоне отвел прут в сторону. Его жертва висела перед ним, всхлипывая, тяжело дыша; она ощущала запах паленой кожи. Пот лился с ее тела и склеивал ее волосы.

— Говори!

Она несколько раз сглотнула, захлебываясь воздухом, всхлипывая, тяжело дыша.

— Еще раз.

Человек в капюшоне сделал движение, и она почувствовала, как жар железа приближается к ее телу.

— Перестаньте. Я скажу вам.

Ее голос был монотонным, безжизненным, умоляющим.

— Перестань, — сказал человек в мантии — тот, у которого был меч. У более молодого человека, стоящего рядом с ним, оружия не было. Красивый медальон

из золота, жемчуга и топазов словно горел у него на груди поверх туники.

— Что ж, говори. Держи прут наготове, Балтай.

Человек в черном капюшоне остался стоять рядом с ней с прутом в руке, словно надеясь, что она скажет недостаточно. Он был крупного сложения, высокий и тяжелый.

— Ты шпионка Балада?

— Да.

— Ты служишь женщине по имени Чиа, и живешь здесь, во дворце, вместе с ней, и шпионишь за ней и за мной в пользу этого предателя, Балада.

Она заколебалась; человек в капюшоне шевельнул рукой.

— Да, — сказала она, соглашаясь даже с тем, что Балад был предателем.

— Он платит тебе?

— Да.

— Как он тебе платит?

— Мои... мои родители живут хорошо... и не знают почему. А... я... я...

— Говори!

— Я должна получить покой моей госпожи, когда Балад захватит Замбулу, и... и она должна будет служить мне.

— Идиотка! Аквилонийская дура! Ты можешь себе представить, чтобы величественная аргоссианка Чиа, которую я называю Тигрицей... можешь ли ты представить себе, чтобы она согласилась служить тебе? Ты заключила идиотскую сделку, и посмотри, куда это тебя привело!

— Ба... Балад заставит... заставит ее!

— О, конечно. Конечно, заставит! Ты не проживешь и дня, как она воткнет в тебя несколько своих драгоценных булавок для одежды, глупая ты аквилонийская потаскуха! Каким образом ты передаешь сообщения предателю Баладу?

— Он... он не предатель! Он пытается освободить Замбулу от...

— Балтай!

Человек в капюшоне отреагировал движением руки и затянутой в перчатку кисти. Конец прута уже немного остыл и стал красным, но все же сделал свое дело, и они услышали это и почувствовали носом; она вскрикнула и, обмякнув, закачалась на веревках.

Вода и крапива привели ее в чувство.

Она рассказала, что три дня из каждых десяти встречалась с дворцовым стражником Хойджей и передавала ему сообщения. Нет, она сама никогда не видела Балада. Он послал ей известие и тот самоцвет, который они нашли спрятанным в ее волосах. Нет, она не могла показать им это известие; она не умела читать, и записку унесли обратно. Она уверена, что узнала печать и его имя.

— Это мог быть твой смертный приговор, ты, глупая тварь!

— Не-ет...

— Хватит. Балтай, положи прут на место. Поднимись сюда.

У пленницы вырвался долгий вздох, и она, обмякнув, повисла на веревках, пытаясь опереться на пальцы ног и тяжело, с усилием дыша. Человек в капюшоне сунул прут обратно в жаровню и поднялся по двадцати и пяти ступеням, ведущим из подземной темницы к двоим в мантиях, стоящим на площадке лестницы.

— За мою спину, — сказал его господин, и Балтай шагнул за спину человека с мечом. Другой человек в мантии тоже отступил назад на шаг, так что Актер-хан остался стоять в одиночестве перед ними.

— Убей ее, — сказал Актер, и в ту минуту, когда хан произносил эти слова, губы второго человека шевельнулись.

— Уф! — пропыхтел палач и еще больше отступил назад, ибо из ножен, висящих на боку у его господина, сам собой выскользнул меч. Он какое-то мгновение колебался в воздухе, потом понесся вниз, в подземелье и, описав небольшую дугу, словно его держал в руке

бегущий — или летящий — невидимый человек, погруженный в грудь пленницы — чуть слева от середины.

Актер-хан улыбнулся и, продолжая улыбаться, повернулся к своему магу.

— Нехорошо было лишать Балтая такого прелестного объекта для долгой финальной пытки, — сказал он, — но кто мог бы устоять и не применить твой чудесный меч, Зафра!

Зафра скупно улыбнулся в ответ.

— Возможно, мой господин оставит этого охранника, Хойджу, Балтаю, как... возмещение, — сказал молодой волшебник.

Актер-хан кивнул и повернулся к палачу.

— Да будет так, Балтай! Хойджу скоро приведут к тебе. Покажи ему... это, — сказал он, указывая вниз, в подземелье, где висела Митралия, аквилонийская служанка Тигрицы Чиа. Она уже не дышала. — И проверь, знает ли он кого-нибудь еще, кто замешан в этом деле. Поработай над ним, Балтай.

— О, мой добрый господин знает, что я это сделаю!

— Да — и еще я знаю, что ты сделаешь, как только мы двое покинем твои владения, ты, негодный извращенец! — Актер улыбнулся. — Идем, Зафра, королевский маг Замбулы!

— Мне принести моему господину его меч?

— Балтай! Вытащи меч из этой коровы и принеси его мне!

— Мой... мой господин...

— Не бойся, Балтай, мой верный пес; как и ты, этот меч повинется только твоему хозяину. Он не причинит тебе вреда. Теперь это просто меч.

Балтай не торопился, спускаясь по ступенькам, и Актер улыбнулся своему магу и даже положил руку тому на плечо.

— Мой верный Зафра! — спокойно сказал он. — Насколько ты ценен для меня! И ты был прав — она действительно была шпионкой и выдала нам другого шпиона. Признаюсь, кстати, — я опасался, что она может обвинить мою Тигрицу! Однако девчонка явно

ненавидела ее и завидовала ей, и Балад сделал бы Чиа рабыней — если бы ему когда-нибудь удалось его безумные планы!

Зафра слегка поклонился.

— Я должен сказать моему господину, — отозвался он столь же спокойно. — У меня появились подозрения, когда я заметил, как она вела себя, когда я посещал ее хозяйку, твою Тигрицу. Мой господин Хан вспомнит, как по случаю того, что я преподнес ему меч, он послал Тигрицу Чиа ко мне.

— В тот же самый вечер. Конечно, я помню. Ты говоришь мне, что ты... был с ней после того раза?

Зафра не поднимал головы.

— Мой господин, это так. Я должен сказать тебе, хоть мне и было тяжело собраться с духом. Мы провели... довольно много времени вместе.

Актер расхохотался и снова похлопал мага по узкому плечу.

— Ты любишь ее, Зафра?

— Мой господин, — честно сказал Зафра, — нет.

— А как ты думаешь, она тебя любит?

— Нет, господин Хан.

— Ну тогда, поскольку я послал ее к тебе для твоего развлечения и начал все это сам, как я могу возражать против того, что мой королевский маг проводит время с неотразимой Тигрицей, а? Я не могу высказать, как я благодарен тебе за то, что ты сказал мне, Зафра, — ибо я знал, уже несколько недель. Месяц, и даже больше, — Актер улыбнулся удивленным глазам своего мага. — Однако я найду тебе женщину, которая будет только твоей, Волшебник Замбулы.

— Вот твой... меч, господин Актер-хан.

— Ах да, — Актер повернулся и взял клинок у Балтая. — Ты хорошо поступил, что вытер его до блеска, Балтай!

— Я всего лишь вернул ей кровь, господин Хан. Она ничего не заметила.

Актер-хан, смеясь, вышел из темницы вместе со своим магом, и немного погодя два человека передали

в руки Балтая безоружного молодого стражника. Поскольку Хойджа был абсолютно ни в чем не виновен и почти не знал Митралию, он посмотрел на ее тело без особых эмоций; он и до этого видел мертвых женщин, хоть, правда, ни у одной из них не было на теле следов от девяноста или более ударов раскаленным железным прутком.

* * *

— Он действительно знал о нас, Чиа, — сказал Зафра. — Теперь мы в безопасности; он был так благодарен мне за то, что я «признался» в нашей дружбе.

— А Митралия?

— Умерла, бедняжка. Настой, который ты дала ей по моему велению, сделал свое дело, и мое заклинание тоже; она в самом деле создалась, что была шпионкой Балада, и сказала именно то, что я приказал ей сказать, когда ее сознание было открытым и беспомощным предо мной. Она обвинила того охранника, о котором ты говорила...

— Хойджу.

— Да.

— Хорошо. Эта скотина имела дерзость открыто пилиться на меня, — Чиа вздохнула и нежно погладила его. — Однако мне будет не хватать Митралии; она любила мои волосы и расчесывала их лучше, чем кто бы то ни было! Теперь мне придется искать другую служанку и учить ее!

Зафра усмехнулся.

— Посмотри, я причешу их своими пальцами. Мне думается, наш хан сам выберет следующую девушку, которую пошлет к тебе!

— Хм-м... но... Зафра? Хойдже не в чем признаваться.

— Значит, он ни в чем не признается. Балтай будет поражен его мужеством и силой воли — и рассержен тоже. Хойджа долго не протянет.

— Ах, Зафра, Зафра! Мой любимый гений.

— Я не отрицаю этого, любовь моя. Но только теперь будь крайне осторожна, когда будешь передавать сведения агенту Балада.

12. ЭСКОРТ ДЛЯ ДВУХ ВОРОВ

Хаджимен и десять восседающих на верблюдах шанки должны были сопровождать Конана и Испарану в Замбулу. Это решение, объявленное Ахименом, не встретило возражений, и Конан не видел никаких оснований, чтобы возражать самому. Он помешал Испаране шопировать шанки просьбой принести ей мужскую одежду, предназначенную для езды верхом, указав ей, что алые одежды шанкийских женщин достаточно просторны, чтобы позволить ей сидеть на лошади, а для этих людей, их друзей, сама мысль о женщине в каких бы то ни было штанах казалась варварской и даже того хуже.

— Ну и что? Я еду в компании с варваром!

— Они этого не знают, Спарана. А теперь повесь блеск-камень себе на шею и собирайся. Нет смысла ждать до полудня, чтобы отправиться в путь.

— Конан.

Он уже поднялся, чтобы уходить; теперь он оглянулся.

— У меня был меч, Конан. Ты забрал его. У меня был кинжал, и я использовала его, чтобы спасти тебя, — хотя только Эрлик знает, почему!

Конан вопросительно посмотрел на нее. Он уже поблагодарил ее; он знал, чего она хотела сейчас, и пользовался возможностью обдумать это.

— Мне нужен меч и кинжал, — сказала она.

— С охраной из одиннадцати человек на верблюдах тебе вряд ли понадобится оружие.

— Сказал стигиец кушиту!

— Хм, — он очень слабо улыбнулся ей. — Ты права. Первый вопрос, который задали эти люди, был о том, почему у тебя нет оружия. Та наша лошадь

несет на себе целый арсенал! Меч и кинжал Хассека, и Сарида...

— И мои...

— И тех пяти иоггитов, плюс два меча, которые мы с Хассеком... приобрели в Шадизаре.

— И мой меч.

— Да, и твой меч... а! Подожди, Спарана.

Выйдя из шатра, Конан подошел к тому тюку, который он называл их «арсеналом», и развязал его. Хаджимена — на глазах Ахимен-хана — киммериец заставил принять добрый аквитанский меч самарритянина Сарида. Потом он показал им диковинку — ужасный ильбарсский нож Хассека. Еще он показал шанки клинок без эфеса, принадлежавший некоему королевскому агенту из Шадизара в Заморе, и лаконично обрисовал историю его приобретения. Шанки расхохотались; и Хаджимен, и другие встречали в Замбуле самоуверенных фатов — которых они называли «хфатами» и от которых многое вытерпели.

Люди пустыни выразили свое восхищение выработкой и ценностью усыпанного корундами кинжала дорогого Ферхада, с его отделанным серебром клинком.

— Это подарок для моей возлюбленной Испараны, — сказал Конан. — Я сохраню тот, который она использовала, чтобы... помочь мне в схватке с этими иоггитами.

Хаджимен сплюнул. Конан с готовностью сплюнул тоже. «Восхитительный обычай», — подумал он, обещая себе снова и снова упоминать в разговоре одетых в зеленое джазихим, чтобы присоединиться к шанки в ритуальном сплевывании.

— Это жест настоящего мужчины, — прокомментировал Хаджимен подарок Конана его «возлюбленной женщине». — Я навьючил на своего верблюда одежды, которые стали мне малы, когда я в шестнадцать лет внезапно вырос. Я знаю, что женщина Конана — воин. Как только мы отъедем отсюда на

достаточное расстояние, и мой отец и другие не смогут об этом узнать и прийти в ужас, я подарю эти одежды женщине-воину, которую зовут Испарана.

— Это очень любезно, — сказал Конан, — хотя ей нравятся ее роскошные наряды женщины-шанки.

«Примерно так же, как мне нравится есть крапиву», — подумал он. Значит, Хаджимен представлял либеральное новое поколение, вот как? Досадно; шанки могут измениться под его властью, когда придет очередь Хаджимена называться ханом.

— Мне жаль, что у нас нет одеяний, достаточно больших для нашего гостя, — продолжал Хаджимен, — кроме каффии и одежды для езды на верблюде, которые мы с удовольствием преподносим ему.

— Они мне нравятся, — улыбаясь, сказал Конан, хотя, по правде говоря, ему было жарко в халате на подкладке и в кольчуге, которую ему еще предстояло омочить в крови, несмотря на то, что он владел ею уже два месяца. Поскольку шанки не носили кольчуг, Конан прикрыл свою туникой, которая сейчас приходила в полную негодность с изнанки, как и любая одежда, которую носят поверх кольчуги или чешуйчатых доспехов. Конана ожидала награда в Замбуле! Тогда, если ему захочется, он сможет нарядиться в алую тунику, расшитую узорами!

На киммерийце были надеты широкие, раздувающиеся малиновые шаровары шанки; они были ему слишком коротки, но он не обращал внимания на это. Сапоги прикрывали ему икры; сколько же человеку нужно одежды на ногах?

— Когда я вручу это оружие Испаране, — сказал он, — мы будем готовы покинуть пристанище шанки.

— Но не их компанию. Наши верблюды опустились на колени, ожидая Конана из Киммерии.

— Называй меня просто Конаном.

— Я только что сделал это, гость моего племени.

Конан, улыбаясь, повернулся и пошел к Испаране.

Она с суровым, мрачным выражением лица застегнула на талии пояс с ножнами и слегка сдвинула его так, чтобы меч свисал вдоль ее левой ноги. После этого она выразительно посмотрела на более короткие ножны у себя на правом боку, а потом на Конана.

— А мой кинжал? Ты ведь вытащил его из тела этого иоггита, не так ли?

Конан сплюнул на манер шанки и улыбнулся.

— Да, хотя это было нелегко. Слетев с лошади, он упал на раненую руку и пригвоздил ее к своей груди твоим кинжалом. Я сохраню его себе на память. Помнишь, как мы впервые встретились, Испии...

— «Спарану» я еще терплю, — заявила она. — «Испии» я терпеть не буду!

— ...Двое воров, — продолжал он, — свирепо глядящих друг на друга через эту жуткую комнату Хисарр Зула? Кто бы мог поверить тогда, что в один прекрасный день ты спасешь мне жизнь — совершенно сознательно!

— Я действовала не думая.

— Как и в тот день, когда нас схватили хорезмийцы? Ты вышибла меня из седла, и это после того, как я уложил нескольких этих собак-работорговцев и обеспечил нам возможность бегства.

Испарана, наряженная в развевающиеся, бесформенные красные одежды, с губами, выкрашенными в черный цвет, и глазами, огромными и сияющими внутри обводящей их черной черты, — Испарана покачала головой.

— Нет, в тот день я думала! В конце концов, из-за тебя я потеряла обоих своих верблюдов и все свои припасы. А теперь отдай мне свой кинжал, вор-варвар!

— Это было через день после того, как я снял у тебя с шеи Глаз Эрлика, пока ты спала.

— Собака! Пыхтящая варварская свинья!

— А я-то опасался, что ты уже покончила со

всеми этими ласковыми именами, которые я привык ожидать от тебя и смаковать, Спарана.

— И еще ты подсматривал за тем, как я раздеваюсь и купаюсь в том озерце в оазисе! И у меня на бедре навечно останется шрам, ты, коварная варварская гадюка!

Конан напомнил ей об этом специально, чтобы проверить ее реакцию. Она не кричала и не выхватывала меч.

— Теперь я жалею об этом, Испарана, — и я не имел понятия, что так случится. Я более чем рад, что фальшивый амулет был у тебя в кошельке на бедре, а не висел у тебя на шее, когда колдовство Хисарра расплавало его. Мне бы очень не хотелось, чтобы на этой красивой груди остались шрамы.

— Значит, она тебе нравится, ты, любящий распускать руки боров-варвар?

— Она мне нравится, Спарана. И я не прикоснулся к тебе той ночью в оазисе.

— А почему, Конан? Ты — уже потом — называл меня неотразимой. Я спала, а ты перед тем подглядывал за мной. Ты мог бы...

— Я не насильник, Испарана, — спокойно и с достоинством сказал Конан.

Она уставилась на него.

— Лживый, вонючий, шелудивый пес! Всего несколько дней назад...

— Это было две недели назад, и это не было насилием, — сказал Конан и уставился на нее в ответ.

Когда Испарана отвела взгляд, молчаливо признавая его правоту, Конан продолжил:

— В тот день ты пыталась убить меня, и из-за тебя погибли Сарид и Хассек. Хассек был хорошим человеком, Спарана.

— Что ж... Сарид не был таким, но мне теперь жаль, что я использовала его и что он мертв. И что из-за меня он убил твоего иранистанского друга.

— Однако, если бы ты не соблазнила и не использовала Сариду...

— Мне не пришлось его «соблазнять», Конан.

— Если бы ты не использовала Сариду и не поехала на север, мы с тобой никогда не встретились бы снова и не объединили бы наши силы, Спарана. Или я должен называть тебя господжа Килия?

Она скорчила гримасу. Это было имя, которое он использовал в тот день, когда их захватил караван работоторговцев из Хорезма — в оазисе, где Конан перед тем украл у нее Глаз, а она, размахивая мечом и сыпля ругательствами, помешала ему бежать, вследствие чего ее верблюды скрылись в ночи. Хорезмийцы не поверили тому, что она была какой-то там госпожой Килией, равно как и тому, что она — родственница короля Самарры, как утверждал Конан. Он жестоко расправился с тремя или четырьмя из них — и после этого она нанесла ему такой удар, что он лишился чувств, и бежала. К несчастью, другие люди из каравана схватили ее, после чего она и Конан провели несколько дней в веренице невольников.

— А на самом деле была какая-нибудь Килия, Конан?

— Да. Девушка из Арэнджуна, — ответил Конан, припоминая, как эта стерва требовала его смерти, после того, как он щедро тратил на нее выпивку и свое обаяние. — Просто девушка, Испа. Не женщина, как ты.

Испарану едва ли можно было назвать жеманной, но тут она заговорила мягко, ласково, заглядывая при этом ему в глаза.

— У тебя было множество девушек, не так ли, — и женщин?

— Несколько, — сказал Конан, пожимая плечами. — Так, как для тебя существовало множество мужчин.

— Кое-кто, — сказала она, копируя его жест и думая о том, каким отвратительным любовником был Сарид. — Ты пытаешься заставить меня признать, что

ты потрясающий любовник и что я больше не надеюсь увидеть тебя разрезанным на куски и скормленным собакам — твоим братьям, вороватый пес.

Он покачал головой.

— Ах, ты пытаешься вскружить мне голову ласковыми прозвищами, любовь моя. Нет, я не стараюсь заставить тебя что-либо признать, — добавил он, услышав за стенкой шатра рев ожидающего верблюда, и вытащил кинжал, который прятал у себя за поясом на спине: кинжал Ферхада, королевского агента из Шади-зара. — Вот. Твой кинжал, госпожа моя.

— Но это не мой... Конан! В него... в него вставлены драгоценные камни... это рубин! Это, несомненно, два сапфира... может ли это быть изумруд?

— Может. А вот здесь, на клинке, может быть серебро. Вероятно, только ослабляет лезвие. Сомневаюсь, чтобы этот хорошенький пруттик мог сильно пригодиться в качестве оружия, Спарана, — он был близок к смущению, что бы это ни было. — Но ты можешь продать его и купить целую бочку ножей, которые смогут резать и колоть. Вместе с какими-нибудь роскошными замбулийскими одеждами.

Она не отрывала взгляда от ножа, вновь и вновь поворачивая его в руках.

— О, этот прелестный камень — это же пеллагрен, — бормотала она. Внезапно она подняла глаза, и Конану на мгновение показалось, что алчность сделала ее взгляд как будто стеклянным. Потом он осознал, что глаза были подернуты влагой. Испарана? Слезы?! Ее рука стиснула украшенную камнями рукоять.

— Я никогда не продам этот подарок, Конан. Как ты мог подумать, что я сделаю это? Это подарок от тебя!

Конан сглотнул и почувствовал себя примерно так, словно его подвесили за большие пальцы рук.

— Ну... в конце концов, я украл его.

Она улыбнулась ему.

— О Конан! Что же еще, как же еще такие, как мы с тобой, могут приобрести что бы то ни было? Мы с Карамеком оба были ворами в Замбуле; разве ты этого не знал? Вот поэтому Актер-хан послал нас так далеко

на север, чтобы вернуть себе Глаз, который похитил Хисарр Зул. Если бы он пообещал нам только, что нам не отрубят руки, — потому что нас поймали, и таковым должно быть наказание, — мы бы не стали трудиться. Нам было обещано полное прощение, видишь ли, и никаких сообщений Турану, у которого везде есть свои агенты, и награда по возвращении в Замбулу, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова.

— Ну что ж, — признал Конан, — ты украла его у старого Хисарр Зула, а не я. Я был тем, кого он поймал!

Она рассмеялась и внезапно сжала его в объятиях.

— О Конан, дорогой, неужели ты думаешь, я поверю, что подарок от тебя будет куплен за деньги?!

— Лучше назови меня шелудивым псом или свиньей-варваром, или... даже гадюкой, — обеспокоенно сказал Конан. — Я привык слышать от тебя такие обращения.

Она, все еще прижимаясь к нему, тихо сказала:

— Конан...

Он высвободился из ее объятий и повернулся к отвернутому пологу шатра.

— Идем, Испарана. Наш эскорт на верблюдах ждет нас. И хан Замбулы тоже... и награда, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова. А после этого... самая большая комната в самой большой таверне Замбулы?

— Да, — вскричала она с горящими глазами. — Самая большая, в Королевской Таверне Турана, для господина Конана и его... для госпожи Килии?

И они, смеясь, вышли на солнце.

13. ЗАМБУЛА

Воины на верблюдах первыми заметили людей на лошадях — или одного из них.

Мгновение спустя после того, как шанки испустил крик и указал на приближающегося всадника, чей шлем сверкал на солнце, этот всадник придер-

жал лошадь. Шанки тоже остановились, меньше чем в миле от человека на коне, в котором легко было узнать одетого в мундир солдата. Они увидели, как он поднес к губам медную трубу, и услышали, как он затрубил в нее. Словно в ответ вдаль, слева от него, раздался звук другой трубы. За ней последовали третья, справа, и потом еще одна, гораздо дальше. И еще одна.

Хаджимен поднял руку вертикально вверх. Его люди — и двое всадников на лошадях, которых они сопровождали, — придвинулись ближе к его дромадеру.

— Будьте готовы к атаке или к сражению, — приказал он, — и без моей команды ничего не делайте, только двигайтесь вперед — шагом.

Конану и Испаране пришлось подождать, пока десять шанки не подтвердили вслух получение приказа. Потом одиннадцать верблюдов и восемнадцать лошадей зашагали вперед по сверкающему песку.

Несколько минут спустя всадники в шлемах и желтых кушаках, подтянувшись, взяли их в клещи, и они оказались в окружении солдат.

— Замбулийцы, — пробормотал Хаджимен. — Стойте. Ничего не делайте без моей команды.

— Привет, шанки! — воскликнул командир всадников.

Хаджимен с высоты своего дромадера оглядел каждого из двадцати солдат и не увидел вынутого из ножен оружия или арбалетов с натянутой тетивой. Он поднял правую руку.

— Хаджимен, сын Ахимена, Хана шанки, приветствует воинов Хана замбулийцев, — произнес он как нельзя более звучным голосом. — Знает ли Хан замбулийцев, что мы едем к нему, чтобы обменять лошадей на рыночной площади?

Конан прислушивался к тому, как голос Хаджимена, выходящий из его диафрагмы, уходит в пустыню и теряется в ней.

— Если эти двое с вами — Испарана из Замбулы и ее спутник, то мы посланы сопровождать их.

— Я Испарана!

Конан послал вперед коня, которого он, как и обещал ему, назвал теперь Шагающим по Барханам.

— Я Конан, киммериец. Я еду вместе с Испараной из Замбулы. Как ваш хан узнал, что мы приближаемся?

— Я не знаю, э-э, Конан. Он сказал нам, что это так, хоть и не назвал нам твоего имени, только ее. Он послал нас проводить вас в город и ко двору.

— Очень любезно со стороны вашего хана, — слегка забавляясь, сказал Конан. — Эти шанки тоже нас сопровождают. У тебя есть имя?

— Я Иабиз, префект. А это с тобой Испарана из Замбулы?

— Я сказала, что это я, Иабиз, и я тебя знаю, — крикнула она. — Мы привезли то, что желает Актерхан.

— Хорошо. Твоим людям, шанки Хаджимен, нет нужды ехать до самой Замбулы, — у этого болезненного типа было лицо, как у хищной птицы.

— О нет, мы поедem, — сказал Хаджимен, оглядываясь вокруг. — Так много всадников, чтобы сопровождать двоих! Конан и Испарана — наши друзья, и наш хан поручил нам проводить их в лагерь замбулийцев. И мы едем менять лошадей, ты не забыл?

Замбулийский префект поднял палец и почесал подбородок в том месте, где его борода раздваивалась. Он сидел, чуть наклонившись вперед, и было заметно, что у него начинает расти брюшко. Так он восседал на своей крупной гнедой лошади и жевал усы, размышляя.

— Что ж, тогда, наверное, мы должны ехать все вместе. Мы получили подобное же поручение от нашего хана.

— Мы будем счастливы, если воины Хана замбулийцев присоединятся к нам, — сказал Хаджимен, не проявляя при этом абсолютно никакого энтузиазма.

Конан ухмыльнулся. Один-два шанки хихикнули — и то же самое сделал по меньшей мере один человек в ярком двойном кушаке и шлеме с замбулийскими

вымпелами. Киммериец взглянул вверх на Хаджимена, восседающего на своем одnogорбом верблюде. Вождь шанки кивнул. Верблюды шанки начали шагать вперед. Двое, которых они сопровождали, ехали среди них, и префекту Иабизу пришлось действовать. Воспользовавшись удобным моментом, он развернул своего гнедого и шагом направился в сторону Замбулы, так что со стороны казалось, будто он возглавляет весь отряд из одиннадцати верблюдов, пятидесяти восьми лошадей, одной женщины и тридцати одного мужчины, в дополнение к своей обеспокоенной персоне. Его люди медленно подтянулись, охватывая группу верблюдов и идущих в поводу лошадей, в центре которой ехали два объекта этого мощного эскорта.

Конан оглянулся на Испарану и усмехнулся.

— Удовлетворяет ли госпожу размер нашей свиты?

— Да, господин Конан, — ответила она, и они дружно рассмеялись.

* * *

Несмотря на то, что замбулийцы так же осознавали важность своей миссии и так же добросовестно испытывали чувство собственности по отношению к двум своим подопечным, как и шанки, всем удалось избежать инцидентов в течение следующих нескольких дней. Наконец Конан увидел, как из пустыни вырастают башни и купола города. Потом он увидел его сверкающе-белые стены. Весь этот ансамбль постепенно вырастал, и Конан смог различить деревья: пальмы и искривленные оливы. В конце концов Иабиз подозвал к себе двух своих людей и тихим голосом отдал им какие-то распоряжения. Они дважды протрубили в трубы, обращаясь к этим медленно приближающимся стенам, а потом галопом удалились. Позади них взвихривались небольшие клубы желтоватой пыли, так что казалось, будто их преследуют песчаные демоны.

К тому времени, как вся компания достигла ворот, они стояли широко раскрытыми. Отряд въехал в них и оказался на широкой мощеной дороге, которая, как заметил Конан, была с обеих сторон надежно защище-

на стенами. Температура между этими стенами была высокой, хотя сам город начинался немного дальше. Некоторое умение в обращении с лошастью и верблюдом позволило Иабизу подождать, пока Хаджимен поравняется с ним.

— Ты знаешь путь к рынку, — сказал замбулиец.

— Да. Мы доедем с нашими друзьями до дворца, а оттуда поедem на рынок.

— Шанки Хаджимен, сын хана, — верблюды не допускаются на Королевскую Дорогу! И ко дворцу может приблизиться не более двадцати всадников одновременно.

Хаджимен бесстрастно глядел на него с высоты своего дромадера. Молчание охватило их, как туман, и вместе с ним возрастало напряжение.

— Префект, — сказал Конан, и Иабиз, которому опять стало очень не по себе, оглянулся на него. — Лучше забудем на сегодня про одно правило и слегка подправим другое. Нас тринадцать. Ты поступишь мудро, если ты и шестеро твоих людей поскачете вместе с нами, в то время, как остальной твой отряд поспешит вперед, или последует за нами и с подобающим отрывом, или поедете по другой дороге.

— Никому это не понравится...

— И мне в том числе, — заверил Конан беднягу. — Но я всего лишь предложил решение этой проблемы. Оно спасет твое лицо и покажет, что у тебя есть кое-какие чувства. Попытка решить проблему как-то по-другому может поставить под угрозу отношения между шанки и Замбулой.

Носатый префект оглянулся по сторонам. Его губы беззвучно шевельнулись, и теперь он, казалось, чувствовал себя не только обеспокоенным, но и попросту несчастным. Наконец он кивнул и приказал своему помощнику отобрать дюжину людей и следовать за ними, шагом, после того, как весь отряд во главе с ним, Иабизом, свернет на Королевскую Дорогу, пересекавшую их путь чуть дальше.

Вот так воровка Испарана вернулась в Замбулу —

город садов, и тутовых рощ, и зданий, увенчанных куполами, и алых башен, — вернулась в окружении эскорта, привлекающего к себе столько же взглядов, что и королевский кортеж.

Вот так Конан впервые вступил в Замбулу: в шароварах, белой каффии и в развевающемся халате шанки, надетом поверх кольчуги; сопровождаемый солдатами в шлемах и воинами шанки на верблюдах; направляя свою лошадь шагом по Королевской Дороге к похожему на луковицу куполу дворца одного из верховных сатрапов Турана, который никогда о нем не слышал. И ни один из глазющих на него горожан не мог догадаться, кем был этот явно важный человек, который был настолько высок ростом, что его ноги свисали с коня так же, как у других людей, когда они сидят верхом на пони.

Префект Иабиз, по-прежнему создавая видимость, что он тут главный, ехал с торжественным, бесстрастным видом впереди всех. Его взгляд был устремлен вперед, а левая рука картинно лежала на бедре.

Позади этой странной процессии мерно шагали шестнадцать лошадей без всадников: четыре выючных животных Конана и Испараны, тюки на которых теперь значительно уменьшились в объеме, и обученные для езды в пустыне лошади, захваченные у иоггитских разбойников. Ахимен-хан выбрал себе двух лошадей из Конановых пяти, и одного коня Конан подарил Хаджимену, так что теперь только два животных были собственностью киммерийца. Он не заикнулся Испаране о том, что он считал своей собственностью и бывших скакунов Сариды и Хассека.

Едущая рядом с ним Испарана меньше всего была похожа на замбулийскую женщину. У них, как заметил Конан, были не так сильно обведены глаза, а губы, если и были накрашены, имели красный или пурпурно-розовый оттенок. И еще он увидел, что эти женщины не имели обыкновения носить много одежды, к несчастью для обладательниц отвислых, трясущихся животов.

Дворец, приближаясь, становился все выше. Он вырастал среди беспорядочного нагромождения пристроек из серого и белого камня, отделанных по фасадам выкрашенными в желтый цвет колоннами; широкий пролет ступеней песчаного цвета был увенчан прорезанной бойницами оборонительной стеной и вел к высокой резной двери. За стеной возвышался сам дворец — многочисленные башни, стены из раскрошенных глиняных кирпичей и огромный темный купол, подобный гигантской луковице, только что вытасченной из земли. Придворные и чиновники, в шароварах и мантиях, туниках и кафтанах, спешащие по своим разнообразным делам, останавливались и глазели на приближающуюся массу людей.

Верблюды на Королевской Дороге! Этот гигант со своей накрашенной женщиной в шанкийской одежде должен быть поистине важной персоной!

У подножия широких дворцовых ступеней Конан повернулся к Хаджимену.

— Хорошо ли торгуются шанки?

Хаджимен позволил своим губам растянуться в улыбке и на мгновение показать зубы.

— Шанки торгуются лучше, чем замбулийцы!

— Хорошо, — отозвался Конан, — поскольку мы в Замбуле. Так что обменяй всех моих шестерых лошадей вместе со своими — на жемчуг, или ожерелья из замбулийских монет, или что-нибудь подобное, что будет легко нести. И мечи в тюке у этого гнедого обменяй тоже.

— Для нас будет удовольствием и честью совершить обмен для Конана из Киммерии.

— Пусть сын хана назовет место, где мы встретимся через несколько часов. Скажем, на закате.

— Шанки будут у верблюжьих загонов в квартале, называемом Бронзовым, — или там будет кто-нибудь, кто встретит и проведет Конана.

Киммериец кивнул и спешился. Замбулийцы в богатых одеждах, стоящие на верхней площадке лестницы, наблюдали за ним. Конан обошел вокруг своей

лошади и протянул руки, чтобы помочь Испаране. После минутного колебания ее лицо разгладилось. Она с улыбкой позволила снять себя с лошади, словно была знатной дамой. Поскольку она была представительницей своего хана, Конан решил проявить доброту; он позволит ей похвастаться своими знаниями перед своим нанимателем. Когда ее ноги коснулись земли, он задержал ее на достаточное время, чтобы пробормотать, пряча губы в ее волосах:

— Я ношу амулет под своей одеждой. Ты можешь сказать ему это.

— Но ты... когда ты успел спрятать его там?

Она отступила назад, совсем чуть-чуть, и нахмурилась, пытаясь понять, верить ему или нет.

— Несколько месяцев назад, в Арэнджуне.

— Но...

— Но ты не нашла его, когда обыскивала меня в нашем шанкийском шатре несколько ночей назад! — сказал он, сдержанно улыбаясь. — Он был там. Я повесил его себе на шею через день после того, как убил Хисарр Зула и сжег его дом.

— Но... нет! Ты хочешь сказать, что эта уродливая... штукавина?

Конан благодушно улыбнулся.

Без сомнения, некоторые из открыто любопытствующих наблюдателей спрашивали себя, почему женщина с черными губами, одетая в белое шанкийское платье поверх красного шанкийского сирваля, сыплет проклятиями, поднимаясь рядом с Конаном по ступеням дворца.

Вопрос, заданный Конаном стоящему рядом с ним человеку, был небрежным:

— Кто-нибудь позаботится о наших лошадях, не так ли?

— Да, — сказал Иабиз и повернулся, чтобы отдать соответствующий приказ. Потом он заторопился вслед за Конаном и Испараной, которые продолжали идти, не останавливаясь.

— На тот случай, если тебя отпустят, когда мы все

еще будем у хана, Иабиз, — сказал Конан, отвечая свирепым взглядом на взгляд какого-то сановника в шелковых одеждах, который, должно быть, весил не больше, чем лошадь, — потом я буду подыскивать себе таверну. Ты знаешь, что я начну с верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале не позже, чем на закате.

— А если хан пожелает задержать тебя дольше?

Конан с важным видом шагнул вперед; какой-то человек в великолепных одеждах отступил в сторону.

— Не пожелает.

— Я...

— Покупателем буду я, — сказал киммериец. — Не так ли, Спарана?

— ...Отроде изводящей верблюдов, пораженный гнилью в паху гадюки... да... сын и наследник кхитайской рыжей дворовой суки...

— Я постараюсь быть там, — сказал Иабиз. — А что с ней такое, воин из Киммерии? Вы двое что, поссорились?

— Она безумно влюблена в меня и боится, что Актер-хан разлучит нас, чтобы добраться до ее прелестного ротика, — ответил Конан, и они вошли во дворец вместе с Испараной, которая все еще продолжала истощать свой запас ругательств.

14. ГЛАЗ ЭРЛИКА

Прежде всего Конан проверил, чем можно защищаться в просторном тронном зале Актер-хана и как из него можно выйти.

Его и Испарану провели через вход, закрывающийся двумя тяжелыми дверьми, которые, как заметил Конан, надежно запирались изнутри посредством огромного деревянного бруса, окованного железом и уравновешенного по оси, чтобы его было легче поднимать и опускать. В тридцати шагах слева выкрашенную в кремовый цвет стену прорезал высокий одиночный портал с обшитой панелями дверью. Такая же дверь нарушала однообразие стены в сорока шагах

справа. Обе двери были закрыты, и других Конан не увидел.

Трон из фруктового дерева, с высокой спинкой и украшенной серебром резьбой, стоял на возвышении, примыкающем к стене напротив главного входа. Он стоял в центре этого возвышения, в двадцати шагах от Конана. Позади него стену прорезали четыре узкие высокие ниши, пропускающие в зал воздух и свет. Их глубина помогла Конану определить, насколько толстыми были внешние стены дворца. Каждое из этих окон, высотой по плечо человеку, было обрамлено желтыми занавесками, на которых был вышит червеобразный узор с цветками львиного зева в зеленых, алых и белых тонах. Под каждым таким окном-бойницей стоял большой горшок из неглазурованного камня, опоясанный медными обручами, и из него храбро торчало какое-то растение с восковыми на вид листьями. Эта длинная-длинная стена поддерживалась и оживлялась пятью полуколоннами, или пилястрами, с резными львиными головами и одним-единственным украшением.

Конан решил, что последнее служило не только для убранства зала. Всего в локте, или около того, слева от трона, который отстоял от стены примерно на такое же расстояние, в камень были вбиты два штыря. Каждый из них удерживал скобу, которая казалась золотой и была, скорее всего, изготовлена из менее благородного, но позолоченного металла. Скобы поддерживали — примерно в пяти футах над полом — изогнутые ножны, обвитые полосками серебра и красной кожи. Из ножен торчала украшенная самоцветами рукоять меча.

«Возможно, он принадлежал основателю Замбулы, — задумчиво пробормотал про себя Конан. — Или это Государственный Меч Актер-хана, символ его правления, который ему не хочется носить, сидя на троне. Возможно, дар государя Турана». Особого значения это не имело.

То тут, то там в зале высились огромные колонны

из дерева или раскрашенного камня, по виду напоминающего дерево. Длинные руки Конана не смогли бы обхватить ни одну из них. С каждой стороны возвышения так же неподвижно стоял великолепно одетый стражник. Оба стражника смотрели в пустоту. На возвышении, с каждой стороны трона стоял человек. Советники, решил Конан, — визири. Тот, что был справа от хана, носил мантию и парчовое верхнее платье в коричневых и алых тонах. Серебряная цепь покоилась на его груди — под подбородком, который был чисто выбрит, хотя остальная часть его лица была скрыта под бородой и усами. Он уже начинал лысеть. «Не очень-то счастливый человек», — подумал Конан.

Человеку слева от хана, без сомнения, было лишь немногим больше двадцати, и его лицо под странным, высоким коричневым головным убором нельзя было назвать некрасивым. Его стройные ноги были обтянуты узкими красными штанами, поверх которых была надета простая белая туника; на груди сверкал внушительный медальон из золота, жемчуга и солнечных топазов. «Глаза, как у змеи, — отметил Конан, — и полны гордости и ума».

У обутых в фетр ног каждого из предполагаемых советников сидел писец; один был довольно старым, а другой — удивительно молодым, крупного сложения; между ними сидел на троне Актер-хан. Его вряд ли можно было назвать уродливым, хотя, возможно, на его лице уже начинали проступать следы разгульной жизни, и его брюшко было уже довольно заметным.

Блестящий взгляд его темных глаз сместился с киммерийца на Испарану, снова на мгновение вернулся к Конану и окончательно остановился на женщине.

— Испарана из Замбулы возвращается к своему хану, — послышался голос за спиной Конана, — и вместе с ней — Конан, киммериец с далекого севера.

— Доложи визирию Хафару, префект, — произнес Актер-хан, и Конан уловил в его голосе скрытое возбуждение.

Префект Иабиз, лысеющий сановник и старый пи-

сец устремились к двери слева от Конана, прошли через портал и закрыли дверь за собой. Все было сделано быстро, но Конан успел отметить значительную толщину обитой панелями двери.

Актер-хан заговорил снова.

— Почему человек с далекого севера прибыл вместе с нашей служанкой Испараной?

В этот момент Конан осознал, в насколько уязвимом положении он находился, и почувствовал внезапный озноб при воспоминании о непредсказуемости Испараны — и о нескольких причинах, по которым она могла бы испытывать наслаждение и приятное возбуждение при виде того, как его хватают, пытаются... убивают.

— Он помог мне, — сказала Испарана, и напряжение Конана ослабло лишь самую малость. — Конан из Киммерии несет то, за чем я была послана.

Глаза хана, разделенные ястребиным носом, неотрывно глядели на Конана.

— Конан из Киммерии, ты находишься в присутствии Актер-хана, правителя Замбулы и окружающих ее земель во имя и в качестве сатрапа Илдица Великого, Короля Турана и Владыки Империи. В этом зале не должно быть опасности ни для тебя, ни для меня. Твое оружие будет возвращено тебе, как только ты выйдешь за дверь, которая находится у тебя за спиной.

У Конана защекотало под мышками. Вооруженные копьями стражники, стоящие по обе стороны первой ступеньки возвышения, смотрели в пустоту, однако, казалось, были готовы ко всему. Конан оглянулся по сторонам и увидел четырех солдат в доспехах и шлемах. Они не отрывали от него глаз.

Он сглотнул слюну и почувствовал, как по его позвоночнику пробежали мурашки. Отдать оружие! Оказаться во власти этого сатрапа, этих вооруженных людей — и каприза Испараны! Ему это было очень не по вкусу. Однако за эти несколько секунд он представил себе возможную альтернативу. Правитель, восседающий на троне, приказал ему сдать оружие. Он может

молча согласиться и передать хану амулет, который тот так ценит; или подвергнуться аресту; или попытаться с боем проложить себе дорогу — из дворца, в котором кишмя кишат вооруженные стражники, а потом из враждебного города, окруженного пустыней?

«У меня нет выбора», — подумал он, и его взгляд на короткое время переместился к мечу, подвешенному на стене. Как быстро он сможет до него добраться в случае необходимости; как быстро он сможет выхватить его из ножен и обернуться, чтобы попытаться дать отпор? «Пока буду идти к той двери, чтобы последовать за Хафаром и Иабизом», — подумал он, потому что был не в состоянии не предусмотреть подобное действие. Он нашел впечатляющие слова.

— Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его покоях, имея при себе оружие, — сказал он и расстегнул пояс, на котором висели ножны меча и кинжала. Не оборачиваясь, он отвел оба конца пояса от своих бедер назад, и чьи-то руки, протянувшись из-за его спины, взяли их. Конан стоял безоружный, отдавшись на милость Испараны и Актер-хана.

— Покиньте нас, — сказал Актер-хан. — Зафра и Уруй останутся со мной и этими нашими двумя вернувшимися слугами.

Оба стража трона, словно ожившие статуи, пересекли зал в ширину, прошагав мимо Конана и Испараны, и вышли. Конан услышал, как за ними закрылись створки большой двери. На возвышении остались стоящий человек в странном головном уборе и сидящий писец, этот молодой здоровяк.

«Почему, — спросил себя Конан, — писец остается в зале во время секретного доклада агента хана?» И тут же ответил сам себе, — принимая во внимание размеры писца: «Уруй — телохранитель. Но тогда этот худощавый парень в дурацкой шляпе... что он здесь делает?» Он жалел, что задал Испаране слишком мало вопросов. Тронный зал был теперь пуст, не считая пятерых человек. Конан и четверо замбулийцев. Враги?

— Испарана — ты принесла мне Глаз Эрлика?

— Да, господин Хан.

— Принеси его сюда, моя превосходная служанка. Она взглянула на Конана.

— Он у меня, — сказал киммериец, отмечая, что рослый писец переменял позу и пристально наблюдает за тем, как он подносит обе руки к своей шее. Конан вытащил из-под одежды ремешок, на котором болталась усыпанная стекляшками капля обожженной глины, снял его через голову и протянул вперед руку. Сплюснутая с одной стороны полусфера, явно не имеющая никакой ценности, повисла в воздухе, медленно поворачиваясь.

Актер-хан нахмурился было при виде предмета, совершенно очевидно не являющегося его ценным амулетом, но тут Конан присел на корточки и осторожно постучал куском глины по полу, выложенному чередующимися красными и розовыми плитками, — еще и еще раз. Глина треснула, раскололась, распалась на кусочки. Испарана следила за происходящим так же зачарованно, как и человек на троне.

Конан поднялся на ноги. Снова он протянул вперед руку, и снова некий предмет медленно закружился на конце кожного ремешка.

Подвеска в форме меча была примерно равна по длине мизинцу Конана. Неограниченный рубин образовывал головку рукоятки. На каждом конце перекрестия сверкал большой желтый камень, вертикально пересеченный одной черной полоской. Камни, отстоящие один от другого примерно на дюйм, казалось, глядели, как жуткие желтые глаза, с обеих сторон длинного, острого серебряного носа.

— Глаз Эрлика!!!

Голос Актер-хана, едва ли громче шепота, был полон страсти. Правитель возбужденно наклонился вперед, и его ладони так сжали изогнутые подлокотники трона, что костяшки пальцев побелели. Взгляд его темных неподвижных глаз был не менее стеклянным, чем у «глаз» амулета.

Конану показалось, что сатрап собирается встать.

Однако Актер этого не сделал. Одна рука оторвалась от подлокотника трона и протянулась вперед, ладонью вверх.

— Мне! — сказал Актер-хан все тем же задыхающимся голосом, выдающим внутреннее напряжение.

После трех месяцев опасных приключений и кажущихся бесконечными путешествий и трудов, причиной которых была эта побрякушка, Конану почти не хотелось расставаться с ней. Почти. И все же он не понес ее к этой замершей в ожидании королевской руке. Вместо этого он поймал руку Испараны и вложил в нее Глаз Эрлика.

— Это всегда было твоей миссией и твоим делом, Спарана, — сказал он достаточно громко, чтобы его услышали на возвышении. — Заверши его.

Испарана, в своем щанкийском сирвале, тунике, кафтане с рукавами — и с черной косметикой на лице, — пересекла зал, направляясь к своему повелителю. Конан увидел, что его протянутая вперед рука дрожит. Неужели действительно его жизненная сила была заключена в этой маленькой безделушке? Неужели он вот-вот станет непобедимым, неужели его теперь нельзя будет убить? Конан наблюдал за происходящим, и внезапно ему в голову пришла совершенно посторонняя мысль: что только высоким женщинам следует носить раздувающиеся шаровары.

Испарана положила Глаз Эрлика на ожидающую, дрожащую ладонь, и кулак сатрапа сомкнулся вокруг амулета. После всего этого долгого времени, и ужаса, и потерянных жизней не случилось ничего волшебного или драматического. Хан Замбулы получил свой Глаз Эрлика. Нанятая им воровка опустилась на одно колено и склонила голову, а он откинулся назад с долгим вздохом.

— Поднимись, Испарана, превосходная служанка, — приказал он, и она встала.

На груди его, поверх многоцветной шелковой мантии лежал медальон, подвешенный на золотой цепочке тонкой работы. Он представлял собой крылатый квад-

рат из того же самого металла, с отчеканенными на нем надписями. В центре был изображен крупный шарообразный цветок, и такие же цветки, но поменьше, украшали каждый угол. Серебряные листья загибались внутрь и удерживали цветок, который представлял собой рубин величиной с глаз колибри.

— Вы оба хорошо себя зарекомендовали, — сказал Актер-хан, — и я более чем доволен. Конан из Киммерии — приблизься.

Конан шагнул вперед, размышляя о том, что очень умно поступил, отдав амулет Испаране с учтивыми словами, которые предназначались как для нее, так и для сатрапа. Киммериец был безоружен. Без привычной тяжести пояса ему было не по себе; он чувствовал себя словно обнаженным — и как нельзя более уязвимым: преданным на милость женщине, отмеченной из-за него уродливым шрамом; женщины, которая, если бы не он, вернула бы амулет сама — два месяца назад. (Вернула бы? Это было неизвестно. Одну, ее могли бы схватить хорезмийцы, — а без него она все еще была бы невольницей, без сомнения, проданной в Аренджуне или Шадизаре.) Хорошее отношение этой женщины приобрело для него особое значение здесь, в тронном зале чужого города. И он не был в нем уверен. Поравнявшись с ней, он остановился и коротко кивнул головой, что должно было изобразить легкий поклон.

— А какой, — спросил Актер-хан, — была твоя роль в предприятии, занявшем у Испараны так много месяцев?

Конан — который гораздо сильнее чувствовал на себе взгляд бесстрастных глаз человека в шляпе, стоящего рядом с ханом, чем взгляд самого хана, — решил сказать правду.

— Частично это была моя вина, что прошло так много месяцев, Хан Замбулы. Сначала мы встретились как соперники, как враги, хотя теперь она знает, что я был беспомощным слугой Хисарр Зула.

Все четверо замбулийцев выказали удивление таким

открытым признанием, которое киммериец позаботился смягчить, упомянув о том, что был обращен в рабство Хисарром.

— А Хисарр Зул?

— Тот, кто был изгнан из Замбулы десять лет назад, — ответил Конан, — и кто в пустыне убил своего брата Тосию, который впоследствии в образе Песчаного Чудовища наводил ужас на Драконовы Холмы, тот, кто украл амулет Актер-хана и самую душу Конана из Киммерии... он мертв, господин Хан.

Человек рядом с сатрапом заговорил в первый раз.

— Ты убил его?

— Да, и уничтожил его огнем. Его дом тоже сгорел.

— А его... знания? — напряженно спросил Зафра. — Его свитки, его приборы?

— Все, — Конан пожал плечами. — Все сгорело вместе с ним. Я не притронулся бы ни к чему.

— Превосходно! — воскликнул Актер-хан, и Конан увидел его зубы.

Он заметил, что на лице Зафры появилось выражение разочарования и некоторого отвращения, и понял, что этот человек остался недоволен. И вот тут-то он понял, что Зафра, должно быть, волшебник, несмотря на свой молодой возраст. Да, он был старше Конана, и Испараны тоже. Но Конан прежде считал, что маги, для того, чтобы обладать всеми необходимыми познаниями, должны быть стариками. Теперь он осознал, что это было смешно. Человек становится старым, только побыв раньше молодым, и любой мастер может умереть, так, чтобы подмастерье продолжил его дело. Или, как предположил киммериец, человек может так же искусно и ловко обращаться с волшебством, как он сам — с оружием.

Он понял, что находится в присутствии не просто мага, но, возможно, главного мага в этой округе — и что ему лучше относиться к этому человеку с уважением и опаской.

Он был прав; Актер представил Зафру как Волшебника Замбулы, упомянув, что его здесь не было, когда

Испарана отправлялась в путь. Испарана склонила голову. Она узнала его медальон и поняла, что человек в феригийском колпаке занимает высокое положение. Столько перемен за какую-то треть года, прошедшую с тех пор, как они с Карамеком уехали из города, где она родилась! Ее собственный медальон беспокойно зашевелился на ее груди при этом легком поклоне. Это было напоминанием: да, действительно, столько перемен! Теперь ей не понадобится возвращаться в Перулок Захватчиков! Он произвел ее на свет и обучил ее; теперь ее карьера воровки, и лгуньи, и по временам уличной девки сделала ее богатой. Она взглянула на Конана.

— Хисарр Зул сказал, что этот Глаз — магический, — заговорил он. — Зафра поддерживал с ним магический контакт? Ты знал, что мы приближаемся к Замбуле, волшебник?

Рот Зафры растянулся в улыбке, но заговорил не маг, а Актер-хан.

— Должен ли Волшебник Замбулы сказать тебе, Конан из Киммерии, где побывал Глаз Эрлика?

— Я скажу тебе сам, — ответил Конан, хотя раньше абсолютно точно не собирался этого делать. — Мы с Испараной не намеревались утаивать что-либо от Сатрапа Империи Турана.

— Вы с Испараной были противниками, даже пытались убить друг друга. Однако теперь вы друзья.

— Вместе, — сказал Конан, — мы вернули твой амулет. Мне какое-то время пришлось служить Хисарр Зулу. Он в буквальном смысле слова владел моей душой.

— Значит, он все же добился такой способности! — возбужденно проговорил Зафра, и тут же его лицо стало выглядеть несчастным, когда он понял, что позволил себе проявить свои чувства.

— Да. Конечно же, он хотел завладеть твоей душой, Хан Замбулы. Мне пришлось добыть амулет и вернуть его ему. И я сделал это, загнав несколько лошадей и почти загнав себя, чтобы перехватить

Испарану в пустыне. Я вернул амулет Хисарру, который потом попытался предательски убить меня. Я смог убить его, и...

— Было время, — произнес Актер-хан, задумчиво глядя на чужестранца, — когда вы оба повернули и вместе с Глазом направились назад, на север.

Губы Испараны были поджаты, когда она сказала:

— Мы были обращены в рабство хорезмийцами. Нам удалось освободиться.

— Но потом ты снова направилась к Замбуле, а Глаз продолжал двигаться на север, — сатрап кивнул в сторону киммерийца. — Вместе с этим человеком, как я теперь думаю.

— Это правда, — сказал Конан, прежде чем Испарана успела заговорить; он почувствовал себя в высшей степени неуютно, напоминая Испаране об этом эпизоде их прошлого. — Я обманул ее — или, скорее, ее обманул Хисарр Зул, при помощи копии Глаза.

«Мне не следовало затрагивать эту тему!»

— Она думала, что у нее настоящий амулет.

— Копия! — рука Актер-хана дернулась вверх и схватилась за талисман.

— Успокойся, господин, — без запинки сказал Зафра. — Ты носишь настоящий и единственный Глаз Эрлика, ибо я проследил его путь сюда.

— А что стало с копией, сделанной Хисарром? — спросил хан лишь с чуть меньшим напряжением.

— Уничтожена, — ответила Испарана. — Хисарр Зул сделал так, что она расплавилась, чтобы удостовериться, что Конан принес ему настоящий амулет. Копия осталась где-то в пустыне. Жаль, потому что Конан сказал мне, что камни и золото были настоящими. Но, конечно, это была просто безделушка, не обладающая никакими свойствами амулета.

Конан глянул на меч на стене и на сидящего писца, который, как он предположил, был телохранителем и у которого под одеждой должно было быть спрятано какое-нибудь оружие. Киммерийцу совсем не нравилась эта тема разговора. Испаране напоминали о ее

боли, о ее шраме, а все, что ей было нужно, чтобы выдать Конана целиком и полностью, — это произнести лишь несколько слов.

— Спасибо Хануману, — сказал Актер Испаране, — что в то время ты не носила амулет на себе.

И если бы у Конана был меч, его рука сейчас потянулась бы к рукояти.

— Да, — сказала Испарана, бросив взгляд на киммерийца, — мне повезло.

Успокоенный Конан постарался, чтобы его вздох облегчения не был слишком явным. Была ли ее любовь, ее привязанность к нему истинной? Простила ли она его по-настоящему? Может, она собиралась шантажировать его; может быть, ей нужна была эта власть над ним, возможность предать, хоть и без желания на самом деле принести ему вред. Конан быстро соображал. Поскольку он предположил, что Зафра уже все знал, он подумал, что будет мудро рассказать об этом самому, прежде чем люди на возвышении подумают, что загнали его в ловушку.

— Глаз, в таком состоянии, в котором ты его видел, когда я вошел сюда, побывал также в Шадизаре и Хауране.

— А Конан, — добавила Испарана, — ни разу не попытался убить меня и замолвил слово, чтобы меня освободили из рабства, хотя мог бы оставить меня невольницей хорезмийцев.

«Точно, я это сделал, — подумал Конан. — Какой я герой!»

Актер кивнул, взглянул на своего волшебника и улыбнулся, словно желая сказать: «Ну что ж, мы это знали; он говорит правду!» Затем хан откинулся назад и расслабился. Конан предположил, что испытание было позади, но тем не менее мысленно был настороже.

— Вы будете обедать вместе со мной, — сказал Актер-хан. — Я хочу услышать о ваших приключениях.

— Честь, оказанная нам, просто невероятна, — чуть не задохнувшись, отозвалась Испарана и наклонила

голову так низко, что ее подбородок почти коснулся груди.

— Воину из Киммерии оказана великая честь, господин Хан, — сказал Конан. — Однако сын Ахимен-хана будет ждать меня у верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале. Есть ли у меня время, чтобы послать ему весточку?

— В этой истории появляется даже Ахимен-хан! — произнес Актер и ошеломленно покачал головой. — А что, если я пошлю ему эту весточку сам? И тот же посыльный устроит вам обоим ночлег в Королевской Таверне Турана. Это, и обед будет лишь первой наградой, которую ты получишь из моих рук, Конан из Киммерии. Как уже знает Зафра, я как нельзя более щедрый правитель — для тех, кто хорошо мне служит. А, воин? Хорошо. Мы позаботимся о том, чтобы вас искупали и дали вам одежду, после чего, за обедом, вы расскажете мне о тех явно многочисленных и разнообразных приключениях, которые вам пришлось испытать, прежде чем вы вернули мне мой амулет!

15. КОНАН-ГЕРОЙ

Для тех немногих тканей, к которым привык Конан, «белое» обычно означало диапазон от определенного сорта бежевого, приближающегося по оттенку к пергаменту из кожи ягнят, до чуть желтоватого кремового. Конан видел белый цвет, который был по-настоящему белым: цвет молока. Он никогда не испытывал желания потратить на такую белую ткань деньги, даже в тех немногих случаях, когда мог себе это позволить. И шелк он раньше тоже не носил — так же, как и подарок правящего монарха.

Поэтому одеяние из кхитайского шелка, предоставленное теперь Ханом, было для киммерийца втроене новинку. Он чувствовал, что выглядит как нельзя более благородно, почти царственно, в мерцающей белой, окаймленной красным, тунике, закрывающей ему руки до локтя и спадающей ниже середины бедра. По

душе ему был и широкий, замечательно легкий пояс из красного фетра. Хотя он восхищался короткими башмаками из того же красного фетра, которые носили Актер-хан, Зафра и Хафар, и хотя он считал, что пара таких башмаков отлично подойдет к поясу, ему принесли сандалии.

И все же он оставался Конаном; он вышел, чтобы лично посмотреть, как ухаживают за его лошадью в дворцовых конюшнях, и чтобы положить свою кольчугу и остальную одежду вместе с седлом. Шагающий по Барханам трижды не отозвался на это гордое новое имя и повернул голову и взглянул на своего хозяина только тогда, когда Конан в отчаянии назвал его «Гнедыш». «Вот и давай после этого глупым животным благородные имена», — подумал киммериец.

Он вернулся во дворец через заднюю дверь, у которой его остановил стражник. Конан прошел внутрь с минимальным рывканьем и без всяких угроз.

На Испаране тоже был белый шелк. Платье без рукавов было длинным и облегающим, и Конан мгновенно заинтересовался и возбудился. Но с этим ничего нельзя было поделать: они встретились, когда их вели на обед к сатрапу.

На обеде присутствовали лишь те же пятеро: хан и его маг, предполагаемый писец с запястьями и плечами борца, Испарана и Конан. Им прислуживали мальчишки, в чьих жилах текло некоторое количество стигийской крови. Трапеза была превосходной, хоть и слишком изысканной и обильно сдобренной пряностями. Им подали большое количество мяса, и Конану пришлось по душе свежие фрукты. Понравилось ему и вино Актер-хана.

«Писец» Уруй не произнес ни слова, чем натолкнул Конана на мысль, что этот рослый парень мог быть глухонемым, — или у него мог быть вырван язык. Зафра говорил мало, а больше сидел, задумчиво прислушиваясь к разговорам с проницательным видом, который усиливал беспокойство Конана в такой же степени, что и льстивый змеинный взгляд

мага. Актер-Хан задавал много вопросов и налегал на абрикосовое вино. Конан и Испарана вели большую часть разговоров.

То значительное количество вина, которое Конан опрокинул себе в глотку, совсем затуманило ему голову к тому времени, как они закончили трапезу и Актер подал знак, что больше не хочет слушать. И он, и Конан нетвердо стояли на ногах, и языки у обоих сильно заплетались. Сатрап, находящийся под сильным впечатлением от услышанного, подарил киммерийцу прекрасный золотой кубок и десять монет — туранских «орлов», более ценящихся и, таким образом, более внушительных, чем замбулийские деньги, — покаялся, что такого героя ждет еще большая награда.

Несмотря на то что хан подарил молодому северянину еще и роскошный широкий плащ, сшитый из многих ярдов алой материи, Конан провел ночь во дворе. Он был не в том состоянии, чтобы пересечь город пешком или верхом.

При пробуждении его встретили головная боль и мрачная, злая Испарана, и он дал обет оставить вино в покое на всю жизнь. Тем не менее он не переставал радоваться своей удаче и гордиться собой. Облаченный в одежды, подаренные ему монархом, он пообедал и напился вместе с монархом, — и на этот раз не с мелким князьком из пустыни. И он не видел ничего, что противоречило бы его впечатлению об Актер-хане как о хорошем парне.

Актер-хан был занят: правитель должен править, и принимать решения, и выслушивать многих людей, которых он предпочел бы даже не видеть. Конан и Испарана, жуя по дороге инжир и абрикосы, покинули дворец в сопровождении префекта Иабиза. Он выбрал маршрут для путешественников, показал им Замбулу и в конце концов привел их к прекрасно большой таверне, на вывеске которой был изображен золотой грифон на алом фоне: Королевская Таверна Турана. Там их не просто встретили; их прибытия с нетерпением ожидали с прошлого вечера. Хозяин таверны не

знал, по какой причине их комнаты были заказаны от имени самого Хана, и поэтому был как нельзя более услужлив. Его заботливость поистине граничила с раболепием. Конан, находящийся в более чем оживленном расположении духа, не мог не напыжиться. Несмотря на то, что он провел немало времени в тавернах, его никогда так не обхаживали, и он никогда не останавливался в таком роскошном месте и не был предметом такого внимания со стороны остальных постояльцев. Не пришлось ему беспокоиться и о размерах счета за выпивку или о количестве кружек пива, которое он мог себе позволить.

Их комната была поистине лучшей в этой лучшей из таверн Замбулы. Возбужденные, опьяненные Конан и Испарана, обращаясь друг к другу «мой господин» и «моя госпожа», удалились в эту просторную комнату, чтобы сменить одежду, и задержались там.

Внизу Иабиз много минут ждал, пока они соизволят спуститься, и когда они наконец появились, сияя, не сказал им ни слова.

Ликующая парочка направилась в Бронзовый Квартал, который, хоть и был убогим, вряд ли мог сравниться со Свалкой или Пустыней. Они почувствовали запах верблюжьих загонов задолго до того, как их увидели, и услышали трубные голоса животных прежде, чем достигли места, где они были размещены. Здесь Конан узнал, что один из его золотых «орлов» может быть достаточной платой за всех и к тому же завоевать ему уважительное обращение.

— А каким Конану показался Актер-хан? — спросил Хаджимен.

— Он в гораздо лучшем настроении теперь, чем когда мы прибыли, клянусь Кромом! И к тому же он щедр. Достаточно приятный человек, если оказать ему услугу.

Испарана бросила взгляд на жизнерадостного Конана, а Хаджимен спросил:

— Он говорил о моей сестре?

— Ну... нет, Хаджимен, — ответил Конан более сдержанным тоном.

— А он носит по ней траур?

— Да, — сказала Испарана, и Конан, взглянув на нее, почувствовал, как ее пальцы толкают его в спину под прикрытием его роскошного алого плаща. — Ты же видел у него черную повязку, Конан.

— А, да, — отозвался киммериец, до которого дошло, что она оказывает Хаджимену услугу. — Я столько всего видел, что чуть не забыл об этом.

— Это хорошо, что Хан замбулийцев носит траур по дочери шанки, — кивая головой, сказал сын хана Хаджимен; однако он не улыбнулся.

Конан тронул желтый рукав воина пустыни.

— Он кажется совсем не плохим человеком, друг и сын друга, — сказал он с шанкийской церемонностью. И подумал: «Для правителя это странно! Хотя я бы не стал ручаться за мягкий нрав его волшебника!»

* * *

— Пост капитана в твоей страже! — эхом отозвался Зафра, и Актер-хан бросил на него резкий взгляд. — Прошу прощения, мой господин, — более спокойным голосом продолжал волшебник, — но потрясение преодолело мою сдержанность, когда ты заговорил о том, чтобы взять на службу такого человека, как этот Конан, и поместить его в самом дворце, так близко к твоей особе.

Актер-хан откинулся назад и устремил на мага колющий, внимательный взгляд.

— Ты хорошо мне служишь, Зафра. Я доверяю тебе, я прислушиваюсь к тебе. Говори. Скажи же мне, какое впечатление он произвел на тебя.

— Он молод, и тщеславен, и жаждет... — Зафра оборвал свою речь. — Господин Хан, он вернул Глаз Эрлика и, совершенно очевидно, является непревзойденным воином. Крайне находчивый молодой человек, и более чем опасный в обращении с оружием. Крайне находчивый. Крайне опасный. Также совершенно оче-

видно, что у тебя сложилось о нем высокое мнение. Лучше я не буду говорить на эту тему.

— Зукли! Принеси нам вина! — крикнул хан, не отрывая от Зафры довольно встревоженного взгляда. — Говори, Зафра. Мои уши и мой интерес обращены к тебе. Говори, Волшебник Замбулы, которому хан верит. Он находчив, ты говоришь, и молод, и тщеславен. Все это очевидно для каждого, у кого есть глаза, и ни одно из этих качеств не является пороком. И ты собирался добавить еще что-то и оборвал себя на полуслове. Скажи это. Говори. Тебе кажется, что мне не следует доверять этому юноше-северянину, Зафра?

Зафра раздавил маленькую фруктовую мушку на своем отделанном тесьмой зеленом рукаве.

— Он нецивилизован, Актер-хан. Варвар из каких-то далеких северных земель, о которых мы ничего не знаем. Кто может сказать, какие у них варварские обычаи или кодексы? Некоторое презрение к знати, я думаю, и даже к особам королевской крови. Он ушел из своего племени. Он ушел на поиски чего-то другого; этот юноша — ловец удачи. Он необуздан, господин Хан, и, по моему мнению, неуправляем. Я бы не стал доверять подобному человеку пост близости от своей персоны, независимо от его возраста. Он... не знает покоя. Что может заставить подобного типа успокоиться, расслабиться, прекратить желать большего?

— Хм-м, — сатрап взял вино, принесенное кушитским мальчиком-слугой, и сделал тому знак удалиться. — Я слышу, и я понимаю. А Испарана?

— Воровка из Переулка Захватчиков! Теперь она получила полное прощение, и более того — она была возвышена, обедала с самим Актер-ханом! Воровка, женщина, которая крала и продавала свой товар и, без сомнения, самое себя на этих вот улицах! И... тьфу! Она любит этого заносчивого киммерийца.

— Да, по-моему, я это заметил...

— Они уже сослужили свою службу. Подумай сам: у человека есть прекрасно обученная птица. Он ис-

пользует ее в течение многих лет, и она охотится для него, как никакая другая. Однако в один прекрасный день она прилетает с охоты и выклеивает ему глаз. Не лучше ли ему было бы сразу заметить признаки ее недовольства, решить, что теперь хороший слуга стал опасен, и удалить его? Лучше, чтобы у Конана и Испараны не было возможности болтать про Глаз или... оказать тебе дурную услугу, господин Хан.

Актер-хан, мигая, осушил свой серебряный кубок и налил себе вина. Зафра не прикоснулся к своему вину. Он наклонился ближе и заговорил тихим, настойчивым голосом:

— Подумай. Подумай об этом человеке и его породе. В Арэнджуне он сражался с людьми из городской стражи, ранил и убивал — и ускользнул от них. Он не был наказан за это, и таким образом его самонадеянность и неуважение к властям усилились. Он не раз оставлял Испарану с носом — а она любит его! Какие уроки он извлек из этого? У нас есть только слово этого варвара. Откуда мы можем знать, что великий маг не выполнил условий сделки, обещанной им варвару, который вернул ему Глаз? В Шадизаре он каким-то образом вступил в союз с аристократкой из Хаурана. Там же он убил дворянина из Кота — дворянина, и в присутствии самой королевы! Теперь она тоже мертва. А Конан? Оказавшись снова в Шадизаре, он опять завязал стычку со стражей, и опять остался в живых, — не получив ни раны, ни царапины, ни наказания.

Актер-хан потряс головой и рыгнул.

— Настоящий мужчина. Да, и опасный.

В комнате зажуужала муха. Хан сердито нахмурился; Зафра, казалось, ничего не заметил. Все его внимание было сосредоточено на хане и на его словах; голос мага по-прежнему был тихим и напряженным.

— Неукротенный, о Хан! Скажи еще, что он и иранистанец, с которым он путешествовал на юг, намеревались привезти Глаз тебе! Иранистанец был убит. Конан оказался в компании Испараны из Замбу-

лы. Без сомнения, он получил бы награду, если бы передал твой амулет в руки Иранистана. Но теперь человек, связавший его с Иранистаном, оказался мертв, а замбулийка была под рукой, и, без сомнения, после того, как он передал бы Глаз законному владельцу, его ожидала бы награда... Понимаешь?

Актер кивал, потягивая вино. Его глаза были прищурены. По краю его кубка проползла муха, и он даже не заметил этого.

— Итак... Конан героически вернул амулет тебе. И теперь его приветствуют, и награждают, и чествуют, как героя! Авантюриста, необузданного и беспринципного. Он понял, что может поступать, как ему заблагорассудится, этот Конан! Кого он уважает? Что он уважает, этот человек, убивший вооруженных городских стражников, и мага, и высокородного дворянина? Какие уроки извлек он из всего этого? Почему он должен уважать вообще кого-то или что-то, кроме самого себя? Что еще показал ему его жизненный опыт? Дай ему власть, и он захочет еще большей власти. Дай ему ответственность, и он возьмет на себя еще больше, чем ты ему дал. Вскоре он начнет мечтать о полной власти. Он многое знает о тебе, господин Хан! Без сомнения, Балад захочет связаться с ним! Я думаю, что такой беспринципный, необузданный варвар прислушается к человеку, который пытается лишить тебя трона, и заключит с ним сделку!

Актер-хан налил себе еще вина. Он не видел, как взгляд Зафры оторвался от его лица, однако рука мага одним непрерывным движением выстрелила вперед, смахнула со стола муху и раздавила ее о штанину.

— Мне кажется, Зафра, — задумчиво сказал Актер, — что ты оказал мне еще одну услугу. Мне кажется, ты помешал мне совершить ошибку, вызванную слепотой моей благодарности и моего слишком доброго сердца, — Актер-хан какое-то мгновение раздумывал об этом — о чистоте и опасной чрезмерной доброте своего сердца. — Да, и я слишком возвысил

Испарану. Однако девчонка неплохо сложена, не так ли?

К радости Зафры, от двери послышался чей-то третий голос:

— О хан, визирь ждет с...

Актер-хан обратил гневный взгляд на своего адъютанта:

— Вон! Он может подождать! Я занят!

Когда перепутанный бедолага адъютант скрылся за дверью, Актер снова осушил кубок и взглянул на своего волшебника.

— Да. Лучше пусть его не знающая препятствий карьера будет обуздана здесь, в Замбуле, чем еще другие городские стражники, может быть, даже мои собственные Шипы, и другие дворяне падут жертвами его несдержанности и его не вызывающей сомнений доблести. Да. Хм-м... Зафра... и не... согласился бы ты принять Испарану в дар от своего хана?

Ибо Актер-хан заметил, как Зафра смотрел на нее, а хан не был еще полным болваном.

Зафра шевельнул рукой...

— Конечно, согласишься. Хафар! Хафар!!! Ко мне!

Через несколько мгновений визирь открыл дверь, и его важное лицо вопросительно уставилось на повелителя.

— Схватить Конана и Испарану. Передай это капитану, и еще скажи, что он должен выполнять приказы моего превосходного слуги и советника, Зафры.

Лицо Хафара не выразило никаких эмоций, ибо подобная способность и делала человека хорошим визирем у такого хана и еще позволяла ему остаться в живых, а Хафар этой способностью и обладал.

— Мой господин, — отозвался он, и этого было достаточно.

— Потом избавься от всех остальных проклятых лстивых просителей, и жалобщиков, и лизоблюдов, Хафар, и принеси мне те глупые документы, которые я должен подписать и скрепить печатью.

— Мой господин.

Зафра и Хафар вышли из зала бок о бок, но не вместе. Актер-хан, с умным видом кивая головой и поздравляя себя с тем, что проницательность и здравомыслие позволили ему приблизить к себе такого человека, как Зафра, протянул руку за вином.

16. КОНАН-БЕГЛЕЦ

Остальные завсегдатаи Королевской Таверны Турана были хорошо воспитанными и денежными людьми или умело притворялись таковыми. Однако они приоснавливались, чтобы поглазеть на человека, вошедшего в таверну и целеустремленно пробиравшегося между столами. Белая каффия полностью покрывала его голову, оставляя на виду лишь молодое, бородатое, покрытое темным пустынным загаром лицо. Его широкие шаровары вздувались над сапогами, в которые они были заправлены. Шаровары были малиновыми, рубашка с длинными рукавами — желтой, а на груди был приколот кусок черной материи в форме звезды.

Он подошел прямо к столу личного гостя Хана, и большинство присутствующих наблюдало за их встречей.

— Хаджимен! — приветствовал его Конан. — А я думал, что мой друг вернулся в дом шанки.

Хаджимен, лицо которого было обеспокоенным или же по-настоящему серьезным, покачал головой.

— Я остался.

Он взглянул на Испарану, сидящую напротив киммерийца за маленьким треугольным столом. Ее одежды мало что скрывали, и Хаджимен торопливо отвел глаза.

Конан подал знак хозяину.

— Мой друг Хаджимен из племени шанки присоединится к нам. Давай, — сказал он сыну хана шанки, — садись с нами.

Хаджимен сел. Вокруг них начали подниматься кружки, и возобновились разговоры. Многим хотелось

бы познакомиться с этим грубоватым человеком, оказавшим какую-то очень ценную услугу их хану, но кодекс поведения клиентов, посещавших столы Королевского Турана, не позволял заговаривать с ним.

— Сын хана шанки выглядит обеспокоенным, — сказал Конан.

Хаджимен взглянул на него глазами, в которых, казалось, горе соперничало с ужасом или, возможно, яростью.

— Я расскажу моему другу Конану и его женщине. Некоторые говорят, что моя сестра вовсе не умерла от лихорадки, а была... убита. Некоторые говорят, что она вовсе не ждала ребенка, как сообщил нам хан замбулийцев, но на самом деле была девственной и отвергла его объятия.

Конан сидел в молчании, пока перед Хаджименом ставили кубок и новую большую кружку с пивом. Потом виночерпий отошел. Конан мог посочувствовать переживаниям шанки, но с трудом находил подходящие слова. И еще он взвешивал вероятность рассказанного: дочь пустыни, отданная своим отцом в дар великому сатрапу Империи Турана, — и чтобы она отвергла сатрапа? Конан видел со стороны шанкийских женщин только покорность — и еще он припомнил непристойное украшение, которое носила другая сестра Хаджимена.

— В городе, где живут такие люди, как эти, — осторожно сказал он, — на каждое событие ты услышишь три разных слуха.

Хаджимен налил себе пива, сделал огромный глоток, налил снова.

— Я знаю. Я не сказал, что верю тому, что услышал. Я рассказал моему другу из племени киммерийцев только потому, что Теба говорит: обеспокоенный человек — одинокий человек, и еще говорит, что никому не следует быть в одиночестве.

Испарана спросила:

— Но из-за чего дочь Ахимен-хана из племени шанки могла быть убита здесь, в Замбуле?

Хаджимен заглянул в свой кубок, покрытый красной глазурью, и обратился к его содержимому.

— В этом нет для нас чести. Потому что она была девственницей и опозорила себя и свой народ, предпочтя остаться таковой.

— А-а, — Конан понял дополнительную причину душевных терзаний Хаджимена. Если то, что он услышал, было правдой, то девушка опозорила себя и своего отца — и, конечно же, своего брата и вообще весь свой народ. Так будут думать шанки, ибо они были маленьким, древним, связанным обычаями племенем. Так что было бы лучше, если бы эта история никогда не вышла на свет; Это осрамило бы ее отца и его народ. Неважно, что другие не увидели бы здесь причин для позора; шанки жили для шанки, а не для всех остальных. Из того, что Конан видел, он понял, что быть шанки очень нелегко. С другой стороны, она была подарком хану от хана. Если бы этот хан был опозорен, а она убита... можно ли было одобрить такое? Без сомнения, на Актер-хане лежал более тяжкий грех. Однако, насколько Конан понимал, это могло быть иначе для Хаджимена... и, возможно, наказанием за такое поведение — девушка-подарок, отказывающаяся выбранному для нее мужчине, — была смерть. Конечно же, не замбулийскому владыке было приводить приговор в исполнение. И все же...

Да, Конан мог посочувствовать переживаниям Хаджимена и стоящей перед ним дилемме, хоть и не мог полностью их понять.

С большой осторожностью он сказал:

— Эта история — этот слух... Он говорит, что она оттолкнула Актер-хана, и он убил ее в порыве раздражения?

— Говорят, что она не была убита так, под горячую руку. Она сделала то, что ты сказал, да, — но была убита позже, хладнокровно.

Хладно... О! Да, Конан знал, что для этих людей это означало «бесстрастно». Он прикоснулся к скованному обычаями молодому жителю пустыни — мимолегно,

ибо не был уверен в том, что следует и чего не следует делать по понятиям шанки. Ему вовсе не хотелось оскорбить одного из тех, о ком у него было такое высокое мнение. По мнению киммерийца, это были хорошие, и благородные, и трогательные люди.

— Итак, сын хана шанки не вернулся к шаграм своего племени, — сказал он, испытывая раздражение от необходимости излагать свои мысли таким уклончивым образом. — Что он намеревается делать?

— Оставаться среди замбулийцев, — сказал Хаджимен, едва разжимая губы, и уставился на стол. — И попытаться узнать все, что можно узнать.

— Искать правду.

— Да.

— И если этот мерзкий слух — правда, то перед моим другом по-прежнему будет стоять вопрос выбора, и ему по-прежнему нужно будет принять решение.

— Да, — ответил Хаджимен, не поднимая глаз.

— Хаджимен.

Шанки тупо посмотрел на Конана и моргнул.

— Да, я обращаюсь к тебе прямо и называю тебя по имени. Хотя я и уважаю обычаи шанки, сейчас мы не среди твоего племени. И его обычаи — это не обычаи моего народа. Мы называем наших друзей по имени. Хаджимен — я Конан. И у тебя есть друзья в Замбуле.

Немного помолчав, Хаджимен сказал:

— Хан замбулийцев благоволит к Конану.

— Да.

— Пока, — вставила Испарана, которая лучше Конана знала своего правителя.

Хаджимен еще какое-то время смотрел на Конана, потом коротко кивнул, осушил свою кружку и начал подниматься на ноги.

— Я буду оскорблен, если не поставлю тебе выпить, пока ты находишься в моем временном доме, — оставил его Конан, намеренно дважды используя прямое обращение.

Хаджимен снова обратился к нему свой очень серьезный взгляд. Через какое-то время он заговорил:

— Это пиво Актер-хана?

— Да.

Хаджимен кивнул, бросил на стол монету и вышел.

— Гордый человек, — сказал Конан. — И он так и не обратился ко мне прямо.

— Я думаю, ты не оскорбил его, — отозвалась Испарана.

— Надеюсь, нет. Меня раздражают их речевые условности. Я не рожден для церемоний, Спарана. И все же мне не хотелось бы обидеть его или вообще кого-нибудь из шанки. Как ты думаешь, в эту историю о его сестре можно верить?

— Да. Ты не знаешь Актер-хана, Конан. Ты видел только благодарного монарха.

Конан пожал плечами.

— Я знал многих правителей. Я бы не стал протягивать голую руку, если бы кто-нибудь из них держал меч! Но труднее поверить во вторую часть этой истории, Спарана: что дочь Ахимен-хана отвергла Актера — или любого другого мужчину, которому ее подарили.

— Некоторым из нас, — ответила Испарана, — не нравится, когда нас дарят, кому угодно и кто угодно!

— Испарана, ты настоящая женщина. И ты не такая; ты не воспитывалась среди шанки, и к тому же их ханом.

— Да, это правда. Слава богам. Однако я понимаю, что ты хочешь сказать. Предположим, что в душе она всегда была бунтаркой — подобно мне — и никогда не осмеливалась проявить это или предпринять что-либо, пока она жила среди шагров шанки. Здесь... может быть, она решила попытаться.

— Думаю, это возможно, — сказал Конан. Его глаза были устремлены на человека, входящего в таверну, но не видели его. — По-моему, лучше не говорить ничего об этом. Но я попытаюсь как-нибудь узнать.

— А ты уверен, что хочешь знать?

— Знания не повредят мне, Испарана. Если этот слух — правда, то не мне, а Хаджимену следовало бы уехать домой прежде, чем он все узнает!

Она улыбнулась и коснулась его руки, распознав некоторое сочувствие в этом столь суровом юноше; потом она подняла глаза и полуобернулась, следуя за его взглядом. Киммериец усвоил урок и дал себе обет, правда, неформальный, — он никогда теперь не садился в таверне спиной к двери.

Таким образом, он наблюдал за приближением человека очень обыкновенной внешности, с отвислыми щеками, в длинном, плотно запахнутом плаще из обыкновенной домотканой серовато-коричневой ткани.

— Прошу прощения. Один человек там, за дверьми, хочет поговорить с киммерийцем Конаном.

Конан остался сидеть с бесстрастным лицом, по-прежнему сжимая в руке кубок великолепной работы и в то же время изучая этого человека, который подошел к нему так спокойно. Испарана тоже разглядывала этого неприметного человечка. Вокруг них остальные постояльцы были по-прежнему верны своему рождению, или деньгам, или претензиям: они ни на что не обращали внимания.

— Ты знаешь меня, — сказал Конан. — Пусть он войдет и выпьет со мной.

— Занятой вечер, — мрачно сказала Испарана и заглянула в глубокий вырез своего темно-красного шелкового лифа, отчего на ее подбородке образовались складки. На ней был медальон, подаренный Актер-ханом; своим нижним изгибом он чуть задевал верхний изгиб ее груди. «Этот вечер должен был быть только нашим», — подумала она, но не произнесла этого вслух.

— Он поговорит с тобой за стенами этой таверны, — сказал незнакомец Конану.

— Он не хочет показываться на людях?

— Возможно. Возможно, ты не хочешь, чтобы тебя видели вместе с ним.

Конан улыбнулся.

— Хорошо сказано. Но тогда почему я вообще должен хотеть говорить с ним?

— Не делай этого, Конан!

— Разговоры никому не вредят, — сказал человек в плаще, но Конан, которому пришел на ум Хаджимен, знал, что это не так. И все же...

Он внимательно изучал незнакомца. Тот не казался особенно опасным. Он вообще не казался опасным. Он не выглядел как человек действия или силач. «Интересно, — подумал киммериец, — кто же хочет поговорить со мной по секрету?» И большая шишка его киммерийского любопытства сказала: «Почему бы и нет?»

Он откинулся назад от стола.

— Распахни плащ.

Незнакомец бросил на него короткий вопросительный взгляд и подчинился. Под длинным серо-коричневым плащом на нем была туника с бахромой, едва доходящая до колен. Его пояс был нешироким, и на нем не висели ножны меча. Конан слегка расслабился, но не полностью.

— Я хочу, чтобы ты вытащил свой кинжал левой рукой и оставил его здесь, у моей спутницы.

Подумав какое-то время, незнакомец кивнул.

— Мы не собираемся убивать тебя, Конан из Киммерии. Мы вообще не желаем тебе зла.

Он положил на стол кинжал, который был таким же незамысловатым и утилитарным, как и плащ: это было просто приспособление для еды.

Испарана спросила:

— Кто это — «мы»?

— Я и тот, кто хочет поговорить — только поговорить — с твоим спутником, Испарана.

— Его зовут Балад?

— Нет.

— Конан, не ходи.

— Ты знаешь нас обоих, — заметил Конан посылному, потом, обращаясь к Испаране, сказал: — У меня

с собой меч и кинжал, а этот человек безоружен. Я пойду на встречу с его хозяином.

Он взглянул на незнакомца, чтобы проверить, как тот отреагирует на это последнее слово. Он не увидел никакой реакции.

— Я бы не пошла, — сказала Испарана, не скрывая своего беспокойства.

Конан поднялся на ноги.

— Никуда не убегай, Спарана — и не слишком много пей без меня! Я вернусь, чтобы осмотреть твой медальон — с очень близкого расстояния.

Он подошел к виночерпию и выпросил у него абрикос. Потом он вернулся к посыльному, который, вместе со всей своей массой каштановых волос, был на целый фут ниже киммерийца.

— Я иду за тобой.

Конан был важной персоной. Остальные постояльцы таверны украдкой наблюдали за тем, как он, жуя абрикос, исчезает за дверью вслед за худощавым человеком в длинном темном плаще.

— Ты знаешь, — сказал, оказавшись на улице, фруктоядный Конан, словно продолжая разговор, — мне нравится носить меч. Так приятно чувствовать его у своего бедра.

— Я слышу тебя и понимаю. Тебе нечего бояться.

— О, я знаю это.

— Я хотел сказать...

Незнакомец не стал утверждать очевидное и замолчал. Они поняли друг друга. Конан, возможно, по-глупому согласившись следовать за неизвестным в неизвестное — и в темноту замбулийских улиц в центре города — напомнил своему проводнику, что вооружен, и так же тонко дал ему понять, что ничего не боится. Они пересекли улицу. На другой стороне свет был скудным, а тени — более глубокими. Конан дошел вслед за своим проводником до перекрестка и сделал резкое движение вперед.

— Ты чувствуешь это?

Идущий чуть впереди проводник отозвался:

— Да. Это твой кинжал?

— Нет, твой. Чуть выше твоей поясницы. Если я надавлю, ты умрешь или будешь парализован. Что будет хуже?

— Это, без сомнения, мудрая предосторожность осмотрительного человека, но в ней нет нужды. Тайна не всегда означает опасность.

— А вынутый из ножен кинжал не всегда идет в дело, — хотя такой поговорки в Киммерии нет. Ты можешь понять, что у меня нет причин доверять тебе.

— Да.

Они повернули за угол, и Конан щелчком отбросил в сторону абрикосовую косточку. Его провели в дверь. Короткая передняя заканчивалась целым рядом дверей и лестниц; проводник повел его вверх — в темноте. Конан незаметно вытер измазанную абрикосовым соком руку о плащ своего спутника. Они дошли до площадки, и проводник трижды постучал в дверь, одновременно просвистев три ноты. Дверь открылась изнутри, и Конан сузил глаза, защищаясь от яркого света. В комнате были две лампы, стол и три стула, вытертый овальный ковер работы жителей пустыни, кувшин и две глиняные кружки и всего один человек. Его одежда была такой же тусклой, как и у его посыльного, — красновато-желтого цвета. Проводник вошел. Конан последовал за ним. Ожидавший их человек закрыл дверь.

Конан услышал снаружи какой-то шорох и встретился глазами с хозяином комнаты.

— Дозорный, — сказал тот; он был похож на торговца, и ему было уже за сорок.

Конан кивнул.

— Я вооружен.

— Если только ты не собираешься совершить убийство, Конан из Киммерии, это не имеет значения.

Конан продолжал разглядывать своего собеседника. Его волосы отступали назад, обнажая высокий, блестящий, шишковатый лоб. Седина светилась в его бороде, словно иней. Его длинная туника — или короткая

мантия — красновато-желтого цвета была окаймлена зеленой вышивкой, а окруженные множеством морщинок глаза казались прищуренными из-за набухших под ними сероватых мешков. Его нос был большим, но не крючковатым.

— Я должен доверять тебе, Конан из Киммерии. Надеюсь, что могу.

— Я слышу глупые слова, — сказал Конан, отступая от своего проводника, чтобы продемонстрировать длинный клинок, торчащий из его большого кулака. Справа от себя он заметил узкое окно; в комнате не было других окон или дверей, кроме той, через которую они вошли.

— Ты доверяешь? Это я действую доверчиво. Я пришел, не зная, как зовут вас обоих.

Его собеседник улыбнулся.

— Хочешь вина?

— Нет. Я покинул уютную таверну и хорошее общество. Я собираюсь скоро вернуться, чтобы выпить со своей спутницей.

Двое замбулийцев обменялись взглядами.

— Ты откровенен.

— А ты нет. Я здесь. Говори.

— Тебе знакомо имя Балад, Конан?

— Твой проводник утверждал, что он ведет меня не к Баладу.

— Значит, ты о нем слышал.

— Ему бы хотелось быть ханом над Замбулой.

— Ты все так же откровенен.

— Ты все так же говоришь ненужные вещи.

— Мы не враги, Конан. У тебя нет причин для недружелюбия. Это все, что ты знаешь о Баладе?

— По всей видимости, я здесь, чтобы узнать больше. Говори.

— Ты будешь слушать речи о Баладе, о друг Актер-хана?

Конан пожал плечами.

— Осыпанный его милостями, а не друг. Актер-хан обязан мне. Я ничем не обязан ему. И вообще, его

проклятый амулет дорого мне обошелся. Если я тебя выслушаю, это почти ничего не будет мне стоить и ничего не будет значить.

Это было правдой — и к тому же, как он подумал, хорошо звучало. Очень хорошо. К нему обратились заговорщики! Да, он выслушает то, что они собираются сказать. Неужели они осмелятся вести переговоры с человеком, осыпанным столькими милостями Актера? В таком случае, они либо чрезвычайно глупы, либо поистине отважны, и Конану хотелось бы знать, какое из этих двух предположений было верным. Он молча ждал с ничего не выражающим лицом.

— Балад считает, что Актер-хан — не лучший правитель для Замбулы и, без сомнения, не лучший для ее народа.

Говорящий сделал паузу, чтобы проверить, какое впечатление произведут на Конана его слова; по лицу Конана ничего не было видно. Двое заговорщиков обменялись взглядами.

— Тебе лучше вернуться в таверну.

Проводник Конана оставил их наедине.

— Меня зовут Джелаль, Конан. Тот, кто привел тебя сюда, не знает этого.

Конан знал, что Джелаль думал произвести на него впечатление тем, что назвал свое имя. Однако киммериец цинично предположил, что этого типа могли звать вовсе не Джелалем. Кроме того, Конан ему не верил. Проводник, без сомнения, знал какое-то имя, с которым обращался к своему старшему в организации Балада, и зачем бы этому старшему называть Конану какое-то другое имя? Киммериец продолжал хранить молчание. Его лицо оставалось неподвижным.

— Актер-хан боится собственной тени, — сказал Джелаль. — Он превращается в тупого пьяницу и не делает ничего, что должен делать правитель. Его ви-зирь — хороший и мудрый человек, но его вытеснил этот молодой маг, Зафра. Ты знаешь, что он убил мага, у которого был подмастерьем?

«Нет, — подумал Конан, — и я не знал, что есть что-то плохое в том, чтобы быть молодым».

— В темницах замбулийского дворца, — продолжал Джелаль, — люди умирают бесцельно, беспричинно.

В глазах говорящего отразилось изумление, когда Конан, внезапно оживившись, задал вопрос:

— Каким образом погибла шанкийская девушка?

— Ты многое знаешь, — сказал Джелаль и, когда Конан никак не отозвался, продолжил: — Она была убита. Она жестоко уязвила гордость Актер-хана: какая женщина не пожелает взойти на ложе с человеком, облеченным властью? И, однако, он убил ее не в порыве ярости. В один из дней в темнице были убиты два шпиона из Иранистана; убиты Зафрой и Актер-ханом, которые оставались там наедине после того, как Зафра совершил некие... странные обряды над мечом. За девушкой-шанки послали, и она была приведена к ним. Не под арестом, разумеется; просто приведена к своему господину, который находился в темнице, и оставлена там. При этом были только она, Актер и Зафра. Вскоре Актер вышел — один. Зафра и девушка остались. Больше ее не видели. Никто не видел ее трупа. То, что я тебе сейчас рассказал, — это факт, Конан. В том, что я скажу дальше, мы не можем быть уверены: некоторые считают, что она была зверски убита и что это именно ее тело вызвало такой переполох в Переулке Захватчиков, где его обнаружили. Расчлененное тело молодой женщины или девушки, аккуратно упакованное в несколько свертков, — это настолько ужасающая находка, что она была чрезвычайной даже в такой дыре, как Переулок Захватчиков, — который, кстати, Балад собирается вычистить.

Конан пропустил мимо ушей последнюю фразу.

— Ты сказал, что ее убийство — это факт.

— Да.

— Откуда ты это знаешь?

— Я не могу сказать тебе, Конан. То есть я не скажу тебе.

— У тебя есть шпион во дворце?

— У Балада, конечно же, есть. Очень и очень многие считают, что Актер-хан не годится в правители, Конан, — и видят в Зафре страшную опасность для всех нас.

— Но тогда почему Балад? Устраивайте заговоры, ибо это происходит везде, и нет правителя, который не убивал бы и у которого не было бы темниц. Убейте Актера и посадите на трон его сына Джунгира. Дайте ему надежных советников — возможно, даже Балада.

— Джунгир — всего лишь мальчик, Конан, но он будет знать, что случилось с его отцом, и в конце концов, достигнув зрелости и укрепив свою власть, он будет искать мести. Балад — сильный человек, отпрыск старой и благородной семьи — и либерал. К тому же, он осознает судьбу Замбулы. Мы не можем оставаться просто так, задыхаясь и гнивая под властью «правителя», который не делает ничего, кроме как напивается каждый вечер до потери сознания.

Через некоторое время киммериец понял, что на этот раз Джелаль не собирается продолжать, пока он, Конан, не заговорит. Он заговорил.

— Я слышал твои слова, Джелаль. Они были интересными. Я сомневаюсь, чтобы в них было что-то новое: всегда существовали плохие правители и те, кто устраивает против них заговоры. Даже при хороших правителях — я слышал, такие бывают, — существуют люди, которые устраивают против них заговоры. Я не расскажу об этой встрече Актер-хану или кому бы то ни было еще. Помни, что я не замбулиец и не собираюсь оставаться здесь. Дела Замбулы меня мало касаются.

— Ты мог бы нам пригодиться, Конан.

— Без сомнения. Как я мог бы пригодиться и Актер-хану. Испарана и его капитан Иабиз думают, что он вполне может предложить мне какую-нибудь должность, соответствующую моим занятиям, — должность воина.

— Тех, кто служит Актер-хану, редко уважают и никогда не любят, Конан. Ты — человек отважный и

молодой, у тебя нет состояния. Если бы Балад стал правителем Замбулы, ты, несомненно, получил бы командование.

— В моем возрасте?

Джелаль вздернул подбородок.

— А сколько тебе лет?

— Неважно. Это интересно, Джелаль. Однако пока что я получил свою награду и пользуюсь благосклонностью Актер-хана. В Киммерии люди говорят, что зимой, когда у тебя пустой желудок и ты убил хорошего лося, не следует тосковать по пряностям и вину.

Джелаль, словно припомнив, повернулся, чтобы налить вина. Жестом предложив выпить Конану, он осушил свой кубок, глядя поверх его края на чужестранца.

— В Замбуле люди говорят, что человек, который стремится к чему-то, но не предпринимает никаких действий, — это непогребенный труп.

Конан пожал плечами.

— Конан, — Актер-хан падет. Балад будет править. Туран примет его, ибо королю-императору нужен только сильный человек на здешнем троне и та дань, которую Замбула посылает в Аграпур. У нас в Аграпуре есть друзья...

— Агенты?

— Назовем их друзьями. Мы считаем, что те, кто противостоит Актеру, — друзья Балада. Те, кто помогает ему, могут рассчитывать на его благосклонность. Ему нужны сильные, отважные люди.

— Чтобы сразаться. Твой Балад собирается залить Замбулу кровью?

— Вряд ли. Никто в Замбуле не станет сразаться за Актер-хана! Может быть, придется вести бой за дворец, — ровным голосом ответил Джелаль. — Я имею в виду его собственную охрану — Шипов Хана.

Конан кивнул.

— Я не сказал «нет», Джелаль. Я сказал, что ты не убедил меня в том, что мне следует соединить свою судьбу с Баладом. Для меня это только имя. Я не знаю его и почти ничего не знаю о нем.

— Ты можешь встретиться с Баладом, Конан. Мы считаем, что те, кто знает о нем и не вместе с ним, — против него.

Желудок Конана сжался, его губы — тоже. Это был уже второй раз, что он слышал подобные слова, а в некотором смысле он слышал их трижды. В них была скрыта угроза. «Присоединяйся к нам, или мы будем считать, что ты против нас, и тебе придется поплатиться за это, когда мы добьемся своего». У него было чувство, что подобные слова очень употребительны во всем мире и что он еще услышит их снова, прежде чем умрет.

Размышляя над ответом — и не выпуская из виду правую руку Джелалья, потому что тот был заговорщиком и человеком крупного сложения, которое скрадывалось этой коричневатой-желтой мантией, и потому что заговорщики очень хитры, и потому что Джелаль держал кубок с вином в левой руке, — он услышал звук, который не был словами. Кто-то поднимался по лестнице за дверью и не беспокоился о том, чтобы идти украдкой. Потом два голоса обменялись возбужденными словами у самой двери. Конан увидел, как лицо Джелалья изменилось, как его рука потянулась за правое бедро, где был спрятан от посторонних глаз кинжал. Конан сделал несколько шагов влево и только потом повернулся; таким образом он занял положение, из которого мог видеть и Джелалья, и дверь. Джелаль, несмотря на свои опасения, которые, без сомнения, заставили его сердце биться чаще, заметил этот маневр искусного бойца.

Дверь распахнулась внутрь от сильного удара; Конан и Джелаль выхватили оружие; вошел проводник, один.

— Не менее двадцати стражников из дворца только что покинули «Королевский Туран». Они искали тебя, Конан, и Испарану. В эту минуту они как раз уводят ее.

Конан уставился на него; по лицу киммерийца было заметно, что он искренне удивлен и потрясен. Все

еще сжимая в руке обнаженный меч, он рывком повернулся к окну и выглянул в него.

Немного дальше по другой стороне темной улицы из открытой двери «Королевского Турана» лился наружу свет. На ступенях таверны стояли небольшой группой завсегдатаи и глазели в противоположный конец улицы. Конан не мог видеть, на что они смотрят. «Наблюдают за тем, как ее уводят», — подумал он, страшно помрачнев. Он и не мог бы ничего увидеть, потому что угол обзора не позволил бы ему этого, даже если бы он распорол пленку выскобленных свиных внутренностей, затягивающую прорезь окна.

Он повернулся, и двое замбулийцев увидели, как юношеское лицо может стать безобразным и злоеющим, а глаза — превратиться из кусочков неба в осколки льда.

— Измена, — прорычал он, и по двум спинам пробежали мурашки; причиной было не само слово, а то, как по-звериному прозвучал голос северянина. — Этот вероломный боров... я покажу ему, что он мо... Двадцать. Ты сказал, двадцать человек.

— Да. Стражники в доспехах. Лучшие воины Актерхана. Шипы.

Конан все еще, казалось, был в нерешительности, словно в любую минуту мог выбежать на улицу и попытаться отбить Испарану у ее охранников. Меч, торчащий из кулака, превращал его руку в инструмент убийства длиной почти в шесть футов.

— Конан, — спокойно сказал Джелаль, который уже спрятал в ножны свой длинный клинообразный кинжал. — Возможно, ты один стоишь пятерых. Я слышал кое-что о тебе и о твоей доблести, и ты, конечно же, крупнее любого человека в Замбуле. Но ты не сможешь справиться с двадцатью. Они только убьют тебя — или ранят, и потом у них в руках окажешься и ты, и твоя женщина, — а не одна она, как сейчас. Пока ты жив и свободен, у нее есть надежда. И у тебя... у тебя есть друзья в Замбуле, Конан.

Эти слова вызвали вопросительный взгляд ледяных голубых глаз из-под нависших черных бровей.

— У тех, у кого есть причины быть врагами Актерхана, — сказал ему Джелаль, — есть и причины быть друзьями между собой.

Конан моргнул, и его взгляд застыл, словно на него снизошло откровение. Он только что услышал перефразированные прежние слова Джелалья, и однако, насколько же лучше они звучали в такой формулировке! Угроза исчезла, и теперь в них было лишь успокаивающее обещание!

Едва двигая застывшими губами над стиснутыми зубами, он сказал: *

— Я бы хотел встретиться с Баладом.

И протянул руку к вину.

17. КОНАН-ВОР

— **Д**ай ему плащ, — сказал Джелаль. Бывший проводник тут же начал стаскивать с себя это длинное коричневатое-серое одеяние, и Конан осознал, что они хорошо все спланировали. Без сомнения, они не могли знать, что солдаты придут за ним и Испараной; они лишь надеялись, что этой ночью им удастся возбудить его интерес к себе. Да, и они спланировали все даже еще лучше.

— Турт! — позвал Джелаль.

В открытую дверь вошел третий человек; дозорный, понял Конан. Под крупным носом Турта кустились черные усы, свисающие ниже уголков рта. Приближаясь к Конану, он поднес руку к этим усам — и, дернув лицом, сорвал их.

— На чем они держались? — спросил киммериец, которому Турт протянул усы; как он увидел, это были действительно волосы, и они казались человеческими — недостаточно грубыми для того, чтобы быть вырванными из гривы или хвоста лошади.

— На том самом воске, который будет удерживать

их под твоим носом, Конан, — сказал Джелаль. — Когда на тебе будут усы и плащ, а синеу твоих глаз скроет уличная темнота, тебя никто не узнает. Ты можешь побиться об заклад, что люди Актера будут искать тебя, вооруженные твоим описанием. Ну-ка, позволь мне.

Конан застыл в неподвижности, чувствуя себя не совсем в своей тарелке, а Джелаль примерился и осторожно прижал усы к нужному месту. Конан дернул носом и, забрав у бывшего проводника плащ, накинул его на себя. Его действия были вызваны возбуждением, хлынувшим в кровь адреналином; теперь он припомнил:

— Моя комната! Мои вещи!

Худощавый человек, на котором теперь не было плаща, покачал головой.

— Несколько людей хана остались в таверне, готовые к бою. Они искали тебя в твоей комнате в таверне. Они будут ждать твоего возвращения — не на виду.

Конан выругался. Сузив глаза и продолжая бормотать проклятия, отчего его усы подергивались, он вернулся к узкому окну и задумчиво посмотрел на «Королевский Туран» по другую сторону улицы и на здания с обеих сторон от таверны.

— Как далеко нужно идти, чтобы попасть к Баладу? — спросил он, не оборачиваясь.

— Неблизко, — ответил Джелаль.

— Прекрати изображать передо мной невразумительного оракула! Я хочу знать, как далеко!

— Порядочный путь. И еще мы предложим тебе гостеприимство здесь. Тебе теперь нужно какое-то пристанище, Конан.

Конан отвернулся от окна. Замбулийцы на краткий миг увидели этот страшный звериный оскал, который заставил бы ребенка с криком броситься к своей матери.

— Тогда в путь. У меня на этот вечер есть кое-какие другие планы!

Тем не менее Джелаль вышел первым; несколько

минут спустя двое других повели вслед за ним теряющего терпение киммерийца. Даже ночью и в этом чужом для него городе Конан старательно замечал путь, по которому они шли; его едва ли цивилизованные инстинкты брали верх.

«Собаки!» — думал он, сжимая зубы. Они водили его кругами, и он понял, что они пытаются преднамеренно скрыть от него путь и расстояние до дома Джелала. Дважды они задавали ему вопросы, но он был так же хитер, как и они: он так и не сказал им, какими были его «планы на этот вечер».

Водяные часы вполне могли заполниться один раз, прежде чем они покинули район стоящих вплотную друг к другу зданий и начали подниматься на Холм Одинокого Быка среди вилл замбулийских богачей. Проводники вели Конана мимо растянувшихся по склонам холма поместий, и он видел там охранников и фонари. Лаяли собаки, слышались оклики дозорных и ответы. Они шли дальше вверх по склону холма, мимо дерева, на котором висело объявление, приколотое арбалетной стрелой: оно гласило, что всех проходящих будут считать ворами. Они прошли мимо него, и поднялись еще выше, и остановились между двумя высокими каменными столбами. Джелаль договорился с ними о пароле, и теперь Турт произнес его:

— Свободная Испарана!

Ему ответил свист; троица зашагала вперед. Из горшков, поставленных на плоские верхушки вкопанных в землю толстых столбов, вырывались языки пламени и поднимался к небу маслянистый дым. Конана и его проводников окликнули снова, и на этот раз дозорные вышли им навстречу. Огни плясали в ночи. У этих людей были арбалеты. Их облаченный в доспехи командир кивнул, узнав спутников Конана, и внимательно изучил голову и лицо, поднимающиеся над плащом, который едва ли был на Конане таким же длинным и полностью окутывающим, как на посыльном Джелала.

— Ну и большой же он, — сказал одетый в шлем и стальные латы начальник охраны.

— А еще, — негромко отозвался Конан, — он не любит, когда о нем говорят так, как будто его тут нет.

Стражник, по-видимому, посчитал за лучшее не отвечать или проглотил язык от неожиданности. Они вошли в украшенную портиком виллу с огромной, толстой, обитой железом дверью.

— Повар оставил тебе хорошего мяса, Джелаль, — сказал начальник охраны поместья.

— О, прекрасно. Я с полудня ничего не ел, — это произнес человек, который выступал в роли посыльного и проводника.

— Джелаль? — требовательным тоном повторил киммериец. — Ты тоже Джелаль?

— Только я, — улыбаясь, ответил худощавый проводник.

— Тогда кто же...

— Я Балад, Конан.

При звуках этого голоса Конан обернулся и оказался лицом к лицу с человеком, который при первой встрече назвался Джелалем. Конечно же, он пришел сюда прямой дорогой и поэтому оказался здесь задолго до них; одежду он не сменил.

— Прости. Заговорщики бывают вынуждены лгать, ты же понимаешь.

— Черт! — сказал киммериец, сердито сбрасывая плащ настоящего Джелала на сверкающий мраморный пол. — Если бы ты сказал мне это больше часа назад вместо того, чтобы играть со мной в игры и кружить, как змея, по половине Замбулы, мы оба могли бы избавить себя от многих хлопот!

— Я — человек меченый, — сказал Джелаль-Балад, — и эти игры и змеиное кружение так же необходимы, как охрана снаружи и слова пароля. Ты заметил дорогу, по которой тебя вели, не так ли?

— Я понял, когда сделал три поворота в сторону левой руки, вскоре за которыми последовали еще четыре в правую сторону.

Балад улыбнулся — глава заговора против замбулийского трона.

— Ты действительно опасный человек, Конан из Киммерии. Мы сожалеем, что причинили тебе беспокойство. Но каким образом то, что мы привели тебя прямо сюда, могло избавить меня от хлопот? Нашим намерением было обеспечить мою безопасность — нашу безопасность.

— А теперь нам придется проделать весь обратный путь в город за ключом к твоему успеху, Балад, — за человеком по имени Хаджимен.

— Хаджимен? Шанки? Мы, естественно, прощупали его, когда обдумывали, как подойти к тебе...

— И мне будет нужно, либо чтобы меня отвели, — продолжил Конан так, словно Балад не произнес ни слова, — либо самому найти дорогу обратно в «Королевский Туран».

— «Королевский Туран»! Ты что, не понимаешь, что ты не можешь возвратиться туда? Солдаты Актерхана ждут тебя!

— Я не останусь там надолго, — сказал Конан!

Киммериец не отрывал взгляда от своего рослого собеседника.

— Балад, я возвращаюсь. И я должен быть один. Не пытайся помешать мне.

Балад долго смотрел на своего предположительного нового рекрута, гиганта-чужестранца, который отвечал ему мрачным, свирепым взглядом самых, без сомнения, странных глаз во всей Замбуле.

— Конан — почему?

Фальшивые усы киммерийца дернулись в слабейшем подражании улыбке.

— Ты знаешь о моем умении обращаться с оружием, — сказал он. — Я хорошо владею и еще одним ремеслом.

* * *

Длинный серо-коричневый плащ образовывал бесформенную кучу у подножия стены здания, соседнего с Королевской Таверной Турана. Под плащом лежала

пара башмаков гигантского размера. А по почти плоской крыше этого здания, низко пригибаясь, шел бо-сой человек. Его меч был привязан к спине; рукоять была надежно закреплена ремешком, пропущенным в кольцо у отверстия ножен. Человек был очень большим. На вершине пологого ската крыши он приостановился, чтобы обмотать вокруг пояса веревку, с помощью которой поднялся наверх, а потом задумчиво посмотрел на крышу таверны, отделенную от него расстоянием в пять футов. Она была плоской и находилась примерно на том же уровне, что и гребень, на котором он стоял. Свет опускающейся к горизонту луны блеснул на его зубах; его улыбка была волчьей.

Закрепив веревку вокруг пояса, он спустился обратно к краю крыши, пригибаясь, словно в низком поклоне.

Здесь он остановился и выпрямился, а потом снова присел с плавной гибкостью крадущейся кошки; мышцы его икр вздулись. Затем, несмотря на свой громадный рост, необычайно широкие плечи и массивное сложение, он легко пробежал вверх по крыше и оттолкнулся от ее гребня. Он не засучил ногами в воздухе, а лишь слегка подтянул их кверху, пролетая через пустоту на крышу близлежащего здания. Когда он приземлился, обе ноги сложились пополам, так что его голые пятки ударились о ягодицы. Глухой шлепок от его приземления был неправдоподобно тихим для человека его сложения.

На крыше «Королевского Турана» не оказалось ничего, к чему можно было бы привязать веревку. Человек знал, какое окно ему было нужно; единственным способом, какой он смог придумать, чтобы дотянуться до него и до его верхнего наличника, было повиснуть на краю крыши спиной к стене и удерживаться коленями. Он сделал это.

Вот так через несколько часов после полуночи Конан попал в свою собственную комнату в «Королевском Туране».

В ней было темно и пусто, как и должно было

быть. Он отвязал меч, пристегнул его к поясу и ослабил ремешок, удерживающий рукоять. Затем он привязал свою веревку к одной из балок и вытравливал ее в окно, пока она почти не коснулась земли. Затем на ощупь нашел свою длинную, позвякивающую кольчугу. Меч он отстегнул, но прислонил его к стене так, что мог во мгновение ока схватиться за рукоять. Не обращая внимания на темную, слишком узкую тунику, которую ему одолжил Балад, он, извиваясь, влез в кольчугу и снова пристегнул меч.

Превосходного качества плащ, подарок Актер-хана, лежал там, где Конан его оставил, — сложенный на чрезвычайно удобной кровати. Киммериец развернул его и начал собирать свои сокровища: монеты и золотой кубок, который скатился с плаща и с кровати и со звоном ударился об пол.

— Черт!

Не заботясь больше об осторожности, Конан присел на корточки, схватил кубок и бросил его к вещам, разложенным на плаще, который он затем быстро связал в узел. Когда он повернулся с ним к окну, дверь, ведущая в переднюю, отворилась, и в темноте ярко вспыхнул желтый мерцающий свет факела.

К тому времени, как головня и одна нога несущего ее человека оказались в комнате, меч Конана уже был в его руке.

— Кто здесь?

Человек вошел — это был солдат в шлеме. Он прищурился, вглядываясь в темноту, и высоко поднял свой факел. Его желтый свет превратил его лицо в странную, жуткую маску — и обнаружил Конана. Киммериец стоял, слегка согнув ноги и пригнувшись, с самодельным мешком в левой руке и мечом в правой, с непокрытой головой, и, хоть и вооруженный, с ничем не защищенными руками. Его неподвижный взгляд был ужасающе злобным.

— Ха! Вор, да? Я тебя по... Это этот Конан!

— Горлодер, — прорычал Конан и прыгнул; его меч взлетел по дуге вверх.

Снаружи, в коридоре, слышались другие голоса, и чьи-то ноги тяжело затопали вверх по ступенькам. Еще несколько солдат показались в дверном проеме. Первый споткнулся о своего павшего товарища, злой рок которого заставил его обнаружить киммерийца и закричать, не успев еще вынести руку с мечом из-за двери, которая открывалась в комнату. Второй и третий солдаты с живостью отскочили с пути ревушего огненного шара, который полетел в них, истекая струями пламени, со свистом пронесся сквозь дверь и врезался в противоположную стену коридора. Оба солдата, а теперь и третий, снова торопливо разбежались, когда огненный шар запрыгал по полу, угрожая обжечь им ноги. Один из них подхватил его: это был факел, ранее принадлежавший солдату, стоявшему на посту у двери комнаты чужестранца. Стражник поднял его над головой и повел своих товарищей за собой в комнату.

Первый солдат, не издавая ни малейшего стога, лежал в луже собственной крови, второй стоял у окна, выглядывая наружу и вниз. Туго натянутая веревка шла от балки за его спиной мимо его плеча и уходила через подоконник. Солдат обернулся.

— Он вылез в окно!

Один из его товарищей оказался достаточно смыслелым, чтобы рубануть мечом по веревке, но та только прогнулась: она уже повисла свободно.

— Я возьму его, — сказал стоящий у окна и высунулся наружу.

— Нет! Закум, подожди! Я перерубил...

Но Закум уже героически выскользнул за окно, сжимая руками веревку, подрубленную клинком его товарища. Когда обутые в сапоги ноги Закума столкнулись со стеной здания, ослабевшая веревка не выдержала. Она лопнула и вылетела в окно, как нападающая змея. Вслед за криком Закума последовал звук удара его тела о плотно утоптанную землю переулка.

— Дьяволы Ханумана! — с этими словами еще один солдат выглянул наружу и вниз.

Закум дергался и извивался на земле, держась обеими руками за ногу.

— Моя нога, моя нога...

— Эта безмозглая задница! Он сломал себе ногу! Быстрее отсюда и вниз по ступенькам, парни! Если мы позволим этому чужестранцу ускользнуть, то наверняка пострадает нечто худшее, чем наши ноги, — он нужен хану!

Они бросились вон из комнаты, пронеслись вниз по ступенькам с грохотом, напоминающим раскаты летней грозы, и через главный зал выбежали наружу. Не увидев никаких следов Конана, они разделились и стали искать его по всем окрестным улицам.

Полчаса спустя недовольный солдат приближался к двери по противоположной стороне улицы и чуть дальше от таверны, возвращаясь назад без преследуемой жертвы. Из мрака прихожей за дверным проемом внезапно появилось видение. Солдат, чуть было не вскрикнув, выхватил меч, прежде чем понял, что это человек; высокий согнутый пополам горбун в тусклом плаще серо-коричневого цвета и с драным куском тряпки на голове вместо каффии. Большая дрожащая рука вынырнула из-под плаща.

— Монетку, капитан?

— Проклятье, я не капитан, и ты об этом знаешь! Иди хныкай где-нибудь в другом месте, чертов попрошайка!

Солдат пригнулся, чтобы взглянуть в лицо горбуна, на которое падала густая тень от «каффий».

— Черные дьяволы Сета! И попроси кого-нибудь подровнять тебе эти смехотворные усы, приятель!

Солдат вернулся в «Королевский Туран» с пустыми руками. Конан — на спине которого под плащом Джелала был спрятан мешок, а голову покрывала полоса ткани, оторванная от туники, подаренной Баладом, — ухмыляясь, пошел своей дорогой. Солдату повезло, что он медленно соображал и был тугодумом; другая рука Конана под плащом Джелала сжимала рукоять вынутого из ножен кинжала.

Сгорбившись, Конан направился к Холму Одинокого Быка.

18. КЛЮЧ К ЗАМБУЛЕ

У Балада была поддержка. У Балада была организация и были последователи; Балад чувствовал себя готовым («Я и народ Замбулы!», как он выражался) выступить против Актер-хана. Ему нужен был только ключ: происшествие или хитрость, которая еще не пришла ему в голову или не подвернулась под руку.

Большой отряд солдат был размещен в бараках в восточной части Замбулы. Широкая мощеная дорога обеспечивала быстрый проезд через город ко дворцу. Там, в самом королевском доме и в прилегающих к нему бараках, похожих на таверны, были расквартированы еще две сотни солдат. Некоторые называли их избранными; официально они именовались Хан-Хилайим, или Шипы Хана. Предполагалось, что они должны оставаться верными Актеру, невзирая на оскорбления с его стороны или на настроения некоторых или даже большинства людей. У Шипов была хорошая плата, хорошие квартиры и хорошая еда. Их в достаточном количестве снабжали солью, превосходным пивом и женским обществом. Любой дворец — это твердыня, легко обороняемый дом правителя и последнее пристанище и крепость для его народа; дворец Замбулы не был исключением. Две сотни избранных могли выдержать долгую осаду значительно превосходящих сил противника. К тому же конные подкрепления из барakov, находящихся по другую сторону города, могли подняться по тревоге, вооружиться, оседлать лошадей и прибыть на место действия в течение часа; это время от времени подтверждалось учебными тревогами и построениями. Таким образом хан готовился к атакам из-за стен города — и принимал меры предосторожности против восстаний, от которых не застрахован ни один правитель. Хотя шпионы во дворце могли и открыли бы двери войскам Балада, им, как и нападающим, пришлось бы пройти мимо Шипов.

Поэтому Баладу, не имеющему армии или внешних союзников и магии под стать той, которой обладал

ханский волшебник, — Баладу нужна была хитрость или случай, который он называл Ключом. Нужно было нечто, что отвлекло бы отряд, расквартированный в бараках, армию — и, возможно, оттянуло бы из дворца некоторых из Хан-Хилайим.

Голубоглазый чужестранец с далекого севера понял, что он сможет дать Баладу такой ключ.

Конан никогда не присоединился бы к Баладу. Замбула вряд ли была его городом, и эти люди вряд ли были его народом. У него не было намерений помогать или мешать их действиям. Эти люди не имели никакого отношения к Конану. Если бы ему дали пост среди Шипов Актер-хана, он сохранял бы верность и, без сомнения, применил бы свой ум и мастерство против Балада и компании. Вместо этого Актер-хан пригласил его на обед, угостил вином, наградил, осыпал похвалами, выслушал его историю, а потом проявил свое вероломство по отношению к человеку, который оказал ему крайне важную услугу, который считал его другом и достаточно хорошим правителем, принимая во внимание то, что этот человек знал и предполагал о правителях вообще.

Неважно, имел ли Глаз Эрлика для Актер-хана какую-то ценность или нет, но Актер-хан верил, что имел, и именно это придавало амулету ценность. Предположительно было правдой, что Глаз можно было использовать против Актера — сам факт, что амулет был украден, привел его в состояние, близкое к ужасу.

— Жаль, что я сразу не отдал амулет тебе, Балад, — проворчал киммериец.

— Мне тоже, Конан, — не без некоторого сожаления ответил заговорщик и вновь вернулся к практической стороне составления заговора.

Неважно, что Конан все это время служил своим собственным интересам и вряд ли впутался бы во всю эту длинную цепь событий с какой-либо мыслью о том, чтобы помочь Актер-хану из Замбулы. Киммериец выбросил это из головы, заменив на праведные

горечь и гнев. Он потратил много сил, чтобы сослужить службу этому вероломному и неблагодарному человеку. По сути дела, он отдал Актер-хану несколько месяцев своей жизни — полгода, если бы он отправился теперь в обратный путь к Заморе. И Испарана тоже отдала многое, пожертвовала многим. А хан, ее хан, оказался поистине вопиюще неблагодарным властелином! Теперь Испарана была его узницей где-то внутри дворца, — если она еще была жива, — а Конан остался на свободе только благодаря случаю и Баладу.

Поэтому он испытывал горечь, и гнев, и разочарование в самом себе за то, что не заподозрил ничего со стороны Актер-хана. Ему необходимо было удовлетворение — месть. Поэтому он присоединился к Баладу. И ему не понадобилось много времени, чтобы узнать о стоящих перед заговорщиками проблемах.

Он поможет Баладу. И таким образом — ему не было необходимости говорить себе об этом — благородно и героически поможет народу Замбулы. Актер не был достойным правителем — если таковые вообще существовали, в чем Конан сильно сомневался; Актер, в любом случае, был даже хуже, чем многие из тех, у кого костенели мозги и размягчались задницы от долгого сидения на тронах. Вообще-то хан сам предоставил Баладу его ключ. Конан просто увидел, как его использовать. Актер совершил более чем предсудительное преступление, убив девочку-подростка, которая была подарком вождя шанки. Как оказалось, это убийство было еще и глупостью. Оно обеспечило ключ.

Не кто иной, как киммериец Конан сделал так, чтобы Хаджимена из племени шанки проводили в крепость революционера Балада, с которым Конан уже договорился; Хаджимен и Конан поговорят наедине в этой комнате. Они негромко разговаривали — одетый в шаровары житель пустыни и киммериец в только что сшитой тунике из простой дмотканой материи коричневого цвета.

— Ты знаешь, что шанки не могут надеяться завоевать Замбулу, — сказал Конан сыну Ахимен-хана, —

или даже пробить брешь в ее стенах. У шанки недостаточно сил.

— Один молодой воин шанки стоит пятерых иогигитов, — Хаджимен сплюнул, — и троих замбулийцев, несмотря на все их доспехи из железных колец!

Конан кивнул:

— Правда. Я знаю. Этого недостаточно. Лучшие воины среди замбулийцев превышают число лучших воинов среди шанки в соотношении, гораздо большем, чем три к одному, — и, кроме того, они сидят за этими стенами.

Хаджимен вздохнул, встал, походил по комнате, вернулся и опустился на подушку рядом с той, на которой сидел Конан. Киммериец решил провести разговор с шанки в манере шанки, хотя его раздражение, вызванное этим окольным способом обращения, проявлялось все более явно. Вообще-то усилия Конана в отношении этого молодого ханского сына увенчались некоторым успехом: Хаджимен уже был в состоянии время от времени обращаться к киммерийцу, говоря «ты» и «Конан». Однако не в этот раз.

— Конан знает, что я знаю истинность того, что он сказал, — произнес Хаджимен, который выглядел мрачно, словно жрец на похоронах государственного масштаба. — Тем не менее, здесь идет речь о чести шанки и о гордости моего отца. Знает ли он, что было бы глупо атаковать этот город?

— Суть в том, сможет ли он понять и принять, что не Замбула, а Актер и его маг убили твою сестру? Вам не нужно воевать с замбулийцами, которые не любят и не уважают своего хана. Это счеты между шанки — нет, между твоим отцом и Актером с Зафрой.

— И мной, Конан! Да, я вижу это. Я знаю это. Мне лучше не рассказывать об этом отцу. Мне лучше остаться здесь и самому отомстить за свою сестру — как-нибудь, — безрадостно добавил он, — а потом одновременно сообщить шанки подробности о ее смерти и о нашей мести Хану.

Конан покачал головой.

— Это не лучший выход. Это смело и глупо, и мы оба знаем это.

Хаджимен сердито посмотрел на человека, сидящего вместе с ним в этой комнате вишлы князя Шихрана; вишлы, принадлежащей теперь заговорщику Баладу, которому хотелось быть Балад-ханом. Спустя какое-то время Конан протянул руку, чтобы тепло коснуться руки шанки; гордый воин пустыни отстранился. Мысленно вздыхая при виде такого поведения, которое он считал глупым, Конан узнал кое-что о самом себе и о гордости и чести.

— Ну ладно, Хаджимен. Ты знаешь, что я имею в виду. Ни ты, ни я не верим, что тебе удастся подойти к Актеру так близко, чтобы иметь возможность убить его. И даже если бы тебе это удалось — как-нибудь, как ты сказал, — ты никогда не дожил бы до того, чтобы рассказать об этом своему отцу. Тогда он лишится не только дочери, но и сына. Ты знаешь, что он сделает потом. Пойдет в атаку и погибнет.

Хаджимен с подергивающимся лицом уставился на него. Потом он резко отвернулся и подошел к открытому узкому окну.

— Конан мудр. Во имя Тебя — сколько тебе лет, Конан?

Киммериец улыбнулся.

— Достаточно много, чтобы давать советы, которые, возможно, у меня не хватило бы благоразумия принять.

Хаджимен, стоя к нему спиной, фыркнул.

— И что Конан хочет, чтобы мы делали? Вели себя так, словно вообще ничего не случилось? Этот человек принял мою сестру в дар от нашего отца и убил ее, словно она была воровкой или иоггиткой!

Хаджимен сплюнул, продолжая демонстрировать Конану свою широкую спину в желтой рубашке.

— Нет. Послушай теперь меня. Самое величайшее, что человек может сделать, это хранить всё про себя, чтобы помешать своему отцу в ослеплении честию и гордостью совершить глупость, — зная все это время,

что месть невозможна, но может стать возможной в один прекрасный день. Я знаю, что ни Хаджимен, ни Конан не настолько велики! Нет, Хаджимен, сын Ахимена, я обращаюсь к тебе прямо. Слушай меня внимательно. Даже солдаты Замбулы не поддерживают Актер-хана. Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидел смерть своей сестры отмищенной, Хаджимен! В то же самое время, шанки могут героически помочь замбулийцам избавиться от того недостойного существа, которое живет в их дворце. Хаджимен! Послушай! Я бы хотел, чтобы ты... я хотел бы попросить тебя, чтобы ты как можно быстрее поскакал к отцу и вернулся с отрядом воинов. Пусть они будут снаряжены для битвы, пусть под ними будут самые быстрые ваши верблюды. Они должны будут остановиться на большом расстоянии от городских стен и посылать стрелы в стены, а не поверх них в Замбулу. И все это время выкрикивать обвинения и вызов Актер-хану!

Хаджимен резко повернулся, чтобы взглянуть в лицо рослому человеку с голубыми глазами.

— А! — на лице воина пустыни отразились возбуждение и надежда; однако в его глазах под племенным знаком свирепого и вдвойне гордого шанки таился вопрос. — Но... такой человек не выйдет нам навстречу!

— Нет, не выйдет. Он будет сидеть у себя во дворце, зная, что его солдаты вскоре отобьют эту смехотвор... эту глупую атаку. Против вас выступят солдаты из гарнизона; они будут радоваться возможности действовать и жадать крови. И тогда шанки должны сделать нечто отважное и благородное... и трудное. Вы должны будете обратиться в бегство.

— Бегство! — Хаджимен с ужасом выплюнул это слово, чуждое его природе.

— Да, Хаджимен! — Конан позволил своему голосу возбужденно повыситься; ему необходимо было завербовать шанки для осуществления этого плана. — Да! Пусть они выйдут из-за стен и атакуют вас. Сражайтесь с ними, убегая. Бегите все дальше и дальше.

Когда они наконец перестанут вас преследовать, а это должно случиться, остановитесь, перестройтесь и наблюдайте за ними, пока они не отойдут от вас на значительное расстояние, возвращаясь в город. Тогда бросайтесь за ними в погоню!

— А! И потом мы настигнем этих шакалов, и навалимся на них сзади, и перережем их на скаку! Так мы сможем изменить соотношение сил в нашу пользу.

Конан тяжело вздохнул, позаботившись о том, чтобы Хаджимен это заметил.

— Они не шакалы, Хаджимен, друг мой. Это молодые люди и юноши, как мы, отважные и служащие плохому хану. Нет, они повернутся и перестроятся, чтобы встретить вашу атаку. Тогда вы должны будете развернуться и снова, не замедляя бега, ускакать прочь, так, чтобы они последовали за вами. Если это будет возможно, небольшой отряд шанки должен будет подъехать к городским воротам. Это несколько нагонит страху на тех, кто будет наблюдать за вами со стен. Может быть, они вызовут подкрепление — из дворца.

— Во всем этом я не вижу чести, и шанки так не поступают, Конан. Какова цена этих безобидных скачек по равнине за пределами этих стен?

— А! Хаджимен, ты действительно великий человек! Ты спрашиваешь, вместо того, чтобы впадать в неистовство, — это верная примета! Ты действительно станешь преемником Ахимена, Хаджимен, и у шанки будет хороший вождь! Подумай. Шанки могут вооружить и посадить в седло... сколько? Возможно, три сотни человек, если мы включим сюда мальчиков, только что вышедших из детского возраста, и тех, для кого расцвет жизни уже далеко позади?

— И сотню женщин и девушек! Наши женщины — это не слабые игрушки, как те, которых я видел в этом лагере, окруженном стенами!

— ...в то время, как здесь расквартировано более двух тысяч солдат. Такая армия перебьет вас всех, включая девушек и женщин, а Актер в это время будет сидеть в безопасности в своем дворце, а позже прика-

жет уничтожить шанки всех, до единого. Таким образом, я показываю тебе, что ты должен объединиться с теми, кто одолеет Актера. Они смогут сделать это только с помощью шанки, Хаджимен!

Хаджимен, сын хана, задумчиво посмотрел на него.

— Конан и Балад.

— Да, и другие, — энергично кивая, ответил Конан. — Я могу пробраться во дворец. Я проберусь туда. Балад может пойти в наступление, и победить, и свергнуть Актер-хана... если ханские воины будут заняты погоней за призраками в пустыне.

— Призраки? Шанки!

— Да! — вскричал Конан; он видел и слышал возбуждение Хаджимена и начал говорить быстрее и громче, чтобы подстегнуть это возбуждение. — И тогда Балад отзовет войска и откроет им, что шанки — союзники... и твой народ будет пользоваться любовью в Замбуле и будет союзником ее нового правителя.

— Ха! Замбулийская конница гоняется за шанки-скими призраками, пока наши друзья Конан и Балад занимают дворец! Балад завоевывает корону, и замбулийцы получают нового, лучшего правителя, — а Конан и Хаджимен добиваются мести, справедливости!

Ухмылка Конана была не из тех, что делали его лицо красивым.

— Да, воин.

Хаджимен подошел к нему и внезапно застыл в неподвижности с каменным лицом.

— А Актер-хан, если он останется в живых, должен быть выдан шанки для наказания!

Конан знал, что не может давать подобного обещания, и знал также, что может попасть в беду. Он нашел слова, чтобы высказать это:

— Хаджимен! Тебе следовало бы прямо сейчас сказать к шатрам твоего племени! А вместо этого... разве шанки выдали бы Актер-хана для наказания замбулийцам, если бы он совершил против тех преступления, неважно, насколько тяжкое? Подумай! Актер-хан совершил больше преступлений против своего народа,

чем против твоего. Замбулийцы должны покарать его. Он принадлежит им, он один из них. У меня нет никаких сомнений в том, что он будет казнен... если останется в живых после нашей атаки. И, конечно же, союзники Балад-хана будут присутствовать при том, как Актер умрет!

После долгого молчания Хаджимен кивнул.

— Тебе не обязательно было говорить все это. Ты мог просто сказать «да» и попытаться убедить меня позже.

— Это так. Я что, должен лгать моему другу, сыну моего друга?

Не прошло и часа, а Хаджимен и его отряд уже выезжали из Замбулы. Вместе с ними, переряженный в шанки, отправился Джелаль — человек Балада. Его собственная одежда была в одном из тюков на его выючной лошади, а шанкийская каффия скрывала лицо, которое кто-нибудь из охраны ворот мог распознать. Через несколько дней, когда шанкийские передовые отряды окажутся меньше чем в дне пути от Замбулы, Джелаль должен будет вернуться — на лошади и в своей собственной одежде — чтобы доложить Баладу. Таким образом отвлекающий маневр из пустыни будет скоординирован с настоящей атакой изнутри стен Замбулы.

После отъезда Джелалья и шанки Конан провел большую часть дня, совещаясь с Баладом и с его товарищами-заговорщиками. Это было не очень-то по душе киммерийцу, который страдал недостатком терпения, свойственным как юности, так и варвару, и предпочитал поменьше заговоров и более прямой подход, выражающийся в решительных действиях. В данном же случае Хаджимен, упрямо настаивающий на том, чтобы проявить глупое благородство, заставил Конана выступить в новой для того роли более вдумчивого и умеющего убеждать человека. Тому, кто в один прекрасный день будет возглавлять группы, потом отряды, потом армии, а потом — целые народы,

не было еще и восемнадцати, и он учился — и вырослел.

Часть его дерзкого плана так же мало пришлась по душе Баладу, который, вместе с другими, указал киммерийцу на то, что его желание — решение, но они сказали «желание», — пробраться во дворец, там освободить Испарану и атаковать изнутри было глупым упрямством.

Тот, кто подавал мудрые советы настойчивому Хаджимену и сумел переубедить его, продолжал стоять на своем и не поддавался никаким убеждениям.

Так несколько ночей спустя один опытный вор, в последнее время живший в Шадизаре, и Арэнджуне, и Киммерии, перелез через две стены и пробрался во дворец Актер-хана. Менее чем через два часа он был пленником того, кто стал реальным правителем Замбулы: мага Зафры.

19. «УБЕЙ ЕГО!»

Он помнил пытки. Он помнил их смутно, как в тумане, словно его дурманили или околдовали.

Он помнил настойчивое прикосновение острия меча к своей спине — в центре, над копчиком. Он помнил, как его заставили втиснуться между двумя вбитыми в пол столбами, отстоящими друг от друга менее чем на два фута. Острие меча продолжало касаться его спины, пока второй человек привязывал его ноги — щиколотку и бедро — к столбам, каждый из которых был толщиной с его икру. Острие меча прикасалось к его спине постоянным напоминанием, и он не шевелился, пока ему связывали запястья впереди. Кожаные ремни были завязаны множеством узлов. Нажатие в точку на его спине усилилось, заставляя его продвинуться вперед. С привязанными ногами он не мог никуда идти, он мог только сгибаться в поясе. Острие меча вызвало к жизни струйку теплой крови. Он почувствовал ее. Он перегнулся в поясе, наклоняясь вперед. Его связанные запястья были пропущены меж-

ду его расставленными, привязанными к столбам ногами. Он согнулся еще больше. Длинная веревка, прикрепленная к ремням, стягивающим его запястья, была перехвачена сзади и натянута вверх за его спиной. Он глухо заворчал. Веревка была привязана к железной жаровне, вмурованной в стену в семи-восьми футах позади него. Пол леденил его босые ноги — или это было раньше; он помнил, что потом этот пол стал приятно холодным. Его заставляли нагибаться все дальше вперед; мышцы на его широкой спине лопались от усилия, кровь жарким потоком прилиwała к голове, заставляя лицо багроветь. В глазах у него помутилось; все стало красным. Прочие узы удерживали его в одном положении. Он не мог милосердно упасть вперед, потому что крепкие веревки притягивали его щиколотки и бедра к столбам. Его рот был забит кляпом, и это оказалось очень унижительным: поскольку он вынужден был стоять, низко нагнувшись вперед, он никак не мог удержать слюну, капавшую вокруг кляпа. Он помнил, что чувствовал ненависть. Он видел все в еще более красном свете, а его голова, казалось, была налита свинцом. В висках у него стучало. В конце концов его голова налилась кровью, и его сознание провалилось.

Он помнил, как просвистел бич, внезапно и резко опускаясь, чтобы стегнуть его поперек спины. Он помнил, как ловил ртом воздух, потому что удар бича заставил его задохнуться, и как пот мгновенно выступил на его лице и потек струйками по бокам из-под мышек. Это продолжалось. Бич скользнул назад, пропел в воздухе, обрушился на его тело. Черное жало бича беспощадно рвало и полосовало плоть. Он знал, что на спине вздуваются рубцы. Его глаза жгла яростная ненависть к змееподобному бичу и к тому, кто держал этот бич в руках. Его грудь — которую стягивающие его тело веревки сделали тугой, как барабан, и твердой, как у медведя, — судорожно вздымалась; его ноздри раздувались и дрожали. Бич шипел и хлестал по его телу. Он не помнил, чтобы они задавали какие-либо вопросы; они просто причиняли ему боль.

Он знал, что у него вырывались стоны, и прилагал все усилия, чтобы не закричать вслух. Все было мутным, туманным. Это мог быть сон. Он крепко сжал зубами губу. Было больно. Это не было сном. Он не мог сдержать конвульсивного вздрагивания своего связанного тела, раскачивания своих узких бедер, судорожного стягивания небольших валиков мышц на спине. Он был обнажен. Пот ручьями стекал по его спине, бокам, капал с лица, забрызгивая пол где-то внизу. Это была автоматическая реакция на угрозу и удары бича — неумолимый взмах и рывок, и готовность, и взмах, и резкий удар, и ужасающую тревогу, и обжигающую боль. Но он подавлял в себе даже стоны и ни разу не вскрикнул. Они вытащили кляп у него изо рта и смочили его рот водой, чтобы иметь возможность послушать его крики. Они не услышали ничего, в этом он был уверен. Ведь был?

Он помнил жгучую мазь. Он помнил, или ему казалось, что он помнит, жуткий спектакль: будто бы меч, не направляемый ничьей рукой, убил его товарища по плену. Случилось ли это на самом деле? Он не был уверен. Могло ли это случиться? Слышал ли он этот тихий, мягкий голос, сказавший: «Убей его», — и в самом ли деле меч понял и повиновался?

Он не мог быть уверен в этом. Он помнил, или ему казалось, что он помнит.

Боль от того, что его хлестали крапивой, была слабой; начавшийся вслед за этим зуд был самой худшей из всех пыток. Он был связан и не мог почесать те места, которые жгло, как огнем.

Его били по животу. Звук от удара широким ремнем был очень громким.

Он помнил, что ему сказали, что завернут его в свежесодранную коровью шкуру и выставят наружу, лицом к утреннему солнцу. Он не думал, что это случилось. Он был уверен в том, что ему на голову надели шлем и пристегнули его так, что узкий кожаный ремешок впился ему в подбородок. Кто-то колодил по шлему молотком до тех пор, пока он не начал

спрашивать себя, что наступит раньше: смерть или безумие.

Ни то, ни другое. Он выдержал, и ему казалось, что он не закричал, хотя он впоследствии не был уверен в том, что не всхлипывал. Он бы скорее согласился, чтобы его избили или распяли на кресте.

Возможно, кое-что из этого было колдовством Зафры: без сомнения, что-то было волшебством и не произошло на самом деле. И так же точно, кое-что из этого несомненно случилось. Конан впоследствии никогда не мог сказать с полной уверенностью, что было реальным, а что — нет. Он в самом деле укусил себя за губу; об этом свидетельствовал гладкий болезненный участок распухшего мяса. И у него болела голова и звенело в ушах.

Он проснулся затем, несколько часов или несколько дней спустя, с этим ужасным смутным чувством неуверенности, не зная, спал ли он или был одурманен, или колдовским образом лишен ясности ума; его голова начала проясняться, и ему казалось, что он не связан. Он лежал неподвижно, пытаясь почувствовать, стянуты ли у него запястья и щиколотки, и таким образом понять, связан он или нет. Сначала он не мог быть уверен. Он лежал неподвижно, пытаясь оценить себя и свое положение. О! Он был во дворце. Его схватили. Где он? Во дворце — где? Он не мог полностью осознать это. Его мозг был вялым и неповоротливым, а тело, казалось, постарело на несколько лет. Сознание вернулось к нему и разрослось в нем, словно пламя, медленно разгорающееся в комнате, где чувствуется лишь ничтожно слабое движение воздуха. В мозгу у него начало все больше и больше проясняться, словно его осветила эта тонкая, отважная свеча. Он знал, что очень ослаб, но почувствовал, как возрастают его силы — или, по меньшей мере, исчезает слабость.

Конан открыл глаза.

Он лежал наполовину на ковре и наполовину на вымощенном плитами полу — серое и бледно-красное с тонкими прожилками белого и черного. Красивый

пол из уложенных в шахматном порядке мраморных плиток. Он увидел стол и предмет на нем... он вспомнил Зеленую Комнату, логово Хисарр Зула, бывшего колдуном сначала в Заморе, затем в Арэнджуне, а теперь — в аду, куда отослал его Конан. Это были такие же точно вещи. Тогда это, должно быть, комната Зафры, мага Актер-хана. Да. Рядом с тронным залом, кажется? Возможно, вон та дверь...

Конану не нравилось, как пахло в этой комнате.

Химикалии, и травы, и омерзительный запах палевого волоса. Он согнул и разогнул пальцы, потом обе руки. Он был прав: он не был связан. Несколько импульсов, посланных вниз по ногам, показали, что ноги тоже свободны. Он лежал наполовину на боку, наполовину на животе. Он глубоко вдохнул воздух, хотя ему не очень-то нравился запах или вкус этого воздуха в комнате колдуна.

Он успел наполовину подняться, прежде чем увидел Зафру. Маг мудро встал в таком месте, где его можно было увидеть лишь в результате сознательно направленного движения; таким образом он уловил момент, когда Конан начал приходить в себя.

Конан замер на одном колене, опираясь об пол костяшками пальцев одной руки.

— А, — улыбаясь, сказал Зафра. — Очень мило. Однако это обнадеживает: ты почтительно преклоняешь колено.

Конан с искаженным от злобы лицом вскочил на ноги. Зафра быстро показал ему, что держит в руках меч.

— Ты ведь рассказал нам свою историю, помнишь, варвар? Я знаю, что ты за наглый, дерзкий мальчишка. Я так и думал, что ты можешь попытаться сделать то, что ты сделал: пробраться сюда, как вор, чтобы найти Испарану и снести парочку голов, ведь так? Хорошо я тебя поймал, да? Понимаешь, ты ведь варвар, и тобой движут те же самые инстинкты, что заставляют действовать собаку, или кабана, или медведя. У меня есть цели, определенные цели. В состяза-

нии между двумя такими, как мы, человек, руководствующийся разумом и стремящийся к цели, должен восторжествовать. Как ты видишь, я и восторжествовал. И я буду жить, в то время как ты вернешься в ту грязь, которая втолкнула тебя в чрево какой-то варварской сучки. Не пройдет и года, как я буду править в Замбуле. Еще через несколько лет я буду править в Аграпуре: Зафра, король-император Турана! Да! Не так уж плохо для крестьянского мальчишки, которого хозяин бил, потому что он недостаточно быстро усваивал уроки... уроки колдовства, которые я усваивал гораздо быстрее, чем думала эта старая свинья! Пялся на меня этими своими злобными звериными глазами, сколько хочешь, — но попробуй только напасть, варвар, и ты всего-навсего умрешь быстрее.

— Тогда пусть будет быстрее, — сказал Конан, делая длинный-длинный шаг в сторону и хватая тяжелую бронзовую напольную лампу высотой с него самого, с украшенным резьбой стержнем, который в самом узком месте был толщиной с его запястье. Лампа была тяжелой, а он был не в лучшей форме; он глухо заворчал и рывком перевернул ее. Кипящее масло выплеснулось на пол.

В течение какого-то мгновения Зафра смотрел на Конана с изумлением и чем-то близким к ужасу; потом он приподнял брови и усмехнулся.

— Ты помнишь этот меч? Я показывал его тебе, варвар. Я показывал тебе, как он подчиняется. Стоит приказать ему, и он не остановится до тех пор, пока не убьет. Что ж, двигайся быстрее, варвар... Убей его.

На затылке Конана зашевелились волосы, а по обнаженной спине словно пробежали крошечные ледяные ножки: Зафра разжал руку. Меч, который он держал, не упал на пол. Его острие опускалось до тех пор, пока застывшие глаза Конана не оказались на одном уровне с ним и с перекрестием рукояти позади него, — и тут меч ринулся на киммерийца.

Конан, охваченный единственным страхом, который

был ему по-настоящему знаком, — страхом перед колдовством, — тем не менее не застыл на месте, что означало бы для него смерть. Вместо этого он бросился на пол — и в тот самый момент, когда меч, свернув вслед за ним, понесся вниз, наобум ударил по нему лампой. Резной бронзовый стержень ударился о сверкающее стальное лезвие с оглушительным воинственным металлическим звоном, и меч отлетел в другой конец комнаты. Тяжесть Конанова оружия — или оборонительное движение — увлекла за собой руки киммерийца, и он распластался на полу, услышав при этом, как меч со звоном отлетает от стены за его спиной. Он кое-как поднялся на ноги, сжимая бронзовый стержень обеими руками, и прыгнул на Зафру, глаза которого широко раскрылись. Потом взгляд мага скользнул мимо Конана, и киммериец уронил свое тело наземь, поворачиваясь в падении и ударяя лампой вверх. Его бок пронзила острая боль, и он заворчал. Но снова его металлическая дубинка ударилась о нацеленный для убийства, никем не направляемый меч.

Конан внезапно ухмыльнулся, припомнив, что сказал Зафра, и эта его гримаса вызвала у мага страх и даже ужас, потому что это была жуткая, свирепая ухмылка хищного зверя. Конан, качнувшись, вскочил на ноги и бросился бежать — и не к Зафре. Он побежал к двери, ведущей в дворцовый коридор!

Секунды, отсчитываемые капельками воды, казались ему минутами; по его спине бегали мурашки. Он пробежал три шага, четыре, еще один — и швырнул лампу вправо, а сам нырнул влево. Он был всего в двух шагах от большой, обшитой панелями двери; он решил, что ни за что не успеет добежать до нее, ибо этот ужасный безмозглый клинок должен был лететь острием вперед ему в спину.

Так оно и было. И на этот раз меч подлетел так близко и преследовал свою убегающую жертву с такой скоростью, что не повернул в воздухе вслед за ней. Вместо этого он вонзился в дверь с такой силой, что

острие клинка полностью ушло в дерево: на дюйм или даже больше. Конан, молча и даже не взглянув на Зафру, снова вскочил на ноги — и пока жуткий, наводящий суеверный ужас меч высвобождался из потрескивающего дерева, киммериец схватился за бронзовую ручку, рванул на себя дверь — и выскочил в коридор.

«Ну что ж, меч не остановится, пока не убьет?» — подумал он с ужасной мрачной ухмылкой и дернул дверь к себе. Она с грохотом захлопнулась. Он стоял, тяжело дыша, держась за ручку, прислушиваясь к тому, как бурчит в его пустом животе — и ожидая крика из комнаты колдуна.

А потом послышался вопль, закончившийся хриплым горловым бульканьем, и Конан понял, что карьера молодого волшебника пресеклась задолго до того, как у того появилась возможность состариться в своем ремесле, не говоря уже о захвате тронов.

— Эй, стой!

Этот голос и взгляд, брошенный в ту сторону, откуда он раздался, и показавший приближающегося дворцового стражника, помогли Конану принять решение. Он раздумывал, хватит ли у него смелости войти в комнату мага и попытаться завладеть мечом — теперь, когда тот уже нашел себе жертву. «Что ж, — подумал он, — теперь мне остается либо это, либо бегство нагишом по коридорам королевского дворца, — где я буду почти таким же неприметным, как слон в медвежьей яме!»

Он распахнул дверь, влетел в комнату и захлопнул дверь за собой. Прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем об нее ударилось чье-то тело: Шип Хана ускорил свой бег! Конан не остановился, чтобы взглянуть в худощавое тело, неуклюже распростершееся на красивых плитках пола. Оно не шевелилось. Не шевелился и стоящий над ним торчком меч, глубоко вонзившийся в грудь Зафры.

— Чуть влево от середины, — пробормотал Конан, чувствуя, как его рука покрывается «гусиной кожей»,

но тем не менее протягивая ее к рукояти этого заколдованного клинка. — Действительно, прекрасный меч! — его ладонь сомкнулась на рукояти. Та не шелохнулась. Казалось, это всего-навсего обыкновенный меч. — Что ж, Зафра, он не смог послужить тебе так, как ты ожидал, — возможно, он послужит Конану!

Действительно, прекрасный меч; он так глубоко вонзился в нижнюю часть груди Зафры, что Конану пришлось упереться ногой в тело лежащего навзничь мага, чтобы вытащить клинок.

Дверь распахнулась, и в ее проеме появился коренастый солдат в шлеме, латах и с мечом в руке; от того, в чем можно было узнать труп Волшебника Замбулы, к нему обернулся обнаженный человек, в чьем огромном кулаке тоже был зажат меч и чьи глаза и рычащий рот были глазами и ртом несущего смерть зверя.

* * *

Конан, облаченный в шлем и надетые поверх кожаной туники латы одного из Хан-Хилайим, шагал по внутреннему коридору замбулийского дворца. На боку у него висел меч Зафры — несмотря на то, что его клинок распорол принадлежавшие охраннику ножны из тисненой кожи, натянутой на тонкую, легкую деревянную рамку. В руке Конан держал половину буханки хлеба, умело стащенную с проносимого мимо подноса, — так, что несшая поднос служанка даже ничего и не заметила. Это был хлеб из перебродившего теста — хлеб для изнеженного обитателя дворца в изнеженном городе, — и Конан был рад этому, потому что такой хлеб можно было проглотить за один присест, а его невесомость не позволила той, у кого он был украден, что-либо заподозрить.

«Или, возможно, она поняла, но ей было наплевать, — думал Конан. — Хан-Хилайим, без сомнения, очень часто делают именно то, что им хочется. Что ж... вам недолго осталось, вы, подонки, которые служат подонку! А! Это, должно быть, та самая дверь».

Это действительно была она, и ее никто не охранял.

Она открывалась в подземелье, и изнутри, рядом с ней, горела на стене единственная головня. Внутри и внизу была Испарана, как он и ожидал. Или, возможно, он помнил; без сомнения, именно здесь Зафра пытал его самого. Теперь он...

К несчастью, Испарана была не одна. При виде ее Конан на мгновение забыл об осторожности, и когда он шагнул через площадку к лестнице, ведущей в подземелье, где лежала Испарана, он услышал судорожный вздох и, рывком повернувшись, увидел двух Шипов Хана. Они стояли, глаза на нее, — сволочи! — здесь, наверху, слева от двери, а он, направляясь вперед и вправо, прошагал как раз мимо них. Сгибая колени в боевую стойку, он схватился одновременно за рукоятки меча и кинжала и изготовился к атаке.

Двое Шипов казались озадаченными.

— Что это ты, по-твоему... — начал один из них, но Конан забыл, что на нем их форма. Он сделал то, что было крайне неожиданно для них и совершенно нормально и даже характерно для него: он атаковал этих двоих солдат.

Тот, кто начал говорить, более молодой, потерял половину плеча при встрече со взлетающим мечом Зафры, а второй получил удар кинжалом в живот прежде, чем успел взмахнуть своим клинком. Первый, без сомнения, ослеп от шока, напарил и вытащил свой собственный меч, — хотя его лицо было белым, а перерубленная рука повисла, как потрепанное алое знамя.

— Ты отважный сторожевой пес недостойного хозяина, — сказал Конан, — и это меня почти огорчает.

Он сделал обманный выпад мечом — удар, который солдат отразил своим клинком, — и взмахнул вперед левой рукой.

Кинжал переломился, ударившись о кольчугу. Конан проклял хана, который одевает своих избранных стражников в прекрасные одежды и доспехи, одновременно вооружая их оружием, непригодным даже для разрезания запеченной курицы, и сердито лягнул по-

тивника в пах. Бедняга застонал, согнулся пополам, потеряв равновесие, когда его искалеченная рука качнулась вперед, и свалился с края площадки, ударившись о плотно утоптанную землю в двадцати, или около того, футах ниже. Конан, не торопясь, взгляделся в распростертое тело. Оно не шевелилось. Киммериец повернулся, торопливо подошел к лестнице и спустился по двадцати и пяти ступенькам в эту мрачную камеру, обитель невыразимого ужаса и разложения.

Только приблизившись к обнаженной, связанной женщине, Конан обнаружил, что Испарана в подземелье не одна.

Хозяин этого продымленного, забрызганного кровью царства боли, отдыхал от своих трудов, прикорнувшись на подстилке у задней стены. Теперь Конан увидел его в первый раз; палач Балтай был человеком такого же мощного телосложения, как и сам Конан, с такими же длинными руками и, возможно, таким же сильным, но с более заметным животом. Как и киммериец, он был вооружен и мечом, и кинжалом. Разница была в том, что его большой нож не был сломан.

— А ты здоровущий, — сказал он гортанным и в то же время странно высоким голосом, — так ведь?

Конан не подумал о том, чтобы отдать приказ волшебному мечу Зафры. Не стал он и ждать, пока хозяин камеры попыток нападет на него. Он подбросил сломанный кинжал в воздух и воткнул меч в земляной пол как раз вовремя, чтобы поймать кинжал правой рукой. Плевать ему на порезы; он взмахнул рукой назад, вперед, и рукоятки и около трех дюймов неровно обломившегося клинка все еще были в воздухе, когда его ладонь опустилась на рукоятку меча. Весь странный маневр длился какие-то секунды. Это был акт отчаяния; Конан не хотел тратить время, встретившись лицом к лицу с человеком такой силы, с такими длинными руками, и к тому же лучше вооруженным, чем он сам.

Он бросил кинжал не в голову Балтая, а в его грудь, предположив, что палач не сможет двигаться

настолько быстро, чтобы успеть увернуться, — не с этим хорошо откормленным брюхом. Он оказался прав. К тому же палач Актера сделал неверное движение: он нырнул вниз, подставляя таким образом лицо летящему снаряду. Рукоять сломанного кинжала тяжело и с громким звуком ударила его в рот. Палач зарычал от боли и потрясения; его губа была разорвана, и один зуб сломан; из обоих глаз потекли слезы, вызванные не рыданиями, и он ослеп, пусть всего на мгновение. Этого хватило.

Меч Конана, выдернутый из земли согнутой вбок рукой, взлетел вертикально вверх и распорол брюхо Балтая от пупка до грудины. Разрез был неглубоким, но болезненным, длинным и кровоточащим. Клинок, оставляя за собой кровавый след, продолжал двигаться. Не задев лица палача, он взлетел над его головой, и Конан шагнул вперед, обращая свое движение и опуская клинок вниз. Великолепный меч Зафры рассек череп замбулийского мастера пыток.

— Слишком плохо, — пробормотал киммериец. — Было бы приятно испробовать на тебе твои собственные штучки, жирная свинья!

— Прекрати... разговаривать с покойником, — с некоторым трудом выговорила связанная женщина, пытаясь освободиться, — и разрежь на мне веревки. Я достаточно долго ждала тебя, ты, ворующий верблюдов кимрийский пес-варвар с куриными мозгами.

— Киммерийский, черт возьми, киммерийский, — отозвался Конан, разрезая веревки и восхищаясь про себя ее мужеством. Ей пришлось кое-что вытерпеть, и ничто из этого не было приятным. — У тебя довольно-таки ужасный вид, Спарана, любовь моя, — хотя я клянусь, что даже покрытая рубцами и грязью и с этим клеймом на теле ты все равно лучше выглядишь обнаженная, чем десять любых других женщин.

Она неуверенно села, морщась и растирая ободранные веревкой запястья.

— У этой толстой свиньи там, около подстилки, есть немного мяса и вина, — сказала она. — Как мило

ты разговариваешь, возлюбленный, с бедной, нежной и невинной девушкой, которую ты оставил в таверне Актеровым свиньям и псам. О-о... Конан... прости, но, по-моему, я сейчас потеряю сознание.

— У нас нет на это времени, Спарана. И вообще, это у тебя просто кровь отхлынула от головы, — как давно ты не стояла на ногах?

Он принес вино, встряхивая кувшин и улыбаясь плещущим звукам, и дал ей сделать первый долгий глоток, а потом помог ей встать на ноги, и внезапно она неистово сжала его в объятиях.

— Ох, — вырвалось у нее тут же, и она отшатнулась.

— Я понимаю твою благодарность и неумирающую любовь, Спарана, но я бы ни за что не стал обнимать человека, одетого в кольчугу.

Она подняла глаза и взглянула на него исподлюбья.

— Ты действительно варварская свинья с мелкой душонкой, Конан. Ты знаешь об этом?

Его лицо напряглось. Все это ни к чему не вело; может быть, лишь слегка снимало напряжение; однако время не стояло на месте, а кроме того, ее голос начинал звучать слишком уж серьезно.

— Возможно, моя милая дама из Замбулы, но я только что убил Зафру, троих Шипов Хана и всящего несколько сот фунтов палача, чтобы прийти и вытащить тебя отсюда.

— О-о... о, Конан, — сказала она, сжимая его предплечья — липкие от чужой крови, — и опуская взгляд. — Не нужно ни с того ни с сего обращаться со мной так серьезно; ты знаешь, что я благодарна тебе и что я люблю тебя.

Он ничего не ответил, и через мгновение она взглянула на него блестящими глазами.

— Зафру?!

— Да. Его собственным мечом — вот он. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз. Ты готова снова стать женщиной-воином, Спарана?

— Нагишом?

— У мастера пыток очаровательная, мягкая и душистая подстилка... Похоже, она состоит из одежд и других женщин, кроме тебя. Хотя я узнал то красивое красное воздушное платье, которое было на тебе в ту ночь, когда они пришли за тобой.

— Уф... Я бы предпочла не носить то, на чем он спал... — она оглянулась вокруг. — Однако, похоже, у меня нет выбора. Только бы у этой мрази не было вшей, — она скрылась нагишом в полумраке в той стороне темницы, где раньше спал Балтай. — Я не могу описать тебе, Конан, как я рада тому, что ты сказал насчет Зафры, — и как мне жаль что ты подарил этой свинье Балтаю такую быструю смерть. Знаешь, они сделали гораздо больше, чем просто попользовались мной.

Конан кивнул. Он знал, что «просто попользовались» означало бы несравненно больше для другой женщины — или девушки, которой Испарана не была. Возможно, ей удалось получить от этого хоть какое-то удовольствие. Он надеялся на это. Он был рад, что он мужчина и что ему никогда не придется говорить о том, что им вот так «просто попользовались».

— Ты воин, Испарана, — негромко сказал он.

— Ты внезапно заговорил так церемонно.

— Ты произвела на меня впечатление, — ответил Конан. — А как бы ты отнеслась к окровавленной кольчуге?

— Хорошая идея, — отозвалась она, одеваясь. — Ты не мог бы немного вытереть ее его туникой или еще чем-нибудь?

Конан как раз снял тунику с более молодого покойника с искалеченной рукой и сломанной шеей, когда боковое зрение сообщило ему о каком-то движении высоко наверху. Он поднял глаза и узнал Фаруза, одного из телохранителей Актер-хана. Плотный, средних лет стражник улыбнулся ему сверху вниз.

— Прекрасно. Я в любом случае всегда чувствовал отвращение к этому подонку Балтаю.

Конан, опускаясь на корточки, обхватил ладонью

рукоять лежащего рядом меча и мрачно уставился на Фаруза, который стоял у самой двери. Стражник успел бы выскочить за дверь и запереть ее за собой гораздо раньше, чем Конан смог бы добраться до него.

— Хорошее место для тебя, варвар. Я просто закрою эту дверь, пока мой господин Хан не решит, что он пожелает сделать с вами обоими!

Конан выгнул меч.

— Иог бы тебя побрал, Фаруз, надо же было тебе прийти именно сейчас! Ты уверен, что не готов поменять хозяина?

— Вряд ли. Обо мне хорошо заботятся, Конан. Увидимся с вами обоими позже — и нас будет несколько.

Необъяснимым образом едва заметная улыбка приподняла уголки губ киммерийца. Он направил меч на человека, стоящего в двадцати футах над ним, пробормотал: «Убей его», и разжал руку.

Меч Зафры упал на дно темницы.

Фаруз расхохотался.

— Ага, я так и думал, что это... Значит, для варвара это не работает, а, варвар?

— Черт! — рывкнул Конан. — Этот пес Зафра... заклятие работало только для него! Это просто меч!

Когда он опускался на корточки, чтобы поднять меч, из полумрака в неосвещенном углу темницы, крадучись, высунулась изящная рука и подобрала кинжал Балтая. Конан подхватил меч Зафры и в отчаянии швырнул его вверх в тот самый момент, когда Фаруз начал отступать за дверь. Клинок со звоном отлетел от каменной стены. Фаруз рассмеялся и насмешливо помахал рукой в знак прощания — и кинжал, брошенный Испараной, доказал, что для оружия, летящего снизу, кожаная пола туники стражника не была достаточно длинной. Кинжал Балтая вонзился в пах Фаруза, и тот, хрипя и давясь блевотиной, с огромными, остекленевшими в агонии глазами, опрокинулся на спину.

Конан резко повернулся к Испаране. Она вышла на

свет в наряде, который был смехотворно разношерстным даже для этой камеры.

— Я не знал, что ты можешь бросить нож таким манером дважды!

— К счастью для тебя, могу. Много раз я с удовольствием бросила бы кинжал в тебя, мой дорогой, если бы только у меня была такая возможность. Я не сделала этого — опять же к счастью для тебя.

Они с наслаждением обгрызали мясо с большой жирной кости.

Конан смотрел на нее, припоминая все те разы, когда она легко могла убить его — в то время, когда ей еще этого хотелось, — если бы у нее был кинжал, уравновешенный для метания. Эта спокойно жующая женщина убивала с душевной непринужденностью и самоуверенностью киммерийца!

— Уф! Хвала всем богам за то, что все, что ты когда-либо использовала против меня, — был меч! Надо бы не забыть поговорить об этом — как-нибудь в другое время. А этот кинжал был еще и тяжелым.

— Да. Меня нельзя назвать слабой. Однако мне пригодится твоя помощь, когда я буду надевать эту кольчугу.

— О!

Пока он помогал Испаране натянуть через голову и копну черных волос, — которые в данную минуту были грязными и слипшимися от пота, — тридцать, или около того, фунтов сработанной без единого шва кольчуги, она задала ему нескромный вопрос:

— А что это была за странная история с мечом? Ты сказал: «Убей его» — и уронил меч на пол?

Он коротко рассказал ей, как Зафра использовал меч, и что он сказал о нем, и как меч гнался за ним, Конаном, — и как пронзил того, кто его заколдовал.

— Клыки Иога, — слегка вздрогнув, сказала женщина, — какое ужасное волшебство! Я рада, что он умер и что меч теперь у нас, — а ты думаешь, что он был заколдован так, чтобы подчиняться только приказу Зафры?

— Ну, — сказал Конан, направляясь вместе с ней к лестнице, — моему приказу он не повиновался! И бросил я его отнюдь не удачно, — если бы не ты, мы были бы пленниками и ждали бы появления полчищ вооруженных стражников.

— Двоих было бы вполне достаточно, — заметила Испарана, — с луками или арбалетами. Значит, Зафра собирался захватить всё, — а Актер-хан непременно потребовал бы себе такое оружие, как этот меч, если бы он знал о нем!

Конан мрачно усмехнулся и кивнул. Несколько минут спустя они ногами спихнули Фаруза в подземелье пыток, а сами надели доспехи и взяли по паре мечей и кинжалов. Испаране не подошел ни один из шлемов — у нее было слишком много волос. Беглецы повернулись к открытой двери, и тут Испарана поймала Конана за руку.

— Я не могу верить, что мы когда-нибудь выберемся из дворца живыми, Конан. Я хочу сказать тебе, что...

— Тогда пойдем искать себе помощь, — сказал он и широко распахнул дверь.

— Подожди... Конан! Я хотела сказать... искать помощь? Что ты имеешь в виду? Конан!

Он не остановился, чтобы подождать ее, и она с угрожающим выражением лица поспешила вслед за ним в коридор.

— Что ты имеешь в виду — «искать помощь», черт бы тебя побрал?

— Ты, без сомнения, права в том, что мы никогда не сможем вырваться с боями из дворца, и, конечно же, мы не сможем выскользнуть отсюда украдкой. Ни один человек, видевший нас больше, чем мельком, не поверит, что мы — Хан-Хилайим! Так вот, здесь есть один человек, который может помочь нам выбраться наружу, — тем, что будет нашим пленником! Мы найдем его в тронном зале.

У нее перехватило дыхание.

— Но ты же не можешь иметь в виду, что собира-

ешься похитить Ак... — она замолчала на полуслове, и по ее лицу медленно расплзлась улыбка. — Можешь! Ты это и имеешь в виду! И если кто-нибудь вообще и может сделать это — то это мы, Конан!

— Ты могла бы попробовать называть меня Фузл, или как-нибудь еще, — сказал он, выйдя из себя. — Нет нужды трубить повсюду мое имя, чтобы проверить, сколько внимания оно может привлечь!

— Прости, Фузз, — отозвалась она, и они зашагали по залам дворца так, словно были здесь хозяевами.

Одна, потом вторая, а вскоре и третья служанка бросилась бежать при виде того, как они приближались с суровыми лицами — одетый в доспехи гигант и одетая в доспехи женщина со спутанными волосами, чье лицо и ноги были измазаны грязью и жиром. Еще одна, четвертая служанка увидела их, заколебалась и пустилась наутек. Двоим солдатам из Хан-Хилайим следовало бы сделать то же самое. Конан и Испарана оставили одного мертвым, а второго — стонущим в луже собственной крови, а сами приблизились к дверям, ведущим в королевский зал Замбулы.

— Как мило с его стороны, что он не поставил здесь охрану, — сказал Конан со скверной ухмылкой. — Готова?

— Готова.

Конан и Испарана рывком распахнули две огромные створки и вошли в широкий и длинный тронный зал.

Почти в пятидесяти футах от них сидел на троне Актер-хан в царственных одеждах и алых туфлях. Между ним и двумя незваными гостями стояло одиннадцать стражников. Они были изумлены; Конан и Испарана были хуже, чем изумлены. На них уставились двенадцать пар глаз. Над глазами одного из них был шлем, из которого торчали желтые перья, именно этот человек заговорил:

— Взять их.

20. МЕЧ НА СТЕНЕ

— Сойдите! Этот контрприказ был отдан Актер-ханом, и десять его Шипов замерли наготове, держа руки на рукоятках оружия. Хан наклонился вперед на своем отделанном серебром троне из фруктового дерева, и на лице его отразилось возбуждение.

— Конан, — продолжал он, — Испарана, отойдите в сторону — оба. Освободите проход к двери. Капитан Хамер — выведи своих людей в коридор. Всех. Я желаю поговорить с этими двумя.

Человек в шлеме с перьями, не поворачиваясь, рывком обратил лицо к Актеру.

— Господин Хан! Это враги — и они вооружены!

Конан внимательно наблюдал за саграпом и капитаном. Он не заметил, чтобы они обменялись каким-либо знаком. Офицер вроде бы искренне был в ужасе от кажущегося безумия своего повелителя. Актер взглянул поверх его плеча на Конана.

— Ты сдашь свое оружие? Я не собираюсь обманывать тебя, Конан. Я действительно хочу, чтобы мы трое остались одни в этом зале.

— Зачем?

Это единственное слово, произнесенное киммерийцем, пронеслось, словно рык, сквозь тишину огромного зала.

— Я скажу тебе, — ответил Актер-хан, удивляя всех, кроме Конана. — Возможно, ты кое-что знаешь о том, почему небольшой отряд воинов на верблюдах в эту самую минуту доставляет столько беспокойства моей армии. Я помню, что ты прибыл в Замбулу в сопровождении некоторых из этих шанки... и мне искренне не хочется уничтожить их всех до единого, хотя и ты, и я — оба знаем, что я могу это сделать. Я буду говорить с тобой и с Испараной наедине.

Испарана еле слышно произнесла:

— Не верь ему!

Конан сказал вслух:

— Я ему верю.

— Господин Хан... — начал капитан Хамер умоляющим тоном.

Актер взмахнул рукой, выказывая некоторые признаки гнева.

— Довольно! Вы покинете этот зал и останетесь поблизости в коридоре, капитан, ты и твои люди. Я готов стерпеть некоторое неуважение со стороны этого могучего воина, Хамер, который считает, что я предал его. Но я не стану спорить с тобой, человеком, которого я назначил на пост только потому, что он — брат одной из бывших пл... любовниц. Помни: оставайтесь рядом за дверью; и так уже достаточно моих Шипов покинуло дворец, чтобы помешать этим крысам пустыни на их паршивых верблюдах внезапно атаковать ворота!

И Актер-хан снова перевел взгляд с Хамера на Конана.

— Ваше оружие? Ты же понимаешь, что я не могу позволить вам остаться здесь наедине со мной и с оружием в руках.

— Я понимаю. Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его палатах, имея при себе оружие.

— Ко-нан... — сделала еще одну попытку Испарана.

Конан обратил на ее увещевания не больше внимания, чем Актер на мольбы Хамера. Восседающий на троне сатрап империи Турана и семнадцатилетний юноша-горец из Киммерии, словно два могущественных властелина, пристально глядели в глаза друг другу — пока Конан нагнулся и клал на пол оба своих длинных клинка. Он некоторое время колебался, не отводя взгляда от глаз Актера, потом положил туда же и оба кинжала. Хан и двенадцать замбулийцев наблюдали за ним, затаив дыхание; воздух в просторной комнате, казалось, сгустился от напряжения.

— Испарана, — сказал Конан.

— Конан... мы только что...

Он оторвал взгляд от лица Актера на достаточно долгое время, чтобы дать ей почувствовать жар этих вулканических голубых глаз, пылающих на его суровом лице. Она уставилась на него в ответ и попыталась выразить взглядом разумную мольбу.

— Я безоружен, Хан Замбулы, — произнес он, не отрывая глаз от Испараны. — Поскольку эта замбулийка отказывается, пусть она покинет зал вместе с Хамером и его колючей командой.

Теперь ее взгляд был исполнен мрачайшей угрозы — и она, медленно и с неохотой, повторила действия киммерийца. Четыре меча и четыре кинжала лежали на гладких плитах пола. Конан оставался в полусогнутом положении, готовый подхватить длинный и короткий клинки.

Хамер снова взглянул на своего хана — с надеждой. Его люди были наготове. Слово, знак — и они выхватят мечи и бросятся, чтобы пролить кровь этой бывшей воровки из их города и этого громадного, рычащего-мрачного, надменного чужестранца, от которого их хан принимал намеренное пренебрежение. Конан, вдруг осознав, что сдерживает дыхание, выдохнул, снова втянул в себя воздух, выпустил его; ему потребовалось направлять эти действия усилием воли.

— Капитан Хамер, — сказал Актер-хан, и мускулы Конана напряглись — как и мускулы свирепо глядевших на него охранников, — оставь нас.

Конан заставил себя расслабиться — чуть-чуть.

— Ты пойдешь последним, капитан, — продолжал Актер-хан. — Возьмешь эти их клинки.

Десять человек колонной промаршировали мимо Конана и Испараны; все их движения были настолько проникнуты контактом ненавидящих глаз и напряжением, что казалось, будто они длятся целые часы. Глаза киммерийца встретились с глазами Хамера.

— Будь так добр, отойди в сторону, Конан, — крикнул хан.

— Нет. Сначала ее клинки.

Испарана запротестовала. Конан, не отрывая взгляда от шемитского стражника, продолжал настаивать. Теперь он стоял, выпрямившись; если бы капитан начал сейчас вытаскивать меч из ножен, внезапный бросок и сокрушительный удар коленом и предплечьем заставили бы его распластаться на полу. И тут бы все началось: его люди, толпясь и пихаясь, бросились бы обратно в зал...

— Испарана! — рявкнул Конан. — Отойди!

Испарана с подергивающимся лицом повиновалась. Капитан, приблизившись на два шага, поставил ногу на ее кинжалы и разделил их. Потом этой же ногой он один за другим отправил их в коридор. За ними последовал ее меч. Второй ее меч. Ожидющие не отводящие от этой сцены глаз вооруженные люди подняли их; двое при этом спрятали в ножны свои собственные клинки.

Хамер посмотрел на Конана, и их глаза встретились. Киммериец отступил на один шаг в сторону.

— Мои кинжалы, — сказал он и проследил за тем, как шемит делает осторожный шаг и потом толчком ноги посылает один из ножей вслед за остальными клинками. Второй кинжал последовал за первым — раньше он принадлежал Балтаю.

Прошла целая минута, прежде чем оба меча Конана оказались в коридоре. Он был уверен в том, что Испарана и Хамер почувствовали в эту минуту, как возрастает их напряжение. Для него самого это был критический момент; его собственное напряжение уменьшилось. Только он знал, что если Актер произнесет слова предательства и Хамер начнет вытаскивать свой меч, то пах капитана пронзит боль, а его лицо окажется разбитым всмятку. Конан ждал. Капитан ханской охраны, опустив руку на рукоять меча и отступив на два шага, повернулся и вопросительно взглянул на своего повелителя. Конан, слегка позвякивая доспехами и едва слышно ступая по полу обутыми в башмаки

ногами, сделал два шага вперед, по направлению к Хамеру.

— Капитан Хамер... убирайся... вон.

Прежде чем хан успел договорить последнее слово, Конан промчался на десять шагов вправо, потом вперед и остановился. Теперь он был на таком же расстоянии от хана, что и Хамер, и далеко от одетых в мундиры шемитов.

Капитан — на лице которого дурные предчувствия смешивались с желанием убить, заявлявшим о себе блеском глаз, — проследовал за своими Хилайим прочь из зала.

— Закрой двери, — скомандовал Актер-хан.

— Мой господин Хан...

Актер-хан вскочил на ноги и ткнул пальцем:

— Закрой двери!

Казалось, хан в конце концов сошел с ума. Возможно, виной тому было его хорошо всем известное пьянство. Он отдал приказ, и тринадцать человек были тому свидетелями. Его действия граничили с самоубийством — и это после того, как он жестоко оскорбил и унизил Хамера перед его собственными солдатами и врагами. Хамер мысленно пожал плечами. Если этот проклятый пьяница, его хан, которого называют Заколотым Быком, желает совершить самоубийство... пусть. Он сделал знак.

Капитан Хамер самолично принял участие в закрытии дверей.

Это было сделано.

Двое воров были одни в тронном зале с Ханом Замбулы.

Они были безоружны, и оба полностью отдавали себе отчет и в этом, и в том, что совсем рядом, по другую сторону этих открывающихся дверей, толпятся вооруженные солдаты. Конан сосредоточился на своем дыхании, упорно не позволяя своему взгляду перескакивать на меч с красиво отделанной самоцветами рукоятью, висящий на стене слева от трона. О да, он

знал, что этот меч висит там. Возможно, Актер-хан думал, что он забыл о нем или не заметил его. Возможно, он думал, что Конан отметит положение меча и утратит бдительность. Но Конан был не из таких; он помнил, что Актер-хан — левша.

Напряжение висело над тишиной просторного зала, словно смертоносный орел, парящий над своей осторожной жертвой.

Хан сообщил Конану, что его план вступил в силу. Все началось.

За стенами города шанки выполняли свою часть плана. Солдаты из гарнизона преследовали их; люди из дворца стояли у ворот, далеко отсюда. Неизвестно где Балад и его войско двигались по направлению ко дворцу. А во дворце — Конан и Испарана стояли перед Актер-ханом, наедине с Актер-ханом, и Конан знал о мече, на который он не смотрел. Не смотрел на него и Сатрап Замбулы.

«Ему никогда это не удастся», — думал киммериец. Он, Конан, будет там прежде, чем Актер успеет наполовину вытащить меч из его богато украшенных ножен.

Если уж на то пошло, то киммерийцу лучше было бы самому придвинуться поближе к оружию. Возможно, Актер спрятал какой-нибудь меч в этом своем парадном троне с высокой спинкой. А эта расширяющаяся книзу мантия шахпурского пурпура могла скрыть под собой какой угодно кинжал. «Нет, — думал Конан, — мне не нужно бояться этого меча на стене; если кто-то и пустит его в дело, то это буду я».

Конечно, стражники все еще ждали совсем рядом с высокими дверьми...

— Испа, — позвал Конан, не отрывая взгляда от хана, — опусти перекладину на двери.

Актер-хан только улыбнулся и откинулся назад, и Испарана опустила огромный, снабженный противове-сом брус в скобы, прикрепленные к дверям по две с каждой стороны. Теперь слегка улыбнулся Конан, пы-

таясь представить себе лицо капитана и то, что будет твориться в его мозгу, когда он услышит, как его полностью отрезают от его хана.

Да, в эту самую минуту славный шемитский капитан должен быть как нельзя более обеспокоен!

Вопрос был в том, почему улыбался Актер-хан.

Знал ли он о том, что бурлило у Конана в уме?

— Итак, киммериец. Ты видел меч Зафры.

— Я видел его. Я смог ускользнуть от него и победить его. Я использовал его. Брат твоей прежней потаскухи только что вытолкнул его в коридор.

Пальцы хана сжались на подлокотниках трона. Это инстинктивное движение не ускользнуло от взгляда Конана.

— Этот меч, — выдохнул Актер-хан. — Ты...

Конан кивнул.

— Ах, так. — сказал Актер, — И Зафра...

— ...направил его против меня. Я уклонился от него, и выскочил из комнаты, и закрыл за собой дверь, — сообщил Конан, отмечая без особого беспокойства, что здесь у него под рукой не было ничего похожего на светильник, который он использовал, чтобы отразить направляемую волшебством сталь.

— Пока я держал дверь, чтобы она не открылась, меч Зафры продолжал свое дело. Он выполнял то, что ему было приказано. Зафра сказал, что он должен был убить. Он и сделал это... в то время, когда был в комнате наедине с Зафрой.

Услышав о смерти своего подопечного, своего советника, своего высокоценимого молодого мага, которого он сделал Волшебником Замбулы, Актер-хан зажмурился и заскрипел зубами. В конце концов ему удалось овладеть собой, и он открыл глаза и рот. Его голос был очень мягким.

— Очень... ловко с твоей стороны. У Зафры не было способа защитить себя от своего собственного заклинания?

— Об этом я ничего не знаю, — пожимая плечами,

ответил Конан. — После того как я выскочил из комнаты, там остался только один человек — и меч, которому был отдан приказ. Зафра сказал, что меч не остановится, пока не убьет. Он приказал: «Убей его». Зафра, а не я, стал «им».

Актер-хан вздохнул.

— Мне будет не хватать его, хотя это был человек, которому я никогда не мог доверять. Полностью — никогда. Без Испараны — которой мне не следовало доверять, — я прекрасно могу обойтись.

— Попробуй пройти мимо меня, чтобы добраться до нее, Хан Замбулы.

— Да, это я, — многозначительно, нараспев протянул Актер. — Я — Хан Замбулы. Некто по имени Балад, и с ним кучка недовольных изменников противостоят мне, и им никогда не одержать победы. Ты там, в пустыне, подружился с шанкийскими варварами, и теперь они выступили против Замбулы. Я — Хан Замбулы.

Конан внимательно следил за тем, чтобы его лицо оставалось бесстрастным. «Да, ты — хан, Актер, в этот час, в эту минуту. Ты еще не связал воедино Балада, меня и «атаку» шанки, ты связал только шанки и меня. Продолжай тратить время на меня, Хан Замбулы, — продолжай оставаться глупцом».

Актер-хан улыбнулся.

— Да, я — Хан Замбулы. А ты... бедный варвар. Как мало ты знаешь. Это просто хорошо развитые мускулы и умение владеть мечом, ведь так?

— Это правда, гением меня не назовешь. Всего несколько дней назад я уставал и злился, когда вы, выросшие в городах шакалы, которые думают, что стены вокруг собранных в кучу домов создают нечто, именуемое ими «цивилизацией», — когда все вы называли меня варваром. Теперь я совершенно не зол; я горд. Называй меня варваром. Я убиваю в честном бою, но никогда — из-за угла. Ты, Хан Замбулы, убиваешь исподтишка. Как видишь, я учусь.

— Ты учишься, парень с холмов... чего бы там ни было. Но, Конан, ты узнал недостаточно — и недостаточно быстро. Без тебя я преспокойно обойдусь.

Конан только посмотрел на него свирепым взглядом. Он заставлял себя расслабиться и быть готовым ко всему. Он не смотрел на Испарану. Независимо от того, в какую сторону сделает движение Актер, он, Конан, прыгнет прямо к мечу на стене. Ему незачем было бояться этого меча; бояться нужно было хану, считает он так или нет.

— Зафра сказал тебе, Конан, что меч не разбирается ни в родах, ни в местоимениях и не останавливается до тех пор, пока не убьет, — после чего нужно только приказать ему снова? Для него и Испарана, и ты — это «его».

Киммериец дерзко пожал плечами.

— Что бы это все ни значило — какая от этого польза? Меч не прорвался бы сквозь эти двери, даже если бы Зафра был жив, чтобы отдать ему приказ. Но Зафра мертв.

Конан не видел причин говорить Актеру, что меч, вероятно, повиновался — повиновался и в тот раз, не заботясь о том, кем была его жертва, — только покойному колдуну. А между тем... почему Актер был так уверен в себе, почему казалось, что он торжествует?

«Что он планирует? Что знает он такое, чего не знаю я?»

Конан глянул на стену справа от себя. Он знал, что эта дверь вела в комнату Зафры. Возможно, капитан собирался... — нет. Конан был уверен, что хан и Хан-Хилайим не обменялись никаким сигналом; и у них не было оснований полагать, что он и Испарана, вырвавшись с боем из подземелья, направятся к этому залу, а не к ближайшему выходу. Тем не менее, киммериец подошел на шаг ближе. К Актер-хану. К мечу на стене.

Он попытался послать свои мысли на поиски. Он не мог внимательно осмотреть комнату, потому что не

осмеливался отвести глаза от вероломной кровожадной мрази, оскверняющей трон, который она занимала. Что придавало Актеру такую уверенность в себе? Почему он улыбался? Почему он был в состоянии улыбаться? Он хотел остаться здесь наедине с Конаном и Испараной не для того, чтобы спросить об атаке шанки, как он сказал; он не боялся этой атаки и не подозревал, что это был обманный маневр, результат трехстороннего плана, составленного Конаном, Баладом и Хаджименом. Конан и Испарана были нужны ему здесь по другой причине. По какой? Почему он улыбался? Это была торжествующая улыбка. Почему — и как?

Конан не знал. «Актер прав», — думал киммериец. Он молод и знает недостаточно. Его ум недостаточно изворотлив, хотя он считал себя блестящим стратегом, составляя план, который должен был опрокинуть этого пьянствующего, вероломного правителя. Актер был прав. Оружием Конана были быстрота, и сила, и меч, а не мозг.

Ему оставалось только ждать — напряженно приказывая своему телу не напрягаться, — пока он узнает, какая хитрость может быть в запасе у Актер-хана. Что он прячет за спиной... может быть, в буквальном смысле? Кинжал? Неважно. Этот человек не сможет бросить его быстрее, чем может двигаться киммериец. К тому же практически невероятно, чтобы он умел метать кинжал так же, как Испарана; и он не был в достаточной степени мужчиной, чтобы попытаться вступить в бой с рослым и мускулистым юношей, которого он так бойко называл «варваром». Терпение Конана было далеко не безграничным, далеко не таким, каким оно станет в более зрелые годы, — если он переживет нынешний день.

Он начал медленно подходить к возвышению, и к стоящему на нем трону из мерцающего серебром фруктового дерева, и к сидящему на этом троне человеку в фиолетовой мантии.

— Ах, Конан, Конан! Видишь ли, варвар... видишь ли, Зафра наложил заклятие Склоса на два меча.

И хан улыбнулся, почти сияя.

— Конан! — встревоженный крик Испараны.

Взгляд Конана немедленно метнулся к висящему на стене спрятанному в ножны мечу и застыл на нем. В этот миг киммериец понял, что он пропал, что он погиб, а в следующий — подумал, что может спасти хотя бы Испарану. Меч ведь не различает родов и местоимений, а? Значит, он убьет их, одного за другим, получив два приказа... если только она не откроет двери, и стражники капитана Хамера не ворвутся толпой в зал, окружая ее со всех сторон. Станет ли тогда меч, убив Конана, набрасываться на них, словно коса на заманчиво раскинувшееся хлебное поле?

— Спарана! Открой дверь!

— Конан! Меч...

— Убей его.

На теле киммерийца выступил пот и побежал по его бокам, заструился по лбу. Глаза Конана не отрывались от прикрепленного к стене меча, окутанного заклятием меча, который должен был стать его окончательной гибелью, пережив человека, заколдовавшего его и встретившего свою собственную гибель. Конан смотрел на меч. Голубые глаза киммерийца были словно прикованы к усаженной самоцветами рукояти тяжелыми цепями.

Миг жгучего напряжения растянулся. Конан ждал, и все его тело дрожало мелкой дрожью. Он смотрел на меч.

Тот не шелохнулся.

Это был просто меч, висящий в ножнах на золотых скобах на стене тронного зала. Как висят тысячи других во всем мире...

— Убей его! — на этот раз хан заговорил немного громче. Его требование граничило с просьбой.

Испарана стояла, застыв в неподвижности у огром-

ных запертых дверей, подняв руки на уровень противовеса, повернув голову, устремив взгляд на меч.

Меч не шелохнулся. Ладони Актер-хана стиснули резные львиные головы на подлокотниках его высокого трона, и, когда он резко обернулся, чтобы взглянуть на меч, костяшки его пальцев были белыми.

— Убей его! Убей его!

— Опусть брус, Испарана.

Брус с грохотом упал на свое место. Хан уставился на того, кто бросил ему вызов. Меч продолжал висеть на стене.

— Актер-хан — собственный меч Зафры повиновался ему, но не мне.

Пот затекал Конану в глаза и заставлял его жмуриться и дергать головой. Киммериец жалел, что не может присесть. Он чувствовал озноб. Напряжение оставляло его; пот улетучивался.

— Либо заклятие потеряло силу вместе с его смертью, либо...

— Эта вероломная собака!

По залу раскатился нервный женский смех.

— Господин Хан? Тебе не приходит в голову, что, хотя ты превосходно судишь о людях, но, тем не менее, ты учишься чересчур медленно? Ты мог бы доверять нам. Получив награду, мы были бы счастливы и преданны. Зафре ты доверять не мог!

Актер припомнил... в подземелье, когда он подозвал к себе Балтая... и направил меч на эту аквилонийскую девушку, Митралию. Зафра отступил назад, встал рядом с ним, но за его спиной. Актеру показалось, что он услышал его быстрый свистящий шепот, но тут чудесный меч бросился вниз, в подземелье, чтобы выполнить его, Актера, повеление — так он думал, — и он, восхищенный, окрыленный, перестал обращать внимание на что бы то ни было. Его повеление? Нет! То, что он слышал, должно было быть голосом, тихо произносившим: «Убей ее»... или «его».

Теперь он смотрел на двоих, вторгшихся в его

тронный зал, двоих, которых он приказал оставить наедине с собой, двоих, которым он даже в своей самонадеянности и уверенности в Мече Склоса позволил запереть двери, — и внезапно он почувствовал себя очень одиноким на своем троне и словно ссохся под своей мантией.

— Не зови своих людей, Актер-хан, — сказал Конан, приближаясь при этом к трону. — Ты будешь задушен и начнешь разлагаться к тому времени, как им надоест пытаться разрубить дверь мечами и они пошлют за топорами или тараном. И что это даст тебе?

Конан шагал к восседавшему на возвышении хану, и в этот момент по другую сторону громадных запертых дверей слышались звуки: крики и лязг оружия.

21. ТРОН ЗАМБУЛЫ

Конан остановился на расстоянии двух длин своего тела от возвышения, на котором стоял трон Замбулы, и уставился на огромные двери, как уставились на них Испарана и Актер-хан. Снаружи, в коридоре, люди выкрикивали проклятья, предупреждения, угрозы. Люди кричали и громко стонали, получая ранящие их удары. Доспехи бряцали и лязгали. Острые клинки со звоном отлетали от шлемов, доспехов и других острых клинков. Один с глухим стуком врезался в дверь: кто-то собирался нанести могучий удар, а его предполагаемый получатель увернулся. Опыт Конана подсказал ему, что дерево, из которого сделана эта дверь, удержало клинок, и киммериец решил, что тот человек, который нанес этот несчастливый удар, уже мертв или ранен, потому что в бою нескольких секунд беспомощности было достаточно. Возгласы и лязганье стали продолжались. Теперь киммериец был уверен, что слышит меньше воплей, меньше криков боли или тревоги и — да, слышит меньше ударов клинков.

А потом их стало еще меньше. Кто-то упал на

дверь. Конану был знаком звук, который он услышал потом: безжизненное тело медленно соскользнуло вдоль створки дверей на пол. И потом наступила тишина.

Конан взглянул на Испарану и увидел, что она смотрит на него.

— Балад, — пробормотал он.

Кулак — нет, определенно рукоять меча — забарабанила по двери, которая почти не заметила этого благодаря своей толщине, высоте и мощи. Огромная перекладина даже не задрезжалась.

— Актер! — взревел чей-то голос, и Конан узнал его. — Твои стражники убиты или сдались, Хан-Хилайм больше не существует. Хамер лежит тяжело раненный. Иабиз давно уже сдался и предложил присоединиться ко мне и служить мне! Это Балад, Актер; помнишь меня, твоего старого друга? Дворец наш. Открой двери, Актер-р-р!

В течение долгого времени Актер, некогда хан, сидел в оцепенении, глядя на резные двери.

Конан неторопливо прошел мимо него, без труда снял меч со стены и начал было пристегивать ножны к своему поясу, но тут же остановился, нахмурившись, а потом отшвырнул спрятанный в ножны Меч Скелоса. Тот с лязгом заскользил по розовым и красным плиткам пола и остановился в нескольких футах от запертой входной двери.

Актер даже не взглянул на киммерийца. Он смотрел на двери, по которым снова с грохотом ударила рукоять меча.

Наконец, очень тихо, он сказал:

— Открой двери.

Испарана, не так тихо, сказала:

— Нет.

И зашагала прочь от высокого портала и лежащего перед ним меча в ножнах.

Актер какое-то время смотрел на нее, потом повер-

нул изнуренное лицо к Конану. Киммериец стоял, сложив руки на груди, и спокойно глядел на него.

— Конан...

— Нет, Актер-х... Актер. Ты сам поднимешь перекладину. То, что ты причинил зло девочке-шанки, было твоей великой ошибкой. То, что ты причинил зло Испаране и мне, — предпоследней. То, что все твои надежды основывались на вере в этот заколдованный меч, — последней. Я понятия не имею, скольким людям ты причинил зло, скольких ты убил в дополнение к девушке-шанки или скольких разорил. Но... пришло время тебе расплатиться. Ты перестал быть сатрапом, Актер, ты перестал быть ханом — перестал править. Ты сам откроешь двери тем, кто представляет народ, который ты оплевывал и топтал ногами.

В течение долгого времени Актер продолжал смотреть на Конана. В этих темных глазах не пылала ненависть или гнев; казалось, они умоляли. Потом голова в короне медленно повернулась снова к деревянному portalу, отделяющего его от тех, кто сверг его. И опять множество долгих секунд поползло улитками, пока он невидящим взглядом смотрел на дверь, погруженный в мысли о поражении. И об угрызениях совести? Конан в этом сомневался.

Актер поднялся, тяжело оттолкнувшись обеими руками от подлокотников своего парадного трона, и по ступенькам спустился с возвышения на вымощенный плитками пол. Машинально сжимая в левой руке несколько складок своей мантии, он прошагал — почти проскользил эти пятьдесят футов. Поколебавшись всего несколько мгновений, он поднял небольшой рычаг, который, в свою очередь, заставил подняться огромный брус, перекрывавший створки дверей. Потом Актер повернулся, взглянул на Конана и Испарану и на лежащий на полу поблизости меч и направился назад к своему трону. Конан взглядом проследил за тем, как он поднимается по ступенькам

походкой старого, усталого человека, поворачивается и тяжело опускается на свой высокий трон. Спустя еще мгновение Актер поставил ступни ног вместе, опустил локти на подлокотники кресла и выпрямился.

Конан был поражен мужеством и достоинством этого человека. «Правда, сам я поднял бы этот меч и встретил бы их, как воин, чтобы пасть в бою, — подумал Конан. — Но ведь я не король и не сатрап, и во мне нет королевской крови. В Актере она есть — и у него есть достоинство». Киммерийцу не очень-то нравилось, что на него произвел такое впечатление этот человек — такой человек, — но не в его характере было испытывать в данный момент какое-то другое чувство.

Актер-хан отдал свой последний приказ:

— Войдите.

Обе высокие створки распахнулись настежь под напором вооруженных людей в доспехах, которые не ввалились шумной толпой в тронный зал, а остались стоять в дверях, и в самом их центре был одетый в кольчугу Балад. Его голова была не покрыта, но мокрые пряди волос свидетельствовали о том, что он только что снял шлем, который носил в сражении.

В тронный зал влетело стройное женское тело в лохмотьях шелка. Оно приземлилось с мягким глухим стуком, его шея безвольно мотнулась, и глаза Тигрицы Чиа, казалось, устали на ее хозяина.

Балад поднял руку; в ней был лук с наложенной на тетиву стрелой. Он поднял другую руку, быстро прицелился — и послал стрелу в человека на троне. Актера отбросило назад, к спинке его большого кресла, и он крикнул; потом, цепляясь пальцами за подлокотники, поднялся на ноги. Балад снова отпустил тетиву. Позади него приверженцы замечались, и на некоторых лицах отразился ужас. Вторая стрела вонзилась в тело Актера с хлопаящим глухим звуком.

Два тонких древка с серо-белыми перьями торчали теперь из его живота.

— Балад! — взревел Конан. — Он открыл тебе двери — он сидел с достоинством короля! Он даже не вооружен! Это не честный бой — это бойня!

Он пылал яростью, и Испарана не видела ничего красивого в его лице.

— Солдаты! Будете ли вы продолжать следовать за ханом-убийцей? Кто же клянется на верность человеку, который завоевывает престол и убивает его обладателя не в поединке и не в бою, а предательски — на расстоянии?

И солдаты зашептались между собой. А Балад перевел свой блестящий взгляд на киммерийца, который стоял совсем один.

Встревоженная Испарана предостерегающе сказала:

— Ко-нан...

Балад и Конан мерили друг друга свирепыми взглядами, а Актер в это время осел, скатился по ступенькам, ведущим на возвышение, и остался неподвижно лежать на плитках пола.

— Конан? Я теперь хан! Хан Замбулы! — Балад воздел вверх руки, одна из которых сжимала оружие убийства. — Ты должен будешь получить награду, приятель!

— Актер, — сказал Конан, — правил, как скотина, но он был правителем и только что доказал это. Он сидел, как король, готовый принять свое смещение, — и был убит, как преступник, человеком, который пустил в ход оружие, действующее на расстоянии, оружие труса или самого подлого охотника!

Балад сделал несколько шагов вперед, входя, как хозяин, в тронный зал, на который заявлял права. Он небрежно поставил ногу на кончик ножен заколдованного меча, взглянул на Конана и заговорил голосом, который казался еще более зловещим из-за того, что был таким спокойным.

— Не говори со мною так, Конан. Это чудовище

заслуживало только смерти, и у нас нет времени на судебные процессы! Нужно столько всего сделать для Замбулы! Что касается тебя, Конан, чужестранца, но верного помощника, — как будет звучать для твоих ушей пост личного телохранителя Хана?

Испарана смотрела на Конана, закусив губу. Балад смотрел на него и ждал, и в нем уже чувствовалась холодная надменность правителя. Конан отвечал ему хмурым взглядом. Солдаты в доспехах, вооруженные и окровавленные, ждали в широком проеме дверей.

Наконец Конан сказал:

— Я не стану охранять твое тело, Балад. Ты встретил меня ложью, боясь даже сказать мне, что это был ты, а не какой-то Джелаль. Ты смог захватить дворец благодаря мне и Хаджимену и его воинам на верблюдах. Когда мне понадобится престол, я тоже убью ради него, — но только если у правителя будет в руках клинок. Я присоединился к тебе, чтобы выступить против несправедного убийцы — и я не стану теперь охранять убийцу!

В огромном зале снова, как свинцовые тучи, повисли напряжение и тишина.

Потом Балад, на скулах которого перекачивались тугие желваки, поднял руку, чтобы достать из-за плеча еще одну стрелу.

Он вытаскивал ее из колчана, когда его глаза покинули лицо Конана и уставились на что-то за его спиной. Конан обернулся, чтобы бросить взгляд, и задержался, чтобы взглянуть более внимательно. Распахнулась дверь. На полу появилась ладонь. В тронный зал, помогая себе правой рукой, вполз окровавленный Зафра. Глаза Конана расширились, округлились и потемнели, а на его затылке зашевелились волосы. Он медленно отступил прочь, так, чтобы видеть и Зафру, и Балада, поворачивая только голову.

Голос Зафры был не громким, прерывающимся, скрипучим. Он возвышался и затихал короткими не-

ровными порывами между приступами боли. Зафра лежал на боку, и его левая ладонь была прижата к окровавленной груди.

— Человека, настолько... искушенного в... волшебстве, как я... не... не так-то... не так-то легко убий-и-и-ть, ким-мериец. Нам следовало быть союзниками-ми... Балад, ведь так? — даже распростертый на полу, истекающий кровью, несомненно умирающий человек мог насмехаться. — Только заклятие... наложенное давным-давно-о-о... удерживает меня в живых, чтобы... чтобы посмотреть на тебя, Бала-ад. Балад на этом т-троне? Даже... этот пес Ак... был бы лучше! Уб-бей... его.

Где-то в зале вскрикнул солдат, подобранный трофей, и этот крик оборвался жутким хрипом, когда меч Зафры безошибочно нашел его сердце. В то же самое время меч на полу выскользнул из ножен, на которые опиралась нога Балада. Тот так и не шевельнулся, застыв во время доставания другой стрелы, которая должна была оборвать жизнь и успокоить язык киммерийца. Но теперь именно Балад умолк навеки, потому что у меча совсем рядом была жертва, и ему не пришлось принимать решение; он поднялся, выровнялся в воздухе и, как искусно брошенное копьё, вонзился в грудь ближайшего к нему человека.

Конан увидел, что он ошибся в одном своем предположении: убив, каждый меч бездействовал, пока ему не приказывали снова. Зафра, лихорадочно глотая воздух, лежал на полу; Балад лежал неподвижно, и над его телом стоял Меч Скелоса.

В зловещей тишине киммериец прошел через широкий зал к пораженной ужасом кучке людей у двери. Они убили короля; человек, которым его хотели замечить, пережил его лишь на какие-то минуты.

— Ну-ка, дай мне это, — сказал Конан и выкрутил меч из вялых пальцев одного из сторонников Балада прежде, чем тот смог очнуться.

Конан не пошел обратно; он подбежал к обмякшей фигуре Зафры, и теперь все наблюдали за тем, как этот варвар с Севера взмахнул позаимствованным мечом над головой. Зафра смотрел на него снизу вверх.

— Уб-бей... — судорожно выдохнул колдун, и Конан сделал это.

Ему пришлось ударить дважды, и на второй раз меч со звоном ударился об пол, высекая из него искры. Голова волшебника Замбулы еще не прекратила своего омерзительного вращения по полу, когда Конан резко обернулся и заговорил.

— Я предлагаю вам сжечь это, — сказал он. — С этими волшебниками осторожность не помешает.

Он помолчал еще одно долгое мгновение, потом заговорил снова.

— Мне не нравится ваш город, и я покину его и буду клясться, что никогда даже не слышал о нем. Что ж, что случилось со всеми вами, brave защитниками Замбулы? Трое негодяев лежат мертвыми, и по справедливости, и Замбула и весь мир будут чувствовать себя гораздо лучше без всей этой троицы! Неужели никому не придет в голову сказать... да здравствует Джунгир-хан!

Через мгновение Испарана выкрикнула эти же самые слова, а потом кто-то в коридоре — это был визирь Хафар, — и вслед за ним другие подхватили этот клич, и вскоре это был хор, отдающийся эхом по всему городу, пока Хафар и Испарана разыскивали мальчика, который стал Ханом Замбулы. По пути они договорились; ни один из них так и не рассказал ему, как один чужестранец сделал его королем и Сатрапом Империи.

* * *

Могучий молодой человек сидел верхом на лошади, к седлу которой был привязан повод пяти тяжело нагруженных вьючных животных. Его окружали люди на верблюдах. Все они были одеты в белые каффии и

халаты поверх красных шаровар, и все смотрели сверху вниз на женщину, которая подошла к всаднику.

— Что у тебя на вьючных лошадях, Конан?

Киммериец улыбнулся и взглянул через плечо на своих животных.

— Привет, Испа. Вода, которой, надеюсь, хватит, чтобы доехать до Заморы или этого оазиса, как он там называется. И... несколько безделушек, которые я... подобрал. Я боялся, что Джунгир-хан может забыть награждать меня за ту службу, что я сослужил его отцу, когда вернул ему тот амулет! Ты же знаешь, нам пообещали награду.

Она улыбнулась ему мимолетной, измученной улыбкой, потом сказала:

— Он хорошо переносит смерть своего отца. Он заверяет Хафара и меня, что простит заговорщиков, если они принесут ему клятву на верность. Боюсь, нам пришлось убедить его в том, что Балад был колдуном, подчинившим их всей своей воле... и никто не упомянул при нем о некоем киммерийце.

— Мы с ним никогда не видели друг друга. Надеюсь, что и не увидим. Мне не нравится его поганный город и его поганный, плетущий заговоры народ, и я уверен, что мне не смог бы понравиться никакой сын Актер-хана, даже если бы его шаги направляли ты и Хафар. А насчет того, что он всех простит и никогда не станет никого карать... я поверю, когда увижу это, — сказал Конан, потому что он еще немного повзрослел, и встретил еще несколько королей и неудавшихся королей, и стал немного мудрее. — Лучше бы они седлали лошадей и ехали, ехали, ехали. — Испытывая некоторую неловкость, он потянул за повод, и его вьючные лошади зашевелились. Он, сузив глаза, наблюдал за тем, как смещаются тюки на их спинах. — Мне бы очень не хотелось, чтобы они соскользнули. Мы с Хаджименом уезжаем, Испарана. Я, может быть, задержусь у них на день или два. Шанки — самый лучший народ из тех, что я

встретил за этот год, а я встретил слишком многих. Ты знаешь, никто не присматривает за конюшнями. Там много прекрасных животных. Я беру только шесть, и Хаджимен настаивает, чтобы я принял от него одного или двух верблюдов. Оседлать еще одну лошадь — для тебя?

— Значит, ты действительно уезжаешь.

— Да. Я предпочитаю места, подобные Шадизару, где человек знает, что ему делать: все открыто порочны и признают это, и поэтому никто не устраивает заговоров и не прикидывается!

Она улыбнулась — с легким сожалением.

— Какой же ты мужчина, Конан из Киммерии.

— Какая же ты женщина, Спарана.

Они долго смотрели друг на друга; потом она сказала:

— Хафар называл меня Соратницей Хана, и вся знать подтвердила этот титул. Я — первая женщина Замбулы, Конан. Боги, как нам нужен генерал, который не был бы ничем обязан никакой группировке! Возможно, могучий чужестранец.

Конан сжал губы, приподнял брови, подумал. И покачал головой.

— Только не в Замбуле! Только не я! Действительно, что за женщина... а вообще, сколько тебе лет, Спарана?

— Двадцать и шесть, — ответила она так свободно, что он был уверен: она говорит правду. — А сколько лет тебе, Конан, тебе, кто может отказаться от того, чтобы быть генералом и... чем-то большим для меня?

— Восемнадцать, — сказал он, продвигая свой возраст за следующий день рождения, и развернул лошадь. Шанки ждали его, сидя на верблюдах, обрадованных тем, что можно стоять спокойно. Лошади непрерывно хлестали себя хвостами по бокам, отмахиваясь от мух. Конан оглянулся вокруг.

— Хаджимен?

— Я готов, — отозвался шанки.

Конан взглянул на Испарану.

— Едешь?

— Восемнадцать!

— Ну... почти.

Она потрясла головой. Жемчужины сверкали в ее волосах и на ее широкой нагрудной повязке из желтого шелка.

— Почти восемнадцать, — выдохнула она. — Каким же мужчиной ты станешь.

Конан напряженно улыбнулся.

— Раньше ты сказала «какой же ты», Испарана, а теперь говоришь «каким же ты будешь». Значит, ты не едешь. Прощай, Испарана. Я рад, что тебе не удалось убить меня.

— Я не так уверена, — мягко сказала она.

Конан рассмеялся.

— И ради чего? Ради амулета, который должен был защитить Актер-хана? Он оказался замечательно эффективным, не правда ли? То, что мы привезли Актеру этот амулет, защитило его — прямо в гроб! О боги, спасите меня от подобных амулетов.

— Конан... как ты думаешь, ты когда-нибудь вернешься в Замбулу?

— Спарана... — он обернулся и взглянул на Хаджимена. — Послушай меня, Хаджи. Я клянусь киммерийским Кромом и замбулийским Эрликом и шанкийской Тебой, что я никогда даже не признаюсь, что был в Замбуле! Это обет! Я буду отрицать, что побывал здесь. Я забуду о Замбуле так быстро, как только смогу. И об этом проклятом Глазе Эрлика тоже!

— И обо мне.

Она казалась маленькой, Соратница Хана, стоя на земле в то время, как Конан восседал на лошади из личных конюшен хана.

— И о тебе, Испа. Если когда-нибудь я забудусь и все-таки вернусь в Замбулу, Испарана, нянька и Со-

ратница Джунгир-хана, ты будешь покрытой морщинами матерью нескольких детей. Можешь быть уверена.

Голубые глаза долго вглядывались в карие, и он увидел, как карие глаза подернулись пеленой, и вздрогнул, словно просыпаясь.

— Хаджимен! — окликнул Конан и дернул повод своего скакуна.

Она стояла и смотрела, как он уезжает прочь.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Брайан ЗОЛОТО ГНОМОВ. Роман. (Перевод Е. Хаецкой) . . .	5
Лин Картер и Л. Спрэг де Камп ВЕТРЫ АКВИЛОНИИ. Новеллы. (Перевод А. Чеха)	119
Гиперборейская колдунья	121
Черный сфинкс Нептху	152
Алая луна Зимбабве	186
Тени Каменного Черепа	216
Роберт Говард и Эндрю Оффут МЕЧ СКЕЛОСА. Роман. (Перевод И. Куцковой)	239

Литературно-художественное издание

КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Владислав Асадулин*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Корректоры: *Людмила Быстрова, Виктория Листова*
Верстка *Антонины Помазовой*

Подписано к печати с оригинал-макета 21.06.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Бумага тип. № 2.
Печать высокая. Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150 001—300 000 экз.).
Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 273. Заказ № 217. С 273.

Издательство «Северо-Запад»,
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Уральский рабочий».
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.